

Annotation

На одной из тихих улиц Монмартрского холма нашли прибежище Янна и ее дочери Розетт и Анни. Они мирно и даже счастливо живут в квартирке над своей маленькой шоколадной лавкой. Ветер, который в былые времена постоянно заставлял их переезжать с места на место, затих — по крайней мере, на время. Ничто не отличает их от остальных обитателей Монмартра, и возле их двери больше не висят красные саше с травами, отводящими зло. Но внезапно в их жизнь вторгается Зози де л'Альба, женщина в ярко-красных, блестящих, как леденцы, туфлях, и все начинает стремительно меняться... «Леденцовые туфельки» Джоанн Харрис — это новая встреча с героями знаменитого романа «Шоколад», получившего воплощение в одноименном голливудском фильме режиссера Лассе Халлстрёма (с Жюльетт Бинош, Джонни Деппом и Джуди Денч в главных ролях), номинированном на «Оскар» в пяти категориях.

• ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СМЕРТЬ

- ГЛАВА 1
- ГЛАВА 2
- ГЛАВА З
- ГЛАВА 4
- <u>ГЛАВА 5</u>

• ЧАСТЬ ВТОРАЯ САМЫЙ ПЕРВЫЙ ЯГУАР

- ГЛАВА 1
- Глава 2
- Глава 3
- <u>Глава 4</u>
- <u>Глава 5</u>
- <u>Глава 6</u>
- <u>ГЛАВА 7</u>
- ГЛАВА 8

• ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ КРОЛИК НОМЕР ДВА

- <u>ГЛАВА 1</u>
- ∘ <u>ГЛАВА 2</u>
- ГЛАВА 3
- ГЛАВА 4
- ГЛАВА 5

- ГЛАВА 6
- ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ПЕРЕМЕНА
 - ГЛАВА 1
 - ГЛАВА 2
 - ∘ ГЛАВА 3
 - ∘ ГЛАВА 4
 - ∘ ГЛАВА 5
 - ГЛАВА 6
 - ГЛАВА 7
 - ГЛАВА 8
 - ГЛАВА 9
- ЧАСТЬ ПЯТАЯ ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ
 - ∘ ГЛАВА 1
 - ГЛАВА 2
 - ∘ ГЛАВА 3
 - ГЛАВА 4
 - ∘ <u>ГЛАВА 5</u>
 - ∘ ГЛАВА 6
 - ГЛАВА 7
 - <u>ГЛАВА 8</u>
 - ∘ ГЛАВА 9
 - ∘ <u>ГЛАВА 10</u>
 - ∘ ГЛАВА 11
 - ∘ ГЛАВА 12
- ЧАСТЬ ШЕСТАЯ БЛАГОЧЕСТИВЫЕ
 - ГЛАВА 1
 - ГЛАВА 2
 - <u>ГЛАВА 3</u>
 - ГЛАВА 4
 - <u>ГЛАВА 5</u>
 - ГЛАВА 6
 - ∘ ГЛАВА 7
 - ГЛАВА 8
 - ГЛАВА 9
 - ∘ ГЛАВА 10
 - ∘ ГЛАВА 11
 - ∘ ГЛАВА 12
- ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ БАШНЯ
 - ГЛАВА 1

- ГЛАВА 2
- ГЛАВА 3
- ГЛАВА 4
- <u>ГЛАВА 5</u>
- ГЛАВА 6
- <u>ГЛАВА 7</u>
- <u>ГЛАВА 8</u>
- ГЛАВА 9

• ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ СВЯТКИ

- ГЛАВА 1
- ГЛАВА 2
- ГЛАВА 3
- ГЛАВА 4
- ∘ <u>ГЛАВА 5</u>
- ГЛАВА 6
- <u>ГЛАВА 7</u>
- <u>ГЛАВА 8</u>
- <u>ГЛАВА 9</u>
- ∘ <u>ГЛАВА 10</u>
- <u>ГЛАВА 11</u>
- <u>ГЛАВА 12</u>
- <u>ГЛАВА 13</u>
- ГЛАВА 14
- ГЛАВА 15
- ГЛАВА 16
- ∘ ГЛАВА 17
- ∘ ГЛАВА 18
- ∘ ГЛАВА 19
- ЭПИЛОГ

• СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

• notes

- o <u>1</u>
- o <u>2</u>
- o <u>3</u>
- o <u>4</u>
- o <u>5</u>
- o <u>6</u>
- o <u>7</u>
- 0 8

- o <u>9</u>
- o <u>10</u>
- o <u>11</u>
- o <u>12</u>
- o <u>13</u>
- o <u>14</u>
- o <u>15</u>
- o <u>16</u>
- o <u>17</u>
- o <u>18</u>
- o <u>19</u>
- o <u>20</u>
- o <u>21</u>
- o <u>22</u>
- o <u>23</u>
- o <u>24</u>
- o <u>25</u>
- o <u>26</u>
- o <u>27</u>
- <u>28</u> <u>29</u>
- <u>30</u>
- <u>31</u>
- o <u>32</u>
- <u>33</u>
- o <u>34</u>
- o <u>35</u>
- o <u>36</u>
- o <u>37</u>
- o <u>38</u>
- o <u>39</u>
- o <u>40</u>
- o <u>41</u>
- o <u>42</u>
- <u>43</u>
- o <u>44</u>
- 4546
- o <u>47</u>

```
o <u>48</u>
o <u>49</u>
o <u>50</u>
o <u>51</u>
o <u>52</u>
o <u>53</u>
o <u>54</u>
o <u>55</u>
o <u>56</u>
o <u>57</u>
o <u>58</u>
o <u>59</u>
o <u>60</u>
o <u>61</u>
o <u>62</u>
o <u>63</u>
o <u>64</u>
o <u>65</u>
o <u>66</u>
o <u>67</u>
o <u>68</u>
o <u>69</u>
o <u>70</u>
```

Посвящается А. Ф. Х.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СМЕРТЬ

ГЛАВА 1

31 октября, среда Día de los Muertos^[1]

Это факт относительно малоизвестный, но всего лишь за год мертвым отправляют около двадцати миллионов писем. Люди забывают, что всетаки следовало бы приостановить поток корреспонденции, поступающий на имя покойного, — ох уж эти горюющие вдовы и будущие наследники! — и подписка на журналы не бывает аннулирована; друзья, живущие далеко, остаются неоповещенными, а задолженность в библиотеку непогашенной. А значит, двадцать миллионов циркуляров, банковских извещений, кредитных карт, любовных писем, рекламных проспектов, поздравительных открыток, анонимных доносов и коммунальных счетов, которые каждый день бросают на коврик у двери или в щель почтового скапливаются, превращаясь в настоящие груды, лестничный пролет, выползают из переполненных почтовых ящиков на лестничную клетку, никому не нужные валяются на крыльце — ведь адресат их уже никогда не получит. Мертвым нет до них дела. Впрочем, что гораздо важнее, нет до них дела и живым. Живые, погруженные в мелкие повседневные заботы, даже не подозревают, что в двух шагах от них происходит чудо: мертвые возвращаются к жизни.

Не так уж много для этого и нужно: парочка счетов, имя, почтовый индекс — в общем, ничего особенного; все это легко можно найти в любом старом чулане, в мусорной корзине, на помойке; иногда разорванным на клочки (возможно, лисицами), а иногда лежащим прямо на крыльце, точно подарок. Многое можно узнать, роясь в куче ненужной корреспонденции: имена, подробности, касающиеся банковских вкладов, пароли, адреса электронной почты, коды охраны. Если правильно сопоставить все эти данные, можно снять деньги с банковского счета или открыть новый, можно взять в аренду автомобиль, можно даже подать заявление на выдачу

нового паспорта Все равно мертвым такие вещи больше не нужны. В общем, как я и сказала, это подарок, который нужно просто поднять с пола.

Иногда, впрочем, Судьба сама вручает подобные подарки, и тут уж держи ухо востро. Сагре $diem^{[2]}$, а кто прозевал удачу, пусть идет к черту.

Вот почему я всегда читаю некрологи и порой умудряюсь раздобыть все необходимые сведения еще до того, как состоятся похороны. Именно поэтому, когда я вижу этот знак Судьбы, а под ним еще и почтовый ящик, полный писем, то принимаю подобный дар с учтивым поклоном и благодарной улыбкой.

Разумеется, это был не мой почтовый ящик. Почтовое обслуживание здесь лучше, чем во многих других местах, так что не по адресу письма доставляют редко. Отчасти именно поэтому, кстати, я предпочитаю жить в Париже; ну и еще, конечно, из-за здешней еды, вин, театров, магазинов и поистине неисчерпаемых возможностей. Однако Париж здорово бьет по карману — накладные расходы просто невероятные! — и, кроме того, мне вот уже некоторое время до смерти хочется придумать себе какую-то новую жизнь. Почти два месяца я весьма удачно играла роль преподавательницы одного из лицеев 11-го округа, но в связи с недавно возникшими там неприятностями решила разом покончить с прежней жизнью (прихватив с собой двадцать пять тысяч евро из ведомственных фондов, которые собиралась положить на счет, предусмотрительно открытый мною на имя бывшей коллеги, и через пару недель незаметно снять) и стала присматривать себе подходящую квартирку.

Сначала я попыталась найти что-нибудь на Левом берегу. Мне это, разумеется, не по карману, но девушка из агентства этого не знала. Так что со своим английским акцентом и документами на имя Эммы Виндзор, с сумочкой от «Малберри», небрежно повешенной на плечо, в платье от Прада, с нежным шепотом обвивавшем мои обтянутые тонкими чулками лодыжки, я вполне могла себе позволить приятную утреннюю прогулку среди богатых особняков и дорогих магазинов.

Я сразу попросила показывать мне только уже пустующее жилье. На Левом берегу имелось несколько роскошных апартаментов с видом на реку; это были квартиры в больших особняках с садиками на крыше или пентхаусы с паркетными полами.

С некоторым сожалением я отвергла их все, хоть и не смогла удержаться от возможности прихватить кое-какие полезные мелочи. Журнал — в целехоньком полиэтиленовом пакете — с номером банковского счета подписчика; несколько банковских уведомлений; а в одном месте меня ждала поистине золотая находка: банковская карточка на

имя Амели Довиль; чтобы ее активировать, требовалось всего лишь позвонить по телефону.

Я оставила девушке номер своего мобильника. Разговоры по нему оплачивала некая Ноэль Марселен, чье удостоверение личности я раздобыла несколько месяцев назад. Оплата ее счетов производится на самом современном уровне — бедняжка скончалась в прошлом году в возрасте девяноста четырех лет, и это означает, что тому, кто попытается отследить мои звонки, придется изрядно попотеть. Мой счет за интернет — также на ее имя — по-прежнему аккуратно оплачивается. Эта Ноэль слишком дорога мне, жаль было бы ее потерять. Но становиться ею я совершенно не намерена. Во-первых, не хочу, чтобы мне уже исполнилось девяносто четыре. А во-вторых, мне попросту надоело получать рекламные проспекты всевозможных колясок и подъемников для инвалидов.

Мое последнее удостоверение личности было на имя Франсуазы Лавери, преподавательницы английского языка из лицея имени Руссо, 11-й парижский округ. Возраст — 32 года, родилась в Нанте, вышла замуж за Рауля Лавери и в тот же год овдовела — муж погиб в автомобильной катастрофе накануне первой годовщины со дня свадьбы, что, по-моему, весьма романтично и отчасти объясняет, отчего у нее такой меланхоличный вид. Строгая вегетарианка, довольно застенчивая, старательная, но не слишком способная, то есть для меня никакой угрозы не представляет. В общем и целом довольно милая особа, и это всего лишь означает, что судить по внешнему виду никогда не стоит.

Сама-то я нынче ничуть на нее не похожа. Двадцать пять тысяч евро — сумма немаленькая, и всегда есть шанс, что кто-то заподозрит, где тут собака зарыта. Большинство людей, впрочем, не испытывают ни малейших подозрений — многие не заметили бы и преступления, совершаемого прямо у них под носом, — но я стараюсь так сильно не рисковать; я давно поняла, что куда безопаснее просто все время находиться в движении.

Вот я и путешествую, причем налегке — потрепанный кожаный чемодан и ноутбук «Сони», в котором содержатся данные более чем на сотню подходящих личностей; в общем, я могу в один миг собрать вещички, а за два-три часа и полностью замести все следы.

Именно так исчезла Франсуаза Лавери. Я сожгла все ее документы, корреспонденцию, банковские данные, записи. Закрыла все ее счета. А ее книги, одежду, мебель и прочее передала в Croix Rouge $^{[3]}$. К чему иметь при себе лишние улики?

После этого мне пришлось подыскать себе новое обличье. Я сняла номер в дешевой гостинице, расплатилась кредитной карточкой Амели,

переоделась в вещи Эммы и отправилась по магазинам.

Франсуаза одевалась немодно и скучновато: средний каблук, аккуратная прическа. Та, в чьем обличье я выступаю теперь, ничуть на нее не похожа. Зози де л'Альба — так ее звали, и она, в общем, казалась иностранкой, хотя и нелегко было бы с ходу определить, откуда она родом. Она настолько же яркая, насколько Франсуаза была бесцветной, носит драгоценности, причем даже в волосах, обожает яркие цвета, а ее одежда отличается изрядной фривольностью; страшно любит базары и большие «винтажные» магазины, а скромных туфель даже в гроб не наденет.

Подобная перемена облика была мной тщательнейшим образом продумана. Я вошла в магазин как Франсуаза Лавери — в серенькой двойке с ниткой искусственного жемчуга на шее — и через десять минут вышла оттуда совершенно неузнаваемой.

Но остается главная проблема: куда пойти? О Левом береге, хотя это и весьма соблазнительно, даже речи идти не может, хотя я считаю, что с Амели Довиль вполне можно содрать еще несколько тысяч, прежде чем и ее отправить на помойку. Разумеется, у меня есть и другие источники средств, не считая самого недавнего — мадам Бошан, исполнительного секретаря, занимающегося финансами в том департаменте, где я прежде служила.

Открыть кредитный счет ничего не стоит. Парочки использованных счетов за коммунальные услуги или даже старых водительских прав вполне достаточно. А при нынешнем росте количества товаров, покупаемых в кредит, подобных возможностей с каждым днем все больше и больше.

Впрочем, мои потребности простираются гораздо дальше простого поиска средств к существованию. Скука, обыденность — это ужасно. Мне необходим простор, возможности для приложения моих способностей и умений, я жажду приключений, перемен, сражений с Судьбой.

Настоящей жизни.

Именно такую возможность Судьба мне и предоставила, причем как бы случайно, когда ветреным утром в конце октября на Монмартре я, взглянув на витрину какой-то лавчонки, заметила аккуратную маленькую табличку:

Fermé pour cause de décès^[4].

Я давно не бывала в этих местах. И успела позабыть, как мне когда-то

здесь нравилось. Монмартр, по словам местных жителей, — последняя деревня, оставшаяся на территории Парижа, а уж эта часть Монмартрского холма, Butte^[5], являет собой почти пародию на сельскую Францию с ее кафе и крошечными crêperies^[6]; с ее домиками, выкрашенными в розовый или фисташковый цвет, с фальшивыми ставнями на окнах и геранями на каждом подоконнике; повсюду этакая старательно созданная живописность, точно на эскизе киношной декорации, исполненная поддельного очарования и даже не особенно скрывающая, что внутри у нее не душа, а камень.

Возможно, именно поэтому мне здесь так нравится. Почти идеальный фон для такой персоны, как Зози де л'Альба. А оказалась я там почти случайно: остановилась на какой-то площади за Сакре-Кёр, заказала кофе с круассаном в баре под названием «Крошка зяблик»^[7] и уселась за столик на улице.

Голубая жестяная вывеска высоко на углу сообщала, что это место называется Place des Faux-Monnayeurs^[8]. Тесная крошечная площадь, похожая на аккуратно застеленную кровать. Кафе, блинная, парочка магазинов. Больше ничего. Даже ни одного дерева, чтобы смягчить ее четкие каменные границы. Но по какой-то причине один из магазинчиков все же привлек мое внимание — весьма жеманного вида confiserie^[9]; во всяком случае, мне так показалось, хотя надпись над дверями была почти стерта. Витрина наполовину закрыта жалюзи, но с того места, где я сидела, мне было все же видно, что именно там выставлено; в глаза бросалась и ярко-голубая, точно кусочек небес, дверь. Через площадь до меня доносился негромкий мелодичный звон: висевшая над дверью магазина связка колокольчиков время от времени звенела на ветру, точно посылая неведомо кому некие сигналы.

Кто знает, почему эта кондитерская вызвала мой интерес. В лабиринте улиц, протянувшихся по склонам Холма, таких крошечных магазинчиков полным-полно; они, ссутулившись, стоят на перекрестках вымощенных булыжником улиц и похожи на усталых кающихся грешников. С узкими фронтонами, горбатые, они жмутся к мостовой, и зачастую внутри у них очень сыро, однако аренда такого помещения обойдется в целое состояние; тем, что эти магазинчики до сих пор на плаву, они обязаны главным образом глупости туристов.

И квартиры над ними тоже крайне редко оказываются пристойными. Маленькие, неудобные комнаты расположены слишком далеко друг от друга. Ночью, когда у подножия Холма оживает огромный город, в таких

квартирах неизменно шумно; зимой в них холодно, а летом наверняка невыносимо жарко, потому что толстая старая черепица насквозь пропитывается тяжким пылом солнца, раскаленные лучи которого бьют к тому же прямо в единственное окошко, прорубленное в крыше и такое узкое, не шире восьми дюймов, что света оно почти не пропускает, только этот удушающий зной.

И все же... что-то притянуло мой взгляд. Возможно, письма, торчавшие, из металлических челюстей почтового ящика, точно высунутый язык озорника. Или едва ощутимый аромат мускатного ореха и ванили (а может, это был просто запах сырости?), долетавший из-за той небесноголубой двери. Или ветер, игравший подолом моей юбки и шаловливо перебиравший колокольчики над дверью. Или объявление, аккуратно написанное от руки и таившее в себе некий невысказанный, мучительно загадочный смысл:

Закрыто в связи с похоронами.

К этому времени я уже покончила с кофе и круассаном. Расплатилась, встала и пошла к этому магазинчику, желая рассмотреть его поближе. Оказалось, что это chocolaterie, шоколадная лавка; подоконник крошечной витрины был весь заставлен коробками и жестянками, а за ними в полутьме я сумела разглядеть подносы, на которых возвышались пирамиды всевозможных лакомств, накрытые округлыми стеклянными колпаками и похожие на свадебные букеты из прошлого столетия.

У меня за спиной, в баре «Крошка зяблик», два пожилых господина закусывали вареными яйцами и длинными ломтями хлеба с маслом, а patron в фартуке, склонившись над каким-то гроссбухом, гневно разглагольствовал о том, что некто по имени Пополь здорово ему задолжал.

Если не считать этих людей, вокруг по-прежнему не было ни души; лишь какая-то женщина вдалеке подметала тротуар да парочка художников с мольбертами под мышкой направлялась к площади Тертр.

Один из них, молодой человек, перехватив мой взгляд, вскричал:

— О, привет! Вы-то мне и нужны!

Охотничий клич уличного портретиста. Я сразу его узнала — сама не раз бывала в такой шкуре; мне хорошо известно это выражение радостного восторга на лице художника, якобы свидетельствующее о том, что он нашел-таки свою музу, которую искал столько лет, и теперь, сколько бы ни

содрал с клиентки, даже если цена будет просто грабительской, это все равно окажется меньше истинной стоимости его будущего гениального творения.

— Нет уж, увольте, — сухо сказала я. — Найдите для своего бессмертного шедевра кого-нибудь другого.

В ответ он молча пожал плечами, скорчил рожу и побрел следом за своим дружком. Теперь эта chocolaterie была в полном моем распоряжении.

Я мельком глянула на письма, непристойно торчавшие из щели почтового ящика. Особо рисковать не имело смысла. Но отчего-то этот крошечный магазинчик прямо-таки притягивал меня, манил, как манит порой что-то, блеснувшее меж камнями на булыжной мостовой, — то ли монетка, то ли колечко, а может, и просто клочок фольги, в котором отражается солнце. Да и в воздухе словно висел тихий шепот обещаний, и, кроме всего прочего, был Хэллоуин, Día de los Muertos, а День мертвых всегда был для меня счастливым, ибо это день концов и начал, день недобрых ветров и коварных благодеяний, ночных костров и тайн; день чудес — и, разумеется, мертвых.

Я еще раз быстро огляделась. Никто на меня не смотрел. И я была совершенно уверена, что никто не заметил, как я одним быстрым движением сунула эти письма в карман.

Осенний ветер налетал сильными порывами, поднимая на площади клубы пыли. Ветер пахнул дымом — но не парижским, а дымом моего детства, которое я хоть и нечасто, но все же вспоминаю; в нем чувствовался аромат ладана, миндального крема и опавших листьев. На Холме деревьев практически нет. Собственно, это просто скала, и даже яркая, как на свадебном пироге, глазурь едва ли способна скрыть то, что сам этот «пирог» совершенно лишен вкуса. А вот небо над Монмартром точно хрупкая яичная скорлупка, выкрашенная голубой краской и разрисованная сложным узором из белых полос — это реактивные самолеты начертали переплетающиеся следы, похожие на мистические символы.

И среди них я, в частности, различила кукурузный початок, причем очищенный, — а это всегда означает подношение, подарок.

Я улыбнулась. Неужели просто совпадение?

Смерть — и подарок? И все в один день?

Однажды, когда я была совсем маленькой, мать отправилась со мной в Мехико, желая показать мне ацтекские руины и отпраздновать День мертвых. Мне ужасно нравилась драматичность происходящего: цветы, и рап de muerto [10], и пение, и сахарные черепа. Но больше всего мне

понравилась пиньята — раскрашенная фигурка животного из папье-маше, увешанная шутихами и битком набитая сластями, монетками и маленькими сверточками-подарками.

Суть игры заключалась в том, чтобы, подвесив такую пиньяту над дверью, швырять в нее палками и камнями до тех пор, пока она не расколется и не «покажет», какие подарки у нее внутри.

Смерть и подарок — два в одном.

Нет, это не могло быть простым совпадением. И сам этот день, и этот магазин, и этот знак в небесах — они возникли на моем пути, словно по велению самой Миктекасиуатль^[11]. Это была как бы моя собственная, личная пиньята...

Все еще улыбаясь, я повернулась и вдруг заметила, что за мной кое-кто наблюдает. Шагах в десяти от меня стояла девочка лет одиннадцатидвенадцати, в ярком красном пальтишке и коричневых школьных туфлях, явно уже не новых. Меня поразили ее роскошные волосы, черные, шелковистые и вьющиеся, как у святых на византийских иконах. Девочка смотрела на меня совершенно равнодушно, слегка склонив голову набок.

На мгновение мне показалось, что она заметила, как я совала в карман содержимое почтового ящика. Кто ее знает, сколько времени она уже там простояла, так что я, одарив ее самой обольстительной своей улыбкой, поглубже засунула в карман украденные письма.

- Привет, сказала я. Тебя как зовут?
- Анни.

Но на мою улыбку она не ответила. Глаза у нее были странного цвета — сине-зелено-серые, а губы такие красные, что казалось, она их накрасила. Все это в холодном утреннем свете выглядело просто потрясающе; я смотрела на нее и не могла насмотреться; мне казалось, что глаза ее сияют все ярче, становясь удивительно похожими на синее осеннее небо.

— Ты ведь нездешняя, верно, Анни?

От неожиданности она захлопала глазами; похоже, ее удивило, как это я догадалась. Дело в том, что парижские дети никогда не разговаривают с незнакомцами: подозрительность у них в крови. А эта девочка вела себя подругому — она, правда, тоже держалась осторожно, но никакой враждебности к незнакомым людям в ней не чувствовалось, да и мое обаяние явно не оставило ее равнодушной.

— Откуда вы знаете? — все-таки спросила она.

Один-ноль в мою пользу. Я улыбнулась.

— Я по твоему выговору догадалась. Откуда ты? С юга?

— Не совсем, — уклончиво ответила она.

Но теперь уже и сама улыбнулась.

Из беседы с ребенком можно извлечь немало полезного. Имена, профессии, те мелкие бытовые детали, которые придают бесценный налет естественности исполнению той или иной роли. Большая часть интернетовских паролей — это имена детей или супругов, а порой даже кличка любимой кошки или собаки.

- Скажи, Анни, разве в такое время ты не должна быть в школе?
- Только не сегодня. Сегодня же праздник. И потом...

Она выразительно глянула на дверь с написанным от руки объявлением.

— «Закрыто в связи с похоронами», — вслух прочитала я.

Она кивнула.

— А кто умер? — спросила я.

Ярко-красное пальтишко Анни казалось мне уж больно неподходящим для похорон, да и выражение лица ее, пожалуй, ничуть не свидетельствовало о тяжкой утрате.

Ответила она, правда, не сразу, но я заметила, как блеснули сероголубые глаза; теперь она смотрела на меня несколько высокомерно, словно решая про себя, является ли мой вопрос проявлением вульгарной бестактности или же продиктован искренним сочувствием.

Пусть себе смотрит сколько угодно, решила я. Я привыкла, что на меня пялят глаза. Это случается порой даже в Париже, где красивых женщин более чем достаточно. Я сказала «красивых», но ведь красота — это всего лишь иллюзия, простенькие чары, даже почти что и не магия вовсе. Определенный наклон головы, определенная походка, соответствующая данному моменту одежда — и любая способна стать красавицей.

Ну, почти любая.

Я заставила ее смотреть мне прямо в глаза, воспользовавшись самой обворожительной своей улыбкой — милой, кокетливой, чуть печальной; я как бы на мгновение стала ее старшей сестрой, которой у нее явно никогда не было, — очаровательной взъерошенной бунтаркой с сигаретой «Голуаз» в руке. На мне одежда немыслимых неоновых цветов, юбчонка в обтяжку и шикарные непрактичные туфли, в каких, не сомневаюсь, и сама Анни втайне мечтает щеголять.

— Не хочешь говорить? — спросила я.

Она еще несколько секунд молча смотрела на меня. Она, безусловно, старший ребенок в семье (если я хоть что-нибудь в этом смыслю), безумно устала от необходимости постоянно быть хорошей девочкой и уже стоит на

пороге того опасного возраста, которому свойственно бунтарство. Цвета ее ауры были необычайно чисты; в них я читала определенное своеволие, упрямство, печаль и еле заметный гнев; а еще в них яркой нитью сквозило нечто, пока не совсем мне понятное.

- Ну, Анни, скажи мне: кто умер?
- Моя мать, спокойно ответила она. Вианн Роше.

31 октября, среда

Вианн Роше. Как давно я носила это имя! Я уже почти позабыла, какое оно приятное на ощупь, какое теплое, уютное, словно пальто, некогда любимое, но уже сто лет висящее в шкафу. Я столько раз меняла свое имя — точнее, оба наших имени, когда мы, перебираясь из города в город, следовали за тем ветром, — что желание называть себя Вианн Роше давным-давно должно было бы угаснуть. Та Вианн Роше давно мертва. И все же...

И все же мне было приятно называться Вианн Роше. Мне нравилось, какую форму обретает это имя, когда его произносят чужие губы, — Вианн, точно улыбка. Точно слово приветствия.

Теперь у меня, конечно, новое имя, и не столь уж отличное от старого. И жизнь у меня иная; кто-то, может, скажет: лучше старой. Во всяком случае, она совсем не такая, как прежде. И причина тому — Розетт, и Анук, и все то, что мы оставили в Ланскне-су-Танн в те пасхальные дни, когда ветер опять переменился.

Ах, тот ветер... Вот он и сейчас дует — действует как бы украдкой, но попробуй его ослушаться. Это ведь он всю жизнь диктовал нам каждый шаг.

Моя мать чувствовала его, и я тоже чувствую — даже здесь, даже теперь, — и он несет нас, крутит, как осенние листья, загоняет в тупик, заставляет плясать, а потом разбивает в клочья о булыжную мостовую.

V'là l'bon vent, v'là l'joli vent...[12]

Я думала, мы заставили его замолчать навсегда. Но разбудить его

способна любая мелочь: невзначай брошенное слово, жест даже чья-то смерть. Впрочем, незначительных вещей не бывает. Все имеет свой смысл и свою цену; и одно прибавляется к другому, пока не качнется чаша весов — и вот мы уже снова в пути, бредем по дорогам, говоря себе: ну что ж, возможно, в следующий раз...

Но теперь никакого следующего раза не будет. Теперь я никуда больше не побегу. Я не желаю опять быть вынужденной все начинать сначала; нам столько раз приходилось это делать — и до Ланскне, и после. Но теперь мы останемся. Что бы ни случилось. Чего бы нам это ни стоило, мы останемся здесь.

Мы остановились в первой же деревне, где не было церкви. Мы прожили там шесть недель, а потом отправились дальше. Три месяца, потом неделю, месяц, еще неделю — мы переходили с одного места на другое, каждый раз меняя свои имена, до тех пор, пока моя беременность не стала заметной.

К этому времени Анук было почти семь. Она пришла в восторг, узнав, что у нее будет младшая сестренка; ну а я чувствовала себя безумно усталой. Я устала от этих бесконечных деревень — река, маленькие домишки, герани на подоконнике, — устала от тех взглядов, которые люди бросали на нас, особенно на Анук, и от вопросов, всегда одних и тех же, которые они задавали.

«А вы издалека? У вас что, здесь родственники? Вы у них остановитесь? А месье Роше скоро к вам присоединится?»

И когда мы им отвечали, на их лицах появлялось то самое, хорошо нам знакомое выражение — оценивающее, принимающее во внимание и нашу поношенную одежду, и наш единственный чемодан, и нашу повадку беженцев, свидетельствовавшую о слишком большом количестве железнодорожных станций, пересадок и жалких гостиничных номеров, аккуратно прибранных нами перед уходом.

До чего же мне хотелось стать наконец свободной! По-настоящему свободной — нам этого никогда не удавалось сделать. Жить там, где хочется, на одном месте, и, чувствуя порывы ветра, не обращать внимания на его зов.

Но как мы ни старались, слухи следовали за нами по пятам. Они замешаны в какой-то скандальной истории, шептались вокруг. Причем, говорят, с участием священника. Вы только гляньте на эту женщину! Это же просто цыганка какая-то! Говорят, она связалась с речными людьми, называла себя целительницей, утверждала, что хорошо разбирается в

травах. А потом кто-то там умер — то ли отравили, то ли просто не повезло...

В общем, примерно в таком духе. И эти слухи расползались, как сорная трава летом, и мы, спотыкаясь о них на каждом шагу, спешили прочь, а они гнались за нами по пятам, свирепо щелкая зубами, и постепенно я начала понимать.

Видно, что-то случилось еще в самом начале нашего пути. Что-то изменило и нас самих, и отношение к нам. Возможно, мы на один день — или на одну неделю — дольше, чем нужно, задержались в какой-то из этих деревень. И что-то стало не так, как прежде. И тени удлинились. И мы постоянно убегали от чего-то.

Но от чего? Тогда я этого еще не понимала, но уже чувствовала, видя собственное отражение в гостиничных зеркалах, в сияющих витринах магазинов. Раньше я всегда носила красные туфли, индейские юбки с колокольчиками на подоле, купленные в секонд-хенде пальто с вышитыми на карманах маргаритками, джинсы, расшитые цветами и листьями. Теперь же я старалась слиться с толпой. Черные пальто, черные туфли, черный берет на черных волосах.

Анук ничего не понимала.

— Ну почему мы на этот-то раз не могли остаться? — повторяла она свой давнишний припев.

А меня приводило в ужас даже само название того городка; те страшные воспоминания, точно колючки чертополоха, липли к нашей дорожной одежде. И день за днем мы шли вслед за ветром. А по ночам спали, прижавшись друг к другу, в какой-нибудь комнатенке над придорожным кафе; или варили себе горячий шоколад на переносной плитке; или зажигали свечи и показывали на стене «театр теней»; или придумывали замечательные истории о волшебстве, о ведьмах, о пряничных домиках, о черных людях, которые превращались в волков, а порой никак не могли снова превратиться в людей.

А потом эти истории нам поднадоели. И та настоящая магия, та магия, с которой мы прожили всю жизнь, магия моей матери — чары, амулеты, мистификации, блюдечко с солью у порога, красные шелковые саше, призванные умилостивить мелких божков, — стала нас отчего-то раздражать. Тем летом мне все казалось, что это злобный паук, который любую удачу может превратить в невезение, стоит часам пробить полночь, поймал в свою паутину все наши мечты. И как только я произносила хотя бы крошечное заклинание, или делала какой-нибудь простенький магический фокус, или вынимала из колоды хоть одну гадальную карту,

или осмеливалась начертать на двери хотя бы одну руну, отвращающую беду, сразу поднимался тот ветер; он тянул нас за одежду, обнюхивал, точно голодный пес, и гнал нас то в одну сторону, то в другую.

И все же мы ухитрялись бежать впереди него; летом нанимались собирать вишни и яблоки, а в остальное время подрабатывали в кафе и ресторанах, стараясь отложить хоть немного денег, и в каждом городе меняли свои имена Мы стали очень осторожными. Нам пришлось это сделать. Мы прятались, точно куропатки в поле. Не летали и не пели.

И понемножку, потихоньку карты Таро были совсем позабыты, и травы мои оказались никому не нужны, и особые дни уже никто не отмечал, и никто не обращал внимания на то, что луна прибывает или убывает, и знаки, что на счастье были начертаны у нас на ладонях черными чернилами, побледнели и смылись.

Наступил период относительного спокойствия. Какое-то время мы жили в городе; я даже подыскала нам жилье, выбрала подходящую школу и больницу. Потом купила на marché aux puces^[13] дешевенькое обручальное кольцо и представлялась всем как мадам Роше.

А потом, в декабре, родилась Розетт — в пригородной больнице близ Рена. Мы заранее подыскали себе место, где можно было бы какое-то время прожить спокойно, — Ле-Лавёз, деревушку на берегу Луары. Мы сняли квартирку над блинной. Нам там нравилось. Мы с удовольствием там бы и остались...

Но у декабрьского ветра на наш счет имелись иные планы.

V'là l'bon vent, v'là l'joli vent, V'là lbon vent, ma mie m'apelle...[14]

Этой колыбельной научила меня мать. Это старинная песенка, любовная, колдовская, и я пела ее, чтобы успокоить тот ветер, заставить его хотя бы теперь оставить нас и лететь дальше. Я пела ее и для того, чтобы убаюкать то крошечное мяукавшее существо, которое принесла с собой из больницы. Малютка не желала ни есть, ни спать, только жалобно кричала, как кошка, и каждую ночь ветер за окнами визжал и метался, точно разгневанная мегера, и каждую ночь мне приходилось петь эту песенку, чтобы он уснул. Я называла его добрым ветром, веселым ветром, пытаясь умилостивить, как это делали когда-то простые люди, называя злобных

фурий добрыми госпожами, хорошими госпожами, надеясь избежать их мести.

Неужели благочестивые и мертвых преследуют?

Они снова нашли нас там, на берегу Луары, и снова мы вынуждены были бежать. На этот раз в Париж — в Париж, город моей матери и место моего рождения, то единственное место, куда, как я поклялась, мы никогда не вернемся. Но большой город дарует возможность стать невидимками тем, кто к этому стремится. Здесь мы перестали быть попугаями в стае воробьев; теперь у нас такое же оперение, что и у здешних птиц, — слишком заурядное, слишком тусклое и на мой взгляд, и на чужой, помоему, тоже. Моя мать когда-то бежала в Нью-Йорк, желая там умереть; а я бежала в Париж, мечтая родиться заново. Больна ты или здорова? Счастлива или горюешь? Богата или бедна? Этому городу все равно. У этого города есть и другие дела, поважнее. Не задавая вопросов, он проходит мимо тебя, он идет своим путем и даже плечами от удивления не пожмет.

И все же тот год оказался очень тяжелым. Было холодно, малышка плакала, мы ютились в крошечной комнатушке неподалеку от бульвара Шапель, ночью по стенам метались красные и зеленые неоновые огни рекламы, и начинало казаться, что сейчас ты просто сойдешь от этого с ума. Я могла бы остановить эти огни — я знаю одно заклинание, благодаря которому сделать это было бы так же легко, как повернуть в комнате выключатель, — но ведь я поклялась: больше никакой магии, а потому спать нам удавалось урывками, между вспышками красного и зеленого света. И Розетт продолжала непрерывно плакать до самого Крещения (так мне кажется), и впервые наш galette de rois был не домашнего приготовления, а куплен в магазине, да, впрочем, никому особенно и праздновать-то не хотелось.

Ах, как я в тот год ненавидела Париж! Я ненавидела этот холод, эту глубоко въевшуюся сажу и эти запахи; ненавидела грубость парижан; ненавидела грохот железнодорожных путей; ненавидела насилие и враждебность, которыми этот город пропитан. Впрочем, вскоре я поняла, что Париж — это вовсе и не город, а просто целая куча таких русских кукол, матрешек, которые вставляются одна в другую, — и у каждой свои привычки и предрассудки; у каждой своя церковь, или мечеть, или синагога; и все они заражены фанатизмом, сплетнями, все члены каких-то организаций, и среди них, как и повсюду, есть козлы отпущения, неудачники, любовники, вожаки и отверженные, подлежащие всеобщему осмеянию и презрению.

Некоторые люди относились к нам хорошо, например индийская семья, что присматривала за Розетт, пока мы с Анук ходили на рынок, или бакалейщик, который отдавал нам подпорченные фрукты и овощи из своей кладовой. От других доброго отношения даже и ждать не стоило. Скажем, от тех бородатых мужчин, которые сразу отворачивались, если мы с Анук проходили мимо их мечети на улице Мирра. Или от женщин у входа в церковь Святого Бернара, которые и вовсе смотрели на меня, как на грязь.

С тех пор многое в нашей жизни значительно переменилось. Мы наконец нашли подходящее место. Меньше чем в получасе ходьбы от бульвара Шапель. Оказалось, что на площади Фальшивомонетчиков мир совсем иной.

Монмартр — сущая деревня, утверждала моя мать; этакий остров, вздымающийся над парижским туманом. Это, конечно, не Ланскне, но все же место совсем неплохое; у нас маленькая квартирка над магазином, там есть и кухонька, и комнатка для Розетт, и даже для Анук нашлась каморка на самом верху, где под свесами крыши вьют гнезда птицы.

В нашей шоколадной лавке раньше размещалось маленькое кафе, принадлежавшее одной пожилой даме по имени Мария-Луиза Пуссен, которая жила здесь, на втором этаже, уже лет двадцать. Мадам успела похоронить и мужа, и сына, но и теперь, на седьмом десятке, чувствуя себя неважно, все же упрямо отказывалась уходить от дел. Ей требовалась помощница, а мне — работа. Я согласилась вести ее дела за небольшое вознаграждение и разрешение жить наверху, а по мере того, как мадам становилось все труднее оказывать мне поддержку, мы решили преобразовать кафе в шоколадную лавку.

Я заказала припасы, составила финансовые отчеты, организовала доставку, бегала по распродажам, руководила ремонтными и строительными работами. Подобная суета продолжалась более трех лет, и мы к ней даже как-то привыкли. Возле нашего дома нет и крошечного садика, да и квартирка у нас тесновата, зато из окошка виден Сакре-Кёр, парящий над улицами, точно воздушный корабль. И Анук поступила в школу — в лицей Жюля Ренара, совсем рядом с бульваром Батиньоль, — и учится очень хорошо, умница моя, и много работает, так что я ею горжусь.

Розетт уже почти четыре года, и она, конечно, в школу не ходит, а остается со мной в магазине и забавляется тем, что выкладывает на полу орнамент из пуговиц и конфет, подбирая их по цвету и по форме, или рисует, заполняя в альбоме страницу за страницей маленькими фигурками различных животных. Она учится языку глухонемых и быстро усвоила те жесты, которые соответствуют словам «хорошо», «еще», «снова»,

«обезьяна», «утки», а совсем недавно — к большому восторгу Анук — она выучила еще и слово «дерьмо».

В обеденный перерыв мы закрываем магазин и идем гулять в парк Тюрлюр, где Розетт нравится кормить птичек, или проходим чуть дальше, на монмартрское кладбище, которое особенно любит Анук — за его мрачное великолепие и множество кошек. А иногда я просто болтаю с хозяевами других магазинов и кафе, расположенных в нашем quartier [16]. Например, с Лораном Пансоном, владельцем небольшого грязноватого кафе-бара на той стороне площади; или с посетителями его заведения, по большей части завсегдатаями, которые приходят туда завтракать и остаются там до обеда; или с мадам Пино, что продает на углу почтовые открытки и всякую религиозную макулатуру; или с уличными художниками, обычно располагающимися посреди площади Тертр, где побольше туристов.

Существует строгое разграничение между жителями Butte, то есть вершины Холма, и прочими обитателями Монмартра. Первые считают себя во всех отношениях выше остальных — во всяком случае, мои непосредственные соседи на площади Фальшивомонетчиков абсолютно в этом уверены. И вообще, согласно их мнению, Холм — это последний аванпост истинно парижского духа в городе, где ныне правят иностранцы.

Здешние жители никогда не покупают шоколад. Это строгое, хотя и неписаное правило. Некоторые места и существуют-то исключительно для аутсайдеров, например булочная-кондитерская на площади Галетт, с ее зеркалами в стиле ар-деко, цветными витражами и барочными колоннами из миндального печенья. Местные же ходят на улицу Трех Братьев в более дешевую и простую булочную-кондитерскую: там и хлеб лучше, и круассаны каждый день пекут. А едят они у Пансона в «Крошке зяблике», где столы покрыты дешевым пластиком и всегда есть plat du jour [17], тогда как все «пришлые» вроде нас втайне предпочитают такие заведения, как «Богема» или, хуже того, «Розовый дом», куда истинные сыновья и дочери Холма даже носа не кажут; и уж они бы точно никогда не стали позировать художнику на террасе кафе или на площади Тертр, и к мессе в Сакре-Кёр ни за что не пошли бы.

Нет, к нам в магазин заходят действительно в основном туристы или приезжие. Хотя и у нас есть свои завсегдатаи, например мадам Люзерон, которая заходит каждый четверг по пути на кладбище и всегда покупает одно и то же — три ромовых трюфеля, ни больше, ни меньше, в подарочной коробочке, обвязанной лентой. Или та крошечная белокурая девчушка с обкусанными ногтями, которая почти ничего не покупает —

волю испытывает. Или Нико из итальянского ресторана, что на улице Коленкур; он бывает у нас почти каждый день, и его страстная любовь к шоколаду — как и вообще к еде — напоминает мне об одном человеке, которого я когда-то знала.

Бывают и случайные покупатели. Те, кто заходит просто посмотреть, или купить подарок, или маленькое поощрение ребенку — витую леденцовую сосульку, коробочку засахаренных фиалок, упаковку марципанов или pain d'épices [18], розовую сливочную помадку или ананасовые цукаты, вымоченные в роме и начиненные гвоздикой.

Мне известны все их предпочтения. Я знаю, что нужно каждому, но никогда не скажу этого вслух. Слишком опасно. Анук сейчас уже одиннадцать, и порой я почти физически ощущаю его, то ужасное знание, что трепещет и мечется у нее в душе, точно зверек в клетке. Анук, мое летнее дитя! В былые времена она ни за что не смогла бы солгать мне, как не смогла бы, например, разучиться улыбаться. Моя Анук, которая когда-то любила лизать мне лицо или бусы у меня на шее, желая сказать: я люблю тебя! — и делала это даже в общественных местах. Моя Анук, моя маленькая незнакомка. Теперь она все сильнее отдаляется от меня, и я не всегда могу понять ее странные настроения, ее загадочное молчание, ее поразительные сказки и истории и тот ее особенный взгляд, каким она порой на меня смотрит — прищурившись и словно пытаясь разглядеть в воздухе надо мной нечто полузабытое.

Мне, разумеется, пришлось изменить и ее имя. Теперь я стала Янной Шарбонно, а она — Анни, хотя для меня она всегда будет Анук. Но дело совсем не в этих новых именах. Мы и раньше столько раз меняли их. Нет, из нашей жизни ушло, ускользнуло нечто иное. Не знаю, что именно, но чувствую: чего-то мне не хватает.

Она же просто растет, уговариваю я себя. Где-то вдали, точно на противоположном конце огромного зеркального зала, мелькает уменьшенная расстоянием Анук — девятилетняя, все еще исполненная скорее солнечного света, а не тени; затем семилетняя; затем шестилетняя, идущая вперевалочку в желтых резиновых сапожках; Анук с Пантуфлем, неясный подскакивающий силуэт которого виднеется у нее за спиной; Анук, зажавшая в маленьком розовом кулачке огромный ком сахарной ваты... Все это сейчас, конечно, ушло, точнее, уходит, скрывается за рядами будущих Анук — Анук тринадцатилетней, уже открывшей для себя Анук четырнадцатилетней, Анук нет, мальчиков, просто двадцатилетней, стремящейся невозможно! куда-то новым горизонтам...

Интересно, что она еще помнит из прошлого? Четыре года — большой срок для ребенка ее возраста, да она больше и не говорит ни слова ни о Ланскне, ни о магии, ни, увы, даже о Ле-Лавёз, хотя иногда у нее все же кое-что невольно проскальзывает — какое-то имя, какие-то воспоминания, — и эти случайные оговорки для меня свидетельствуют о многом, куда большем, чем думает она сама.

Но семь и одиннадцать — это весьма далекие друг от друга континенты. Надеюсь, я все же неплохо поработала. Во всяком случае, достаточно хорошо, чтобы удержать того зверя в клетке, а ветер — в состоянии относительного покоя, и пусть теперь деревня на берегу Луары представляется Анук всего лишь поблекшей открыткой, присланной с острова сновидений.

Вот так я и стерегу свою правду, а земля все продолжает вертеться со всем своим добром и злом, но мы держим наши колдовские умения при себе и никогда ни во что не вмешиваемся — никогда не пускаем их в ход даже ради друзей. И никогда не делаем даже таких пустячных магических жестов, как руна на счастье, небрежно начертанная на крышке конфетной коробки.

Я понимаю, это, в общем, небольшая плата почти за четыре года спокойной жизни. Но порой мне хочется знать: сколько мы уже заплатили за то, чтобы нас оставили в покое, и сколько еще придется платить?

Мать часто рассказывала мне одну старинную историю — о юноше, который прямо на дороге продал свою тень бродячему торговцу в обмен на дар вечной жизни. Он получил желаемое и пошел себе дальше, страшно довольный заключенной сделкой, — ну какая мне польза от тени, думал он, от нее явно имело смысл избавиться.

Но проходили месяцы, годы, и юноша начал кое-что понимать. Выйдя из дома, он не отбрасывал тени; ни в одном зеркале он не видел отражения своего лица; и ни в одном пруду, ни в одном озере, какой бы тихой ни была там вода, он не мог себя разглядеть. А вдруг я превратился в невидимку, как-то даже подумал он. В солнечные дни он старался не выходить из дому, избегал он также и лунных ночей, у себя дома разбил все зеркала, а окна изнутри закрыл ставнями — но ни удовлетворения, ни покоя это ему не принесло. Невеста его оставила; друзья состарились и умерли. А он все жил да жил в вечном полумраке своего дома, пока однажды в полном отчаянии не пошел к священнику и не признался в том, что совершил.

И священник, который в те дни, когда юноша заключил свою сделку, был еще молод, а теперь стал желтым, как старые кости, трясущимся стариком, только головой покачал и сказал ему:

- Ты, сынок, не торговца встретил тогда на дороге, а самого дьявола. Это с ним ты заключил сделку, а сделка с дьяволом обычно кончается тем, что люди теряют свою душу.
 - Но ведь я отдал всего лишь тень! запротестовал юноша.

И снова дряхлый священник покачал головой.

— Человек, который не отбрасывает тени, — это, если честно, и не человек вовсе, — сказал он и отвернулся, ничего более не прибавив.

Что ж, юноша вернулся домой. А наутро его нашли повесившимся на ветке дерева. И солнце светило прямо ему в лицо, а на траве у него под ногами лежала его длинная тонкая тень.

Это всего лишь притча, конечно, но отчего-то она постоянно приходит мне на ум, особенно по ночам, когда я не могу уснуть, а ветер тревожно завывает за окном. И тогда я сажусь в постели, поднимаю руки и проверяю, видна ли на стене моя собственная тень.

И я замечаю, что все чаще и чаще мне хочется проверить, есть ли тень у Анук.

31 октября, среда

Ну и дела! Вианн Роше. Надо же было сморозить такую глупость! И кто меня только за язык дернул. Ну почему я вечно несу всякую чушь? Я и сама часто не могу этого понять. Сказала потому, наверное, что мама подслушивала. И я очень рассердилась. Я теперь вообще часто сержусь.

И еще, возможно, из-за этих туфель. Ах, какие у нее были потрясающие туфельки! На высоких каблучках, ярко-красные, как помада, и блестящие, как леденец. Они сверкали на булыжной мостовой, точно драгоценные камни. Других таких туфель в Париже просто не встретишь. Во всяком случае, на обычных людях — уж точно. А мы и есть обычные люди — по крайней мере, мама так говорит, хотя порой по ее поступкам этого и не скажешь.

Ах, какие туфельки...

Цок-цок — простучали они по камням мостовой и замерли прямо напротив нашей лавки, а их хозяйка принялась заглядывать внутрь.

Сначала, со спины, она даже показалась мне знакомой. Ярко-красное пальто в тон туфлям. Светло-каштановые, цвета кофе со сливками, волосы стянуты на затылке шарфом. Уж не нашиты ли у нее колокольчики на подол яркой юбки с набивным рисунком? Уж не позванивает ли на запястье браслет с амулетами? И что за слабое, едва заметное сияние окутывает ее, словно дымка, что повисает жарким днем над Парижем?

Наш магазин был закрыт по случаю похорон. Еще мгновение — и она бы ушла. А мне так хотелось, чтобы она осталась, вот я и сделала нечто такое, чего делать не полагалось, нечто такое, о чем, по мнению мамы, я уже и думать забыла, нечто такое, чего давным-давно не делала. Я скрестила пальцы у нее за спиной и быстро начертала в воздухе некий символ.

Ветерок, приносящий аромат ванили, и тертого мускатного ореха, и темных, поджаренных на слабом огне бобов какао.

Это не колдовство. Правда-правда. Это просто такой фокус, я в это просто играю. Настоящего колдовства вообще не существует — и все же моя магия действует. Иногда.

«Ты меня слышишь?» — спросила я. Не вслух, конечно, а как бы про себя, тенью своего настоящего голоса, которая звучит почти неслышно, точно легкое шуршание падающих листьев.

И она меня услышала! Я точно знаю. Она вздрогнула, обернулась и застыла, а я заставила нашу голубую дверь светиться, совсем чуть-чуть, и она засияла, как чистое осеннее небо. Я еще немного позабавилась с дверью — как с зеркальцем, когда пускаешь кому-то в лицо солнечные зайчики.

Запах древесного дыма над большой миской; рисунок, решительно нанесенный кремом, брызги сахарного сиропа. Горьковатый аромат апельсина, это твое любимое, семидесятипроцентный черный шоколад, а внутри толстенькие ломтики апельсинов из Севильи. Попробуй. Вкуси. Испытай наслаждение.

Она обернулась. Я так и знала! Казалось, она была несколько удивлена, когда увидела меня, но все-таки улыбнулась. Я разглядывала ее лицо — голубые глаза, широкая улыбка, несколько веснушек на переносице; она понравилась мне сразу, как когда-то сразу понравился и Ру, в первый же день нашего с ним знакомства...

И тут она спросила меня, кто умер.

Я ничего не могла с собой поделать. Возможно, из-за этих ее туфель, возможно, потому что знала: мама стоит за дверью. Так или иначе, эти слова у меня просто вырвались, это получилось, как и с тем солнечным светом на створках двери, как с запахом дыма.

И как только я сказала: «Вианн Роше» — наверное, слишком громко сказала, — из-за двери появилась мама. В своем черном пальто, с Розетт на руках и с тем выражением на лице, какое бывает у нее, когда я плохо себя веду или когда с Розетт в очередной раз что-то случается.

— Анни!

Дама в красных туфельках посмотрела сперва на нее, потом на меня, потом снова на нее.

— Мадам... Роше?

Но мама уже взяла себя в руки.

— Это моя... девичья фамилия, — сказала она. — Теперь я мадам Шарбонно. Янна Шарбонно. — И она снова бросила на меня тот свой взгляд. — Боюсь, моя дочь не слишком удачно пошутила, — объяснила она даме в красных туфельках. — Надеюсь, она не слишком вам докучала

своими шутками?

Дама рассмеялась; казалось, она вся превратилась в смех, улыбались даже ее красные туфельки.

- Ничуть она мне не докучала, сказала она. Я просто рассматривала ваш замечательный магазин.
 - Не мой, сказала мама. Я здесь просто работаю.

Дама опять рассмеялась.

— Мне бы тоже хотелось здесь поработать! Между прочим, я действительно работу ищу, вот и застряла у вашей витрины, пожирая взглядом выставленные там шоколадки.

После этих слов мама немного расслабилась, поставила Розетт на землю и повернулась, чтобы запереть дверь. Розетт с серьезным видом разглядывала даму в красных туфлях. Та ей улыбнулась, но Розетт на улыбку не ответила. Она редко улыбается незнакомым людям. И мне почему-то было даже приятно, что Розетт ей не улыбнулась. Это ведь я ее нашла, думала я. Я ее здесь задержала. И пока что, пусть ненадолго, она принадлежит только мне одной.

— Вы ищете работу? — переспросила мама.

Дама кивнула.

— Моя приятельница, с которой мы вместе снимали квартиру, в прошлом месяце съехала, а я работаю официанткой и просто не могу в одиночку за такую квартиру платить. Меня зовут Зози, Зози де л'Альба, и, между прочим, шоколад я просто обожаю!

Ну разве она может кому-то не понравиться, думала я. У нее ведь такие голубые глаза, а улыбка — точно ломоть спелого, сахарного арбуза. Правда, улыбка эта несколько увяла, когда она посмотрела на объявление, висевшее на двери.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Я, кажется, совершенно не вовремя. Надеюсь, это не кто-то из ваших родных?

Мама снова подхватила Розетт на руки.

— Это мадам Пуссен. Она здесь жила. И она наверняка сказала бы, что этот магазин содержит она, хотя, если честно, проку от нее было чуть.

Я вспомнила мадам Пуссен, ее желтоватое, цвета алтея, лицо, ее передники в голубую клетку. Больше всего она любила розовые сливочные помадки и ела их куда чаще, чем следовало бы, хотя мама никогда ей ни слова на этот счет не сказала.

По словам мамы, на нее обрушился удар, что звучит, по-моему, очень даже неплохо. Удача ведь тоже обрушивается внезапно. Накрывает — как ласково накрывают одеялом спящего ребенка. Но потом до меня дошло, что

больше мы мадам Пуссен никогда не увидим. Никогда. И я ощутила какоето странное головокружение, словно у меня под ногами вдруг разверзлась бездна.

— Неправда, был от нее прок, был! — возразила я маме и заплакала. И тут же почувствовала ее руку у себя на плечах, и запах лаванды, и шуршание дорогого шелка, и она что-то тихо шепнула мне на ухо — какоето заклинание, подумала я и слегка удивилась этому, словно вновь вернувшись в те дни, в Ланскне... Но стоило мне поднять глаза, и я поняла, что это вовсе не мама, а Зози. Это ее длинные волосы касались моего лица, это ее красное пальто так и сияло на солнце.

А у нее за спиной стояла мама в своем траурном пальто, и глаза ее были темны, как ночь, так темны, что по ним ничего нельзя было прочесть. Она сделала шаг — по-прежнему держа на руках Розетт, — и я поняла, что, если я так и буду стоять, она обнимет нас обеих, и тогда уж я точно не смогу перестать плакать, хотя я, наверное, толком и не сумела бы объяснить ей, почему плачу. Нет, ни за что, только не сейчас, не перед этой дамой в леденцовых туфельках!

И я, резко повернувшись, бросилась бежать куда-то по пустынному переулку, сразу почувствовав себя свободной, как ветер. Мне нравится бежать: можно делать огромные прыжки, и, если раскинуть руки, чувствуешь себя воздушным змеем; можно пробовать ветер на вкус; можно попытаться обогнать мчащееся впереди тебя солнце; и порой мне это даже почти удается — обогнать и этот ветер, и это солнце, и собственную тень, что гонится за мной по пятам.

А знаете, у моей тени ведь имя есть. Пантуфль. У меня когда-то был любимый кролик, которого звали Пантуфль, так говорит мама, но сама я плохо помню, живой это был кролик или просто игрушка. «Твой воображаемый дружок» — так она порой называет Пантуфля, но я-то почти уверена, что он действительно всегда рядом — мягкой серой тенью следует за мной по пятам или, свернувшись в клубок, спит ночью в моей постели. Мне и теперь приятно думать, что он стережет мой сон или бежит вместе со мной, пытаясь обогнать ветер. Иногда я чувствую его присутствие. Иногда я по-прежнему его вижу — хотя мама утверждает, что это всего лишь плод моего воображения, и не любит, когда я говорю о нем даже в шутку.

А сама мама теперь почти никогда не шутит и не смеется так, как смеялась раньше. Возможно, она попрежнему сильно тревожится из-за Розетт. Из-за меня-то она точно тревожится, это я знаю. Она говорит, что я чересчур легкомысленно отношусь к жизни. А это неправильно.

Интересно, а Зози серьезно относится к жизни? Да ладно! Не может этого быть, спорить готова. Разве можно серьезно относиться к жизни в таких туфлях? Наверняка она мне именно поэтому так и понравилась. Из-за этих красных туфелек, из-за того, как она заглядывала к нам в окно, из-за того, что она, несомненно, может видеть Пантуфля — не просто какую-то тень, а самого Пантуфля, следующего за мной по пятам.

31 октября, среда

В общем, приятно сознавать, что с детьми я обращаться умею. Впрочем, как и с их родителями; это часть моих магических знаний, моих чар. Видите ли, без умения применить чары в бизнесе далеко не уедешь, тем более в таком, как мой, когда окончательная цель — это нечто интимное, куда более важное, чем просто некая собственность; когда абсолютно необходимо вплотную соприкоснуться с той жизнью, которую собираешься взять себе.

Не то чтобы меня так уж сразу заинтересовала жизнь этой женщины. Во всяком случае, в первый момент нисколько. Хотя должна признаться, что я почти сразу была заинтригована. И разумеется, меня заинтриговала не усопшая. И даже не ее магазин — довольно хорошенький, но уж больно крошечный, слишком ничтожный для человека моих амбиций. А вот женщина эта действительно меня заинтриговала, как и ее дочка...

Вы верите в любовь с первого взгляда?

Думаю, нет. Я тоже. И все-таки...

Это сияние всех цветов радуги, которое я заметила за приоткрытой дверью. Этот мучительный намек на нечто такое, что ты едва успела одним глазком увидеть, но так и не смогла попробовать на вкус. И эти вздохи ветра над крыльцом. Все это пробудило сперва мое любопытство, а затем — и мою страсть к стяжательству.

Вы же понимаете, я не воровка. Прежде всего и главным образом я — коллекционер. Я, например, с восьми лет собираю магические амулеты для своего браслета, но теперь все больше увлекаюсь коллекционированием личностей: имен людей, их секретов, их историй, их жизней. О, разумеется, отчасти из соображений собственной выгоды. Но более всего меня увлекает сам процесс охоты, поиска, напряженного преследования добычи, соблазнения жертвы и финальная схватка с нею. Тот миг, когда пиньята

наконец разлетается вдребезги...

Вот что я люблю больше всего на свете.

— Дети, — улыбнулась я.

Янна вздохнула.

- Они так быстро растут! Глазом не успеешь моргнуть, а их уже и нет рядом. Девочка все бежала куда-то по переулку, и Янна крикнула ей: Только не убегай слишком далеко!
 - Никуда она не денется, успокоила я.

Она, пожалуй, кажется более покорной, чем ее дочь. Но они очень похожи. У Янны черные волосы до плеч, прямые брови вразлет, глаза цвета горького шоколада. И такой же, как у Анни, алый, упрямый, великодушный рот с чуточку приподнятыми уголками губ. И такой же невнятно-иностранный, экзотический облик, хотя, если не считать того первого впечатления, которое произвели на меня яркие цвета за полуоткрытой дверью, я так и не сумела разглядеть в ней чего-нибудь загадочного. С виду в этой женщине нет ровным счетом ничего особенного: одежда, довольно поношенная, явно выписана по каталогу «Ла Редут», простой коричневый берет чуть сдвинут набок, туфли самые скромные.

Многое можно сказать о человеке, всего лишь взглянув на его туфли. Свои она наверняка тщательнейшим образом выбирала именно для того, чтобы ни в коем случае не выглядеть экстравагантно: черные, с округлым мыском, безжалостно обычные, вроде тех, которые ее дочь носит в школу. А в целом — каблуки немного низковаты, одежда чересчур мрачных оттенков, никаких украшений, кроме простого золотого кольца на пальце, и совсем чуть-чуть макияжа, чтобы все же выглядеть прилично.

Девочке, которую она держала на руках, было от силы годика три. Такие же настороженные, как у матери, глаза, но волосы цвета только что разрезанной тыквы, а крошечная мордашка размером с гусиное яйцо вся усыпана абрикосовыми веснушками. Ничем не примечательное маленькое семейство — по крайней мере, с первого взгляда; и все же я не могла отделаться от мысли, что есть в них нечто такое, чего я пока как следует разглядеть не в силах, некий слабый свет вроде того, что исходит и от меня самой...

Во всяком случае, подумала я, это явно стоит включить в коллекцию. Женщина посмотрела на часы и крикнула:

— Анни!

В дальнем конце улицы Анни только рукой махнула — то ли от избытка чувств, то из чистого непослушания. Я заметила, что над ней вьется нечто вроде сияющей дымки, синей, как крыло бабочки, что лишь

подтвердило мою уверенность в том, что им есть что скрывать. И в малышке тоже явственно чувствовался этот потаенный свет, а уж что касается матери...

- Вы замужем? спросила я.
- Вдова, сказала она. Уже три года. Я после этого сюда и переехала.
 - Вот как, пробормотала я.

Вряд ли это правда. Чтобы казаться вдовой, мало черного пальто и обручального кольца; Янна Шарбонно (если это, конечно, ее настоящее имя) вдовой мне отнюдь не кажется. Других она, возможно, и сумела бы обмануть, но я-то вижу значительно глубже.

Да и зачем ей подобная ложь? Это же Париж, я вас умоляю! Здесь никого не отдают под суд за отсутствие брачного свидетельства. Интересно, какую маленькую тайну она скрывает? И стоит ли моих усилий раскрытие этой тайны?

— Нелегко, должно быть, тут магазин держать? — спросила я.

Монмартр ведь похож на странный маленький остров из камня— здесь особые туристы, особые художники, особые, совершенно средневековые, сточные канавы, особые нищие. Здесь даже выступления стриптизеров проходят по-особому, прямо на улице, под липами, а на симпатичных улочках по ночам вполне могут и бандиты напасть.

Янна улыбнулась.

- Здесь вовсе не так плохо.
- Правда? удивилась я. Но ведь теперь, когда мадам Пуссен умерла...

Она отвела глаза.

— Хозяин этого дома — наш друг. Он не выбросит нас на улицу.

Мне показалось, что она слегка покраснела.

- Неужели дела здесь и впрямь идут неплохо?
- Могло быть и хуже.

Ну да, туристы всегда готовы купить что-нибудь, даже если цена немыслимо завышена.

— Но, в общем, состояния мы здесь, разумеется, никогда не сколотим...

Что ж, я так и думала. Даже и стараться не стоит. Она, конечно, храбрится, но я-то вижу и ее дешевую юбку, и обтрепавшиеся обшлага на пока еще очень приличном пальтишке девочки, и выцветшую, неудобочитаемую деревянную вывеску над входом в лавку.

И все же было нечто странно привлекательное в этой витрине,

загроможденной коробками и жестянками и украшенной по случаю Хэллоуина ведьмами и чертями из темного шоколада и цветной соломки, пухлыми тыквами из марципана и бисквитными черепами, обмазанными кленовым сиропом. Пока что я лишь это сумела разглядеть в щель между полузакрытыми ставнями.

И еще меня манил запах — чуть горьковатый запах яблок и жженого сахара, ванили и рома, кардамона и шоколада. Не могу сказать, что я так уж люблю шоколад, но все же от этого запаха у меня просто слюнки потекли.

Попробуй. Испытай меня на вкус.

Едва заметно шевельнув пальцами, я начертала в воздухе символ Дымящегося Зеркала — которое также называют Глазом Черного Тескатлипоки^[19], — и витрина на какую-то долю секунды ярко осветилась.

Моей собеседнице явно стало не по себе — она, видимо, тоже заметила эту вспышку, а малышка у нее на руках тихонько засмеялась, точнее, мяукнула и потянулась к витрине ручонкой...

Интересно, подумала я. И спросила:

- А что, вы все эти шоколадки сами делаете?
- Когда-то все сама делала. Теперь нет.
- Нелегко вам, наверное, приходится.
- Ничего, я справляюсь.

Хм... очень интересно.

Но действительно ли она справляется? И будет ли справляться теперь, после смерти старой хозяйки магазина? Что-то я сомневаюсь. Нет, судя по ее виду, она с чем угодно способна справиться — такой у нее упрямый рот и спокойный взгляд. И все же есть в ней некая слабина. Некая слабость... А впрочем, может, как раз сила?

Нужно быть очень сильной, чтобы жить вот так, в одиночку поднимая в Париже двоих детей, все время и силы отдавая бизнесу, доходов от которого в лучшем случае едва хватает, чтобы заплатить за аренду помещения. Нет, ее слабость заключается совсем в другом. Это, во-первых, младшая дочка. Она за нее очень боится. Она за них обеих боится и цепляется за своих девочек так, словно их ветром унести может.

Я знаю, что вы сейчас подумали. Да только мне дела нет до ваших мыслей.

Что ж, можете считать меня любопытной, если хотите. В конце концов, я использую подобные тайны в личных целях. И не только тайны, но и мелкие предательства, расспросы, расследования, Не брезгую я и воровством, и крупными кражами; мне на руку всевозможные обманы и лукавства, скрытые пропасти и тихие омуты, плащи и кинжалы, потайные

дверцы и запретные свидания, подглядывание из-за угла и в замочную скважину, различные подпольные операции, незаконный захват собственности, сбор различной информации и так далее, и тому подобное.

Неужели это так плохо?

Полагаю, что да.

Но Янна Шарбонно (или Вианн Роше) явно что-то скрывает от мира. Я прямо-таки чую запах ее многочисленных тайн, похожий на острый запах тех шутих, которыми обычно обвешана праздничная пиньята. Пущенный умелой рукой камень способен все их взорвать, вот тогда пиньята и покажет свое нутро, тогда мы и увидим, может ли кто-то вроде меня воспользоваться ее тайнами.

Мне просто очень интересно, вот и все: любопытство — обычное свойство тех счастливцев, кому довелось родиться под знаком Самого Первого Ягуара.

И потом, она ведь явно лжет, верно? А если и есть на свете нечто такое, что мы, Ягуары, ненавидим больше, чем слабость, так это лжецы.

1 ноября, четверг День всех святых

Сегодня Анук опять какая-то беспокойная. Возможно, из-за вчерашних похорон, а может, на нее просто этот ветер так действует. Такое с ней порой бывает, и она, готовая в любую минуту расплакаться, мечется, как дикая лошадка, становясь под воздействием этого ветра упрямой, безрассудной и чужой. Моя маленькая незнакомка.

Знаете, я часто ее так называла, когда она была еще совсем маленькой и на свете нас было только двое. «Маленькая незнакомка» — словно я у кого-то ее позаимствовала и когда-нибудь этот кто-то придет и заберет ее у меня. В ней всегда это было — и непохожесть на других, и особенный взгляд, когда кажется, что ее глаза видят все гораздо дальше и глубже, а мысли и вовсе бродят где-то за пределами нашего мира.

«Одаренная девочка, — говорит ее новая учительница. — Необычайно развитое воображение и удивительно обширный для ее возраста запас слов!» Но, говоря это, учительница смотрит так, словно богатое воображение подозрительно уже само но себе, словно это признак чего-то дурного.

Что ж, моя вина. Теперь-то я это понимаю. А тогда мне казалось совершенно естественным воспитывать ее согласно представлениям моей матери. Это обеспечивало определенную перспективу, позволяло иметь некие собственные традиции, как бы заключало нас в магический круг, внутрь которого остальной мир проникнуть не мог. Но если он не мог туда проникнуть, то и мы не могли выйти оттуда. Мы оказались пойманными в ловушку, заключенными в некий уютный кокон, который, впрочем, сами же и создали, и, став вечными чужаками, существовали как бы отдельно от всех.

Во всяком случае, так было еще четыре года назад. Но с тех пор мы живем во лжи, уютной и удобной.

Пожалуйста, не смотрите так удивленно. Покажите мне любую мать, и я докажу вам, что она — лгунья. Мы рассказываем своим детям не о том, каков окружающий мир, а о том, каким ему следовало бы быть. Говорим, что там нет ни чудовищ, ни призраков, что если поступать хорошо, то и люди будут делать тебе добро, что Матерь Божья всегда будет рядом и защитит тебя. И, разумеется, мы никогда не называем это ложью — ведь у нас самые лучшие намерения, мы хотим своим детям только добра, — но тем не менее это самая настоящая ложь.

После того, что случилось в деревушке Ле-Лавёз, выбора у меня не осталось. Любая мать поступила бы точно так же.

- Что же это было такое? все спрашивала у меня Анук. Скажи, мам, неужели это из-за нас?
 - Нет, это просто несчастный случай.
 - Но тот ветер... ты же говорила...
 - Ложись-ка лучше спать.
- A мы не могли бы немного поколдовать и как-нибудь это исправить?
- Нет, не могли бы. Да это и не колдовство, а просто детские забавы. Ни магии, ни колдовства не существует, Нану.

Она очень серьезно посмотрела на меня и сказала:

- Нет, существует. Так и Пантуфль говорит.
- Девочка моя дорогая, так ведь и самого Пантуфля тоже на самом деле не существует.

Нелегко это — быть дочерью ведьмы. Но быть матерью ведьмы еще труднее. Так что после происшествия в Ле-Лавёз я оказалась перед выбором. Если я скажу своим детям правду, то и их тоже приговорю к той жизни, какую всегда вела сама, — к вечным скитаниям, к полному отсутствию стабильности, покоя и безопасности, к жизни на чемоданах, к тому, что им всегда придется бежать наперегонки с этим ветром...

Если я солгу — то мы будем как все.

И я лгала. Я лгала Анук. Я говорила ей, что все это выдумки. Что нет никакой магии; что колдовство бывает только в сказках. Что нет таких потусторонних сил, которые можно было вызвать условным стуком и проверить, на что они способны. Что не существует ни хранителей домашнего очага, ни ведьм, ни магических рун, ни заклятий, ни могущественных тотемов, ни волшебных кругов на песке. Все необъяснимое стало у нас называться Случайностью или Несчастным Случаем — да, с большой буквы! — и неожиданная удача, и тайный зов, и дар богов. А также Пантуфль — низведенный до положения

«воображаемого дружка», на которого теперь совсем не обращают внимания, хотя норой даже я все еще вижу его, пусть всего лишь краем глаза.

Но теперь, увидев его, я отворачиваюсь. И закрываю глаза, пока не исчезнут все цвета, все краски.

После Ле-Лавёз я убрала все те вещи с глаз долой, понимая, что Анук, возможно, будет возмущена — и даже на некоторое время меня возненавидит, возможно, — но все же надеялась, что когда-нибудь она поймет.

- И тебе ведь придется стать взрослой, Анук, и научиться отличать реальное от вымышленного.
 - Зачем?
- Так лучше, говорила я ей. Подобные вещи, Анук... они как бы отделяют нас от других людей. И мы становимся не такими, как все. Неужели тебе нравится быть не такой, как все? Разве тебе не хочется жить вместе со всеми, хотя бы на этот раз? Завести друзей и...
 - Но ведь у меня были друзья! Поль и Фрамбуаза...
- Мы не могли там оставаться. После того, что случилось, никак не могли.
 - И еще Зезет и Бланш...
- Это вечные странники, Нану. Речной народ. Ты же не можешь всю жизнь прожить на таком суденышке во всяком случае, если действительно хочешь ходить в школу...
 - И Пантуфль...
 - Воображаемые друзья не считаются, Нану.
 - И еще Ру, мама. Ведь Ру был нашим другом.

Я промолчала.

— Ну почему, почему мы не могли остаться с Ру? Почему ты не сообщила ему, где мы?

Я вздохнула:

- Все это очень сложно, Нану.
- Я по нему скучаю.
- Я знаю.

Ну, для Ру вообще все очень просто. Делай что хочешь. Бери что хочешь. Держи путь туда, куда влечет тебя ветер. Для Ру этого вполне достаточно. Ему этого довольно для счастья. Но я-то знаю, что все иметь невозможно. Я пробовала идти этим путем. И знаю, куда он ведет. И как потом бывает тяжко, ох как тяжко, Нану.

Ру сказал бы: «Ты слишком много тревожишься». Ру с его вызывающе

рыжими волосами, с его скупой улыбкой на его обожаемой речной посудине под вечно движущимися звездами. «Ты слишком много тревожишься». Возможно, он прав; несмотря ни на что, я действительно слишком много тревожусь. Меня тревожит то, что у Анук в новой школе нет друзей. И то, что Розетт, такая живая и умненькая, до сих пор не говорит, хотя ей уже почти четыре года, словно она — жертва какого-то злобного заклятия, некая принцесса, онемевшая от страха перед тем, что могут поведать ее уста.

Как объяснить это Ру, который ничего не боится, никем не дорожит и ни за кого не тревожится? Быть матерью значит жить в вечном страхе — в страхе перед смертью, болезнью, утратой, несчастным случаем, опасаясь любого чужака или того Черного Человека, страшась даже тех повседневных мелочей, которые каким-то образом ухитряются сильнее всего уязвить нас, — раздраженного взгляда, сердито брошенного слова, нерассказанной на ночь сказки, забытого поцелуя, того ужасного момента, когда для дочери мать перестает быть центром мира и становится просто еще одним спутником, вращающимся вокруг некоего солнца, менее важного, чем ее собственное.

Со мной этого еще не произошло, по крайней мере пока. Но я замечаю это в других детях; я вижу это в девочках-подростках с надутыми губами, мобильными телефонами и взглядом, исполненным презрения ко всему миру. Я разочаровала Анук; я это понимаю. Я не такая мать, какую она хотела бы. И в свои одиннадцать лет она, даже будучи такой умницей, все же слишком юна, чтобы понять, чем я пожертвовала и почему.

«Ты слишком много тревожишься».

Ах, если бы все было так просто!

«Но ведь это действительно просто», — звучит у меня в ушах его голос.

Когда-то, возможно, и я так думала, Ру. Но не теперь.

Интересно, неужели сам он ничуть не изменился? Ну а меня он, наверное, и вовсе не узнает. Я иногда получаю от него весточки — он раздобыл мой адрес у Бланш и Зезетт, — но очень короткие и только на Рождество и в день рождения Анук. Я пишу ему на адрес почтового отделения в Ланскне; зная, что он иногда проплывает мимо этого городка. О Розетт я ни в одном из своих писем не сказала ни слова. Как и о нашем домовладельце Тьерри, который проявил по отношению к нам столько доброты, великодушия и терпения, что у меня просто не хватает слов.

Тьерри Ле Трессе пятьдесят один год, он разведен, у него есть взрослый сын, он прилежно ходит в церковь и надежен, как скала.

Не смейтесь. Мне он очень нравится.

Интересно, а что он находит во мне?

Я теперь, глядя в зеркало, не вижу там себя; так, ничего не говорящее лицо женщины за тридцать. Самая обыкновенная женщина, не наделенная ни особой красотой, ни особым характером. Такая же, как все прочие; в сущности, именно такой я и хотела стать, но почему-то сегодня мысль об этом приводит меня в полное уныние. Возможно, на меня так подействовали похороны, и та печальная полутемная часовня, украшенная цветами, оставшимися от предыдущего покойника, и опустевшая комната наверху, и абсурдно громадный венок от Тьерри, и равнодушный священник с насморочным носом, и рев труб из потрескивающих усилителей, исполнявших «Нимрода» Элгара [20].

Смерть банальна, как утверждала моя мать незадолго до своей кончины в результате несчастного случая на оживленной улице в центре Нью-Йорка. А вот жизнь удивительна. И мы сами тоже удивительны, необыкновенны. Принять необычное — значит восславить жизнь, уверяла она.

Что ж, мама. Теперь все переменилось. В старые времена (не такие уж и старые, напоминаю я себе) вчера был бы веселый праздник. Ведь вчера был Хэллоуин, канун Дня всех святых, день магии и колдовства, день тайн и загадок. В этот день принято развешивать вокруг дома красные шелковые саше, чтобы отпугнуть зло, а на пороге оставлять рассыпанную соль, медовые пряники и вино; это день тыкв, яблок, шутих, аромата сосновой смолы и древесного дыма, ибо в этот день, как говорится, осень поворачивает на зиму. В этот день следовало бы петь и танцевать вокруг костров, и Анук в невероятном гриме и черных перьях должна была бы летать от дома к дому со своею свитой — Пантуфлем и Розетт, нарядной, важной, с фонариком в руках и со своим тотемом, у которого такая же рыжая шерстка, как ее волосы.

Хватит. Больно вспоминать те дни. Но покоя-то по-прежнему нет. Моя мать понимала причину этого — она двадцать лет убегала от Черного Человека; вот и я — хоть мне на какое-то время и показалось, что я его победила и отвоевала свое место в жизни, — тоже вскоре поняла: моя победа была всего лишь иллюзией. У Черного Человека множество лиц, множество последователей, и он отнюдь не всегда облачен в сутану священника.

Раньше я всегда считала, что боюсь их Бога. И прошло немало лет, прежде чем я поняла, что на самом деле я боюсь их доброты. Их благочестия. Их доброжелательной участливости. Их жалости. Все эти

четыре года я чувствовала: они идут по нашему следу, вынюхивая, выискивая, подбираясь к нам все ближе. А уж после Ле-Лавёз они и вовсе почти нас настигли. У них такие добрые намерения, у этих Благочестивых: еще бы, они ведь желают моим прелестным детям только самого лучшего. И не намерены отступаться, пока не разорвут наши узы, пока и самих нас на куски не разорвут!

Возможно, именно поэтому я никогда полностью Тьерри и не доверяла. Доброму, надежному, солидному Тьерри, моему хорошему другу, с его неторопливой улыбкой, бодрым, веселым голосом и трогательной верой в то, что деньги — панацея от любой беды. О да, он готов нам помочь — он уже и так очень помог нам в этом году. Стоит мне сказать слово, и он снова поможет. И тогда все наши беды, возможно, останутся позади. Странно, почему я колеблюсь? И почему мне так трудно кому-то довериться? Признать наконец, что мне необходима помощь?

Но сейчас, в Хэллоуин, когда уже близится полночь и вокруг стоит тишина, мысли мои куда-то вдруг уплывают, и я, как это часто бывает в подобные моменты, начинаю думать о матери, о картах Таро и о Благочестивых. Анук и Розетт уже снят. Ветер внезапно улегся. Внизу, под мерцает Париж. светящейся дымкой нами, A темные Монмартрского холма плывут над ним, точно иной, волшебный город, созданный из дыма и звездного света. Анук считает, что я давно сожгла гадальные карты: я не раскладывала их больше трех лет. Однако они попрежнему у меня; это карты моей матери, они насквозь пропахли шоколадом и сильно залоснились.

Заветная шкатулка спрятана у меня под кроватью. От нее исходит аромат напрасно потраченных лет и сезона туманов. Я открываю ее — и вот они, карты, их старинные лики вырезаны из дерева несколько веков назад в городе Марселе. Смерть, Влюбленные, Башня, Шут, Волшебник, Повешенный, Перемена.

Это же не настоящее гадание, уговариваю я себя. И вытаскиваю их по одной, просто так, наугад, бесцельно, ничуть не задумываясь о последствиях. И все же не могу избавиться от мысли, что карты пытаются что-то сказать мне, что в них заключено некое послание.

И я их убираю. Зря только доставала. В былые времена я бы, конечно, отогнала ночных демонов с помощью заклятия — кыш, кыш, пошли прочь! — и исцеляющего напитка, а потом воскурила бы благовония и рассыпала на пороге соль. Но теперь я приобщилась к цивилизации, из целебных магических отваров признаю только ромашковый чай. Он помогает мне уснуть — хотя и не сразу.

Но всю эту ночь — впервые за много месяцев — мне снятся Благочестивые. Они выслеживают нас, они тайком крадутся по переулкам и задним дворам Монмартра, и я даже во сне жалею, что не бросила на крыльцо щепотку соли, не повесила над дверями мешочек с волшебными травами, оставила свой дом без защиты, и теперь ночь может незаметно войти к нам, привлеченная запахом шоколада.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ САМЫЙ ПЕРВЫЙ ЯГУАР

5 ноября, понедельник

Я, как всегда, поехала в школу на автобусе. Вы бы, наверное, и не догадались, что тут школа, если б не вывеска над входом. Все остальное скрыто высокими стенами, за которыми вполне могли бы находиться несколько офисов, или частный парк, или еще что-нибудь, но только не школа. Лицей Жюля Ренара не так уж и велик по парижским меркам, но для меня он — как целый город.

В Ланские у нас во всей школе было человек сорок. А здесь восемьсот мальчишек и девчонок со всеми их шкафчиками для обуви, запасными комплектами учебников, ранцами, мобильниками, флаконами тюбиками гигиенической тетрадками, дезодорантом, помады, компьютерными играми, секретами, сплетнями и враньем. У меня здесь только одна подруга — ну, почти что подруга — Сюзанна Прюдомм; она живет на улице Ганнерон, на той стороне, где кладбище, и иногда заходит к нам в chocolaterie.

У Сюзанны — ей нравится, когда ее называют Сюзи, — рыжие волосы, которые она ненавидит, и круглое веснушчатое лицо, и она все время собирается сесть на диету. А мне, пожалуй, ее волосы даже нравятся: они напоминают о моем друге Ру, — и, по-моему, она совсем не толстая, но отчего-то все время жалуется и на свои волосы, и на толщину. Какое-то время мы с ней очень хорошо ладили, но теперь она все чаще дуется на меня; а то вдруг ни с того ни с сего начнет говорить гадости или заявит, что больше не будет со мной разговаривать, пока я не сделаю так, как она хочет.

Сегодня она опять решила со мной не разговаривать. Это потому, что вчера я не согласилась пойти в кино. Но ведь билет в кино и так стоит довольно дорого, а там еще нужно покупать попкорн и кока-колу — ведь если я ничего не куплю, Сюзанна сразу заметит и в школе начнет отпускать всякие шуточки насчет того, что у меня вечно нет денег; и потом, там наверняка будет Шанталь, а Сюзанна сразу преображается, если рядом

Шанталь.

Шанталь — теперь ее лучшая подруга. У Шанталь всегда есть деньги на кино, и уж у нее-то волосы всегда лежат идеально. Она носит бриллиантовый крестик от «Тиффани»; когда учитель в школе потребовал, чтобы она сняла этот крестик, ее отец написал в редакцию газеты письмо: дескать, это позор, что его дочь тиранят за то, что она носит символ своей католической веры, тогда как девочкам-мусульманкам по-прежнему разрешают ходить в школу в платках. Это вызвало настоящий скандал; а потом и крестики, и головные платки носить в школе запретили. Только Шанталь свой крестик носит по-прежнему. Я сама видела его на ней в физкультурной раздевалке. А преподаватели делают вид, что ничего не замечают. Вот какое воздействие оказывает на них отец Шанталь.

«Просто не обращай на них внимания, — говорит мама. — Попробуй подружиться с кем-нибудь еще».

Можно подумать, я не пробовала! Но стоит мне завести себе новую подружку, и Сюзи тут же находит способ, чтобы ее от меня отвадить. Так уже не раз было. И главное, я никак не могу ткнуть в нее пальцем и сказать: «Это ты виновата». Она делает это исподтишка, но недоброжелательность сразу так и повисает в воздухе, точно запах духов. И те, кого ты считала своими друзьями, начинают тебя избегать и общаются только с нею; глазом моргнуть не успеешь, как они уже не твои, а ее друзья, а ты опять осталась одна.

В общем, весь сегодняшний день Сюзи разговаривать со мной не желала, на всех уроках садилась с Шанталь и на всякий случай так клала свой портфель, чтобы я не могла сесть с нею рядом, и стоило мне взглянуть в их сторону, как они, по-моему, начинали надо мной смеяться.

Да пусть смеются. Очень мне надо становиться такой же!

А потом я заметила: они уселись близко-близко, голова к голове, и на меня даже не смотрят, но уже по одному тому, как они на меня не смотрят, было ясно, что они опять надо мной смеются. Но почему? Что во мне такого смешного? Раньше-то я, по крайней мере, знала, чем отличаюсь от других. А теперь?..

Может, дело в моих волосах? Или в том, как я одета? Или это потому, что мы никогда ничего не покупаем в галерее Лафайет? И не ездим кататься на лыжах в Валь-д"Изер, и не проводим лето в Каннах? Может, на мне какой-то ярлык, как на дешевых «трениках», который словно предупреждает их всех, что я второго сорта?

Мама очень старалась мне помочь. Ничего такого необычного в моей внешности нет, и по моему виду нельзя предположить, что у нас совсем нет

денег. Одежда у меня такая же, как и у всех. И школьная сумка тоже. Я смотрю те же фильмы, что и все, читаю те же книги, слушаю ту же музыку. Я должна была бы им подходить. И все-таки отчего-то не подхожу.

Все дело во мне. Я просто им не соответствую. Я вся какая-то другая — неправильной формы, не того цвета. И книги мне нравятся неправильные. И я тайком от них смотрю неправильные фильмы. Да, я другая, нравится им это или нет, и не понимаю, с какой стати мне притворяться и под них подлаживаться!

Когда я сегодня утром вошла в класс, все играли теннисным мячом. Сюзи кидала его Шанталь, та — Люси, Люси — Сандрин, а затем мячик летел через весь класс к Софи. Никто ничего не сказал, когда я вошла. Они просто продолжали играть, но я заметила, что никто ни разу не кинул мяч мне, а когда я громко крикнула: «Давай сюда!» — все сделали вид, что не слышат. Выглядело это так, словно играют уже совсем в другую игру: никто ничего не говорил, но теперь, похоже, главным стало то, чтобы мяч ни в коем случае не попал ко мне в руки; они стали кричать: «Анни водит, Анни водит», так что я постоянно вскакивала и крутилась на месте, широко расставив руки и пытаясь поймать мячик.

Я понимаю, что все это глупости. Что это всего лишь игра. Только в школе у меня каждый день так. У нас в классе двадцать три человека, и я всегда «третий лишний»: мне приходится сидеть за партой в одиночестве, потому что для меня нет пары; мне приходится делить компьютер с двумя другими учениками (обычно с Шанталь и Сюзи), а не с одним, как всем остальным; и обеденный перерыв я чаще всего провожу в библиотеке или одна, сидя на скамейке, а все остальные стайками ходят вокруг, смеются, болтают, играют в разные игры. Я бы не возражала, если б хоть иногда «водил» кто-нибудь другой. Но они никогда не «водят». Всегда только я.

И это не потому, что я какая-то там особо стеснительная. Нет, я люблю людей. И умею с ними ладить. И я люблю поболтать, поиграть на площадке в бейсбол или в дартс; я совсем не такая, как Клод, который так застенчив, что и слова не может вымолвить, даже заикаться начинает, стоит учителю задать ему какой-нибудь вопрос. Я не такая обидчивая, как Сюзи, и не такая воображала, как Шанталь. Я всегда готова выслушать человека, если он чем-то расстроен: когда Сюзи ссорится с Люси или Даниэль, она сразу бежит не к Шанталь, а ко мне, — но стоит мне решить, что отношения у нас с ней налаживаются, как она придумывает какую-нибудь новую пакость. Например, фотографирует меня своим мобильным телефоном в физкультурной раздевалке, а потом всем эти фотографии показывает. А если я прошу ее: «Сюзи, не делай этого», она снисходительно на меня

смотрит и смеется: «Ты что, это же просто шутка», вот и приходится смеяться, даже если мне совсем не смешно, иначе скажут, что у меня нет чувства юмора. Но мне это действительно не кажется смешным. Как и та игра с теннисным мячиком — весело только тем, кто не «водит».

В общем, об этом я и размышляла, когда ехала домой на автобусе, а у меня за спиной сидели Сюзи и Шанталь и не переставая хихикали. Я на них не оглядывалась, притворялась, будто читаю книгу, хотя автобус то и дело подпрыгивал и так трясся, что у меня буквы расплывались перед глазами. Если честно, то дело было не только в этом, просто у меня на глазах были слезы; в итоге я просто отвернулась к окну и стала туда смотреть, хотя шел дождь и уже почти стемнело, серые парижские сумерки окутали все вокруг. Мы уже миновали станцию метро на улице Коленкур, следующая остановка была моя.

Может, мне теперь лучше на метро ездить? От станции метро до нашей школы не очень близко, но в метро мне нравится куда больше; мне нравится сладковатый запах на эскалаторах, похожий на запах печенья, и сильный поток воздуха, когда на станцию прибывает поезд, и кишащая толпа пассажиров. В метро можно встретить кого угодно, любых самых странных людей. Представителей любой расы, туристов, мусульманских женщин в чадрах, африканских торговцев, у которых карманы битком набиты поддельными наручными часами, резными украшениями из слоновой кости, всевозможными бусами и браслетами из раковин и бисера. Там встречаются мужчины, одетые как женщины, и женщины, одетые как звезды кино, там люди иногда едят очень странную еду прямо из коричневых бумажных пакетов, а у некоторых прически, как у панков, или все тело в татуировке, или кольца в бровях; там можно увидеть и нищих, и уличных музыкантов, и карманных воров, и пьяниц...

Но мама предпочитает, чтобы я ездила на автобусе.

Ну конечно. Кто бы сомневался.

Сюзанна у меня за спиной захихикала, и я поняла, что она снова сказала про меня какую-то гадость. Я встала и, не обращая на нее внимания, двинулась к переднему выходу.

И тут вдруг увидела Зози, стоявшую в проходе. Сегодня она свои до колена леденцовые туфельки не надела, зато на ней были сапоги на высоченной платформе, пурпурного цвета, с пряжками, короткое черное платье, надетое поверх лимонно-зеленого свитера с высоким горлом, а в волосах светилась ярко-розовая прядь. В общем, выглядела она сногсшибательно!

И я не смогла удержаться — так ей и сказала.

Я была почти уверена, что она успела меня позабыть, но оказалось, что не забыла.

— Анни! Ты ли это! — Она чмокнула меня в щеку. — О, как раз моя остановка. А ты разве не выходишь?

Оглянувшись, я успела заметить, как уставились на нас Сюзанна и Шанталь, от удивления они даже хихикать перестали. Впрочем, вряд ли кто-то из них решился бы смеяться над Зози. Да и она вряд ли обратила бы на них внимание, если б они даже и захихикали. Я видела, что Сюзанна так и сидит с раскрытым ртом (ей-богу, не самое лучшее выражение лица!), а Шанталь рядом с нею просто позеленела, став почти такого же цвета, как свитер Зози.

- Твои подружки? спросила Зози, когда мы вышли из автобуса.
- Хм, вроде бы, презрительно хмыкнула я.

Зози рассмеялась. Она вообще много смеется, даже, пожалуй, не смеется, а громко хохочет, и ее, похоже, ничуть не заботит, что на нее оглядываются. В сапогах на платформе она казалась очень высокой. Жаль, что у меня таких нет!

- А почему бы и тебе такие сапоги не завести? спросила Зози. Я только плечами пожала.
- Должна сказать, тебе бы это... весьма пошло. Мне понравилось, как она это сказала: глаза у нее блестели так искренне, они никогда так не блестят у тех, кто над тобой подшучивает. Но сейчас, вынуждена признать, вид у тебя самый что ни на есть обыкновенный. Улавливаешь мою мысль?
 - Мама не любит, когда мы выглядим иначе, чем все остальные.

Зози удивленно вскинула бровь:

— Вот как?

И снова я лишь молча пожала плечами.

- Ну ладно. Каждому, как говорится, свое. Послушай, тут, чуть дальше, есть чудное маленькое кафе, где подают самые замечательные в мире пирожные с кремом так, может, зайдем ненадолго, отпразднуем?
 - Что отпразднуем? не поняла я.
 - А то, что я вскоре стану вашей соседкой!

Ну, я, разумеется, знаю, что никуда нельзя ходить с незнакомыми людьми. Мама достаточно часто это повторяет, да и невозможно жить в Париже, не приобретя привычки к осторожности. Но в данном случае все было иначе — это же была Зози! И кроме того, она пригласила меня в общественное место, в кафе «Английский чай», которого я прежде даже не замечала, где, по ее словам, подают совершенно восхитительные

пирожные.

Одна я бы туда ни за что не пошла. В таких местах я всегда чувствую себя не в своей тарелке. Вот и теперь я нервничала — стеклянные столики, дамы в мехах, пьющие какой-то немыслимый чай из тончайших фарфоровых чашечек, официантки в коротеньких черных платьицах... И все, словно не веря собственным глазам, дружно на нас уставились — на меня, одетую в школьную форму и растрепанную, и на Зози в ее пурпурных сапогах на платформе.

— Я обожаю это место, — тихо сказала мне Зози. — Здесь так весело. И здесь ко всему относятся так серьезно...

К ценам здесь, видимо, тоже относились очень серьезно. К моей жизни, во всяком случае, эти цены никакого отношения не имели: десять евро за чашку чая, двенадцать — за чашку горячего шоколада!

- Ничего страшного. Я угощаю, успокоила меня Зози, и мы уселись за столик в углу, а надменная официантка, похожая на Жанну Моро [21], вручила нам меню с таким видом, словно это причиняло ей невыносимые страдания.
- Ты знаешь Жанну Моро? вдруг спросила Зози, удивленно на меня глядя.

Я кивнула, по-прежнему чувствуя себя не в своей тарелке, и сказала:

- Да, в «Жюле и Джиме» она просто потрясающая.
- Вот уж про Жанну Моро точно не скажешь, будто ей кочергу в задницу воткнули! В отличие от этой особы.

И Зози глазами указала на нашу официантку, которая, прямо-таки сияя, вилась теперь возле двух весьма дорогого вида крашеных блондинок.

Я не выдержала и фыркнула. Блондинки посмотрели на меня, потом на пурпурные сапоги Зози и дружно склонили головы друг к другу, и я тут же вспомнила Сюзи и Шанталь. У меня даже во рту пересохло.

Зози, должно быть, что-то прочла по моему лицу, перестала улыбаться и с озабоченным видом спросила:

- В чем дело?
- Не знаю... Просто показалось, что эти дамы над нами смеются.

Мне хотелось объяснить ей, что как раз в такие места и ходят Шанталь с матерью. И в обществе худющих дам в дорогом кашемире пастельных тонов пьют чай с лимоном, а на пирожные и внимания не обращают.

Зози элегантно скрестила свои длинные ноги и пояснила:

— Это потому, что ты не клон. Вот клонам здесь самое место. А всяким чудикам сюда вход воспрещен. Спроси-ка меня, кого я предпочитаю?

Я пожала плечами.

- Догадываюсь.
- Но до конца ты не убеждена. Зози коварно улыбнулась. Ладно, смотри.

И она слегка щелкнула пальцами, направив их на официантку, похожую на Жанну Моро. И в ту же секунду эта официантка поскользнулась на своих высоких каблуках и грохнула на столик чайник, полный лимонного чая, насквозь промочив скатерть и сильно обрызгав сумочки дам и их дорогущие туфли.

Я молча посмотрела на Зози.

А она только улыбнулась в ответ.

— Хороший фокус, верно?

И тут я расхохоталась. Для всех, разумеется, это было чистой случайностью, которую никто не смог бы предвидеть, но я-то не сомневалась: именно Зози заставила чайник упасть, а официантку — суетиться возле облитого чаем столика и блондинок в пастельном кашемире и дорогущих туфлях. Чтобы никто больше не смел на нас глазеть или смеяться над вызывающими сапогами Зози!

Так что мы преспокойно заказали себе пирожные и кофе. Зози предпочла пирожное с кремом, заявив, что уж она-то никаких диет соблюдать не намерена, а я — миндальное. Мы пили кофе, ели ванильное мороженое и проболтали куда дольше, чем я думала; мы говорили о Сюзанне, о школе, о разных книгах, о моей маме, о Тьерри и о нашей chocolaterie.

- А здорово, должно быть, в магазине, торгующем шоколадом, сказала Зози, надкусывая пирожное.
 - Ничего, но в Ланскне было лучше.

Зози посмотрела на меня с явной заинтересованностью.

- Что такое Ланскне?
- Одно место. Мы там раньше жили. Это на юге. Вот там действительно было здорово!
 - Неужели лучше, чем в Париже?

Она, казалось, была искренне удивлена.

И я рассказала ей о Ланскне и о нищем районе Марод на берегу реки, где мы с Жанно обычно играли; и об Арманде, и о речных людях, и о плавучем доме Ру со стеклянной крышей и прикрепленной к борту маленькой шлюпкой с маленькими легкими веслами, и о том, как мы с мамой готовили шоколад и поздним вечером, и ранним утром, так что все в доме пропахло шоколадом, даже пыль...

Позже мне и самой было удивительно, что я так разболталась. Вообще-то мне не полагалось об этом рассказывать, как и обо всех прочих местах, где мы жили до Парижа. Но с Зози я никакой опасности не чувствовала. Наоборот, с ней мне было совершенно спокойно.

- Но скажи: теперь, когда мадам Пуссен умерла, кто же будет помогать твоей матери? спросила Зози, чайной ложечкой выбирая со дна остатки мороженого.
 - Ничего, мы справимся, сказала я.
 - А Розетт уже ходит в школу?
- Нет еще. Мне почему-то не хотелось рассказывать ей о Розетт. Хотя она очень способная. И здорово умеет рисовать. И все может знаками объяснить. И даже слова в книжке пальчиком показывает, когда ей читаешь.
 - Вы с ней не очень-то похожи. Я пожала плечами и промолчала.

Зози остро на меня глянула, и глаза ее блеснули, словно она собирается еще что-то сказать. Но она так ничего и не сказала. Доела мороженое и вздохнула:

— Должно быть, плохо, когда отца нет.

Я опять пожала плечами. Разумеется, отец у меня есть — мы просто не знаем, кто он, — но уж это-то я точно не собиралась с ней обсуждать.

- Вы с матерью, наверное, очень близки?
- Угу, кивнула я.
- Да, вот с ней вы как раз очень похожи... Зози не договорила, улыбнулась, но как-то скованно, словно пытаясь решить в уме некий не дающий ей покоя вопрос— Есть в вас обеих что-то такое верно ведь, Анни? чего я никак не могу определить...

Ну, тут уж я, разумеется, предпочла промолчать. Это всегда безопаснее, как говорит мама, иначе твои же слова потом могут использовать против тебя самой.

- Что ж, во всяком случае, ты точно не клон, в этом нет ни малейших сомнений. Мало того, я спорить готова: ты тоже кое-какие фокусы знаешь...
 - Фокусы?

Я тут же вспомнила об официантке и разлитом лимонном чае. И отвернулась. И снова мне стало не по себе и страшно захотелось, чтобы нам поскорее принесли счет, можно было сказать «до свидания» и убежать домой.

Но наша «Жанна Моро» явно нас избегала; она болтала с барменом, смеясь и кокетливо отбрасывая назад волосы, как это иногда делает Сюзи, заметив неподалеку Жана-Лу Рембо (это один мальчик, который ей нравится). Кроме того, я заметила у официантов и официанток одну

особенность: даже если они обслуживают вас вовремя, то счет все равно нести не спешат.

И тут Зози сделала какое-то маленькое движение скрещенными пальцами — такое незаметное, что я чуть его не пропустила. Такой крошечный жест, словно поворачиваешь выключатель в комнате, и «Жанна Моро» вздрогнула, обернулась, словно ее кто кольнул, и в ту же секунду принесла нам на подносе счет.

Зози улыбнулась и взяла свою сумочку. «Жанна Моро» ждала, причем с таким недовольным и скучающим видом, что я почти не сомневалась: сейчас Зози скажет что-нибудь этакое — в конце концов, человек, который запросто произносит слово «задница» в чопорном английском кафе, нигде не станет стесняться, если нужно будет высказать свое мнение.

Однако Зози ничего не сказала.

— Вот вам пятьдесят евро. Сдачу можете оставить себе.

И она вручила официантке банкноту в пять евро.

Вот это да! Даже мне было видно, что это пятерка. Я видела совершенно отчетливо, как Зози с улыбкой положила ее на поднос. Но официантка почему-то ничего не заметила. Она даже поблагодарила:

— Merci, bonne journée^[22].

А Зози снова незаметно шевельнула пальцами и как ни в чем не бывало убрала сумочку.

А потом она повернулась ко мне и подмигнула.

Секунду я колебалась; может, мне просто показалось? И вообще, это ведь могло получиться и чисто случайно — в конце концов, народу в кафе полно, официантка постоянно занята, всем людям свойственно иногда ошибаться...

Но после приключения с чайником...

А Зози продолжала улыбаться мне, как кошка, которая запросто может тебя оцарапать, даже если сидит у тебя на коленях и мурлычет.

«Фокусы» — так она сказала.

«Случайность», — подумала я.

Я вдруг пожалела, что пошла сюда; пожалела, что окликнула ее в тот день, когда впервые увидела у нашей витрины. Это всего лишь игра — это ведь даже не по-настоящему! — однако от этого исходит ощущение такой опасности, словно от спящего чудовища, которое можно сколько угодно пихать, толкать и дразнить, но только до тех пор, пока оно окончательно не проснется.

Я посмотрела на часы.

— Мне надо идти.

- Анни, успокойся. Всего только половина пятого...
- Мама беспокоится, если я задерживаюсь.
- Пять минут роли не играют...
- Мне надо идти.

Наверное, я ожидала, что она как-нибудь меня остановит, заставит меня повернуть обратно, как ту официантку. Но Зози просто улыбалась, и я вдруг почувствовала себя полной дурой. Зря я все-таки поддалась панике! Ведь некоторые люди очень внушаемы. И эта официантка наверняка из таких. А может, они обе просто ошиблись... или, может, это я ошиблась?

Нет, я не ошиблась. Я это знала. И она тоже знала, что я все видела. По ней это было сразу заметно. Да и смотрела она на меня так — с этакой полуулыбкой, — словно мы с ней только что разделили нечто большее, чем просто пирожные...

Я знаю, это опасно. Но она мне так нравится. Действительно очень нравится.

И мне вдруг захотелось сказать ей что-нибудь такое, чтобы она поняла...

И я, повинуясь внезапному порыву, повернулась к ней и, увидев, что она все еще улыбается, весело спросила:

- Послушайте, Зози это ваше настоящее имя?
- Послушай, передразнила она меня, а тебя действительно зовут Анни?
- Ну... Я настолько опешила, что чуть было все ей не выложила. Мои настоящие друзья зовут меня Нану.
- A их у тебя много? с улыбкой спросила она. Я рассмеялась и показала ей один-единственный палец.

6 ноября, вторник

Какая интересная девочка! В каком-то отношении она кажется младше своих сверстниц, но в чем-то другом она значительно их старше; она не испытывает ни малейшей трудности, разговаривая со взрослыми, а вот с детьми ей, похоже, зачастую сойтись сложно, она словно пытается опуститься до их уровня знаний. Со мной она вела себя совершенно открыто: была то смешливой и разговорчивой, то задумчивой и упрямой, но тут же инстинктивно насторожилась, стоило мне коснуться — хотя бы поверхностно — темы ее непохожести на других.

Разумеется, ни один ребенок не хочет, чтобы его считали не таким, как все остальные дети. Но осторожность Анни свидетельствует о чем-то гораздо более глубоком. Такое ощущение, будто она пытается скрыть от всех некое свое качество, которое, если его обнаружат, может оказаться весьма опасным для других людей.

Впрочем, другие люди, возможно, его и не заметят. Но я-то — не другие! И я чувствую, как сильно меня к ней тянет, так сильно, что я не могу этому противиться. Интересно, а она понимает, кто она такая? Сознает ли это хотя бы отчасти? Догадывается ли, что на самом деле таится в ее маленькой замкнутой душе?

Сегодня мы с ней снова встретились. Она возвращалась домой из школы и держалась со мной... нет, не то чтобы холодно, но, безусловно, куда менее сердечно, чем вчера, словно поняла, что преступила некую заповедную черту. Я уже сказала, какой это потрясающе интересный ребенок, и особый мой интерес связан именно с тем, что я отчетливо чувствую в ней некий вызов. По-моему, она вполне восприимчива к определенным соблазнам, но ведет себя осторожно, очень осторожно, придется действовать без спешки, если я не хочу ее отпугнуть.

Так что мы с ней просто немного поболтали — причем я ни разу не

упомянула ни о ее непохожести на других, ни о том месте, которое она называет Ланские, ни об их шоколадной лавке — и разошлись, но перед этим я успела сообщить ей, где теперь живу и работаю.

Работаю? Работа нужна каждому. Мне лично она служит как бы извинением, прикрытием для моих забав, позволяет находиться среди людей, наблюдать за ними, узнавать их маленькие тайны. В деньгах я, естественно, не нуждаюсь, а потому в принципе могу согласиться на любую работу, если это предложение меня устраивает. Собственно, это была единственная работа, которую любая девушка без труда может найти в таком месте, как Монмартр.

Да нет, это совсем не то, что вы подумали! Конечно же, я имела в виду работу официанткой!

Официанткой в кафе я уже работала, но очень давно. Теперь-то мне совсем не обязательно было этим заниматься — зарплата весьма посредственная, а рабочий день гораздо длиннее, — но, по-моему, роль официантки очень подходит Зози де л'Альба, а кроме того, это дает мне отличную возможность наблюдать за соседями.

Кафе «Крошка зяблик» приткнулось на углу Фальшивомонетчиков; это весьма старомодное заведение, возникшее в те годы, когда Монмартр переживал не самую лучшую пору своей жизни и дурной репутацией; помещение довольно темное, пользовался закопченными стенами, покрытыми толстым слоем жирной грязи и никотина. Его хозяину, Лорану Пансону, шестьдесят пять лет, он уроженец Парижа, обладатель весьма воинственного вида усов и весьма скудных представлений о личной гигиене. Как и сам Лоран, его кафе привлекает в основном представителей старшего поколения — тех, кто предпочитает умеренные цены и привычное plat du jour; сюда также с удовольствием ходят такие эксцентричные особы, как я, которым нравится импозантная грубоватость хозяина и экстремистские высказывания его пожилых завсегдатаев насчет политики.

Туристы предпочитают площадь Тертр с ее хорошенькими маленькими кафе и столиками в тени больших зонтов, расставленных прямо на мощеной мостовой. Они часто заходят также в роскошную кондитерскую в стиле ар-деко у подножия Холма, где потрясающий выбор пирожных, тортов и засахаренных фруктов. Или в магазин-кафе «Английский чай» на улице Раме. Но меня туристы не интересуют. Меня интересует chocolaterie на той стороне площади. Отсюда мне отлично видно, кто входит в лавку и выходит оттуда; я могу пересчитать всех

покупателей, проследить за доставкой товаров и в целом познакомиться с ритмом ее скромной жизни.

Те письма, что я украла в самый первый день, в практическом отношении оказались почти бесполезными. Присланный по почте счет от 20 октября с пометкой «ОПЛАЧЕНО НАЛИЧНЫМИ» от фирмы «Sogar Fils», снабжавшей лавку различными товарами. Ну скажите, кто в наши дни платит наличными? Чрезвычайно непрактичная, бессмысленная форма оплаты — неужели у этой женщины нет счёта в банке? — и главное, я-то осталась в прежнем неведении.

Во втором конверте была открытка с соболезнованиями по поводу кончины мадам Пуссен, с подписью «Тьерри» и с поцелуем в конце. Судя по почтовому штемпелю, открытку отправили из Лондона; а после легкомысленного «целую» было еще «вскоре увидимся, пожалуйста, ни о чем не беспокойся».

Ладно, это пока отложим, может, потом понадобится.

Третье послание — поблекшая открытка с видом Роны — оказалось еще менее информативным.

«Направляюсь на север. Заеду, если смогу».

Вместо подписи стояла буква «Р»; адресат обозначен только буквами «Я» и «А», написанными так небрежно, что «Я» куда больше походило, скажем, на «В».

В четвертом конверте были рекламные листовки с предложениями финансовых услуг.

И все же я уговариваю себя: не спеши, время еще есть.

— Эй! Ты-то мне и нужна!

Опять этот художник. Теперь я с ним уже хорошо знакома: его зовут Жан-Луи, а его друга в берете — Пополь. Я часто вижу их в «Зяблике», они пьют пиво и пытаются уболтать богатых посетительниц. Пятьдесят евро за набросок карандашом — ну, скажем, десять за набросок и сорок за лесть, — и они прямо-таки оглушат вас своими разглагольствованиями об изящных искусствах. Жан-Луи — прирожденный чаровник, особенно легко попадаются к нему на крючок всякие простушки; по-моему, главной основой его успеха как раз и является эта настойчивость, а не талант.

- Я все равно ничего у тебя не куплю, так что не трать времени зря, заявила я, увидев, что он уже открыл свой этюдник.
- Тогда я продам твой портрет Лорану, сказал он и подмигнул мне. Или себе на память оставлю.

Пополь взирает на все это с полнейшим равнодушием. Он старше

своего дружка и ведет себя гораздо спокойнее. Он вообще говорит мало, стоит себе перед мольбертом где-нибудь в уголке и, сердито хмурясь, на него смотрит, время от времени начиная что-то яростно чиркать карандашом или с пугающей интенсивностью малевать красками. У него устрашающего вида усы, и ему ничего не стоит заставить своих заказчиков сидеть неподвижно, пока он, насупившись и что-то гневно бормоча себе под нос, не завершит работу. Зачастую изображенная на полотне или бумаге фигура обладает столь причудливыми пропорциями, что, по-моему, заказчики просто от испуга почтительно с ним расплачиваются.

Пока я пробиралась между столиками кафе, Жан-Луи продолжал набрасывать карандашом мой портрет.

- Предупреждаю: я запишу это тебе в долг, сказала я. За позирование.
- А ты посмотри на эти лилии, легкомысленным тоном возразил Жан-Луи. Они же не трудятся, но и не требуют платы за то, что кто-то ими любуется.
 - У лилий не бывает счетов, которые нужно оплачивать.

Утром я зашла в банк. На этой неделе я заходила туда каждый день. Ведь если бы я сразу сняла со счета двадцать пять тысяч евро наличными, это, безусловно, привлекло бы ко мне совершенно ненужное внимание, а если снимать часто, но понемногу — по одной, по две тысячи, — об этом вряд ли вспомнят уже к концу рабочего дня.

Хотя излишне расслабляться все же никогда не стоит.

Так что в банк я вошла не как Зози, а как та бывшая моя коллега, на имя которой я и открыла счет, — Барбара Бошан, секретарша с безупречной банковской историей. Ради этого я специально оделась тускло и невыразительно. Как известно, стать абсолютно невидимой невозможно (не говоря уж о том, что это чрезвычайно подозрительно), а вот сделать свой облик тусклым и неприметным может любой человек, и одетая столь неопределенным образом женщина, в шерстяной шляпке и перчатках, может практически всюду сойти за невидимку.

Именно поэтому я сразу, еще у стойки, все и почувствовала: некое странное, слишком пристальное внимание, тревогу, читавшуюся в цветах их аур, какие-то необычные запахи и звуки. И наконец меня попросили подождать — чего никогда раньше не было! — пока принесут требуемую сумму наличными.

Я не стала ждать подтверждения моих подозрений и вышла из банка сразу же, как только кассир от меня отвернулся. Затем сунула чековую

книжку и кредитную карточку в конверт и опустила его в ближайший почтовый ящик. Адрес я, естественно, указала фиктивный — требование вернуть незаконным образом снятые со счета деньги еще месяца три будет почтовым отделениям, кочевать ПО пока не окажется невостребованных писем, где его уже никому не найти. Если мне когданибудь понадобится отделаться от очередного тела, я поступлю точно так же: тщательно упакую руки, ступни и куски торса и разошлю по вымышленным адресам, и они будут бродить по всей Европе и возвращаться обратно, пока полиция тщетно будет искать опустевшую могилу.

Нельзя, правда, сказать, что убийства мне по вкусу. И все же, как говорится, не зарекайся. Я нашла подходящий магазин одежды, где можно было вновь превратиться из мадам Бошан в Зози де л'Альба, и кружным путем, внимательно приглядываясь к любой подозрительной мелочи, вернулась в свою жалкую квартирку — «ночлег и завтрак» — у подножия Монмартрского холма, чтобы как следует подумать о будущем.

Черт побери!

Двадцать две тысячи евро так и остались на фальшивом счете мадам Бошан — эта сумма стоила мне полугода надежд, намерений и расследований, а также долгой работы над очередной своей ролью. Но теперь мне эти денежки, разумеется, не забрать, хотя вряд ли меня можно будет узнать по нечеткой видеозаписи, сделанной банковской камерой слежения; скорее всего, этот счет просто был уже заморожен в связи с начатым полицейским расследованием. А значит, двадцать две тысячи потеряны навсегда и я осталась ни с чем, если не считать еще одного амулета на моем магическом браслете — крошечной мышки, как ни странно полностью соответствующей облику бедняжки Франсуазы.

Самая же печальная истина, повторяю я себе, в том, что у истинного мастерства больше нет будущего. Шесть зря потраченных месяцев — и снова я у разбитого корыта. Ни денег, ни достойной жизни.

Ну, последнее-то вполне поправимо. Требуется всего лишь немножко вдохновения. Итак, начнем с этой шоколадной лавки, верно? С этой Вианн Роше из Ланскне, которая по неведомым пока причинам переименовала себя в Янну Шарбонно, мать двоих детей, уважаемую вдову, ныне проживающую на Монмартрском холме.

Неужели я почувствовала в ней родственную душу? Нет. Зато некий вызов распознала сразу. И хотя в данный момент эта chocolaterie едва позволяет Янне сводить концы с концами, жизнь ее все же представляется мне не лишенной привлекательности. И разумеется, меня весьма

интересует ее дочка. Очень интересует!

Я живу недалеко от бульвара Клиши, в десяти минутах ходьбы от площади Фальшивомонетчиков. У меня две комнатки размером с почтовую марку, куда ведут четыре пролета узкой лестницы, но это жилье достаточно дешевое, так что вполне мне подходит, да и место укромное, и никто здесь меня не знает. Отсюда я могу наблюдать за близлежащими улицами, здесь я могу совершенно спокойно обдумывать свои доходы и расходы, вынашивать планы и постепенно становиться персонажем задуманного сценария.

Это, конечно, не квартира на Холме, которая мне совершенно не по карману. И вообще, если честно, это довольно ощутимый шаг вниз после той симпатичной квартирки в 11-м округе, где жила Франсуаза Лавери. Но Зози де л'Альба там не место, ей вполне подходит скромненький, так сказать, стульчик на дальнем конце стола. В соседях у меня кого только нет студенты, владельцы магазинов, иммигранты, всевозможные массажистки (как с лицензией, так и без). Вокруг, буквально на каком-то пятачке, уместилось полдюжины разных церквей (разврат и религия сиамские близнецы, как известно); мусора на нашей улице больше, чем опавших листьев, и над ней висит вечный запах сточных канав и собачьего дерьма. На этой стороне Холма хорошенькие маленькие кафе сменяются дешевыми забегаловками и палатками, торгующими без лицензии, вокруг которых по ночам кучкуются бродяги; они пьют дешевое красное вино из бутылок с пластиковыми пробками, а потом заваливаются спать прямо у дверей, закрытых стальными жалюзи.

Мне, наверное, очень скоро все это надоест, но сейчас нужно на время залечь, чтобы интерес к мадам Бошан и Франсуазе Лавери сам собой улегся. Лишний раз проявить осторожность, мне кажется, не помешает, да и мать моя всегда повторяла, что вишни следует рвать не торопясь.

8 ноября, четверг

Ожидая, пока мои вишни созреют, я ухитрилась собрать довольно много сведений о тех, кто проживает на площади Фальшивомонетчиков. Мне их сообщила мадам Пино, маленькая женщина, похожая на куропатку, которая держит магазинчик, торгующий газетами, журналами, сувенирами и всякой всячиной, и обожает сплетни; она-то и познакомила меня заочно с соседями — разумеется, в ее собственном восприятии.

Благодаря ей я узнала, что Лоран Пансон посещает бар для холостяков; что толстый молодой человек, работающий в итальянском ресторане, весит более трехсот фунтов, но по крайней мере два раза в неделю заходит в мою chocolaterie; что женщину с собакой, которая бывает там каждый четверг около десяти утра, зовут мадам Люзерон, что ее муж в прошлом году скончался от удара, а сын умер давно, когда ему было всего четырнадцать лет. По словам мадам Пино, она каждый четверг ходит на кладбище, ведя на поводке свою «глупую собачонку», и ни одного четверга ни разу не пропустила, бедняжка.

— А что известно о теперешней хозяйке chocolaterie? — спросила я, беря с полки «Пари матч» (ненавижу «Пари матч»!).

На остальных полках, ниже и выше, расположились всякие религиозные побрякушки: пластмассовые Богородицы, дешевая керамика, шарики со «снегом» и собором Сакре-Кёр внутри, медальоны, распятия, четки, всевозможные благовония. Я подозреваю, что мадам Пино — самая настоящая ханжа: она только глянула на обложку моего журнала (с фотографией Стефании, принцессы Монако, радостно скачущей в бикини по какому-то пляжу) и сразу осуждающе поджала губы куриной гузкой.

— Да о ней, пожалуй, и сказать-то нечего, — нехотя ответила она. — Муж у нее умер. Говорят, где-то на юге. Но она оказалась живучей, как кошка, которая всегда на четыре лапы падает. — Ее болтливый рот опять

стал похож на куриную гузку. — Пари держу, она скоро опять замуж выскочит!

— Вот как?

Мадам Пино кивнула.

- Ну да, за Тьерри Ле Трессе. Дом-то ему принадлежит. Мадам Пуссен он его задешево сдавал, потому что она вроде бы с его матерью дружила. Там он с мадам Шарбонно и познакомился. Я другого такого трудяги в жизни не встречала... Она со звоном выбила мне чек. Вот только он, по-моему, не представляет себе, что его ждет! Она-то ведь лет на двадцать его моложе, а он вечно занят, вечно при деле... Да еще у нее двое детишек, и одна из девочек не такая, как все...
 - Не такая? переспросила я.
- Ой, разве вы не слышали? Бедняжка. Такое для любого тяжкая ноша, так ведь и это еще не все! Магазин-то еле дышит еще бы, при таких-то накладных расходах! Да еще и за отопление нужно платить, и за аренду, и...

Я не стала ее прерывать: пусть поговорит вволю. Без сплетен такие, как мадам Пино, просто жить не могут; по-моему, я тоже успела дать ей немало пищи для размышлений. Моя розовая прядь в волосах и пурпурные сапоги — тема весьма многообещающая. Затем я сердечно с ней попрощалась и вышла из магазина, чувствуя, что взяла неплохой старт, а потом вернулась в «Крошку зяблика», где теперь работаю.

Это кафе оказалось на редкость удобным наблюдательным пунктом. Отсюда мне отлично видно, кто бывает в chocolaterie у Янны, я могу следить за доставкой товаров и не спускать глаз с ее детей.

Малышка, по-моему, — сущее наказание: не шумная, но страшно проказливая; несмотря на крохотный рост, она оказалась старше, чем я предполагала По словам мадам Пино, ей уже года четыре, но говорить она пока не умеет, хотя вполне успешно пользуется языком жестов. Этот ребенок «не такой, как все», повторяет мадам Пино с той неприязненной легкой усмешкой, с какой она обычно говорит и о чернокожих, и о евреях, и о любителях путешествий, и даже о людях, вполне политически корректных.

He такая, как все? Это несомненно. Но насколько эта девочка отличается от других, мне еще предстоит узнать.

Разумеется, я наблюдаю и за Анни. Из окон «Зяблика» мне видно, как она утром, часов в восемь, уходит в школу и возвращается примерно в половине пятого; при встречах она вполне живо болтает со мной об уроках, о приятелях, об учителях, о тех, кого она видит в автобусе. Что ж, по

крайней мере, начало положено, но я по-прежнему чувствую: она пытается что-то от меня скрыть. Отчасти мне это даже нравится. Я могла бы использовать таящуюся в ней силу — при правильном воспитании она, не сомневаюсь, далеко пойдет — ну и потом, как известно, самое интересное в процессе совращения — это не финал, а охота на жертву.

Однако мне уже стала надоедать работа в «Крошке зяблике». Жалованье за первую неделю с трудом покроет мои расходы, а угодить Лорану оказалось крайне сложно. Но хуже всего то, что я ему явно приглянулась — это заметно по тому, как он стал заботиться о своей внешности, прилизывать волосы и так далее.

Я знаю, мое дело всегда связано с риском. Вот на Франсуазу Лавери мой нынешний хозяин никогда бы внимания не обратил. И совсем другое дело — Зози де л'Альба; она очаровательна, хотя он этого и не понимает. Иностранцев Лоран недолюбливает, а у Зози еще и внешность какая-то цыганская, а он цыганам никогда не доверял...

И все же впервые за много лет он, к собственному удивлению, стал задумываться, что бы ему надеть; он откладывает в сторону один галстук за другим — этот слишком кричащий, этот слишком широкий, он размышляет, пойдет ли ему тот или иной костюм, он с подозрением принюхивается к туалетной воде, которой в последний раз пользовался, собираясь в церковь на чью-то свадьбу, и замечает, что теперь она приобрела довольно противный кисловатый запах и оставляет коричневые пятна на чистой белой сорочке...

Обычно я вполне способна поощрить подобное к себе отношение, подыграть старику, подогреть его тщеславие в надежде на несколько легких краж — кредитной карточки, или небольшой суммы денег, или даже спрятанной в тайнике шкатулки с золотыми монетами, — уж о такой-то краже Лоран никогда бы не заявил в полицию.

В любом другом случае я бы, конечно, именно так и поступила. Но таких мужчин, как Лоран, пруд пруди. А вот таких женщин, как Янна...

Несколько лет назад, когда я носила совсем другое обличье, я как-то пошла в кино на фильм о древних римлянах. Фильм оказался удручающим во всех отношениях: каким-то слишком прилизанным, с фальшивой кровью, с типично голливудской расплатой за грехи и спасением главного героя. Но более всего меня поразили своим неправдоподобием сцены с гладиаторами и еще — зрители на трибунах, созданные с помощью компьютерной графики: они кричали, смеялись и размахивали руками совершенно одинаково и в строго определенные моменты, точно оживший рисунок на обоях. Я тогда, помнится, все удивлялась: неужели создателям

этого фильма никогда не доводилось наблюдать за настоящей толпой? Я-то наблюдала, и не раз — мне как раз зрители обычно гораздо интереснее, чем само представление, — и хотя в данном случае «зрители» фон вполне оживляли, но были абсолютно лишены индивидуальных черт, да и поведение их отнюдь не отличалось естественностью.

В общем, Янна Шарбонно напоминает мне тот продукт компьютерной анимации. Или неудачный плод чьего-то воображения. Случайному наблюдателю Янна может показаться фигурой вполне реальной, а на самом деле она всего лишь рисованный персонаж, действующий исключительно по велению своего создателя. К тому же я не вижу у нее ауры, а если аура у нее все-таки есть, то, значит, она мастерски научилась скрывать ее за своими ничего не значащими действиями, как за надежным щитом.

Зато в ее детях так и светится яркая индивидуальность. У детей вообще аура обычно гораздо ярче, чем у взрослых, но Анни, безусловно, сильно выделяется даже среди детей: ее аура цвета крыла синей бабочки, беспечно порхающей в поднебесье.

Кроме того, у нее имеется и кое-что поинтересней — нечто вроде тени, следующей за ней по пятам; я эту «тень» видела не раз, когда они с Розетт играли в переулке возле chocolaterie. Пышные «византийские» волосы Анни вспыхивали золотыми искрами в лучах полуденного солнца, она держала сестренку за руку, а маленькая Розетт с наслаждением топала прямо по лужам и по пестрым мокрым булыжникам в своих ярко-желтых резиновых сапожках.

Чья же это тень? Кошки, собаки?

Ладно, это мы выясним. Выясним непременно, дайте мне только время. Дай мне время, Нану. Просто дай мне время.

8 ноября, четверг

Тьерри сегодня вернулся из Лондона — принес целый мешок подарков для Анук и Розетт и дюжину желтых роз для меня.

Было уже четверть первого, и я минут через десять собиралась закрываться на обеденный перерыв. Я как раз перевязывала розовой лентой подарочную коробку с миндальным печеньем, мечтая хотя бы часок провести спокойно с детьми (в четверг Анук в школу не ходит). Привычным жестом, повторенным тысячи раз, я завязала красивый бант и провела по туго натянутым концам ленты острием ножниц, чтобы получился красивый завиток.

— Янна!

Ножницы выскользнули из рук, испортив завиток.

— Тьерри! Ты же только завтра должен был приехать!

Тьерри — мужчина крупный, высокий и немного тяжеловесный. В своем кашемировом пальто он практически заполнил собой весь небольшой дверной проем. У него открытое лицо, голубые глаза и густые каштановые волосы, почти не тронутые сединой. Но его руки богача попрежнему привыкли работать: ногти тщательно отполированы, а на ладонях мозоли и трещины. От него исходит запах сухой штукатурки, кожи, пота, jambon-frites [23] и, временами, преступно-запретный аромат толстой сигары.

- Я по тебе соскучился, сказал он и поцеловал меня в щеку. Прости, что не сумел вернуться к похоронам. Что, было ужасно?
 - Нет. Просто очень печально. Никто не пришел.
- Выглядишь ты просто потрясающе, Янна. И как только тебе это удается? Как дела в магазине?
 - Нормально.

На самом деле это далеко не так: покупательница, которую он видел, была лишь второй за сегодняшний день, не считая тех, кто заходил просто

посмотреть. Но это хорошо, что я была занята, когда в лавке появился Тьерри, — миндальное печенье у меня покупала какая-то девушка-китаянка в желтом пальто, она, несомненно, с удовольствием его съест, но, на мой взгляд, ей куда больше понравилась бы клубника в шоколаде. Впрочем, не важно. Мне нет до этого дела. Больше уже нет.

- Где девочки?
- Наверху, сказала я. Телевизор смотрят. Как тебе Лондон?
- Потрясающе. Надо было и тебе поехать.

Между прочим, Лондон я знаю достаточно хорошо: мы с матерью почти год там прожили. Не знаю даже, почему я ему об этом не сказала, почему вообще позволяла ему сохранять уверенность в том, что я родилась и выросла во Франции. Наверное, тоже из-за стремления быть как все, а может, боялась, что, если упомяну о своей матери, он, возможно, станет смотреть на меня совсем другими глазами.

Тьерри — человек солидный. Сын каменщика, выбившийся в люди благодаря удачно приобретенной собственности, он крайне мало подвержен воздействию необычного и неопределенного. У него и вкусы стандартные. Он любит хороший стейк, пьет красное вино, обожает детей, неуклюжие каламбуры и дурацкие песенки, предпочитает, чтобы женщины носили юбки, ходит к мессе, хотя, скорее, в силу привычки; относится к иностранцам без предубеждения, но предпочел бы пореже видеть их рядом с собой. Мне он действительно нравится — и все же мысль о том, чтобы довериться ему... или кому-либо другому...

Впрочем, особой потребности в этом у меня нет. Конфиденты мне никогда не требовались. У меня есть Анук. У меня есть Розетт. Разве мне когда-либо нужен был кто-то еще?

— Что-то ты невеселая, — сказал он, когда девушка-китаянка ушла. — Может, пообедаем вместе?

Я улыбнулась. В мире Тьерри обед — лучшее лекарство от грусти. Есть мне не хотелось, но либо придется обедать с ним, либо он так и проторчит в магазине весь день. Так что я позвала Анук, затем — уговорами и силой — запихнула Розетт в ее пальтишко, и мы двинулись через улицу в кафе «Крошка зяблик», которое очень нравится Тьерри своей «очаровательной обшарпанностью» и жирной едой на грязноватых тарелках, но — по тем же причинам — совершенно не нравится мне.

Анук казалась какой-то беспокойной, а Розетт и вовсе пропустила дневной сон, но Тьерри еще не все выложил мне о своей поездке; на него огромное впечатление производят толпы народа на улицах Лондона, его архитектура, театры и магазины. Его компания восстанавливает и

обновляет несколько офисных зданий близ вокзала Кингс-Кросс, а поскольку Тьерри любит сам присматривать за работой, он каждый понедельник отправляется туда на поезде, а домой возвращается только на уик-энд. Его бывшая жена Сара и сын до сих пор живут в Лондоне, но Тьерри все старается убедить меня (словно я в этом нуждаюсь), что они с Сарой давно уже стали чужими друг другу.

А я ничуть в этом и не сомневаюсь: Тьерри вообще увертки не свойственны. Больше всего он любит простой молочный шоколад — плитки в обертке, каких полно в любом супермаркете. Не более 30% чистого какао. Если дать ему попробовать более горький шоколад, он скривится, как маленький мальчик, и высунет изо рта язык, показывая, что ему невкусно. Мне нравится энтузиазм Тьерри, а его душевной простоте и полному отсутствию всякого коварства я даже завидую. И возможно, зависть эта сильнее моей любви к нему — но разве это так уж важно?

Мы познакомились с ним в прошлом году, когда у нас вдруг потекла крыша. Большинство домовладельцев в лучшем случае прислали бы рабочего-кровельщика, но Тьерри и мадам Пуссен были давно знакомы (он рассказывал, что она старинная подруга его матери), так что крышу он починил сам, а потом остался выпить горячего шоколада и поиграть с Розетт.

Мы дружим двенадцать месяцев и уже успели превратиться в «старую супружескую пару» со своими любимыми местами и удобными привычками, хотя Тьерри еще ни разу не оставался у меня на ночь. Он считает меня вдовой и трогателен в своем желании «дать мне время». Но ято вижу, чего он хочет, хоть ничего и не говорит вслух и ничем свои намерения не подтверждает, — так может, это было бы не так уж и плохо?

Он лишь однажды затронул эту тему, упомянув о том, что его роскошной квартире на улице Святого Креста, куда он приглашал нас множество раз, совершенно необходима «женская рука».

Женская рука. Экое старомодное выражение. С другой стороны, Тьерри и сам весьма старомоден. Несмотря на всю свою любовь к техническим новинкам — мобильному телефону и сверхмодному миниплееру, он остается верен старым идеалам и прежним, более простым, временам.

Простым. В том-то все и дело. Жизнь с Тьерри была бы очень простой. Всегда хватало бы денег на все необходимое. И арендная плата за chocolaterie всегда вносилась бы вовремя. Анук и Розетт окружали бы любовь и забота. А если он будет любить их — а заодно и меня, — то разве этого не достаточно?

«Неужели тебе действительно этого достаточно, Вианн? — прозвучал у меня в ушах голос матери, странно похожий на голос Ру. — Помнится, когда-то тебе хотелось большего».

«Как и тебе, мама?» — безмолвно отвечаю я. В те времена, когда ты таскала меня, совсем маленькую, с места на место и мы вечно от чего-то убегали, вечно находились в пути, жили — увы — тем, что удавалось добыть. Ты воровала, лгала, обманывала, занималась колдовством; мы проводили на одном месте то полтора месяца, то недели три, а то и всего четыре дня, а потом снова в путь; и у меня не было ни дома, ни школы, а ты торговала вразнос надеждами и мечтами, тасуя карты Таро, словно вехи нашего бесконечного пути, и носила разъезжающуюся по швам подержанную одежду, словно все портные вокруг оказались настолько заняты, что им некогда было починить нам платье.

«По крайней мере, мы знали, кто мы такие, Вианн».

Ответ не слишком остроумный, впрочем, именно такого я от нее и ожидала. И кроме того, мне хорошо известно, кто я такая. Разве нет?

Мы заказали китайскую лапшу для Розетт и plat du jour для всех остальных. Народу было совсем мало даже для буднего дня, но в воздухе все равно висел запах пива и сигарет «Житан». Лоран Пансон — сам себе лучший клиент; но если это так, то, по-моему, ему следовало бы давнымдавно закрыть свое заведение. Толстомордый, небритый, раздражительный, он воспринимает посетителей как захватчиков, посягнувших на его свободное время, и не скрывает своего презрения ко всем, кроме горстки завсегдатаев, которые по совместительству являются его приятелями.

Тьерри он терпит. Тьерри время от времени играет роль этакого парижского нахала, который врывается в кафе с громогласным «Эй, Лоран! Как дела, mon pote?» и припечатывает стойку крупной банкнотой. Лоран считает его богачом, собственником — даже как-то расспрашивал, какова может быть стоимость «Крошки зяблика», если его перестроить и привести в порядок, — и теперь с почтением обращается к нему «месье Тьерри», явно его выделяя, что, возможно, связано как с искренним уважением, так и с надеждой на некую будущую сделку.

Я заметила, что сегодня у Лорана вид несколько более презентабельный, чем обычно, — в лоснящемся костюме, пахнет одеколоном, к рубашке даже воротничок пристегнут и галстук повязан, хотя этот галстук впервые увидел свет наверняка где-то в конце семидесятых. Влияние Тьерри, подумала я, но позднее мне пришлось свое мнение переменить.

Я оставила их поболтать, а сама села за столик, заказала кофе для себя

и коку для Анук. Когда-то мы обе наверняка заказали бы горячий шоколад со сливками и алтеем, а потом не спеша, с ложечки, пили бы его, но теперь Анук всегда требует коку. Теперь она горячий шоколад не пьет — сперва я решила, что она выдумала себе какую-то особую диету, и меня это, как ни странно, неприятно задело, как и в тот раз, когда она впервые отказалась слушать на ночь сказку. Она все такой же солнечный ребенок, но я все сильнее чувствую, как сгущаются тени в ее душе, скрывая те уголки, куда она меня не приглашает. О, мне эти тени хорошо знакомы! Я и сама была такой же — так не этим ли отчасти вызваны мои страхи, не моим ли пониманием того, что в ее возрасте и мне хотелось сбежать от матери, любым способом скрыться от ее опеки? Официантка в «Зяблике» была новенькой, но отчего-то казалась мне смутно знакомой. Длинные ноги, узенькая юбчонка, волосы, завязанные в «лошадиный хвост»... В конце концов, я все-таки узнала ее — по туфлям.

- Вы ведь Зоя, верно? спросила я.
- Зози, поправила она меня и улыбнулась. Так себе местечко, верно? Она с комичной торжественностью поклонилась, приглашая нас пройти в зал. Впрочем, и она понизила голос почти до шепота, хозяин, по-моему, очень мило ко мне относится.

Услышав ее слова, Тьерри громко расхохотался, а Анук осторожненько улыбнулась.

— Я тут, разумеется, временно, — заявила Зози. — Пока что-нибудь получше не найдется.

Дежурным блюдом оказалась choucroute garnie^[25] — блюдо, которое у меня до некоторой степени ассоциируется с нашей жизнью в Берлине. Удивительно вкусно для «Крошки зяблика», и мне показалось, это связано с появлением Зози, а не с неким вспыхнувшим кулинарным рвением Лорана.

— Скоро Рождество, вам, случайно, помощь в магазине не требуется? — спросила Зози, снимая с гриля жареные колбаски. — Если да, то я готова. — Она быстро оглянулась через плечо на Лорана, старательно делавшего вид, что ему наша беседа совершенно неинтересна, и прибавила чуть громче: — То есть мне, конечно, совсем не хочется бросать эту работу...

Лоран то ли кашлянул, то ли чихнул, то ли фыркнул, желая привлечь к себе внимание, и Зози насмешливо закатила глаза.

— Вы подумайте о моем предложении, — быстро сказала она, улыбнулась мне и, подхватив четыре кружки пива с той ловкостью, которую дают лишь годы работы в баре, потащила их заказчикам.

После этого она с нами почти не разговаривала: народу в баре существенно прибавилось, а мое внимание, как всегда, было поглощено Розетт. И не то чтобы Розетт такой уж трудный ребенок — теперь у нее и аппетит гораздо лучше, хотя дрызгается она по-прежнему ужасно и предпочитает есть руками, — но иногда она действительно ведет себя странно: смотрит немигающим взглядом куда-то в пространство, вздрагивает от каких-то воображаемых звуков или вдруг начинает смеяться без причины. Я очень надеюсь, что постепенно все это у нее пройдет — вот уже несколько месяцев у нас не было никаких Случайностей, и хотя она попрежнему просыпается три или четыре раза за ночь, так что поспать мне удается всего несколько часов, я надеюсь, что с возрастом у нее и сон тоже наладится.

Тьерри считает, что я ее слишком балую, а тут он и вовсе заговорил о том, что Розетт надо бы показать врачу.

- В этом нет никакой необходимости. Она заговорит, когда будет к этому готова, возразила я, глядя, как Розетт ест лапшу. Вилку она всегда держит в левой руке, хотя вовсе не левша. Да и вообще ручки у нее на редкость ловкие; особенно она любит рисовать и, используя все доступные цвета, без конца рисует маленьких человечков, мужчин и женщин, с ручками и ножками, как палочки, а также обезьян это ее любимое животное-лошадей, дома и бабочек; получается пока немного неуклюже, но вполне узнаваемо.
- Ешь как следует, Розетт, сделал ей замечание Тьерри. Пользуйся ложкой.

Но Розетт продолжала есть по-своему, словно не слыша его слов. Раньше я даже пугалась, уж не глухая ли она, но теперь понимаю: она просто не считает нужным обращать внимание на столь несущественные для нее вещи. К сожалению, она и на Тьерри внимания почти не обращает, при нем она никогда не смеется, да и улыбается крайне редко, и вообще — никак не желает показать ему, что в ней много хорошего; в присутствии Тьерри она даже знаками объясняется только в случае крайней необходимости.

А дома, с Анук, она и смеется, и играет, и часами может рассматривать свою книжку или слушать радио, кружась под музыку по всей квартире, точно древний дервиш. Дома, где всякие Случайности исключены, Розетт ведет себя хорошо, а когда ей пора спать, мы с ней вместе ложимся в постель, как это было и с Анук, и я пою ей песенки, рассказываю всякие истории. Глазки у нее такие ясные и живые, ярче, чем у Анук, и такие зеленые и умные, как у кошки. Розетт подпевает мне — вполне правильно,

— когда я пою колыбельную, которую когда-то пела мне мать. Она, правда, пока что помнит только мелодию, а насчет слов полагается на меня:

V'là l'bon vent, v'là l'joli vent, V'là l'bon vent, ma mie m'appelle. V'là l'bon vent, v'là l'joli vent, V'là l'bon vent, ma mie m'attend^[26].

Тьерри говорит, что у нее «немного замедленное развитие», и предлагает мне сводить ее «провериться». Он пока еще, правда, не упоминал об аутизме, но наверняка скоро заговорит и об этом — как и многие мужчины его возраста, он читает «Ле пуан» и считает себя специалистом почти по всем вопросам. Я же, с его точки зрения, всего лишь женщина, да к тому же мать, а потому не могу судить здраво.

— Розетт, скажи «ложка».

Розетт берет ложку и с любопытством на нее смотрит.

— Ну давай, Розетт, скажи, пожалуйста, «ложка».

Розетт ухает, как сова, и ложка в ее руках исполняет на скатерти несколько неуместный короткий танец. Любому бы показалось, что она просто издевается над Тьерри. Я тут же отнимаю у нее ложку. Анук кусает губы, чтобы не рассмеяться.

Розетт смотрит на нее и улыбается.

«Прекрати», — жестами говорит ей Анук.

«Вот дерьмо», — отвечает ей Розетт на том же языке глухонемых.

Я улыбаюсь Тьерри.

- Ей же всего три года...
- Ей почти четыре! Уже достаточно большая.

На лице Тьерри появляется ласковая улыбка, как всегда, когда он чувствует, что я с ним не согласна. Эта улыбка сразу делает его старше и отдаленнее, и в моей душе внезапно пробуждается раздражение — я понимаю, что это несправедливо, но ничего не могу с этим поделать. Терпеть не могу, когда суют нос в мои дела!

Я потрясена: ведь я чуть не сказала это вслух! Но тут замечаю, что та официантка, Зози, наблюдает за мной, одобрительно прищурив свои голубые глазищи, и мгновенно прикусываю язык.

Я убеждаю себя, что должна быть благодарна Тьерри. За многое. Не

только за магазин или за помощь, которую он нам оказывал весь последний год; и даже не за подарки мне и детям. Нет, Тьерри гораздо шире всего этого. И тень его способна укрыть всех нас троих, вместе взятых, и в этой тени мы действительно станем невидимыми.

Но сегодня Тьерри выглядел каким-то встревоженным, беспокойным и все перебирал что-то в кармане пальто. Вопросительно посмотрев на меня поверх своей кружки со светлым пивом, он спросил:

- У тебя что-то случилось?
- Нет, я просто устала.
- Тебе нужно передохнуть, устроить себе праздник.
- Праздник? Я чуть не рассмеялась. Праздники существуют для того, чтобы продавать шоколад.
 - Значит, ты собираешься продолжать торговлю?
- Ну конечно! А как же иначе? До Рождества меньше двух месяцев и...
- Янна, прервал он меня. Если я могу чем-то помочь деньгами или как-то иначе...

Он ласково накрыл мою руку своей широкой ладонью.

- Я справлюсь.
- Конечно. Конечно справишься.

Его рука вернулась в карман пальто.

У него же самые лучшие намерения, в очередной раз сказала я себе, однако все во мне восстает против подобного вторжения в мой мир, с какими бы добрыми намерениями подобная интервенция ни осуществлялась. Я уже так давно привыкла со всем справляться самостоятельно, что потребность в помощи — в любой помощи — представляется мне некой опасной слабостью.

- С магазином я тебе всегда помогу, прибавил он. Но как же дети?
 - Я справлюсь, повторила я. Я...
 - Нет, ты не можешь со всем справиться в одиночку.

Теперь в нем явственно чувствовалось раздражение: плечи опущены, руки засунуты глубоко в карманы пальто и сжаты в кулаки.

— Я знаю. Я кого-нибудь найду.

И я снова посмотрела на Зози, которая, держа в руках два полных еды подноса, шутила с игроками в белот^[27], сидевшими за дальним столиком. Мне подумалось, что держится она исключительно свободно и независимо, но в то же время удивительно естественно, причем вне зависимости от того, подает ли посетителями тарелки с едой, или собирает со столов

грязные стаканы, или со смехом отводит от себя чьи-то не в меру шаловливые руки, шутливо по ним шлепая.

«Так ведь и я была такой же, — сказала я себе. — Это же я — десять лет назад».

Впрочем, это не совсем так; вряд ли Зози настолько моложе меня, просто она чувствует себя гораздо свободнее и гораздо сильнее ощущает себя именно Зози, чем я когда-либо ощущала себя Вианн.

«Кто же она такая, эта Зози?» — спрашиваю я себя. Эти глаза, безусловно, замечают куда больше, чем тарелки, которые нужно перемыть, или банкноты, засунутые под краешек блюда. По голубым глазам читать всегда легче, однако мое профессиональное мастерство, раньше так часто мне пригождавшееся — хоть и не всегда приносившее удачу, — с ней по какой-то причине дает сбой. Бывает, уговариваю я себя, такие люди тоже иногда попадаются. Но что ей по душе: темный шоколад или светлый, мягкий или твердый, или, может, горький апельсиновый, или вообще розовая сливочная помадка, или белый шоколад «Манон», или ванильный трюфель? Я вообще понять не могу, любит ли она шоколад, не говоря уж о том, какой шоколад ей нравится больше всего.

Но... почему же мне кажется, что уж ей-то хорошо известно, что больше всего люблю я?

Я вновь повернулась к Тьерри и заметила, что и он смотрит на Зози.

— На помощницу у тебя денег не хватит. Ты и так еле концы с концами сводишь, — заявил он.

И меня опять охватило раздражение. Да кем он себя считает, в конце концов?! Словно мне впервой со всем справляться в одиночку, словно я — маленькая девочка, играющая с подружками «в магазин»! Конечно, дела у нас в chocolaterie в последние несколько месяцев идут неважно. Но за аренду мы заплатили до самого Нового года и наверняка сумеем выкрутиться. На подходе Рождество, и если повезет...

— Янна, нам все-таки нужно поговорить. — Улыбка с его лица исчезла. Теперь передо мной сидел самый настоящий бизнесмен, мужчина, который в четырнадцать лет начал вместе с отцом восстанавливать старую развалюху возле Гар дю Нор и в итоге стал одним из самых преуспевающих торговцев недвижимостью в Париже. — Я понимаю, тебе тяжело. Но ведь совсем не обязательно, чтобы так было всегда. Для любой ситуации можно найти решение. Я знаю, ты была предана мадам Пуссен — ты много ей помогала, я очень это ценю...

Он считает, что это действительно так. Возможно, отчасти так и было, однако я прекрасно понимаю, что использовала ее, как использовала и свое

воображаемое вдовство, желая отсрочить неизбежное, отдалить ту страшную черту, после которой нет возврата...

- Но ведь можно идти и вперед.
- Вперед? переспросила я.

Он улыбнулся.

- Ну да, по-моему, у тебя есть такая возможность. Я что хочу сказать: всем нам, конечно, жаль, что мадам Пуссен умерла, но ты-то теперь в некотором смысле получила свободу. И могла бы заниматься, чем хочешь. Хотя я, по-моему, уже подыскал тебе место, которое наверняка тебе понравится...
- Ты хочешь сказать, что я должна отказаться от нашей chocolaterie? На мгновение мне показалось, что он говорит на непонятном для меня иностранном языке.
- Послушай, Янна, я же видел твои счета! Я знаю, что почем. Это не твоя вина, ты так старалась, но сейчас дела у всех плохо идут, и...
 - Тьерри, прошу тебя! Я не хочу сейчас обсуждать эту тему.
- В таком случае чего же ты хочешь? с некоторым нажимом спросил он. Одному богу известно, сколько времени я пытался к тебе приноровиться. Неужели ты не видишь, что я пытаюсь тебе помочь? И почему не позволяешь сделать для тебя то, что мне вполне по силам?
 - Извини, Тьерри. Я знаю, ты хочешь мне добра, но...

И вдруг перед моим мысленным взором предстало нечто. Со мной такое порой случается, причем всегда неожиданно: вдруг на дне кофейной чашки мелькнет чье-то отражение, или я замечу в зеркале чей-то мельком брошенный взгляд, или на блестящей поверхности только что сваренной шоколадной массы возникнет некий образ.

Шкатулка. Маленькая шкатулка небесно-голубого цвета...

Что в ней, я сказать не могла. Но в душе уже зрела паника, горло пересохло; я слышала, как шелестит в переулке ветер, и в этот момент мне хотелось одного: схватить детей и бежать, бежать...

«Возьми себя в руки, Вианн».

Я заставила свой голос звучать как можно ласковее.

- Тьерри, может, подождем с этим разговором, пока я как следует не разберусь с делами?
- Но Тьерри был похож на возбужденного охотничьего пса, настроенного весьма решительно, и оставался невосприимчивым к моим аргументам. Руку он по-прежнему держал в кармане, словно что-то там перебирая.
 - А вот я как раз и хочу помочь тебе разобраться с делами. Неужели

ты этого не понимаешь? Я не желаю, чтобы ты окончательно угробила себя, работая день и ночь. Несколько жалких коробок шоколада того не стоят, Янна! Хотя, возможно, такое положение вещей вполне устраивало мадам Пуссен. Но ведь ты-то молода, умна, и жизнь твоя еще далеко не кончена...

Да, теперь я поняла, что это было такое. Теперь перед моим мысленным взором отчетливо предстала маленькая голубая коробочка из ювелирного магазина с Бонд-стрит^[28], и в ней на бархатной подушечке кольцо с драгоценным камнем, тщательно выбранное с помощью продавщицы; камень не слишком крупный, но идеальной чистоты...

«Ох, пожалуйста, Тьерри. Не здесь. Не сейчас».

- Прямо сейчас мне никакая помощь не нужна. Я одарила его самой ослепительной своей улыбкой. А ты съешь-ка лучше свою choucroute. Она удивительно вкусная...
 - То-то ты к ней едва притронулась, заметил он.

Я тут же битком набила рот и сказала:

— Видишь?

Тьерри улыбнулся.

- Закрой глаза.
- Что? Прямо здесь?
- Закрой глаза и дай мне руку.
- Тьерри, пожалуйста...

Я попыталась рассмеяться. Но смех застрял в горле, и вместо него получился какой-то треск, словно из кувшина с узким горлышком с грохотом пытались вырваться наружу горошины.

— Закрой глаза и считай до десяти. Тебе понравится. Обещаю. Это сюрприз.

Ну что я могла поделать? Я закрыла глаза, как он велел. И протянула руку ладошкой вверх, точно маленькая девочка. И сразу почувствовала, как в ладонь мне упало что-то маленькое, не больше пралине в обертке.

Когда я открыла глаза, Тьерри рядом не было. И та коробочка с Бондстрит лежала у меня на ладони, в точности такая, какая представлялась мне минуту назад, и в ней на подушечке из темно-синего бархата льдисто поблескивал бриллиант-солитер.

9 ноября, пятница

Ну вот, я же вам говорила! В точности как я и предполагала. Я наблюдала за ними в течение всей той весьма напряженной и недолгой трапезы: за Анни с ее ореолом цвета крыла синей бабочки; за второй девочкой, у нее аура золотисто-красных тонов, но сама она пока еще слишком мала для моих целей, хотя тоже очень и очень меня заинтересовала; за этим мужчиной, слишком громогласным, но чересчур мало для меня значимым, и, наконец, за самой Янной, застывшей, настороженной. У нее все цвета ауры настолько приглушены, что их порой и не различить; они кажутся всего лишь отражением улиц и неба в воде, покрытой к тому же такой сильной рябью, что отражение сильно искажено.

Да, в ней определенно чувствуется некая слабость. Нечто такое, чем можно было бы для начала воспользоваться. Это мне подсказывает инстинкт охотницы, который я много лет старательно развивала и теперь могу даже с закрытыми глазами почуять хромую газель. Янна не лишена подозрительности, и все же некоторые люди так сильно хотят верить во что-то — в магию, в любовь, в деловых партнеров, гарантирующих утроить вложенные ими средства, — что эта вера делает их уязвимыми для охотниц вроде меня. Такие люди каждый раз попадаются на одну и ту же удочку, и что, скажите, я могу сделать, если это действительно так?

Впервые я начала видеть цвета чужой ауры, когда мне исполнилось одиннадцать. Сперва, правда, лишь слабое сияние, или золотистую искорку краем глаза, или серебристую пелену в небе, где не было ни облачка, или сложной расцветки туман над толпой. По мере того как рос мой интерес, росла и моя способность видеть эти цвета. Я узнала, что у каждого человека есть нечто вроде личной подписи, особое проявление собственного «я», которое способны видеть лишь очень немногие, да и то с

помощью парочки заклинаний и магических жестов.

Чаще всего там особенно и смотреть-то не на что: у большинства людей аура столь же тусклая, как нечищеная обувь. Но порой все же можно уловить и нечто стоящее. Ослепительную вспышку гнева, при которой лицо у человека остается абсолютно бесстрастным. Ярко-розовое пламя, как стяг, реющее над парой влюбленных. Серо-зеленый покров тайны. Это, разумеется, очень помогает, если постоянно имеешь дело с людьми. А также чрезвычайно полезно при игре в карты, особенно когда не хватает денег.

Есть один старинный магический жест, который одни называют Глазом Черного Тескатлипоки, другие — Дымящимся Зеркалом; этот жест помогает сосредоточить все внимание на индивидуальных особенностях человека. Я научилась пользоваться им в Мехико и теперь, обладая достаточным практическим опытом и познаниями в области магических жестов и знаков, легко могу определить, кто лжет, кто боится, кто обманывает жену, кто страстно жаждет денег.

Постепенно я научилась не только разбираться в цветах чужой ауры, но и манипулировать своей, то придавая ей приятный розовый оттенок — если требовалось проявить осторожность, — то приглушая все краски и как бы облекая себя в уютный плащ невзрачности, незначительности, позволяющий стать личностью абсолютно не запоминающейся, почти невидимкой.

Лишь позднее я пришла к выводу, что во всем этом не обходится без магии. Как и все дети, воспитанные на сказках, я ждала от магии огненного фейерверка, взмахов волшебной палочкой, полетов на метле. Магия в книгах моей матери казалась мне ужасно скучной, пресно академичной со своими дурацкими длинными заклинаниями и напыщенными старцами магами, и такую магию я уж никак не могла бы назвать волшебством.

С другой стороны, моя мать магией вовсе и не владела. Несмотря на все свои научные опыты, изучение заклятий, вращение хрустальных шаров при свечах и гадание с помощью карт Таро, она — я, во всяком случае, ни разу никакого волшебства в ее исполнении не видела! — в лучшем случае могла сотворить незначительную иллюзию. Некоторые люди простонапросто лишены подобных задатков; я поняла это по цветам ее ауры задолго до того, как сказала ей об этом. Ну не было у нее необходимых качеств, чтобы стать настоящей ведьмой!

Но если колдовство моей матери и не давалось, то знаниями она действительно обладала большими. Она держала лавку в пригородах Лондона, где торговала книгами по оккультным наукам, и там ее посещали

самые разные люди. В том числе маги высокого полета, последователи Одина, всевозможные «язычники», а иногда и так называемые сатанисты (все без исключения прыщавые, словно переходный возраст у них затянулся до старости).

От них — а также от матери — я в итоге и узнала то, что было мне так необходимо. Мать была уверена: если дать мне доступ ко всем формам оккультизма, я непременно сумею впоследствии сама выбрать свой путь. Она же была последовательницей какой-то непонятной секты, представители которой верили, что дельфины — это особая просвещенная раса, и практиковали некую «земную магию», столь же безвредную, сколь и бездейственную.

Но все в мире имеет свое предназначение, и, обнаружив это, я годами мучительно собирала и копила те крохи практической магии, которые сумела извлечь из этого бессмысленного, смехотворного, шутовского культа. Я выяснила, что обычно магия — если она вообще содержится в том или ином культе — глубоко спрятана под удушающим пологом ритуалов, драматических действ, всевозможных постов и различных, никому не нужных наук, призванных окутать флером таинственности поиски того, что реально будет работать. Моя мать ритуалы прямо-таки обожала — мне же нужна была просто книга рецептов.

Так что я самостоятельно погрузилась в изучение рун, карт Таро, хрустальных шаров и маятников. Я изучала гербологию и древнекитайскую мифологию по книге «И-цзин», собирала вишни на «золотой заре», я в итоге полностью отвергла теорию Кроули (взяв на вооружение только его карты Таро, которые очень красивы); я честно и сосредоточенно исследовала свое внутреннее «я» и страшно веселилась, читая «Либер Нулл» и «Некрономикон».

Но наиболее рьяно я изучала верования и представления народов Центральной Америки — майя, инков и, главное, ацтеков. Отчего-то именно ацтеки интересовали меня больше всего; благодаря их мифам я узнала о жертвоприношениях, о дуализме богов, о вселенском зле, о том, чему соответствуют цвета человеческой ауры, об ужасе смерти и о том, что единственный способ выжить в этом мире — это сопротивляться изо всех сил, любыми, даже самыми грязными, способами...

Результатом и стала моя Система, тщательно отшлифованная за годы испытаний и ошибок и представляющая собой определенное количество сведений о вполне реальных растительных снадобьях (в том числе о таких весьма полезных вещах, как яды и галлюциногены), а также — о магических жестах и именах, некоторых дыхательных и физических

упражнениях; а также — о некоторых бодрящих зельях и микстурах; а также — о некоторых астральных телах и самовнушении; а также — о некоторых магических заклятиях (я не поклонница произносимых вслух заклинаний, но некоторые из них действуют очень неплохо); а также — глубокое понимание цветов человеческой ауры и умение ими манипулировать, то есть по собственному желанию становиться такой, какой меня хотели бы видеть другие, окутывать волшебными чарами и себя, и других, по своей воле изменять весь мир.

Однако за все это время я, к огорчению моей матери, так и не присоединилась ни к одной секте, ни к одному направлению. Ей это очень не нравилось, она утверждала, что с моей стороны «просто аморально» отсеивать только то, что мне нравится, из многочисленных и, с ее точки зрения, порочных верований; ей бы хотелось, чтобы и я тоже стала членом какого-нибудь милого и вполне дружелюбного сообщества колдунов и ведьм, где можно было бы «общаться с интересными людьми» и знакомиться с приличными, не внушающими опасений молодыми людьми; или я могла бы тоже присоединиться к последователям ее «аквашколы» и заниматься изучением философии дельфинов.

— Во что же все-таки ты веришь? — спрашивала она меня, длинными нервными пальцами перебирая четки. — В чем суть твоих верований, в чем проявляется аватара^[29] твоего божества?

И я, недоуменно пожав плечами, отвечала:

— Зачем сводить все к какой-то религии, к какому-то божеству? Мне интересно то, что способно реально действовать, а не то, сколько ангелов могут танцевать на булавочной головке или какого цвета свечу следует зажечь, чтобы навести любовные чары.

(На самом деле я давно уже открыла для себя, что в плане соблазна цветные свечи сильно проигрывают в сравнении с оральным сексом.)

Мать только вздыхала, мило печалясь, и в очередной раз повторяла, что я, видимо, избрала в жизни свой собственный путь. И это действительно было так; этим путем я следую и поныне. Он приводил меня во многие интересные места — сюда, например, — но пока что я ни разу не встречала свидетельств того, что я, как личность, далеко не уникальна; я даже предположить этого не могла.

Но пожалуй, лишь до сих пор.

Янна Шарбонно. Чересчур благозвучное имя, чтобы быть понастоящему правдоподобным. И ее приглушенная аура тоже свидетельствует о какой-то фальши, обмане, хотя, подозреваю, у нее имеется целый арсенал средств, способных скрыть ее истинное лицо, так

что лишь в те мгновения, когда эта система защиты несколько ослаблена, мне удается мельком разглядеть его.

«Мама не любит, когда мы чем-то отличаемся от других».

Интересно.

Кстати, как называлась эта деревня? Ланскне? Надо непременно ее отыскать. А там, возможно, найдется и некий ключ — скажем, давний скандал или какой-то другой след, оставленный женщиной с ребенком, — любые сведения, способные пролить свет на прошлое этой пары темных лошадок.

В интернете я отыскала только два упоминания об этом селении — оба на сайтах, посвященных фольклору и праздникам юго-западной Франции; название Ланскне-су-Танн оба раза было связано с одним популярным пасхальным фестивалем, впервые устроенным там немногим более четырех лет назад.

Назывался он «Праздник шоколада». Что ж, я ничуть не удивилась.

Итак, что мы имеем? Может, ей надоела деревенская жизнь? Или у нее появились враги? Почему она уехала оттуда?

Этим утром у нее не было ни одного покупателя. Я внимательно следила за входом в ее лавку из «Крошки зяблика», и до половины первого там ни одной живой души не появилось. Пятница — и никого! Даже тот толстяк не пришел, который, по-моему, вообще рта никогда не закрывает. Даже никто из соседей не заглянул или случайный турист.

В чем же там дело? Этот магазинчик, по-моему, должен гудеть от покупателей, как улей. А он притворяется невидимкой, сливаясь с белеными стенами окружающих площадь зданий. Разумеется, для бизнеса это никуда не годится. Неужели так трудно хоть немного приукрасить эту chocolaterie, сделать ее более привлекательной, заставить ее фасад сиять, как он сиял в тот день, — но Янна почему-то ничего не предпринимает. Интересно, почему? Моя мать, например, всю жизнь тщетно стремилась стать особенной, не такой, как другие, — почему же Янна тратит столько усилий, чтобы казаться такой, как все?

9 ноября, пятница

Тьерри заехал около двенадцати. Я, естественно, ожидала его приезда и провела бессонную ночь, раздумывая о том, как мне вести себя во время этого свидания. Как я жалею, что все-таки вытащила эти карты — и мне выпали Смерть, Влюбленные, Башня, Перемена, — ибо теперь я уже чувствую, что это судьба, что это неизбежно, что все дни и месяцы моей жизни выстроены в ряд, точно костяшки домино, готовые вот-вот упасть...

Нет, разумеется, это глупости. Я не верю в судьбу. Я уверена: выбор у нас есть всегда, и даже этот ветер можно заставить улечься, и даже Черного Человека можно обмануть, и даже Благочестивых можно как-то умилостивить.

«Но какой ценой?» — спрашиваю я себя. Вот что не дает мне спать по ночам, вот что заставляет меня внутренне напрягаться при каждом новом порыве этого ветра, предупреждающего меня своей песней, вот почему у Тьерри появляется на лице то упрямое выражение, которое свидетельствует о некоем незаконченном деле.

Я пыталась оттянуть этот разговор. Я предложила ему выпить горячего шоколада, и он согласился, хотя и без особого энтузиазма (он предпочитает кофе), зато я хоть руки смогла чем-то занять. Розетт возилась на полу со своими игрушками, и Тьерри смотрел, как она играет: на терракотовых плитках пола она выкладывала из пуговиц, одну за другой доставая их из коробки, длинные цепочки, которые затем превращались в сложные концентрические фигуры.

В обычный день Тьерри непременно сказал бы что-нибудь вроде: «Ты бы обратила все-таки на ребенка внимание, это же негигиенично» — или выразил бы беспокойство на тот счет, что Розетт может проглотить пуговицу и задохнуться. Но сегодня он не сказал ни слова, и это весьма тревожный знак, на который я старалась не обращать внимания, готовя ему шоколад.

Налить молока в кастрюльку, накрыть крышкой, положить сахар, мускатный орех и перец чили. На краешек блюдца — кокосовое печенье. Этот процесс успокаивает, как и любой ритуал; все жесты переданы мне по наследству от матери, а от меня перейдут Анук и, возможно, ее дочери — когда-нибудь потом, в будущем, пока что слишком далеком, чтобы его легко можно было себе представить.

— Отличный шоколад, — сказал он.

Ему явно хотелось сказать мне что-нибудь приятное; крошечную чашечку он держал в обеих руках, куда лучше приспособленных для того, чтобы строить стены.

Я тоже пригубила шоколад; он пах1гул осенью, и сладковатым дымком костров, и замками, и утром, и печалью. Надо было положить немного ванили, заметила я про себя. Ваниль, как в мороженом — как в детстве.

- Пожалуй, чуть горьковат, сказал он, добавляя сахару. Ну что? Как ты насчет того, чтобы сегодня сделать перерыв и отдохнуть? Прогуляться по Елисейским Полям, выпить кофе, пообедать, зайти в магазины...
- Тьерри, сказала я, это очень мило с твоей стороны, но не могу же я на целый день магазин закрыть.
 - Вот как? По-моему, вокруг ни души.

Я вовремя прикусила язык и, не желая отвечать слишком резко, заметила:

- Ты еще свой шоколад не допил.
- А ты еще на мой вопрос не ответила. Он быстро глянул на мою обнаженную руку. Я вижу, Янна, что мое кольцо ты так и не надела. Или это означает «нет»?

Я невольно рассмеялась. Его прямота часто меня смешит, хотя сам Тьерри понятия не имеет, почему я смеюсь.

— Просто это было слишком неожиданно, только и всего.

Он посмотрел на меня поверх чашки с шоколадом. Глаза у него были усталые, словно он ночь не спал, и вокруг рта пролегли глубокие складки, которых я раньше не замечала. Это был как бы намек на уязвимость, и меня это удивило и встревожило: я так долго уговаривала себя, что Тьерри мне совершенно не нужен, но мне даже в голову не пришло, что, возможно, это я нужна ему.

- Ну что? спросил он. Можешь уделить мне часок?
- Погоди минутку, я переоденусь, сказала я.

Глаза Тьерри так и вспыхнули от радости.

— Вот и молодец! Я знал, что ты согласишься!

Он снова был в форме, мгновенная неуверенность прошла. Он встал, с хрустом засунув в рот кокосовое печенье (я заметила, что шоколад он так и не допил), и улыбнулся Розетт, по-прежнему игравшей на полу.

— Hy, jeune fille^[30], а ты как считаешь? Не пойти ли нам в Люксембургский сад и не поиграть ли с игрушечными корабликами на пруду...

Розетт посмотрела на него сияющими глазами. Она эти кораблики просто обожает, как и того человека, что выдает их; дай ей волю, она бы все лето на пруду провела...

«Морское судно», — весьма выразительно изобразила она с помощью пальцев.

- Что она сказала? нахмурился Тьерри. Я с улыбкой пояснила:
- Она говорит, что это звучит весьма заманчиво.

Меня вдруг охватило горячее чувство нежности, благодарности Тьерри — за его вечное желание помочь, за его энтузиазм и доброжелательность. Я знаю, он считает, что с Розетт трудно найти общий язык — об этом свидетельствует и ее мрачное молчание, и нежелание улыбаться, — тем более ценны бесконечные попытки Тьерри все же наладить с ней отношения.

Поднявшись наверх, я сняла пропахший шоколадом фартук и надела свое любимое платье из красной шерстяной фланели. Красного я не ношу уже несколько лет, но нужно же хоть как-то обороняться против этого холодного ноябрьского ветра! Кроме того, подумала я, на мне ведь еще и пальто будет. Я запихнула Розетт в куртку-анорак, натянула ей на руки перчатки (их она почему-то терпеть не может), и мы втроем поехали на метро в Люксембургский сад.

Это так занятно — по-прежнему оставаться туристкой в том городе, где родилась. Но Тьерри считает меня иностранкой; он с таким восторгом показывает мне свой мир, что я не могу его разочаровать. Сады сегодня такие хрусткие, яркие, земля покрыта похожими на мокрую гальку пятнышками — это солнечные зайчики играют на пестрой листве. Розетт страшно нравятся опавшие листья, она то и дело с восторгом поддает их ногой, и они вздымаются великолепными разноцветными осенними радугами. А искусственное маленькое озерцо она просто обожает и, затаив от восторга дыхание, наблюдает за игрушечными суденышками.

- Розетт, скажи «кораблик», просит ее Тьерри.
- Бам, говорит она, глядя на него в упор своими кошачьими глазищами.
 - Нет, Розетт, это называется «кораблик», говорит он. Ну же,

давай, ты вполне можешь сказать «кораблик».

- Бам, говорит Розетт и с помощью пальцев показывает: «обезьянка».
 - Ну все, довольно.

Я улыбаюсь дочке, но сердце у меня в груди так и колотится. Она сегодня была такой милой, так хорошо себя вела, бегала вокруг в своем желто-зеленом анораке и красной шапочке, похожая на ожившую елочную игрушку, и время от времени кричала — «бам-бам-бам!» — словно расстреливая невидимых врагов, при этом она не смеялась (она вообще редко смеется), а была как-то свирепо сосредоточена, даже нижнюю губу выпятила, а брови сурово сдвинула, словно ее веселая беготня — это вызов, которым отнюдь не стоит легкомысленно пренебрегать.

Но сейчас в воздухе явственно повеяло опасностью. Ветер переменился; краем глаза я замечаю легкое золотистое свечение и понимаю: да, пора...

— Ладно, теперь по мороженому, и все, — говорит Тьерри.

Суденышко совершает головокружительный поворот под прямым углом, почти ложась на правый борт, и устремляется к середине озерца. Розетт озорно смотрит на меня.

— Не надо, Розетт.

Суденышко подскакивает, резко разворачивается и теперь несется в сторону лотка с мороженым.

— Хорошо, но только по одному.

Мы целовались, пока Розетт на берегу доедала свое мороженое; от Тьерри исходило тепло и слабый запах табака — так обычно пахнут отцы, а его руки, заключенные в рукава элегантного кашемирового пальто, походили на лапы медведя. Он прижимал меня к себе своими огромными лапищами, и я чувствовала, что на мне под осенним пальто слишком тонкое красное платье.

Это были хорошие поцелуи; они начались с моих холодных пальцев, затем умело, без спешки добрались до моей шеи и наконец достигли губ; и под ними я понемногу согревалась, точно у жаркого костра, оттаивала душой, которую уже успел заморозить этот ледяной ветер, а он все повторял: «Я люблю тебя, я люблю тебя» (он часто это говорит мне), но еле слышно, чуть задыхаясь, точно нетерпеливый ребенок, слишком торопящийся спасти свою душу.

Он, должно быть, заметил выражение моего лица и спросил, тут же опять становясь серьезным:

— В чем дело?

Как рассказать ему? Как объяснить? Он смотрел на меня с такой искренностью, с таким неожиданным вниманием, и его голубые глаза слезились на ветру. И он выглядел таким бесхитростным, таким обыкновенным — неспособным, несмотря на принадлежность к сложному миру бизнеса, понять, как мы его обманываем.

Что же он видит в Янне Шарбонно? Сколько раз я старалась это понять. И что он мог бы увидеть в Вианн Роше? Неужели с недоверием воспринял бы ее нешаблонное, чуждое условностям поведение? Неужели презрительно фыркнул бы, узнал о ее верованиях? Неужели осудил бы ее предпочтения? Или, может, пришел бы в ужас, узнав, как она ему лгала?

Он медленно перецеловал кончики моих пальцев, по одному поднося их к губам, и вдруг улыбнулся.

— У тебя вкус шоколада.

Но тот ветер по-прежнему выл у меня в ушах, и деревья вокруг качались и шелестели, усиливая его вой, делая его оглушительным, точно грохот океанских волн, точно струи тропического ливня в сезон дождей. Ветер подбрасывал к небесам конфетти опавших листьев и дышал на меня запахами той реки, той зимы, тех ветров.

И тут в голове мелькнула странная мысль...

«Что, если рассказать Тьерри правду? Что, если рассказать ему все?»

И стать для него понятной, любимой, понятой. У меня перехватило дыхание...

«Ах, если б осмелиться...»

Этот ветер делает с людьми странные вещи: он крутит их, вертит, заставляет танцевать. В один миг он превратил Тьерри в мальчишку с взъерошенными волосами и ясными глазами, полного надежд. Да, подобные искушения этому ветру подвластны, он может соблазнить человека, внушить ему дикие мысли и еще более дикие мечты. Но в ушах у меня постоянно звучало то предупреждение — даже в эти мгновения я понимала, что Тьерри Ле Трессе, несмотря на все свое тепло и всю свою любовь, никогда не сможет соперничать с тем ветром.

— Я не хочу терять свой магазин, — сказала я ему (а может, тому ветру). — Мне необходимо его сохранить. Мне необходимо, чтобы он стал моим.

Тьерри рассмеялся.

— И всего-то? В таком случае выходи за меня, Янна. И у тебя будет сколько угодно магазинов и кафе-шоколадниц, сколько угодно шоколада. И у тебя самой всегда будет вкус и запах шоколада. Ты просто насквозь им пропахнешь — да и я тоже...

Его слова все-таки заставили меня рассмеяться. И Тьерри, схватив меня за руки, стал кружиться со мной по сухому гравию, и Розетт так хохотала, что даже икать начала.

Возможно, именно поэтому я и сказала то, что сказала; мгновенный, опасный порыв, вой ветра в ушах, волосы, брошенные мне в лицо, и Тьерри, готовый отдать мне все, что у него есть за душой, почти испуганно шепчущий, уткнувшись мне в волосы: «Я люблю тебя, Янна!»

«Он боится потерять меня», — вдруг подумала я и тогда решилась всетаки сказать ему те слова, хоть и понимала, что теперь пути назад уже не будет; и я сказала со слезами на глазах и мокрым, красным из-за леденящего ветра носом:

— Хорошо. Только пусть все будет тихо...

Он даже глаза вытаращил от неожиданности.

— Ты уверена? — задыхаясь, спросил он. — Я думал, ты захочешь... ну, сама знаешь... Он улыбнулся. — Подвенечное платье. Церковь. И чтобы хор пел. И кругом подружки невесты, и звон колоколов — в общем, все такое.

Я покачала головой.

— Нет, никакой свадебной шумихи, — сказала я.

Он снова поцеловал меня.

— Хорошо, никакой, раз ты сказала «да».

И на мгновение мне стало так хорошо! Я наконец держала в руках свою маленькую чудесную мечту. Тьерри — хороший человек, думала я. Человек с корнями, человек с принципами.

«И с деньгами, Вианн, не забывай об этом», — раздался у меня в ушах чей-то злорадный голос, но голос этот звучал довольно слабо и становился все слабее по мере того, как я отдавалась своей маленькой чудесной мечте. «Да будь она проклята, — думала я, — будь проклят этот ветер! На этот раз ему нас прочь не унести!»

9 ноября, пятница

Сегодня я опять поссорилась с Сюзи. Не знаю, почему мы так часто ссоримся, я хочу с ней дружить, но чем больше я стараюсь, тем это труднее. На этот раз она прицепилась к моим волосам. Еще новости! Она считает, что мне надо их выпрямить!

Я спросила зачем.

Но Сюзанна только плечами пожала. Мы с ней одни остались в библиотеке во время большой перемены — остальные пошли в магазин покупать сладости, — а я надеялась списать задание по географии, но раз Сюзи захотелось поговорить, остановить ее совершенно невозможно.

— Странно они как-то выглядят, — пояснила она. — Как у африканки. Мне было безразлично, как выглядят мои волосы, о чем я ей и сообщила.

Сюзи тут же презрительно вытянула губы трубкой — она всегда так делает, если ей кто-то перечит, — и вкрадчивым тоном спросила:

— Но... твой отец ведь, по-моему, чернокожим не был? Или все-таки был?

Я покачала головой, чувствуя себя лгуньей. Сюзанна считает, что мой отец умер. Но насколько я знаю, он вполне мог быть и чернокожим. Как вполне мог быть и пиратом, и серийным убийцей, и королем...

- Видишь ли, некоторые могут подумать...
- Если «некоторые» это Шанталь...
- Нет! резко возразила Сюзанна, но ее розовое лицо еще сильнее порозовело, и в глаза мне она старалась не смотреть. Послушай, и она обняла меня за плечи, ты у нас в школе новенькая. И мы тебя совершенно не знаем. Все остальные ребята из нашего класса вместе учились еще в начальной школе. И все давно научились соответствовать...

«Научись соответствовать». У меня была одна учительница, которую звали мадам Дру, — там, еще в Ланскне, — которая очень любила

повторять именно эти слова.

- А ты не такая, как мы, припечатала меня Сюзи. Я все старалась тебе помочь...
- Как же, старалась ты! фыркнула я, вспомнив о задании по географии и о том, что я никогда, никогда не смогу делать то, что хочу, пока она рядом, потому что всегда главное ее забавы, ее проблемы; и это она говорит мне: «Анни, пожалуйста, перестань за мной таскаться», стоит поблизости появиться кому-то более стоящему.

Она понимала, что я вовсе не собиралась ее обижать, но все равно сразу напустила на себя обиженный вид и, как взрослая, гордым жестом откинула назад волосы (между прочим, выпрямленные), а потом заявила:

- Ну что ж, если ты даже слушать меня не желаешь...
- Ладно, смирилась я, говори: что еще во мне не так, как надо?

Она пару секунд смотрела на меня. Но тут прозвенел звонок на урок, и она, ослепительно улыбнувшись, сунула мне в руку сложенный листок бумаги.

— Вот. Я составила список.

Я прочитала этот список в кабинете географии. Месье Жестен рассказывал нам о Будапеште, где мы с мамой когда-то тоже недолго жили, хотя теперь я уже почти ничего не помню. Помню только реку, снег и старый квартал, который отчего-то кажется мне очень похожим на Монмартр — там были такие же извилистые улочки, крутые лестницы и старый замок на невысоком холме. Список Сюзи своей пухлой аккуратной рукой написала на половинке листка выдранного из ученической тетради. В нем содержались самые разнообразные советы: как улучшить свою внешность (волосы выпрямить, сделать маникюр, ноги побрить и постоянно иметь при себе дезодорант); как одеваться (не надевать носки с юбкой, носить светло-розовое, а не оранжевое); что читать (книжки для девочек хорошо, а книжки для мальчиков плохо); какие фильмы смотреть и какую музыку слушать (слушать следует только самые последние хиты); что смотреть по телевизору и что искать в интернете (как будто у меня есть компьютер!); как проводить свободное время и какой марки мобильный телефон надо приобрести.

Я сперва решила, что это просто очередная шутка, но после школы, встретившись с Сюзи на остановке автобуса, поняла, что она отнюдь не шутила.

— Ты должна попытаться, — заявила она— Иначе все будут говорить, что ты какая-то странная...

- Я не странная, сказала я. Я просто...
- Не такая, как все.
- А что плохого в том, чтобы быть не такой, как все?
- Знаешь, Анни, если ты хочешь, чтобы у тебя были друзья...
- Да настоящим друзьям плевать на такие вещи!

Сюзи побагровела. С ней это часто случается, когда она злится, и такой цвет лица ужасно выглядит в сочетании с ее рыжей шевелюрой.

— Ну и ладно, а мне не плевать! — прошипела она и отвернулась, устремив свой взгляд в начало очереди.

Видите ли, существуют определенные правила того, как следует стоять в очереди на автобус, точно так же есть правила того, как входить в класс или выбирать себе партнеров во время игры. Мы с Сюзи стояли примерно в середине очереди, а впереди девочки из «списка А» — те, кто играет в баскетбол за честь школы; все они были старше нас; такие девчонки уже вовсю пользуются губной помадой, закатывают школьные юбки за пояс, чтоб стали короче, и, стоит им выйти за ворота школы, закуривают «Житан». Там же были и мальчишки — лучшие из лучших, самые симпатичные, тоже члены спортивных команд; все они ходят с поднятым воротником, а волосы укладывают с помощью геля.

Там же стоял и один новый мальчик из нашего класса, его зовут Жан-Лу Рембо. Сюзанна по нему просто с ума сходит. Шанталь он тоже очень нравится — хотя сам-то он, по-моему, ни на ту ни на другую внимания особого не обращает и никогда не участвует ни в одной из тех игр, которые они затевают. Я сразу поняла, что у Сюзанны на уме.

Всякие там чудики и неудачники, разумеется, стоят в самом конце. Ну и чернокожие, конечно; эти живут по ту сторону Холма, всегда держатся вместе и ни с кем из нас не разговаривают. За чернокожими пристроились: Клод Мёнье, который очень сильно заикается, Матильда Шагрен, она страшно толстая, а за ними — девочки-мусульманки, их в школе около дюжины, они тоже держатся вместе, и это они в начале четверти подняли такой шум из-за запрета носить головные платки. Они и сейчас все в платках: надевают их сразу же, как только выйдут за ворота школы, хотя в школе им носить платки не разрешают. Сюзи считает, что зря они, дуры такие, носят эти платки, потому что им надо быть как все, если они и впредь намерены жить в нашей стране, — но это она просто повторяет слова Шанталь. Я, например, совершенно не понимаю, почему вокруг этих несчастных платков вообще столько шума, ну чем они отличаются от другой одежды — скажем, от маек или джинсов? По-моему, каждый сам выбирает, что ему носить.

А Сюзи по-прежнему пялилась на Жана-Лу. Он высокий и, по-моему, довольно симпатичный, у него черные волосы и челка в пол-лица. Ему двенадцать лет — он нас всех на год старше и вообще-то должен был бы учиться в следующем классе. Сюзи говорит, что он остался на второй год, а по-моему, он очень способный и в классе один из лучших. Жан-Лу очень многим девчонкам нравится, но сегодня мне показалось, что он просто из кожи вон лезет, чтобы выглядеть крутым: прислонился к столбу на остановке и все вокруг изучает в объектив своей маленькой цифровой камеры, с которой, похоже, вообще не расстается.

- Ах, боже мой! вздохнув, прошептала Сюзи.
- Послушай, предложила я ей, может, тебе хоть раз все-таки поговорить с ним по-человечески?

Она тут же яростно на меня зашикала, а Жан-Лу быстро глянул в нашу сторону — мол, что это за шум? — и снова уткнулся в объектив. Сюзи, покраснев еще сильнее, пискнула, нырнув в капюшон своего анорака:

- Он на меня посмотрел! и повернулась ко мне, тараща глаза от возбуждения. Слушай, я собираюсь сделать себе «перышки». Я знаю хорошую парикмахерскую, там Шанталь стрижется и красится. Сюзи так стиснула мою руку, что мне стало больно. Если хочешь, пойдем вместе. Я буду делать «перышки», а тебе волосы могут выпрямить...
 - Оставь мои волосы в покое, сказала я.
 - Давай, Анни! Это же будет клево! И потом...
- Я сказала, оставь мои волосы в покое! Теперь я уже понастоящему начинала сердиться. Чего ты к ним привязалась?
- Ах, ты совершенно безнадежна! раздраженно воскликнула Сюзи. Ты же выглядишь как ненормальная! Неужели тебе все равно?

Это она тоже отлично умеет. Задать совершенно ненужный вопрос, который на самом деле вопросом вовсе и не является.

— А чего мне беспокоиться?

Я пожала плечами, хотя от гнева у меня даже в носу щипало, как будто чихнуть хочется, я понимала: еще немного — и гнев мой все-таки прорвется наружу, хочу я этого или нет. И тут я вспомнила, о чем говорила мне Зози в «Английском чае», и мне страшно захотелось сделать чтонибудь такое, чтобы с физиономии Сюзанны слетело это самодовольное выражение. Нет, причинять ей вред я вовсе не собиралась, но проучить ее, безусловно, следовало.

Спрятав за спину руку, я скрестила пальцы в магическом жесте и мысленно сказала Сюзанне...

«Посмотрим для разнообразия, как тебе это понравится».

И мне показалось, что я мельком успела увидеть, как переменилось вдруг лицо Сюзи, как странно блеснули ее глаза, и сразу, прежде чем я смогла как следует что-либо рассмотреть, все стало как прежде.

— Пусть я лучше буду ненормальной, чем жалким клоном! — заявила я.

Повернулась и пошла в конец очереди. Все так и уставились на меня, а Сюзи застыла с выпученными глазами на прежнем месте, сразу став ужасно некрасивой, даже уродливой со своими рыжими волосами, багровым лицом и разинутым от изумления ртом.

Я спокойно поджидала прибытия автобуса, пытаясь понять, хотелось мне, чтобы она пошла за мной, или нет. Возможно, я рассчитывала, что она сразу прибежит, но этого не произошло, а в автобусе она села рядом с Сандрин и ни разу в мою сторону даже не посмотрела.

Придя домой, я попыталась рассказать об этом маме, но она оказалась очень занята — одновременно разговаривала с Нико, перевязывала лентой коробку с ромовыми трюфелями и готовила для Розетт какую-то еду, а я еще, как назло, не могла найти нужных слов, чтобы рассказать о своих переживаниях.

— Просто не обращай на них внимания, — сказала она наконец, наливая молоко в медную кастрюльку. — Вот, присмотри, пожалуйста, за молоком, хорошо, Нану? Просто чуточку помешивай — и все, а я пока на этой коробке бант сделаю...

Она держит все, что нужно для приготовления горячего шоколада, в шкафчике у задней стенки кухни. А на передней стенке висят медные миски, сковородки и несколько сверкающих формочек, чтобы делать из шоколада всякие фигурки; на столе стоит гранитная ступка с пестиком для растирания зерен. И в общем, сейчас она почти ничем этим не пользуется, а большую часть всякой старинной утвари и вовсе спрятала в подвал, потому что еще до того, как умерла мадам Пуссен, крайне редко готовила чтонибудь такое, особенное, как раньше.

Но для горячего шоколада у нее время всегда находится, она готовит его с молоком, с тертым мускатным орехом, с ванилью, с перцем чили, с коричневым сахаром и с кардамоном, а шоколад использует только чистый, семидесятипроцентный — только такой, по ее словам, и стоит покупать. Вкус у сваренного ею шоколада богатый и чуточку горьковатый, как у карамели, когда она начинает подгорать. Перец придает ему остроты — это очень легкий, совершенно особый привкус, а специи — «церковный» аромат, отчего-то напоминающий мне Ланскне и те вечера, когда мы сидели

с ней вдвоем в своей квартирке над магазином, и Пантуфль был рядом со мной, и на столике — точнее, на перевернутом ящике из-под апельсинов — горели свечи.

Здесь, конечно, мы ящиками из-под апельсинов не пользуемся. В прошлом году Тьерри полностью обновил нам кухню. В общем, правильно. В конце концов, это же он здесь хозяин, и денег у него много, да и порядок он в своем доме вроде бы обязан поддерживать. Но мама отчего-то вдруг засуетилась, принялась готовить ему на новой кухне какой-то особенный обед. Господи, как будто у нас никогда раньше не было кухни! В общем, теперь у нас даже кружки на кухне новые, и на них причудливым шрифтом написано «Шоколад». Тьерри купил их — по одной для каждый из нас и еще одну для мадам Пуссен, — хотя сам-то он горячий шоколад совсем не любит (это я точно знаю, потому что он всегда кладет туда слишком много сахара).

Раньше я всегда пила из своей собственной кружки, которую подарил мне Ру, — пузатой, красной, чуточку щербатой, с нарисованной на ней буквой «А», что значит «Анук». Но теперь ее больше нет; и я даже не помню, что с ней случилось. Возможно, она разбилась или мы ее где-то оставили. Впрочем, не важно. Все равно я шоколад больше не пью.

- Сюзанна говорит, что я странная, сказала я, когда мама вернулась на кухню.
- Никакая ты не странная, ответила она, растирая стручок ванили. Шоколад был уже почти готов и тихонько булькал в кастрюльке. Хочешь? предложила она мне. Хорошо получилось.
 - Нет, спасибо.
 - Ну как хочешь.

Она отлила немного в чашку для Розетт и добавила туда сливки и шоколадную стружку. Выглядело очень аппетитно, а пахло еще лучше, но я постаралась, чтобы она не заметила, как мне хочется отведать ее шоколада. Сунув нос в буфет, я обнаружила там половинку круассана, оставшуюся от завтрака, и немного варенья.

— Не обращай ты внимания на эту Сюзанну, — сказала мама, наливая себе шоколад в кофейную чашечку. Я заметила, что ни она, ни Розетт кружками с надписью «Шоколад» не пользуются. — Мне такие, как она, хорошо знакомы. Постарайся лучше подружиться с кем-нибудь другим.

Легко сказать — постарайся подружиться! — думала я. Да и какой смысл стараться? Все равно ведь никто со мной дружить не захочет. У меня уродские волосы, уродская одежда, и сама я уродина...

— С кем, например? — спросила я.

— Ну, я не знаю. — В голосе у нее послышалось нетерпение, и она принялась убирать в шкафчик специи. — Ведь наверняка же есть кто-то, с кем ты ладишь.

Но я же не виновата, что это они со мной не ладят! Почему мама думает, что все дело именно во мне? Что это со мной так трудно ладить? Дело в том, что она-то никогда по-настоящему в школу и не ходила — она говорит, что всему училась на практике, — а потому и знает о школе только то, что прочла когда-то в детских книжках или увидела через забор. Поверь, мама, по ту сторону забора, на школьном дворе идет совсем другая игра, далеко не такая замечательная, как, например, хоккей!

— Ты что-то еще хочешь мне сказать?

И снова это нетерпение в голосе, и этот тон, в котором так и слышится: «Ты должна быть благодарной, ведь я столько труда положила, чтобы привезти тебя сюда, отправить в хорошую школу, спасти от той жизни, какую вела я сама...»

- Могу я тебя кое о чем спросить? решилась я.
- Конечно, Нану. А в чем дело?
- Мой отец был чернокожим?

Она вздрогнула — едва заметно, я бы и внимания на это не обратила, но аура ее так и вспыхнула.

- Так Шанталь из нашего класса считает.
- Правда?

Мама отрезала Розетт кусочек хлеба. Хлеб, нож, пролитый шоколад. Розетт крутит хлеб в своих крошечных обезьяньих лапках. У мамы на лице застыло выражение крайней сосредоточенности. И невозможно понять, о чем она сейчас думает. И глаза у нее черные-черные, чернее самой черной Африки, и прочесть по ним что-либо нельзя.

- A что, это имело бы для тебя какое-то значение? спросила она наконец.
 - Не знаю, буркнула я, пожав плечами.

Она вдруг повернулась ко мне и на мгновение словно стала той, прежней, которой всегда было плевать, что о ней думают другие.

— Видишь ли, Анук, — медленно промолвила она, — я довольно долго считала, что тебе вообще никакой отец не нужен. Мне казалось, что мы с тобой всегда будем только вдвоем, как это было и у меня с моей матерью. А потом появилась Розетт, и я подумала: что ж, может, все-таки стоит...

Она не договорила и улыбнулась. А потом так ловко сменила тему, что я далеко не сразу догадалась: она и не думала ее менять — это как в том

ярмарочном фокусе с шариком и тремя наперстками.

— Ты ведь к Тьерри хорошо относишься, верно? — спросила она.

Я снова пожала плечами:

- Ну да, он ничего.
- Я так и думала. Он-то тебя любит...

Я откусила кусочек круассана. Розетт, сидя на маленьком стульчике, играла, уже успев превратить свой ломтик хлеба в самолет.

— Дело вот в чем: если кому из вас он не нравится...

Тьерри и в самом деле не особенно нравится мне. Он слишком громогласный, пропах своими сигарами и вечно прерывает маму, когда она говорит, меня называет jeune fille, словно это какая-то шутка, а Розетт вообще не воспринимает и ничего не может понять, если она пытается чтото объяснить ему знаками. А еще он любит повторять всякие длинные слова и разъяснять их значение, как будто я никогда раньше таких слов не слышала!

- Он ничего, вяло повторила я.
- Тогда... В общем, Тьерри хочет на мне жениться.
- И давно? спросила я.
- Впервые он заговорил со мной об этом еще в прошлом году. Но я ответила, что пока что не хотела бы ни с кем связывать свою судьбу, что у меня сейчас хватает забот и с Розетт, и с мадам Пуссен, и он сказал, что с удовольствием подождет. Но теперь мы остались одни...
 - Ты ведь не сказала ему «да»? Не сказала?

Я выкрикнула это слишком громко, и Розетт тут же закрыла уши руками.

Все слишком сложно.

Голос у мамы звучал устало.

- Ты всегда так говоришь!
- Это потому, что всегда все действительно очень непросто.

Но почему? Не понимаю. По-моему, все ясно. Она никогда раньше не была замужем, верно? Ну и с какой стати ей теперь-то замуж выходить?

- В нашей жизни многое переменилось, Нану, сказала она.
- Многое это что, например?

Мне действительно хотелось понять.

— Например, то, как обстоят дела с нашей chocolaterie. За аренду уплачено до конца года, но потом... — Мама вздохнула. — Сохранить ее будет нелегко. А просто так брать деньги у Тьерри я не могу. Хотя он все время их мне и предлагает. Это было бы неправильно. Вот я и подумала...

Я так и знала: что-то такое случилось. Только я думала, что мама

печалится из-за мадам Пуссен. Теперь-то ясно: печалится она из-за Тьерри и опасается, что я могу расстроить их планы.

Их планы... Я легко могла себе представить, как все это будет выглядеть: мама, папа и две девочки в стиле историй графини де Сегюр. Мы бы ходили в церковь, каждый день ели бы steack-frites [31], носили бы одежду, купленную в галерее Лафайет. На письменном столе у Тьерри стояла бы фотография — профессионально выполненный портретный снимок: я и Розетт, разряженные в пух и прах.

Не поймите меня неправильно; я же сказала: он ничего. И все же...

— Ну? — спросила мама. — Ты что, язык проглотила?

Я откусила еще кусочек круассана и выдавила из себя:

- Да не нужен он нам.
- Но кто-нибудь нам обязательно нужен! Я думала, что ты хотя бы это поймешь. Тебе нужно учиться, Анук. Тебе нужен нормальный дом... отец...

Не смешите меня. Отец? Да ладно! Она же всегда говорила: «Ты сама выбираешь себе семью». Но разве она предоставляет мне возможность выбора?

- Анук, сказала она, я делаю это для тебя...
- Да как угодно.

Я пожала плечами и отправилась доедать свой круассан на улицу.

10 ноября, суббота

Утром я зашла в chocolaterie и купила коробку «пьяной вишни». Янна была там, и при ней малышка. Покупателей, кроме меня, не было, но она почему-то заторопилась, увидев меня, и, по-моему, ей стало немного не по себе, да и конфеты, когда я их попробовала, оказались самыми обыкновенными.

— Когда-то я сама такие конфеты делала, — сказала Янна, вручая мне перевязанную бумажной лентой коробку. — Но с «пьяной вишней» всегда столько возни, а времени у меня в обрез. Надеюсь, вам понравится.

Я с притворной жадностью сунула одну конфету в рот.

— Мечта! — воскликнула я, хотя вишня напоминала скорее маринованную, а не «пьяную».

На полу за прилавком Розетт что-то тихонько напевала, стоя на четвереньках среди разбросанных карандашей и листков разноцветной бумаги.

— Она разве в детский садик не ходит?

Янна покачала головой.

— Я предпочитаю сама за ней присматривать.

Что ж, это заметно. Впрочем, заметно и кое-что еще, особенно когда как следует приглядишься. За этой небесно-голубой дверью скрывается множество вещей, которых обычные покупатели просто не замечают. Вопервых, помещение старое и явно требует ремонта. Витрина, правда, оформлена вполне симпатично — разными хорошенькими баночками и коробочками, да и стены в магазине выкрашены веселой желтой краской, но сырость все равно не скроешь, она притаилась в углах и под полом и свидетельствует о нехватке и времени, и денег. Хотя, конечно, они кое-что предприняли, чтобы это скрыть: тонкая, похожая на паутину золотистая надпись как бы случайно оказалась именно в том месте, где на стене

больше всего трещин, приветливо мерцает дверь, воздух пропитан роскошными ароматами, обещающими нечто гораздо большее, чем эти второсортные шоколадки.

Попробуй. Испытай меня на вкус.

Левой рукой я незаметно начертала в воздухе магический знак — Глаз Черного Тескатлипоки. И тут же вокруг заполыхали цвета, подтверждавшие мои первоначальные подозрения. Это, безусловно, проявлялась чья-то волшебная сила, но вряд ли Янны Шарбонно. У этого многоцветного сияния слишком молодой, наивный, взрывной оттенок, что свидетельствует о душе, еще необученной.

Анни? А кто еще? Неужели ее мать? Ну что ж. В ней действительно есть нечто такое, что не дает мне покоя, хотя я заметила это лишь однажды — в самый первый день, когда она открыла дверь, услышав свое имя. Тогда у нее и аура была ярче; и что-то подсказывает мне: те яркие цвета вообще ей свойственны, хоть она и старается это скрыть.

Розетт по-прежнему рисовала на полу, напевая свою простенькую песенку. «Бам-бам-баммм... Бам-бадда-баммм...»

— Идем, Розетт. Тебе пора спать.

Но Розетт даже головы не подняла. Только пение стало чуть громче; теперь она сопровождала его еще и ритмичным постукиванием ножки, обутой в сандалию. «Бам-бам-бамм...»

— Ну хватит, Розетт, — ласково сказала Янна— Давай-ка уберем твои карандаши.

Розетт и на это предложение никак не отреагировала.

- Бам-бам-бамм... Бам-бадда-бамм... И под это пение ее аура из нежно-золотистого цвета осенних хризантем превратилась в яркооранжевую, и она со смехом протянула ручонки, словно пытаясь поймать в воздухе падающие лепестки. Бам-бам-бамм... Бам-бадда-бамм...
 - Тише, Розетт!

Вот теперь я отчетливо почувствовала, до какой степени Янна напряжена. И напряжение это свидетельствовало не столько о растерянности — из-за того, что дочка не желает ее слушаться, — сколько о приближающейся опасности. Она подхватила Розетт, которая продолжала беззаботно, как птичка, напевать, и, слегка сдвинув брови, извинилась передо мной.

- Вы уж нас простите. Она всегда так, когда переутомится. Просто ей спать пора.
 - Ничего страшного. Она у вас такая умница, сказала я.
 - С прилавка вдруг упала кружка с карандашами. И карандаши

покатились по полу во все стороны.

- Бам, сказала Розетт, указывая на рассыпавшиеся карандаши.
- Извините, но мне нужно поскорее уложить дочку. Янна начинаю нервничать. Она, если днем не поспит, к вечеру становится просто неуправляемой.

Я снова посмотрела на Розетт: ни переутомленной, ни слишком возбужденной она мне вовсе не показалась. А вот мать ее выглядела действительно усталой, даже измученной. В лице ни кровинки, и эта стрижка — слишком резкое каре — ей совсем не идет, и дешевый черный свитер тоже, она в нем кажется бледной как смерть.

— Вы хорошо себя чувствуете? — участливо спросила я.

Она кивнула.

Лампочка в единственном светильнике у нее над головой вдруг замигала. Ох уж эти старые дома! Вечно в них проводка никуда не годится.

- Вы уверены? Что-то вы побледнели.
- Просто голова болит. Ничего страшного.

Знакомые слова. Сильно сомневаюсь, что она говорит правду: она так прижимает девочку к себе, словно боится, что я могу ее выхватить.

А вы как думаете? Могу? Я дважды была замужем (хотя оба раза под чужим именем), но мне ни разу даже в голову не пришло обзавестись ребенком. Я слышала, что с детьми столько хлопот и всяких сложностей, да и работа моя ни в коем случае не позволяет мне таскать за собой лишний багаж.

И все же...

Я незаметно шевельнула пальцами, изобразив в воздухе символ бога Шочипилли^[32]. Среброязыкий Шочипилли, бог сновидений и пророчеств. Не то чтобы меня так уж особенно интересовали пророчества. Но даже ни к чему не обязывающая беседа может порой дать весьма полезные плоды, а для таких, как я, любая информация — драгоценная валюта.

Магический символ повисел, сверкая, в темном воздухе секунду или две и растаял, точно колечко серебристого дыма.

Какое-то время все было по-прежнему.

В общем-то, если честно, я ничего особенного и не ожидала. Но меня разбирало любопытство, и, кроме того, неужели она не даст мне хотя бы крошечного удовлетворения после всех моих усилий?

В общем, я снова изобразила символ Шочипилли, шепчущего бога, раскрывающего секреты и обеспечивающего доверие. И на этот раз результат превзошел все мои ожидания.

Во-первых, сразу же вспыхнули все цвета ее ауры. Не слишком сильно,

но достаточно ярко, точно пламя в газовой горелке, когда чуть повернешь ручку. И почти в тот же миг солнечное настроение Розетт резко переменилось. Она стала выгибаться на руках у матери, отталкивая ее, вырываясь и протестуя. А та лампочка, что все время мигала, вдруг взорвалась, с неожиданно резким звуком, а в витрине рассыпалась пирамидка из жестянок с печеньем — причем с таким грохотом, который и мертвого разбудил бы.

Янна Шарбонно пошатнулась, потеряла равновесие и, невольно шагнув вбок, ударилась бедром о прилавок.

На прилавке стоял небольшой открытый поставец с хорошенькими хрустальными тарелочками, полными засахаренного миндаля в розовых, золотых, серебряных и белых обертках. Поставец покачнулся, Янна инстинктивно придержала его, но одна из тарелочек все же упала на пол.

— Розетт!

Янна чуть не плакала.

Я услышала, как тарелочка со звоном разбилась, а конфеты разлетелись по терракотовым плиткам пола.

Но на пол я не смотрела: я не сводила глаз с Янны и Розетт — аура девочки теперь так и пылала, мать же ее застыла, точно каменное изваяние.

— Давайте я помогу.

Я наклонилась и стала собирать конфеты и осколки.

- Нет, прошу вас...
- Да я уже все собрала.

Я чувствовала, как сильно она напряжена, почти готова взорваться. И уж конечно, не из-за разбитого блюдца — насколько я знаю, такие женщины, как Янна Шарбонно, не станут рвать на себе волосы из-за какойто стекляшки. Зато курок может спустить любая, самая неожиданная мелочь: неудачный день, головная боль, доброта незнакомого человека.

И тут я краем глаза увидела существо, скорчившееся под прилавком.

Оно было очень ярким, золотисто-оранжевым и казалось нарисованным чьей-то неумелой рукой, но по его длинному изогнутому хвосту и ясным маленьким глазкам я достаточно легко догадалась, что это, видимо, некая разновидность обезьянки. Я резко повернулась, чтобы как следует рассмотреть ее мордочку, но она оскалилась, продемонстрировав мне свои острые клыки, и мгновенно растворилась в воздухе.

— Бам, — сказала Розетт.

Воцарилось долгое молчание.

Я взяла в руки «разбитую» тарелочку — хрустальную, из Мурано^[33], с изящными желобками по краям. Но я же слышала, как она разбилась —

взорвавшись, точно шутиха, — и как ее осколки шрапнелью рассыпались по плиткам пола! И все же я держала в руках совершенно целую тарелку. Словно ничего и не случилось!

«Бам», — подумала я.

Под ногами у меня все еще похрустывали конфеты — точно кто-то их грыз. Теперь уже Янна Шарбонно молча наблюдала за мной, и это опасное молчание окутывало нас все плотнее, точно шелковый кокон.

Я могла бы сказать: «Ах, как удачно» — или просто без единого слова поставить тарелочку на прилавок, но я понимала: теперь или никогда. «Нанеси удар сейчас, когда она почти не сопротивляется, — сказала я себе. — Возможно, второй такой возможности тебе уже не представится».

Так что я посмотрела Янне прямо в глаза, направив на нее всю мощь своих чар, и сказала:

— Ничего страшного. Я знаю, что вам сейчас нужно.

Она слегка вздрогнула, застыла, но глаз не отвела, на лице ее было написано неповиновение и высокомерное непонимание.

А я взяла ее за руку и с нежной улыбкой пояснила:

— Горячий шоколад! Горячий шоколад по моему особому рецепту. С перцем чили, мускатным орехом и ар-маньяком; добавим также щепотку черного перца. Ладно, ладно, не спорьте. И малышку возьмите с собой.

Она молча последовала за мной на кухню.

Итак, я своего добилась.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ КРОЛИК НОМЕР ДВА

14 ноября, среда

Я никогда не хотела, быть ведьмой. Никогда не мечтала об этом — хотя моя мать клялась, что слышала мой зов за несколько месяцев до того, как я у нее появилась. Я этого, конечно, не помню; мое раннее детство — это сплошной калейдоскоп мест, запахов и людей, сменявшихся со скоростью курьерского поезда. Мое детство — это переход через границы без документов, бесконечные странствования под различными именами, ночные бегства из дешевых гостиниц, рассветы каждый раз в новом месте — и бегство, постоянное бегство неведомо куда, словно это единственная возможность выжить, незаметно просочиться по артериям, венам, капиллярам различных дорог, изображенных на карте, не оставляя позади ничего, даже собственной тени.

«Ты сама выбираешь себе семью», — говорила мать. Совершенно очевидно, что мой отец не принадлежал к избранным ею.

«Да зачем он нам, Вианн? Отцы вообще не считаются. Нам с тобой и так хорошо...»

Честно говоря, я по отцу и не скучала. Да и чего мне скучать? Его в моей жизни и не было никогда, так что сравнивать, хорошо с ним или плохо, я не могла. Я представляла его себе темноволосым и немного зловещим, чем-то похожим, пожалуй, на того Черного Человека, от которого мы вечно спасались. Кроме того, я обожала мать и очень любила тот мир, который мы сами для себя создали и несли с собой повсюду, куда бы ни пошли; и в этот мир вход обычным людям был заказан.

«Потому что мы особенные, не такие, как все», — говорила мать. Мы много повидали; мы обрели профессиональную сноровку. И повсюду мы поступали по принципу «ты сама выбираешь себе семью», обретая там сестру, тут бабушку — везде нам встречались знакомые лица одного с нами роду-племени, разбросанного по всему свету. Но насколько я могу судить, мужчин в жизни моей матери не было никогда.

За исключением того Черного Человека, разумеется.

«Неужели моим отцом был тот Черный Человек?» Меня потрясло, когда я услышала примерно такой же вопрос от Анук и поняла, как близко она к этому подошла. Я и сама рассматривала такую возможность, когда мы, в очередной раз спасаясь бегством, не успевали порой даже блузку в юбку заправить — так и бежали с размалеванными лицами, в карнавальных костюмах, которые ветер вскоре превращал в лохмотья. Черного Человека, конечно, в действительности не существовало. И в итоге я пришла к выводу, что и моего отца тоже.

И все же любопытство иногда брало верх, и время от времени я — в Нью-Йорке или Берлине, в Венеции или в Праге — начинала искать его глазами в толпе, надеясь, наверное, сразу же его узнать, одинокого, с такими же, как у меня, темными глазами...

А мы с матерью все бежали, бежали куда-то. Сперва, казалось, просто из удовольствия; потом это, как и все прочее, стало привычкой; потом — привычной работой. А под конец я стала считать, что для моей матери это единственный способ продлить жизнь, ибо рак уже пожирал ее тело, проникая в кровь, в мозг, в кости.

Именно тогда мать впервые и упомянула о той девочке. А я, помнится, решила, что это просто бред, вызванный сильным болеутоляющим, которое она принимала. И она ведь действительно потом стала бредить, но тогда конец был уже совсем близок. Она рассказывала истории, абсолютно не имевшие смысла, без конца говорила о Черном Человеке, изливала душу каким-то людям, которых вообще рядом с нею не было.

Та девочка, чье имя так сильно напоминало мое собственное, могла быть просто порождением ее зыбкого в этот период сознания — неким архетипом, анимой, или случайно запомнившимся героем газетного материала, или просто очередным пропавшим в Париже ребенком с темными волосами и глазами, которого дождливым днем украли возле сигаретного киоска.

Сильвиан Кайю. Она исчезла, как исчезают многие дети: в возрасте полутора лет была украдена прямо из автомобиля, остановившегося у аптеки неподалеку от Ла-Вилетт. Девочку украли вместе с сумкой, где лежали ее ползунки, подгузники и игрушки; мать утверждала потом, что на ручке у малышки был дешевый серебряный браслетик с амулетом «на счастье» в виде кошечки.

Это была не я. Такого просто быть не могло. А даже если это и так, то после стольких лет...

«Ты сама выбираешь себе семью, — говорила мать. — Я вот выбрала

тебя, а ты — меня. А та девушка... разве стала бы она так тебя любить и лелеять, как я? Да разве она понимала, как о тебе нужно заботиться? Разве она сумела бы так разрезать яблоко, чтобы внутри получилась «звездочка»? Разве сумела бы научить тебя собирать лекарственные травы или отгонять демонов, стуча по сковородке? Или песенкой убаюкивать ветер? Нет, ничему этому она бы тебя научить не смогла...»

«И разве мы с тобой плохо жили, Вианн? Разве я не пообещала тебе, что все у нас будет хорошо?»

Он и до сих пор у меня, этот амулет в виде кошечки. Самого браслетика я не помню — возможно, мать продала его или кому-нибудь подарила, — зато помню некоторые игрушки: красного плюшевого слона и маленького коричневого медведя, одноглазого и горячо любимого. Тот амулет, перевязанный красной ленточкой, по-прежнему лежит в материной шкатулке — дешевая побрякушка из тех, какие может купить и ребенок. Там же хранятся ее гадальные карты и еще кое-что: например, наша с ней фотография, на которой мне лет шесть, брусок сандалового дерева, какието газетные вырезки, кольцо. И рисунок, который я сделала в своей первой — и единственной — школе в те дни, когда мы еще хотели где-нибудь осесть и жить на одном месте.

Разумеется, я никогда не носила тот амулет. А теперь мне даже прикасаться к нему неприятно; в нем заперто слишком много тайн, которым, точно запаху, нужно всего лишь человеческое тепло, чтобы вырваться наружу. Как правило, я вообще ни к чему в этой шкатулке не прикасаюсь — но все же не решаюсь просто выбросить ее. Когда вещей слишком много, они тормозят, но когда их становится слишком мало, тебя может унести ветром, точно пух одуванчика, и ты навсегда потеряешь себя.

Зози у нас всего четыре дня, и ее присутствие уже ощущается во всем, к чему бы она ни прикоснулась. Не знаю, как это вообще получилось, — временная слабость, наверное. Я ведь совершенно не собиралась предлагать ей работу. Во-первых, у меня нет возможности нормально платить ей, хотя она вроде бы с радостью согласна подождать, когда у меня такая возможность появится; а во-вторых, уж больно естественно она чувствует себя у нас в доме, словно всю жизнь рядом со мной прожила.

Все началось в тот день, когда Розетт совершила очередной Случайный Поступок. Тогда Зози сама приготовила шоколад, и мы все вместе пили его на кухне, и он был горячий и сладкий, со свежим перцем и шоколадной стружкой. Розетт тоже выпила немножко из своей маленькой кружечки и принялась играть на полу, а я сидела и молчала — и все это время Зози наблюдала за мной, улыбаясь и щурясь, как кошка.

Обстоятельства были исключительные. В любой другой день, в любое другое время я была бы подготовлена куда лучше. Но только не в тот день, когда у меня в кармане по-прежнему лежало кольцо Тьерри, и Розетт вела себя из рук вон плохо, и Анук примолкла и замкнулась, едва услышав о возможной свадьбе, и впереди был еще долгий пустой день...

В любое другое время я держалась бы стойко. Но в тот день...

«Ничего страшного. Я знаю, что вам сейчас нужно».

Ну и что, собственно? Что она знает? Что тарелочка, которая разбилась, вновь стала целой? Но это же просто смешно, никто этому не поверит, и уж тем более тому, что подобный фокус сотворил ребенок, которому еще и четырех нет, который еще и говорить-то не умеет.

— У вас усталый вид, Янна, — заметила Зози. — Тяжело, должно быть, везти такой воз.

Я молча кивнула.

Воспоминание о том, что сделала Розетт, о той Случайности, стояло между нами, точно тарелка с последним куском торта под конец вечеринки.

«Только не произноси этого вслух, — мысленно сказала я ей, как не раз пыталась сказать и Тьерри. — Пожалуйста, не произноси этого вслух; не облекай это в словесную форму».

И мне показалось, что я услышала ее краткий ответ. Вздох, улыбка, промельк чего-то едва заметного, как бы скрытого тенью. Мягкое шуршание карт, пахнущих сандалом.

Молчание.

— Мне не хочется говорить об этом, — сказала я.

Зози пожала плечами.

- Тогда пейте шоколад.
- Но вы же заметили.
- Я много чего заметила.
- Например?
- Например, что у вас усталый вид.
- Я плохо сплю.

Какое-то время она молча смотрела на меня. Глаза у нее совершенно летние, с золотистыми крапинками. «Мне бы следовало знать, что ты любишь больше всего, — подумала я почти сонно. — А может, я просто утратила сноровку...»

— Знаешь, что я тебе скажу... — Она вдруг перешла на ты. — Давай я пока присмотрю за магазином. Я ведь даже родилась в магазине — я хорошо знаю, как себя нужно вести. А ты возьми Розетт и немного приляг. Если ты мне понадобишься, я тебе крикну. Ступай. Мне будет даже забавно

пообщаться с покупателями.

Это было всего четыре дня назад. И больше никто из нас о том дне не сказал ни слова. Розетт, разумеется, еще не понимала, что в реальном мире разбитая тарелка должна оставаться разбитой, как бы сильно мы ни хотели, чтобы было иначе. А Зози не сделала ни малейшей попытки вновь поднять этот вопрос, за что я очень ей благодарна. Она-то, разумеется, понимает: случилось нечто особенное, но, похоже, относится к этому вполне спокойно.

- А в каком магазине ты родилась, Зози?
- В книжном. Знаешь, типа «Нью эйдж».
- Правда? удивилась я.
- Моя мать увлекалась магией, которую можно купить в магазине, и сама продавала всякие такие вещи карты Таро, всевозможные благовония и свечи накачанным дурью хиппи, безденежным, с грязными патлами.

Я улыбнулась, хотя слова ее слегка встревожили меня.

- Но это было очень давно, сказала она— Я теперь почти ничего уже и не помню.
 - Но ты все еще... веришь? спросила я.

Она улыбнулась.

— Я верю, что мы могли бы кое-что изменить.

Я промолчала.

- А ты?
- Когда-то верила, сказала я. Теперь уже нет.
- Могу я спросить почему?

Я покачала головой.

- Нет. Может быть, потом.
- Ладно, кивнула она.

Я знаю, знаю. Это опасно. Каждый поступок — даже самый маленький — имеет свои последствия. За магию приходится платить высокую цену. Ох и много же времени мне потребовалось, чтобы это понять — я поняла это только после Ланскне, после Ле-Лавёз, — зато теперь, когда последствия наших бесконечных странствий расходятся вокруг нас, точно круги от брошенного камня на поверхности озера, все представляется мне удивительно ясным.

Взять, к примеру, мою мать, такую щедрую на подарки, вечно направо и налево раздававшую амулеты на счастье и словно излучавшую доброжелательность, тогда как рак у нее внутри рос, точно проценты на депозитном счету, которого у нее никогда в жизни не было. У вселенной

свои расчетные книги, свой баланс. Даже такие мелочи, как амулет на счастье, волшебный фокус, магический круг, нарисованный на песке, требуют оплаты. Полностью. Кровью.

Видите ли, в этом есть своя симметрия. За каждый кусочек счастья — удар; за каждого, кому поможешь, — боль. Повесишь красное шелковое саше над дверью — и на чью-то еще дверь падет тень. Зажжешь свечу, чтобы отогнать беду, — и чей-то дом на той стороне улицы вдруг вспыхнет и сгорит дотла. Устроишь праздник шоколада — и умрет твой друг.

Невезение.

Случайность.

Именно поэтому я и не могу полностью довериться Зози. Хотя ее доверие мне тоже терять не хочется — она слишком нравится мне. Да и детям, по-моему, тоже. Есть в ней что-то молодое, даже юношеское, куда более близкое Анук, чем мне, а потому для Анук она гораздо понятнее и доступней.

Возможно, все дело в ее длинных светло-каштановых волосах, она их носит распущенными, а переднюю прядь выкрасила в розовый цвет; а может — в ее невероятно ярких, пестрых одежках, точно приобретенных в детском отделе благотворительной лавки и надетых как бы впопыхах, но отчего-то удивительно ей подходящих. Сегодня, например, она надела платьице в талию в стиле 50-х годов, небесно-голубого цвета, с рисунком из корабликов, и желтые балетки, совершенно неподходящие для ноября, — но ей, судя по всему, на такие условности плевать.

Я помню, что когда-то и сама была такой же. Я помню свое пренебрежение условностями и этот постоянный вызов. Но материнство все меняет. Материнство делает из нас трусих. Трусих, обманщиц и... коекого похуже.

Ле-Лавёз. Анук. И... о, тот ветер!

Четыре дня — и я не устаю удивляться себе: я ведь доверяю Зози не просто присматривать за Розетт, как это раньше делала мадам Пуссен, но и множество других дел, связанных с работой в магазине. Завернуть, запаковать, прибрать, принять или сделать заказ — по ее словам, ей такая работа нравится, она якобы всегда мечтала работать в какой-нибудь chocolaterie. Впрочем, она никогда не позволит себе взять без спросу что-то готовое и съесть — как это, кстати, частенько делала мадам Пуссен — или, пользуясь своим положением, попросить разрешения взять домой образцы.

Тьерри я о ней пока ничего не сказала. Я и сама толком не знаю почему. Просто мне кажется, что он будет недоволен. Возможно, потому что я с ним не посоветовалась, а возможно, потому что ему наверняка не

понравится Зози, ни капли не похожая на степенную мадам Пуссен.

С покупателями Зози чрезвычайно весела и любезна — иногда меня даже тревожит ее манера со всеми быть на дружеской ноге. Она постоянно что-то говорит, рассказывает всякие новости, перевязывая лентой коробки и взвешивая шоколадки. А еще у нее прямо-таки волшебный дар заставлять людей рассказывать о себе; она интересуется, не болит ли у мадам Пино спина, запросто болтает с нашим почтальоном, знает, что больше всего любит Толстый Нико, вовсю флиртует с Жаном-Луи и Пополем, так называемыми художниками, которые ловят клиентов возле «Крошки зяблика», и охотно болтает со стариками Ришаром и Матуреном, которых она называет «наши патриоты»; они иногда заходят в кафе часов в восемь утра, а потом чаще всего сидят до обеденного перерыва.

Она уже и всех школьных подружек Анук знает по именам, она расспрашивает ее об учителях, советует ей, как одеваться. И все же при ней я ни разу не почувствовала себя не в своей тарелке, и она ни разу не задала мне ни одного из тех неприятных вопросов, которые любая на ее месте непременно уже задала бы.

Примерно так же я чувствовала себя в обществе Арманды Вуазен — когда-то давно, еще в Ланскне. Той самой неуправляемой, непокорной злюки Арманды, чьи алые нижние юбки я все еще вижу порой краешком глаза, чей грозный голос, странным образом напоминающий мне голос моей матери, до сих пор звучит у меня в ушах, и я оборачиваюсь и начинаю искать ее глазами в толпе.

Зози, разумеется, совсем на нее не похожа. Арманде в пору нашего знакомства исполнилось восемьдесят, это была высохшая сварливая старуха. И все же что-то роднит их с Зози — одинаково вызывающая манера поведения, одинаковый аппетит к жизни и ко всему на свете. А если Арманда к тому же обладала и малой толикой того, что моя мать называла магией...

Но теперь у нас в доме о таких вещах не говорят. И этот молчаливый договор весьма строг. Стоит хоть слегка его нарушить, позволить вспыхнуть хотя бы самой маленькой искре — и снова наш маленький карточный домик вспыхнет и обратится в пепел. Такое уже случалось не раз — и в Ланскне, и в Ле-Лавёз, и еще в сотне мест до этого. Но теперь довольно. Хватит. На этот раз мы останемся — во что бы то ни стало.

Сегодня Зози пришла рано, даже Анук еще не успела уйти в школу. Зози всего часок пробыла в магазине одна — мне нужно было сводить Розетт на прогулку, — но я, вернувшись, магазин просто не узнала: он странным образом словно стал светлее, привлекательнее, просторнее. Зози

даже витрину успела заново оформить: накрыла пирамиду из банок и коробок куском темно-синего бархата, который как бы стекал к ее подножию, а на вершину этой пирамиды поставила пару блестящих ярко-красных туфель на высоких каблуках, из которых изливался поток шоколадок, завернутых в красную и золотую фольгу.

Несколько эксцентрично, но внимание, безусловно, привлекает. Эти красные туфли — те самые, что были на ней в самый первый день нашего знакомства, — казалось, освещали темную витрину, а конфеты, словно сокровища из потаенного сундучка, рассыпались по синему бархату, отбрасывая разноцветные блики.

- Надеюсь, ты не против? спросила Зози, как только я вошла. Мне показалось, что это немного поднимет настроение.
 - Мне нравится, сказала я. И туфли, и шоколадки...

Зози усмехнулась.

- Две самые большие мои страсти.
- Ну и... что же ты любишь больше всего? спросила я.

Не то чтобы мне действительно так уж хотелось это узнать, но профессиональное любопытство заставило меня задать этот вопрос. Уже четыре дня прошло, а я до сих пор так и не догадалась, что же ей больше всего по вкусу.

Она пожала плечами.

- Мне всякий шоколад нравится. Но ведь покупные шоколадки это все-таки не совсем то, верно? Ты сама говорила, что раньше все своими руками делала...
 - Делала. Но у меня тогда и времени было больше...

Она посмотрела на меня.

- У тебя будет достаточно времени. Хочешь, я буду присматривать за магазином, а ты пока будешь творить свое волшебство на кухне?
 - Волшебство?

Но Зози уже строила планы — по-моему, она даже не заметила, какое впечатление произвело на меня это обычное, в общем-то, слово — мы будем продавать особые трюфели, сделанные вручную — трюфели, кстати, готовить проще всего, — а затем, возможно, и mendiants, мое любимое лакомство, особенно если посыпать их миндальной стружкой и украсить консервированными вишнями и крупным желтым кишмишем.

Я могла бы приготовить mendiants и с закрытыми глазами. Их даже ребенок может приготовить; например, маленькая Анук часто помогала мне, когда мы жили в Ланскне: она выбирала самые крупные виноградины, самую сладкую клюкву (всегда откладывая в сторонку довольно щедрую

порцию — для себя) и аккуратно, согласно определенному рисунку, распределяла их на пластинках еще мягкого шоколада, темного или светлого.

С тех пор я ни разу не готовила mendiants. Слишком сильно они напоминают мне о тех днях, о той маленькой булочной со снопом пшеницы над входом, об Арманде, о Жозефине, о Ру...

— За шоколадки, приготовленные вручную, ты можешь назначить любую цену, — говорила между тем Зози, словно не замечая моей задумчивости. — А если поставишь еще столик с парой стульев — вот здесь вполне можно расчистить немного места, — она показала мне, где именно следует поставить стол и стулья, — то покупатели смогут даже ненадолго присесть, выпить кофе или шоколаду и съесть кусочек пирожка. Это было бы славно, тебе не кажется? Мило, по-домашнему. В общем, отличный способ привлечь клиентов.

— Хм...

Я все еще сомневалась. Это было бы слишком похоже на Ланскне. Chocolaterie — это прежде всего магазин, а хозяева магазина не должны дружить с покупателями. Иначе в один прекрасный день случается неизбежное, и шкатулку, один раз открытую, уже невозможно снова захлопнуть. Кроме того, я примерно представляла, что по этому поводу скажет Тьерри...

— По-моему, не стоит, — наконец промолвила я.

Зози ничем не возразила, лишь молча на меня посмотрела. Я чувствовала, что весьма ее разочаровала. Странное чувство... и все же...

Интересно, когда это я стала такой боязливой? С каких пор стала всему придавать значение? И голос мой теперь звучит сухо и нервно, точно у ханжи, строгой блюстительницы нравов. Интересно, неужели Анук он тоже таким слышится?

— Да ладно. Я просто так предложила, — спокойно сказала Зози.

«И что в этом плохого? — думала я. — Это же всего лишь шоколад, в конце концов; ну, сделаю я несколько дюжин трюфелей — просто чтобы квалификации не терять, — и что с того? Тьерри, конечно, скажет, что я просто зря время теряю, но почему это должно меня останавливать? Какое мне дело, что он скажет?»

— Хотя… — неуверенно начала я, — можно было бы, пожалуй, сделать несколько коробок трюфелей к Рождеству…

У меня ведь целы все мои кастрюльки, сковороды и противни, медные и эмалированные; все они тщательно завернуты и сложены в кладовке. Я сохранила даже гранитную плиту, на которой обычно охлаждаю горячую

глазурь, и все термометры для определения температуры растопленного сахара, и все пластиковые и керамические формочки, и все половнички, терки и особые ложки с прорезями. Все бережно хранится, чисто вымытое и полностью готовое к употреблению. Розетт, наверное, будет в восторге, подумала я... а уж Анук...

— Вот здорово! — воскликнула Зози. — Заодно ты и меня можешь научить.

А почему бы и нет? Что тут, собственно, плохого?

— Хорошо, — сказала я. — Я попробую.

Вот так все и началось. Я снова вернулась к любимому делу и не испытывала по этому поводу ни малейшего беспокойства. Даже если коекакие сомнения у меня и оставались...

Ничего страшного в нескольких коробках трюфелей нет и быть не может. Как и в выставленном на продажу подносе mendiants или пирожных. Благочестивым вряд ли есть дело до таких тривиальных вещей, как шоколадки.

Во всяком случае, я очень на это надеюсь — и с каждым днем Вианн Роше, Сильвиан Кайю и даже Янна Шарбонно благополучно отступают в прошлое, превращаясь в дым, становясь просто выдумкой, чем-то вроде необязательной сноски или поблекшего списка имен на старом листке бумаги.

Мне непривычно ощущать кольцо на правой руке — пальцы мои давно отвыкли от всяких колец. Еще непривычнее это имя — Ле Трессе. Я примериваю его на себя, словно одежду, словно пытаясь определить нужный размер, и то улыбаюсь, то хмурюсь.

Янна Ле Трессе.

Это просто имя.

«Чушь собачья, — слышу я в ушах голос Ру, отлично умеющего менять как имена, так и обличье, бродяги и цыгана, автора многих простых истин, всегда попадающего в самую точку. — Это не просто имя. Это приговор».

15 ноября, четверг

Так вот в чем дело! Она носит его кольцо. Тьерри, ну надо же, именно Тьерри! Тьерри, который не любит ее горячий шоколад, который ничего о ней не знает, даже ее настоящего имени! Она говорит, что пока никаких особых планов не строит. Говорит, что просто пытается привыкнуть к подаренному им кольцу. И носит его, точно пару туфель, которые необходимо разносить, чтобы они были по ноге.

По ее словам, свадьба будет самой скромной. Обычная регистрация брака; никаких священников, никакого обручения в церкви. Только вряд ли. Уж он-то своего добьется! Уж он-то все сделает как полагается — с огромным «кадиллаком», со свадебными нарядами для меня и Розетт. Вот ужас-то!

Я так и сказала Зози, и она, скорчив рожу, заявила: «Каждому свое», хотя это просто смешно, ведь, будучи в здравом уме, даже представить себе невозможно, чтобы эти двое могли по-настоящему полюбить друг друга.

Впрочем, он-то, наверное, ее как раз любит. Но разве он хоть чтонибудь понимает? Вчера вечером он снова зашел к нам и пригласил в ресторан — нет, на этот раз не в «Крошку зяблика», а в какое-то дорогое заведение на реке, где можно было любоваться проплывавшими мимо суденышками. Я надела платье, и он сказал, что мне очень идет, только нужно еще волосы щеткой пригладить. А Зози осталась присматривать за магазином и за Розетт, потому что Тьерри сказал, что ресторан — неподходящее место для маленького ребенка (хотя все мы понимали, что дело совсем не в этом).

Мама надела кольцо, которое он ей подарил. Крупный, жирный, омерзительный бриллиант сидел у нее на руке, как сверкающий жук. В магазине она это кольцо не носит (оно ей попросту мешает), да и вчера вечером она все крутила, крутила его на пальце, словно оно ей жмет.

«Ты все никак к нему не привыкнешь?» — удивляется он. Словно к

этому вообще можно когда-нибудь привыкнуть! И к нему самому, и к тому, как он с нами обращается — точно с испорченными детьми, которых можно подкупить и задобрить. Маме он подарил мобильный телефон, сказал: «Чтобы я всегда мог с тобой связаться», и прибавил: «Я просто поверить не могу, что у тебя никогда не было мобильника». А после ужина мы пили шампанское (которое я ненавижу) и ели устриц (которых я тоже терпеть не могу); потом подали шоколадное суфле-мороженое, которое оказалось вполне ничего, но все-таки хуже того, которое мама когда-то сама готовила, да и порции были просто крошечные.

А Тьерри все время смеялся (во всяком случае, сначала), и называл меня jeune fille, и вел всякие разговоры о нашей chocolaterie. Оказывается, он снова уезжает в Лондон и хочет, чтобы на этот раз мама тоже с ним поехала. Только она отказалась, сказала, что сейчас слишком занята и поедет, может быть, только после Рождества, когда схлынет спрос.

- Вот как? удивился он. По-моему, ты говорила, что дела у тебя идут неважно.
- Я пытаюсь предпринять кое-какие новые шаги, пояснила мама и рассказала о том, что хочет выставить на продажу небольшую партию трюфелей домашнего приготовления, и о том, что ей теперь помогает Зози, и о том, что она уже вытащила из кладовки свою старую кухонную утварь.

Она довольно долго об этом говорила и даже порозовела немного, как бывает, когда она действительно чем-то увлечена. Но чем больше она рассказывала о своих планах, тем меньше говорил Тьерри, тем меньше он смеялся, и в конце концов она тоже умолкла, смущенно на него посмотрела и спросила:

- Извини, но тебе, наверное, все это совсем не интересно?
- Да нет, мне очень интересно, возразил Тьерри. И все это, разумеется, идеи Зози, да?

Судя по тону, восторга от этого он явно не испытывал.

Мама улыбнулась.

— Да. И она нам очень нравится, верно, Анни?

Я подтвердила.

- Но, Янна, неужели ты думаешь, что подобная особа годится тебе в помощницы? То есть в целом она, возможно, вполне ничего, но все же будем смотреть правде в глаза: в магазине тебе нужен совсем другой человек, а не какая-то официантка, которую ты переманила у Лорана Пансона...
 - «Подобная особа»? удивленно переспросила мама.
 - Но мне казалось, что, когда мы поженимся, тебе, возможно,

захочется нанять какую-нибудь женщину, чтобы хозяйничала в магазине...

«Когда мы поженимся». Ну и дела!

Мама посмотрела на него, слегка сдвинув брови.

- Нет, я понимаю, поспешил поправиться он, хозяйничать там ты хочешь сама, но ведь тебе же совсем не обязательно и впредь торчать там целыми днями. Существует и множество других, более интересных дел. Мы, например, свободно могли бы отправиться в путешествие, посмотреть мир...
- Я его видела, сказала она, пожалуй, чересчур быстро, и Тьерри как-то странно на нее глянул.
- Во всяком случае, ты, я надеюсь, не предполагаешь, что я перееду в вашу квартирку над chocolaterie, сказал он с улыбкой, желая показать, что шутит. Хотя он вовсе и не шутил; по его тону об этом нетрудно было догадаться.

Мама ничего на это не ответила и отвернулась.

— Ну а ты, Анни, что скажешь? — взялся он за меня. — Спорить готов, уж ты-то путешествовать готова. Как насчет Америки? Клёво, а?

Когда Зози говорит «клёво», у нее это звучит совершенно естественно. Словно она сама это слово и придумала. Да, с Зози в Америке точно было бы клёво! При ней даже наша chocolaterie стала выглядеть клёво — особенно когда она повесила прямо напротив старого окна с витриной зеркало в позолоченной раме, а в витрину поставила свои леденцовые туфельки, похожие на волшебные шлепанцы Аладдина, полные сокровищ.

«Если бы Зози была здесь, она бы сразу определила, что он за человек», — подумала я, вспоминая ту официантку из английского чайного магазина, похожую на Жанну Моро. И тут мне вдруг стало не по себе — словно я сделала что-то плохое, о чем даже думать опасно, ибо эти мысли могут вызвать очередную Случайность.

«А вот Зози из-за этого ни капельки бы тревожиться не стала», — возразил мне мой внутренний голос. Да уж, Зози наверняка поступила бы так, как ей хочется! И что в этом плохого? Нет, конечно, это не очень хорошо, но все же...

Утром, собираясь в школу, я заметила Сюзи; она, прижав нос к стеклу, рассматривала нашу новую витрину; она, разумеется, сразу отскочила, стоило ей меня увидеть — мы ведь с ней, в общем, до сих пор не разговариваем. А мне на минуту стало так нехорошо, что пришлось даже присесть в одно из тех старых кресел, которые откуда-то притащила Зози, и представить себе, что рядом сидит Пантуфль и внимательно меня слушает, а его черные глаза так и сияют на усатой мордочке.

Знаете, дело даже не в том, что Сюзанна так уж мне нравится. Но она действительно хорошо ко мне относилась, пока я считалась новенькой. Она тогда часто приходила в chocolaterie, и мы с ней разговаривали, или смотрели телевизор, или ходили на площадь Тертр посмотреть, как рисуют художники; а однажды она там купила мне в подарок розовую эмалевую подвеску — маленькую мультяшную собачку с надписью: «Твой лучший друг».

Подвеска была грошовая, да и розовый цвет я никогда не любила, а вот лучшего друга у меня не было никогда в жизни — во всяком случае, настоящего. Это было так мило, и мне было так приятно получить этот подарочек, что я сохранила его до сих пор, хоть и не надеваю уже давнымдавно.

И тут появилась Шанталь.

Безупречная Шанталь, которая всем так нравится, Шанталь с идеально уложенными светлыми волосами, идеально сидящей одеждой и с таким выражением лица, словно она втихомолку над всеми посмеивается. И теперь Сюзи хочет во всем походить на нее, а на меня обращает внимание, только если Шанталь занята чем-то более интересным, но гораздо чаще я просто играю роль «жилетки» или козла отпущения.

Это несправедливо. И вообще, кто это так решил? Кто решил, что Шанталь заслужила подобную популярность? Ведь она ни разу и пальцем не пошевелила ради других, ей безразличны абсолютно все, кроме себя, любимой. И почему, например, Жан-Лу Рембо пользуется такой популярностью, а Клод Мёнье нет? И чем виноваты остальные? Матильда Шагрен, например, или эти девочки в черных головных платках? Что в них такого, что их все обзывают ненормальными? И что такого во мне самой?

Я так глубоко задумалась, что не заметила, как вопит Зози. Она умеет иногда подкрасться совершенно неслышно, даже я, пожалуй, так не умею, а уж сегодня, по-моему, это было и вообще невозможно: она надела сабо на деревянных подметках, которые ужасно грохочут, так что слышен каждый шаг. Впрочем, сабо у нее розовые, цвета фуксии, и выглядят, по-моему, совершенно потрясающе.

— С кем это ты разговаривала?

А я и не заметила, что говорю вслух.

- Ни с кем. Просто сама с собой.
- Что ж, бывает. Отчего бы не поговорить с умным человеком?
- Угу.

Мне было по-прежнему неловко, словно меня застали врасплох. И я чувствовала, что Пантуфль внимательно наблюдает за нами; сегодня,

кстати, он был вполне даже настоящим, с полоской на мордочке и чутким носиком, который так и ходил вверх-вниз, как у настоящего кролика Я всегда вижу его особенно четко, когда чем-то расстроена, — именно поэтому мне и не стоит вести разговоры с самой собой. Да и мама вечно твердит, как важно отличать реальность от вымысла. Она говорит, что именно тогда, когда это сделать не удается, и происходят всякие Случайности.

Зози улыбнулась и, соединив большой и указательный палец в кружок, жестом показала мне, что все в полном порядке. Она некоторое время смотрела на меня сквозь этот кружок, потом опустила руку и сказала:

— А знаешь, я в детстве тоже часто сама с собой разговаривала Точнее, со своей невидимой подружкой. Я с ней постоянно советовалась.

Не знаю, почему меня это так удивило.

- Ты?
- Ее звали Минди, сказала Зози. Моя мать считала ее моим духом-проводником. Ну да, ведь она верила в такие вещи. Она вообще почти во все верила: в хрустальные шары, в магию дельфинов, в инопланетян, похищающих детей и женщин, в существование йети можно, наверное, сказать, что моя мать была верующей. Зози усмехнулась. Но кое-что из этого действительно существует и воздействует на нас, не так ли, Нану?

Я просто не знала, что ей ответить. «Действительно существует и воздействует на нас...» Что она хотела этим сказать? От ее слов мне стало не по себе — и в то же время я испытала даже радость, пожалуй. Потому что это было не просто совпадение, или Случайность, как тогда в английском чайном магазине. Сейчас Зози говорила о настоящей магии, и говорила совершенно открыто, словно все это правда, реальная действительность, а не какая-то детская игра, из которой мне давно пора вырасти.

Зози во все это верила.

— Ой, мне надо идти!

Я схватила сумку и направилась к двери.

- Ты слишком часто используешь эту отговорку. Кто это был? Кошка?
- И она, прищурив один глаз, опять посмотрела на меня сквозь сложенные кружком пальцы.
 - Ты это о чем? Я не понимаю, сказала я.
 - Маленький такой, а уши большие.

Я смотрела на нее во все глаза. А она по-прежнему улыбалась.

Я знала: об этом говорить не следует. От таких разговоров один вред

— но и лгать Зози мне не хотелось. Она же мне никогда не врет.

И я, вздохнув, призналась:

- Это кролик. Его зовут Пантуфль.
- Клёво!

Вот так, и теперь уже ничего не поделаешь.

16 ноября, пятница

Ну что ж, я сделала второй ход. И снова оказалась в выигрыше. Всегото и нужно — хорошенько рассчитать удар, и пиньята покроется трещинами, а потом и лопнет. Мать в этой семье — слабое звено; но если Янна будет на моей стороне, то Анни последует за ней столь же покорно, как лето за весной.

А какая прелестная девочка! Такая юная и уже такая умница. Да с такой девочкой я могла бы горы свернуть — если бы ее мать под ногами не путалась. Впрочем, всему свое время, не правда ли? Если я сейчас совершу ошибку, это может слишком далеко отбросить меня назад. Девочка попрежнему ведет себя очень осторожно и легко может выйти из игры, если я вдруг излишне поднажму. Так что подождем и займемся пока Янной; честно говоря, эта работа мне прямо-таки наслаждение доставляет. Матьодиночка, которой нужно заниматься магазином, когда под ногами постоянно крутится маленький ребенок, — и я должна заставить ее полностью мне довериться, я должна стать для нее незаменимой, стать ей сердечным другом. Она нуждается во мне, а Розетт с ее безграничным способностью любопытством невероятной вечно попадать неприятности предоставит мне все необходимые предлоги.

Розетт, кстати, интересует меня все сильнее и сильнее. Эту крошку, слишком маленькую для своего возраста, с остреньким личиком и широко расставленными глазами, вполне можно было бы и за кошку принять, когда она ползает по полу на четвереньках (пока она предпочитает передвигаться именно так, а не ходить, как все); она сует пальчики в каждую щель в деревянной обшивке стен, она то и дело открывает или закрывает дверь в кухню, она выкладывает на полу длинные и весьма сложные композиции из разных мелких предметов. В общем, за ней нужен глаз да глаз. И хоть обычно она ведет себя неплохо, у нее, по-моему, начисто отсутствует

ощущение опасности. А уж если она чем-то расстроена или огорчена, то может дать волю и дикому, безудержному гневу (чаще всего безмолвному) — начнет раскачиваться с такой силой, что даже головой об пол стукается.

— Что это с ней такое? — спросила я как-то у Анни.

Она опасливо на меня глянула, словно решая про себя, можно ли мне без опаски сказать об этом, но все же ответила:

— Да никто толком не знает. Врач смотрел ее однажды, когда она еще совсем маленькая была; он тогда сказал, что именно это, наверное, и называется в народе cri-du-chat^[34], но уверен он не был, и мы больше к нему не ходили.

— Cri-du-chat?

Звучит как средневековое название какой-то напасти, беды, которую может навлечь крик кошки.

— Ну да, она так кричала — в точности как кошка. Я ее даже Котенком прозвала.

Анни рассмеялась и быстро, почти виновато, отвела глаза, словно даже этот разговор ей казался немного опасным.

— Но на самом деле она совершенно нормальная, правда-правда, — заверила она меня. — Просто не такая, как все.

«Не такая, как все». Снова это выражение. По всей видимости, оно, как и слово «случайность», имеет для Анни совершенно особый смысл. Розетт, безусловно, имеет склонность попадать в непредвиденные ситуации. Но я подозреваю, что «случайность» в данном случае означает нечто большее, чем наливание в резиновые сапожки воды, подкрашенной красками для рисования, или засовывание в видеопроигрыватель поджаренных тостов, или проделывание пальцами дырок в сыре для невидимой мышки.

Случайности, непредвиденные ситуации возникают, когда Розетт оказывается поблизости. Как тогда с разбитой хрустальной тарелочкой. Я могла бы поклясться, что та тарелка разбилась, хотя теперь уже совсем в этом не уверена. А когда свет как бы сам собой то включается, то гаснет в комнате, где вообще никого нет? Разумеется, это могут быть просто «шутки» старого дома с его отвратительной проводкой. Возможно, и все остальное тоже всего лишь плод моего воображения. Впрочем, предполагай не предполагай, а из слова, как говорила моя мать, шубы не сошьешь. Опять же ясно, что от яблони яблоко, а от ели шишка. Да и вряд ли я себе что-то вообразила: не имею я такой привычки.

В последние дни дел было невпроворот. Прямо какой-то взрыв

активности. Мы без конца что-то чистили и мыли, переставляли мебель, делали новые припасы, без конца таскали из кладовой на кухню всякую утварь: медные кастрюльки, сковородки, противни, формочки, горшочки — все это, хоть и было тщательно упаковано, потемнело и покрылось пятнами, так что, пока я присматривала за магазином, она часами на кухне оттирала и отмывала каждую посудину, пока не довела все до блеска.

— Ладно, хоть развлекусь немного, — все повторяет она, словно стыдясь своего радостного оживления, как стыдятся детской привычки, которую давно уже следовало перерасти. — Ты же понимаешь, что это не всерьез.

А по-моему, как раз очень даже всерьез. Ни одна игра не стоит столь тщательных усилий и планирования.

Янна покупает только самую лучшую шоколадную глазурь — ее поставляет «один честный человек» откуда-то из пригородов Марселя — и всегда расплачивается наличными. Она говорит, что для начала вполне достаточно дюжины упаковок каждого сорта, но по ее горящим глазам я уже поняла, что этого будет мало. Она говорит, что раньше всегда все готовила сама, и я, признаюсь, сперва не очень-то в это верила, но то, как она самозабвенно, буквально с головой вновь погрузилась в работу, свидетельствует о том, что она отнюдь не преувеличивала.

Причем она все делает так быстро и ловко, что наблюдать за ней — одно удовольствие, просто бальзам на душу. Сперва сырую шоколадную глазурь растапливают, а потом «закаливают», то есть дают ей слегка загустеть, благодаря чему она избавляется от излишней ломкости и превращается в блестящую тягучую массу, которая как раз и необходима для изготовления шоколадных трюфелей. Янна все операции производит на специальной гранитной доске, разливая по ней размягченный шоколад, похожий на шелковое полотно, и снова собирая его с помощью шпателя. Затем шоколад отправляется обратно в медный котелок, слегка нагревается, и весь процесс повторяется снова, пока она не объявит, что все готово.

Янна редко пользуется термометром для сахарного сиропа. По ее словам, она столько лет готовила шоколад, что сразу чувствует, когда он достиг нужной температуры. И я ей верю; еще бы, в течение трех последних дней я постоянно наблюдаю за ней, и она ни разу ни в чем не ошиблась — поистине безупречная работа! За это время даже я научилась воспринимать готовую продукцию критически, проверяя, нет ли потеков, не слишком ли бледен цвет, что всегда свидетельствует о том, что шоколад недостаточно «закален», достаточно ли в нем блеска и «хрусткости», ибо все это — показатели отличного качества.

Трюфели, по словам Янны, делать проще всего. Она говорит, что Анни это умела уже в четыре года, а теперь пора и Розетт попробовать, — и малышка с серьезным видом обваливает шарики трюфелей в порошке какао, рассыпанном на разделочной доске; личико все перемазано мягким шоколадом, глазенки сияют, как у енота...

Впервые я слышу, как Янна хохочет.

Ах, Янна! Вот она, твоя слабость!

Между тем я упражняюсь и в кое-каких собственных умениях. Слишком велик мой интерес к этому месту, так что и я стараюсь все делать хорошо и уже приложила немало усилий, чтобы своими чарами усилить притягательность нашей chocolaterie. Учитывая необычайную чувствительность Янны, действовать пришлось незаметно, но кукурузный початок, символ Синтеотля^[35], и боб какао, символ Госпожи Кровавой Луны, нацарапанные мною иод притолокой и на ступеньках крыльца, должны обеспечить процветание нашему маленькому бизнесу.

Я отлично знаю, что предпочитает каждый из твоих покупателей, Вианн. Я легко могу это прочесть по цветам их ауры. И я знаю, что девушка из цветочного магазина вечно всего боится, а та женщина с маленькой собачкой во всем винит только себя, а молодой болтливый толстяк умрет, не дожив и до тридцати пяти, если немедленно не сбросит вес.

Такой уж у меня дар, знаете ли. Я могу узнать, что всем им необходимо. Могу сказать, чего они боятся, могу заставить их танцевать.

Если бы моя мать поступала как я, ей бы не пришлось так яростно бороться за то, чтобы выжить. Но она моей практической магии не доверяла, называла ее «захватнической» и вечно намекала на то, что подобное неправильное использование моих умений — это как минимум проявление эгоизма, а по большому счету — преступление, которое в итоге навлечет на нас обеих ужасные кары. «Вспомни кредо нашего Братства дельфинов, — говорила она мне. — Не вмешивайся, если не хочешь позабыть свой Путь».

Разумеется, это кредо было буквально омыто свойственными моей матери эмоциями, но я к тому времени уже почти создала свою Систему, про себя давно решив не только отказаться от Пути дельфина, но и стать такой, какой мне написано на роду: назойливой, вечно вмешивающейся в чужие дела и судьбы.

Вопрос только в том, с кого начать? С Янны или с Анни? С Лорана Пансона или с мадам Пино? Здесь столько различных жизней, и они так

переплетены между собой! Причем у каждого свои тайны, свои мечты, свои амбиции и скрытые сомнения, свои черные мысли и полузабытые страсти, свои невысказанные желания. Столько жизней — бери не хочу, пробуй сколько угодно — и все для таких, как я!

Сегодня утром зашла та девушка из цветочного магазина и сказала шепотом:

- Ой, я видела вашу витрину! Это так красиво... я просто не могла не зайти и не сказать...
 - Вас ведь Алиса зовут, верно? спросила я.

Она кивнула, опасливо озираясь, точно зверек, попавший в незнакомую обстановку.

Алиса, как мы знаем, болезненно застенчива. Говорит еле слышно; распущенные волосы похожи на саван. Ее довольно красивые, слегка подведенные глаза испуганно выглядывают из-под густой высветленной челки, словно из норки, а руки и ноги нелепо торчат из голубенького платьица, явно некогда сшитого на девочку лет десяти.

Она обута в ботинки на толстенной платформе, которые выглядят слишком тяжелыми на тонких, как спички, ногах. Любимое лакомство Алисы — молочно-шоколадная помадка, но покупает она всегда плитку простого черного шоколада, потому что в нем «калорий в два раза меньше». И от нервного напряжения ее аура всегда отливает золотом.

- Что это так приятно пахнет? спросила она, принюхиваясь.
- Янна шоколад готовит, ответила я. Трюфели.
- Готовит? Она сама умеет делать трюфели?

Я усадила Алису в старое кресло, которое отыскала в мусорном контейнере на улице Клиши и притащила сюда Кресло довольно потрепанное, но вполне удобное, и в ближайшие дни я намереваюсь и с ним, и с самим магазином кое-что сотворить.

— A вы попробуйте, — предложила я. — Хотя бы одну штучку. За счет магазина.

Глаза у нее заблестели.

- Знаете, мне не следовало бы...
- Хорошо, я разрежу трюфель пополам, и мы с вами его разделим, сказала я, присаживаясь на подлокотник кресла.

Сидя так, мне ничего не стоило начертить ногтем символ соблазна — боб какао, а потом наблюдать за ее отражением в Дымящемся Зеркале, когда она, точно птенчик, принялась клевать трюфель.

Я хорошо знаю таких, как она. Я их немало встречала и раньше. Беспокойная девочка, вечно ей кажется, что она вела себя недостаточно

хорошо, что не сумела быть такой, как все. Ее родители — хорошие люди, но слишком честолюбивы и требовательны; они ясно дали ей понять, что неудачи не приемлют, что и у них, и у их дочки все должно быть только самым лучшим. Однажды она пропускает обед. И испытывает странно приятное чувство — словно освобождается от тех страхов, что давили на нее тяжким грузом. Затем она пропускает завтрак; у нее слегка кружится голова, но она в восторге от нового, возбуждающего ощущения того, что может полностью себя контролировать. Она снова и снова проверяет себя и обнаруживает, что хочет это продолжать. Иногда она вознаграждает себя за хорошее поведение. И теперь вот вам пожалуйста — такая хорошая девочка, она всегда так старается! — в двадцать три года она все еще выглядит тринадцатилетней и по-прежнему считает себя недостаточно хорошей, чего-то там не достигшей, на что-то не способной...

Алиса доела свой трюфель и даже замычала от наслаждения.

И уж я постаралась, чтобы она видела, как я с удовольствием тоже съела один.

- Должно быть, здесь так трудно работать!
- Трудно? удивилась я.
- Я хочу сказать, опасно. Она слегка покраснела. Я знаю, это звучит глупо, но мне так кажется. Целый день ведь приходится смотреть на шоколадки, возиться с ними... все время ощущая этот аромат... Она отчасти даже перестала стесняться. И как только вам это удается? Как вы удерживаетесь от того, чтобы с утра до вечера не есть шоколад?

Я усмехнулась.

- А почему вы думаете, что я его не ем?
- Вы такая худенькая! сказала Алиса (на самом деле я легко могла бы отдать ей фунтов пятьдесят).

Я рассмеялась.

— Ах да, запретный плод! Куда более сильное искушение, чем все остальные. Вот, возьмите еще конфетку.

Но она только головой покачала.

— Шоколад, — сказала я. — Theobroma сасао, пища богов. Приготовляется из чистейших какао-бобов, смолотых вручную, с добавлением перца чили, корицы и небольшого количества сахара, чтобы смягчить естественную горечь. Именно так его готовили майя более двух тысяч лет назад. Они пили его во время религиозных обрядов, чтобы придать себе смелости. И давали его тому, кого собирались принести в жертву, незадолго до тех мгновений, когда сердце его будет вырвано из груди. А еще они употребляли шоколад во время оргий, которые длились

часами.

Она смотрела на меня расширенными от ужаса глазами.

— Как видите, шоколад действительно может стать опасным, — улыбнулась я. — И лучше им не злоупотреблять.

Я все еще улыбалась, когда она вышла из магазина с коробкой, в которой лежали двенадцать трюфелей.

А пока — кое-что из другой моей жизни...

Франсуаза Лавери составила завещание. Похоже, я ошибалась насчет банковской камеры слежения — полицейские получили целую серию отличных фотографий, на которых был запечатлен мой последний визит в банк, и одна из бывших коллег Франсуазы узнала ее на этих снимках. Разумеется, дальнейшее расследование показало, что это никакая не Франсуаза и вся банковская история данной особы — фальшивка от начала и до конца. Результаты всего этого до некоторой степени предсказуемы. Довольно-таки плохой, крупнозернистый снимок подозреваемой особы уже был опубликован в вечерней газете, затем появилось сразу несколько редакционных статей, в которых высказывались предположения, что у преступницы могли быть куда более злокозненные мотивы для подобного обмана, чем простое желание обогатиться. Возможно даже, злорадствовала «Пари суар», это сексуальная хищница, которая охотится на юнцов.

«Ну и дела!» — сказала бы Анни. А впрочем, неплохой заголовок для газетного материала, и я ожидаю еще несколько раз увидеть в газетах свою фотографию, прежде чем интерес прессы к этому делу угаснет. Хотя меня это почти совсем не волнует. Никто не узнает Зози де л'Альба в этой ничем не примечательной серой мышке. Честно говоря, мои бывшие коллеги по лицею лишь с трудом сумели узнать Франсуазу на фотографиях из банка — фотопленка не слишком хорошо приспособлена для передачи волшебных чар, именно поэтому, кстати, я никогда и не пыталась сделать карьеру в кинематографе; а на той фотографии я похожа скорее не на Франсуазу, а на одну девушку, которую я некогда очень хорошо знала: в школе в Сент-Майклз-он-зе-Грин именно она всегда была «той, кто водит».

Теперь я довольно редко о ней вспоминаю. Бедняжка. У нее была жуткая кожа и мамаша-уродина с вечно торчавшими из волос перьями от подушки. Разве ей могло что-нибудь светить?

А впрочем, у нее были те же шансы, что и у всех остальных; шансы на будущее тебе даются в тот день, когда ты появляешься на свет; собственно, это наш единственный шанс — и некоторые потом всю жизнь только и делают, что придумывают извинения для собственных неудач, говорят, что

это им предсказали карты, и мечтают об ином раскладе, а некоторые просто пускают в ход все средства, все время повышают ставки, используют любую уловку, обманывают, где только могут...

И выигрывают. Выигрывают! А это единственное, что, в конце концов, имеет значение. Я люблю выигрывать. Я вообще очень хороший игрок.

Но вопрос в том, с чего все-таки начать? Анни, конечно, нужно бы немного помочь — сделать ее более уверенной в себе, направить по нужному пути.

Имена и символы «Самого первого ягуара» и «Кролика-Луны», нарисованные фломастером на дне ее школьного портфеля, должны помочь ей ладить с окружающими, но, по-моему, ей этого мало. Так что я прибавила еще и символ Хуракана [36], или Урагана, или Мстительного бога, чтобы ей легче было справляться с теми проблемами, которые возникают, если именно ты все время водишь в игре.

Самой-то Анни, разумеется, и в голову не придет мстить своим обидчикам. Этой девочке, к сожалению, явно недостает зла, и единственное, чего она действительно хочет, — чтобы все с ней дружили. Я уверена, впрочем, что смогу излечить ее от подобного добросердечия. Месть — это наркотик, к которому быстро привыкаешь; стоит один раз попробовать, и вряд ли забудешь его вкус. Уж мне-то отлично это известно.

Теперь я занимаюсь отнюдь не исполнением желаний. В затеянной мною игре каждая ведьма играет за себя. Но у Анни поистине редкий дар, при должной подпитке он может расцвести дивным цветом. Так или иначе, моя работа всегда оставляет мне небольшую, но драгоценную возможность проявить изобретательность. Большую часть затеянных мною дел осуществить довольно легко; нет необходимости применять какое-то особое мастерство там, где вполне достаточно обычного трюка.

Кроме того, в кои-то веки я могу проявить сочувствие. Я прекрасно помню, каково это — каждый день быть «той, кто водит». А также я помню, какую радость испытывала, когда удавалось свести счеты с обидчиками.

В общем, я с большим удовольствием займусь всем этим.

17 ноября, суббота

Того невероятно болтливого молодого толстяка зовут Нико. Он сам мне это сказал сегодня днем, когда, как он выразился, «пришел на разведку». Янна только что приготовила партию кокосовых трюфелей, и вся сhocolaterie буквально пропахла ими; у них весьма сложный, чуть землистый аромат, который прямо-таки застревает в носоглотке. По-моему, я говорила, что не люблю шоколад — однако этот запах, так похожий на аромат благовоний в лавке моей матери, сладкий, насыщенный, волнующий, действует на меня как наркотик, и я становлюсь беспечной, непредсказуемой... и мне во все хочется сунуть свой нос!

— Приветствую вас, мадам! До чего же мне нравятся ваши туфли! Они просто замечательные! Потрясные!

Так начал с порога Толстяк Нико, молодой человек лет двадцати с небольшим, но весящий, как мне кажется, добрых фунтов триста. У Нико вьющиеся волосы до плеч и пухлое лицо, которое вечно собирается складками — точно у гигантского младенца, который то плачет, то смеется.

— Правда? Что ж, спасибо, — ответила я.

На самом деле эти туфли у меня и впрямь из самых любимых: лодочки на высоком каблуке в стиле 50-х годов прошлого века, из бледно-зеленого бархата, с лентами и хрустальными пряжками на мысках...

Зачастую уже по обуви можно определить, что за человек перед тобой. Нико был в двуцветных, черно-белых туфлях, довольно приличных, но с изрядно стоптанными каблуками и смятыми, как у домашних шлепанцев, задниками; казалось, он не желает затруднять себя даже тем, чтобы как следует надевать туфли. Я бы предположила, что живет он по-прежнему в родительском доме — типичный маменькин сынок, по-моему, — а свой тихий протест выражает за счет несчастных туфель.

— Боже, что за аромат?

Ага, учуял наконец! Нико повернул свое крупное лицо в ту сторону, откуда проистекал дивный запах. Я слышала, как у меня за спиной, на кухне, Янна что-то напевает. А ритмичное постукивание — скорее всего, деревянной ложкой по кастрюльке — означало, по всей видимости, что ей аккомпанирует Розетт.

- Судя по запаху, там стряпают нечто совершенно изумительное. Скажите же мне, что это такое, Госпожа Туфелька! Что у вас на обед?
 - Это Янна кокосовые трюфели делает, призналась я с улыбкой. Не прошло и минуты, как он купил всю партию.

Ох, я вовсе не льщу себе: в данном случае моей заслуги тут не было. Таких, как Нико, соблазнить до смешного просто. Это под силу даже ребенку. Расплачивался он синей кредитной карточкой (а это значит, что деньги на счету у него имеются), и уж тут я не растерялась: мне понадобилось всего несколько секунд, чтобы запомнить номер (в конце концов, должна же я тренироваться, чтобы быть в форме!); впрочем, в ближайшее время я вряд ли этим номером воспользуюсь. След будет слишком ясным и наверняка приведет к chocolaterie, а мне здесь пока что слишком хорошо, и сама себе вредить я уж точно не стану. Возможно, впрочем, позже я этим все же займусь. Когда пойму, зачем я здесь.

Нико был далеко не единственным, кто заметил в магазине новые ароматы. С утра я всем на удивление успела продать уже восемь коробок особых трюфелей, сделанных Янной вручную — некоторые завсегдатаям, а некоторые совершенно незнакомым людям, которых еще на улице соблазнил дивный аромат шоколада.

В полдень явился Тьерри Ле Трессе. Кашемировое пальто, темный костюм, розовый шелковый галстук и дорогущие туфли ручной работы. Хм... Я обожаю обувь, сделанную вручную: она всегда блестит, точно бока отлично вычищенной лошади, и каждым своим стежком шепчет: «Деньги, денежки». Зря я, наверное, не уделила Тьерри должного внимания; в интеллектуальном плане он, возможно, ничего особенного из себя и не представляет, однако мужчина с деньгами всегда заслуживает, чтобы на него взглянули еще разок.

Янну и Розетт он обнаружил на кухне, обе смеялись до упаду. Похоже, он был несколько раздражен тем, что у нее еще много работы, — он ведь для того и вернулся сегодня из Лондона, чтобы с ней повидаться, — но милостиво согласился зайти снова после пяти.

— Но почему, скажи на милость, ты телефон не берешь? — услышала я его голос, стоя у кухонной двери.

- Извини, сказала Янна (едва сдерживая смех, как мне показалось). Я в технике плохо разбираюсь. И наверное, просто забыла его включить. И потом, Тьерри...
- О господи! вырвалось у него. Я женюсь на пещерной женщине!

Она снова засмеялась.

- Можешь считать, что у меня технофобия.
- Да какая разница, если ты на мои телефонные звонки не отвечаешь?!

Затем, оставив Янну и Розетт на кухне, он вышел в магазин, желая, видимо, перекинуться со мной парой слов. Я знаю, он мне не доверяет. Я не в его вкусе. Он, возможно, даже считает, что я плохо влияю на Янну; как и большинство мужчин, он видит только то, что на поверхности: розовую прядь в волосах, весьма эксцентричного вида туфли — в общем, «богемный» облик, над которым я столько трудилась.

- Вы помогаете Янне, и это очень мило, сказал он и улыбнулся знаете, с улыбкой он просто прелесть! но в цветах его ауры сквозила настороженность. А как же ваш «Зяблик»?
- О, я там по-прежнему работаю, только по вечерам, ничуть не смутилась я. А днем я Лорану и не нужна вовсе, да к тому же с таким хозяином работать ох как нелегко!
 - А с Янной легко?

Я улыбнулась.

— Ну, Янна, положим, рукам воли не дает...

Это его несколько озадачило, во всяком случае, мне так показалось.

- Извините. Я думал...
- Я знаю, что вы думали. Знаю, что с виду я не совсем подходящая для нее подружка. Но я, честное слово, всего лишь пытаюсь ей помочь. Ей иногда просто необходим перерыв, она это заслужила разве вы со мной не согласны?

Он кивнул.

— Идемте, Тьерри. Я знаю, что вам нужно. Кофе со сливками и плитку молочного шоколада.

Он улыбнулся.

- Вы угадали: это я люблю больше всего.
- Естественно, угадала, кивнула я. Я умею угадывать, есть у меня такое волшебное свойство.

Затем явился Лоран Пансон — впервые за три года, по словам Янны,

— чопорный, как в церкви, и совершенно невыносимый в своих дешевых, до блеска начищенных ботинках. Мне даже смешно стало, так долго он хмыкал и ахал, время от времени бросая на меня ревнивые взгляды поверх стеклянного прилавка, потом выбрал самые дешевые шоколадные конфеты и попросил меня перевязать коробку лентой, как подарок.

Я неторопливо орудовала ножницами и лентами, аккуратно, кончиками пальцев разглаживая бледно-голубую оберточную бумагу «под шелк», а потом украсила сверток серебряной лентой и бумажной розой.

— У кого-то день рождения? — спросила я.

Лоран, как всегда, проворчал в ответ нечто невнятное и отсчитал нужную сумму мелочью. Тему моего «дезертирства» он пока, правда, не поднимал, но я знаю, что он обижен — так преувеличенно вежливо он благодарил меня, когда я вручала ему коробку.

Я ничуть не сомневаюсь относительно причины того, почему Лоран внезапно проявил интерес к шоколадным конфетам, да еще и в подарочной коробке с бантом. Он считает, что этим выразил свое пренебрежительное ко мне отношение, показал, что Лоран Пансон — птица куда более важная, чем кажется с первого взгляда, и как бы предупредил меня: если я буду настолько глупа, чтобы пренебречь его знаками внимания, то мое замечательное место достанется кому-то другому.

Ну и пусть! Я послала ему вслед самую обворожительную свою улыбку. Спираль — символ Хуракана — я уже успела нацарапать своим острым ноготком на крышке купленной им коробки с шоколадом. Это вовсе не значит, что я задумала против Лорана какую-то пакость — хотя, признаюсь, не стану горевать, если в его кафе ударит молния или кто-то из его клиентов получит пищевое отравление и это полностью подорвет авторитет заведения. Но в данный момент у меня просто нет времени как следует с ним разбираться; кроме того, мне меньше всего хочется, чтобы меня преследовал влюбленный шестидесятилетний старикан, постоянно путаясь у меня под ногами.

Когда он вышел за дверь, я обернулась и увидела, что Янна наблюдает за мной.

— Лоран Пансон, покупающий шоколад?

Я усмехнулась.

— Я же говорила, что он ко мне неравнодушен!

Она рассмеялась, потом вдруг смутилась, и из-под юбки у нее выглянула Розетт — в одной руке деревянная ложка, другая вся перепачкана растопленным шоколадом. Она сделала перемазанными пальчиками какой-то жест, и Янна сунула ей миндальное печенье.

- Твои трюфели распроданы все до последнего! сообщила я ей. Она улыбнулась:
- Я знаю. Наверное, придется еще партию сделать.
- Если хочешь, я тебе помогу. А ты пока передохнешь немного.

Она ответила не сразу. Похоже, она обдумывала мое предложение так, словно это не просто изготовление шоколадных конфет, а нечто куда более серьезное.

— Честное слово, я всему очень быстро учусь! — пообещала я.

Еще бы! Я просто должна была всему учиться очень быстро. Когда у тебя такая мать, ты либо всему учишься очень быстро, либо тебе просто не выжить. Школа в самом центре старого Лондона, нетронутая разрушительным воздействием общеобразовательной комплексной системы и битком набитая головорезами, детьми иммигрантов и осужденных. Именно там я всему и училась — и выучилась очень быстро.

Мать, правда, пыталась учить меня дома. Когда мне исполнилось десять, я умела читать, писать и принимать позу «двойной лотос». Но тут вмешались социальные службы, матери сообщили, что у нее не хватает педагогической квалификации, а меня отправили в Сент-Майклз-он-зе-Грин — клоаку, где томились две тысячи душ и которая мгновенно поглотила меня.

А моя Система в те времена была еще в пеленках, и я оказалась практически беззащитной. Я носила зеленые штаны из дешевого хлопчатобумажного вельвета с аппликацией в виде дельфинов на карманах и бирюзовую бандану, соответствовавшую моим чакрам. Мать встречала меня у школьных ворот; в первый день там даже небольшая толпа собралась — поглазеть. А на второй день кто-то бросил в нас камень.

Теперь мне даже трудно себе это представить. Хотя нечто подобное случается и сейчас, причем по совсем уж незначительным поводам. Так было, например, у Анни в школе — и всего лишь потому, что одна или две девочки пришли в класс, не сняв головные платки. Дикие птицы обычно заклевывают нездешних птичек, на них не похожих: волнистые попугайчики, неразлучники, желтенькие канарейки, сбежав из клеток в надежде вкусить свободы и чистого неба, обычно погибают, падая на землю с выщипанными перьями, заклеванные до смерти своими конформистски настроенными сородичами.

Это было неизбежно. И первые полгода я плакала по ночам в постели до тех пор, пока не засыпала. Я умоляла отослать меня в какую-нибудь другую школу. Я убегала — меня возвращали обратно; я истово молилась

Иисусу, Осирису и Кецалькоатлю, чтобы эти боги спасли меня от демонов школы Сент-Майклз-он-зе-Грин.

Но мне ничто не помогало, и это отнюдь не удивительно. Тогда я попыталась приспособиться: сменила свои зеленые штаны на джинсы и майку, стала курить и болтаться по улицам вместе со всей этой шпаной, но было уже слишком поздно. Возникшую стену разрушить оказалось невозможно. Каждой школе нужны свои чудики, свои изгои, и в данном случае эту роль лет пять играла я.

Именно тогда хорошо было бы воспользоваться кем-то вроде Зози де л'Альба. Я бы с удовольствием ею стала Но разве могла мне помочь моя мать, эта второсортная ведьма, пропахшая пачулями, с ее хрустальными шарами и ловушками для снов, с ее чересчур гладкими рассказами о законах кармы? Мне было наплевать на кармические кары. Мне хотелось покарать своих мучителей по-настоящему, хотелось уничтожить их, убить, стереть с лица земли именно сейчас, а не когда-нибудь в будущей жизни, хотелось, чтобы они за все расплатились сполна, кровью, и как можно скорее.

И я училась, училась весьма прилежно. Я даже составила себе некий учебный план — по тем книгам и свиткам, что имелись у матери в магазине. В результате и возникла моя Система, и каждый ее кусочек был тщательно отточен, отполирован, сохранен в памяти и проверен на практике с одной-единственной целью, которую я тогда преследовала.

С целью отомстить.

Вряд ли вы вспомните тот случай, хотя в свое время он, по-моему, наделал немало шума. Впрочем, с тех пор случались немало подобных историй. Историй о вечных неудачниках, которые, вооружившись ружьем или арбалетом, врывались в свой класс, и этой единственной кровавой, победоносной, самоубийственной выходки им оказывалось достаточно, чтобы стать школьной легендой.

Я, разумеется, к их числу не принадлежала. Буч и Санденс никогда не были моими любимыми героями. Я из тех, кто стремится выжить во что бы то ни стало. Я превратилась в покрытого шрамами ветерана, пережившего долгие пять лет издевательств, унижений, обидных прозвищ, щипков, пинков, насмешек, абсолютной беспощадности и мелких краж; и все это время я была объектом бесчисленных злобных и насмешливых рисунков на стенах туалета, постоянной мишенью для всех и каждого.

Короче, я всегда была «той, кто водит».

Но я терпеливо выжидала своего часа. Я многое узнала и многому научилась. Мой учебный план был необычен, кто-то, наверное, назвал бы

его языческим, богохульным. Но я всегда была первой ученицей в классе. А моя мать плохо себе представляла, чем я занимаюсь. Если бы она чтонибудь узнала, то наверняка пришла бы в ужас. Моя «захватническая магия» — так она это называла — полностью противоречила всем ее представлениям и верованиям, и у нее было немало весьма эксцентричных теорий, обещавших непременную космическую кару тем, кто осмелился действовать самостоятельно и во имя собственных интересов.

Ну что ж. Я осмелилась. И когда я наконец была готова, то злым декабрьским ветром прошла по школе Сент-Майклз-он-зе-Грин. Моя мать даже вполовину не догадывалась, что же там в действительности случилось, — и это, наверное, даже хорошо, потому что она, несомненно, моего поступка не одобрила бы. Но я сделала это! Я довела задуманное до конца! Мне было всего шестнадцать, и я успешно сдала тот единственный экзамен, который имел для меня значение.

У Анни, разумеется, впереди еще долгий путь. Но со временем я надеюсь сделать ее в высшей степени незаурядной личностью.

Итак, Анни, как же мы им отомстим?

19 ноября, понедельник

Сегодня Сюзи пришла в школу в платке и даже в классе его не сняла. Парикмахерша, делая ей «перышки», так сожгла волосы, что они стали выпадать прядями. По словам парикмахерши, у Сюзи оказалась какая-то особая реакция на перекись водорода — Сюзи ведь соврала ей, что уже делала «перышки»; парикмахерша утверждает, что ее вины тут нет никакой, просто волосы у Сюзанны сильно повреждены бесконечными горячими укладками и выпрямлениями, и если бы Сюзанна сразу сказала ей правду, можно было бы взять другой раствор и ничего подобного не случилось бы.

Сюзанна говорит, что ее мать собирается подать на эту парикмахерскую в суд за нанесение физического и морального ущерба.

А по-моему, вышло просто клёво.

Нет, я понимаю, что не должна радоваться: все-таки Сюзанна — моя подруга. Хотя, может, и не подруга, во всяком случае, не совсем. Друг стоит за тебя горой, если ты в беду попадаешь, и уж точно не станет со всякими врединами общаться.

«Друг всегда тебе руку протянет», — говорит Зози. Когда у тебя есть настоящие друзья, тебя никто не заставит вечно водить в игре.

В последнее время мы с Зози часто беседуем. Она отлично понимает, каково это — в моем возрасте быть не такой, как все. Она мне рассказывала, что у ее матери был магазин, а кое-кому это очень не нравилось, и однажды этот магазин даже попытались поджечь.

— Немного похоже на то, что случилось с нами, — сказала я.

А потом мне ничего не оставалось, как рассказать ей и все остальное. О том, как нас занесло ветром в деревню Ланскне-су-Танн в начале Великого поста, и как мы устроили там шоколадную лавку прямо напротив церкви, и как нас возненавидел тамошний кюре; я рассказала и обо всех наших друзьях, и о речных людях, и о Ру, и об Арманде, которая умерла так

же, как и жила — без сожалений, без слов прощания, чувствуя во рту вкус шоколада.

По-моему, все-таки не стоило все это ей выкладывать. Но промолчать оказалось ужасно трудно — тем более с таким человеком, как Зози. И потом, она же у нас работает. Она на нашей стороне. Она нас понимает.

- Я ненавидела школу, сказала она мне вчера. Ненавидела и детей, и преподавателей. Всех, кто считал меня уродиной, изгоем, кто не желал садиться со мной за одну парту, потому что от меня вечно пахло всякими травами и магическими бальзамами, которые мама совала мне в карманы: асафетидой (господи, это же просто сорняк!), пачулями, потому что они вроде бы способствуют развитию духовности, «кровью дракона», которая повсюду оставляет красные пятна... В общем, поэтому ребята надо мной смеялись и говорили, что от меня воняет и у меня гниды. В это оказались втянуты даже учителя, а одна учительница ее звали миссис Фуллер даже провела со мной беседу о личной гигиене...
 - Гадость какая!

Зози усмехнулась.

- Ничего, я им отплатила.
- Как?
- Как-нибудь в другой раз, ладно? Дело в том, Нану, что я в течение долгого времени считала, что сама во всем виновата. Что я действительно урод, что я никогда ничего в жизни не достигну.
 - Но ты ведь такая умная... и такая яркая, просто потрясающая...
- Тогда я совсем не казалась себе ни умной, ни яркой. Я вообще никогда не чувствовала себя ни достаточно хорошей для них, ни достаточно чистой, ни достаточно доброй. И никогда не пыталась хоть чтонибудь предпринять, чтобы изменить это. Я просто смирилась с тем, что я хуже всех. Кроме того, я постоянно разговаривала с Минди...
 - Со своей невидимой подружкой?
- ...и люди, разумеется, надо мной смеялись. Хотя в школе к этому времени уже не имело значения, как я себя веду и чем занимаюсь. Они в любом случае стали бы надо мной смеяться, что бы я ни делала.

Она умолкла, а я смотрела на нее и пыталась представить себе, какой она тогда была. Пыталась представить себе Зози без ее уверенности в себе, без ее красоты и стильности...

— А в красоте, кстати, — сказала Зози, — самое главное то, что в действительности она практически не зависит от внешности человека. Дело не в цвете твоих волос, не в размере твоей одежды, не в том, какая у тебя фигура. Главное — то, что здесь... — И она постучала себя по лбу. —

Важно также, какая у тебя походка, как ты говоришь, что думаешь... А если ты держишься вот так...

И тут она вдруг сделала нечто такое, отчего я просто оторопела. Она изменила свое лицо. Не то чтобы скорчила рожу или губы надула — нет, она просто опустила плечи, потупилась и отвела в сторону глаза, рот при этом как-то странно обмяк, волосы свесились наперед, скрывая лицо, и она вдруг совершенно перестала быть собой, а превратилась в кого-то другого, хотя и одетого в ее платье; и эта женщина вовсе не была безобразной, нет, просто она была совсем иной — на такую второй раз и смотреть-то не станешь, такую, едва заметив, сразу же и позабудешь, стоит мимо пройти.

— ...или же, наоборот, вот так...

Она выпрямилась, тряхнув волосами, и тут же вновь стала прежней великолепной Зози — с звенящими амулетами на руке, с розовой прядью в волосах, в своей черно-желтой крестьянской юбке и ярко-желтых открытых босоножках на платформе, которые на ком-то другом, наверное, выглядели бы просто нелепо, но на ней смотрелись потрясающе, потому что Зози — это Зози и на ней все всегда смотрится потрясающе.

- Вот это да! воскликнула я. А меня ты этому научить можешь?
- Уже научила! смеясь, сказала она.
- Но это похоже на... магию, заметила я и покраснела.
- Ну и что? Магические трюки действительно по большей части очень просты, серьезно ответила Зози.

Если бы это сказал мне кто-то другой, я бы, наверное, решила, что надо мной просто смеются. Но Зози так поступить не могла, нет, никогда.

- Но ведь настоящая магия все-таки существует, сказала я.
- Ну так назови это как-нибудь еще. Она пожала плечами. Назови это, если хочешь, осанкой. Или харизмой. Или очарованием. Или шармом. Потому что в основном всего-то и нужно выпрямиться, посмотреть человеку в глаза, улыбнуться самой убийственной своей улыбкой и сказать: «Да идите вы все в задницу! Я великолепна!»

Я рассмеялась, и не только потому, что она произнесла слово «задница».

- Как бы мне хотелось тоже так уметь! сказала я.
- А ты попробуй, посоветовала Зози. И возможно, сама удивишься.

Мне, конечно, сегодня повезло. Сегодня вообще — день исключительный. И даже Зози ничего не могла знать о том, что случилось. А я действительно чувствовала себя сегодня иначе — более живой и бодрой, словно ветер переменился.

Во-первых, дело было в том, что сказала мне Зози насчет осанки и отношения ко всему на свете. Я пообещала ей, что непременно попробую вести себя именно так, и попробовала; и в то утро я чувствовала себя несколько более уверенной, тем более что голова у меня была только что вымыта, и я немножко подушилась духами Зози с ароматом роз, и потренировалась перед зеркалом в ванной, стараясь улыбаться «убийственно».

Должна сказать, что получалось не так уж и плохо. До идеала, конечно, далеко, но все же чувствуешь себя совсем по-другому, когда выпрямишься, улыбнешься и скажешь те слова (хотя бы про себя).

Я и выглядела тоже иначе: я стала как-то больше похожа на Зози, на такого человека, который вполне способен грубо выругаться даже в магазине «Английский чай», не обращая ни малейшего внимания на окружающих.

«Это не магия», — уверяла я себя и краешком глаза видела Пантуфля, который, по-моему, поглядывал на меня не слишком одобрительно и от неудовольствия дергал носом.

— Да ничего страшного, Пантуфль, — успокоила я его тихонько, — это вовсе не магия. Это разрешено.

Затем случилась эта история с Сюзи, когда она явилась в школу в платке. Похоже, она собиралась носить платок, пока у нее снова не отрастут волосы, хотя вид у нее в этом платке не очень. В нем она похожа на рассерженный шар для боулинга. Кроме того, все начали говорить ей вслед «Аллах акбар», а Шанталь стала смеяться над ней; Сюзи страшно расстроилась, и они напрочь рассорились.

После чего Шанталь весь обеденный перерыв болтала с другими подружками, а Сюзанна, естественно, явилась ко мне и стала плакаться в жилетку, но я в тот момент особой жалости к ней не испытывала, и, кроме того, я была не одна.

И это уже третье, о чем следует упомянуть.

Все началось утром, на одной из переменок. Наши, как всегда, забавлялись, кидая друг другу теннисный мячик; в игре не участвовали только Жан-Лу Рембо, как всегда уткнувшийся в книгу, и несколько «отщепенцев» (в основном девочки-мусульманки), которые никогда ни во что не играют.

Когда я вошла в класс, Шанталь как раз бросила мяч Люси и крикнула: «Анни водит!» — и все тут же заржали, принялись перекидывать мяч через всю комнату и орать: «Подпрыгни! Подпрыгни!»

В другой день я, может, и присоединилась бы к игре. В конце концов, это же просто игра, и лучше уж быть водящей, чем вообще оставаться вне игры. Но сегодня я упражнялась в том особом отношении к окружающим, которое посоветовала мне Зози.

И я подумала: «А что бы на моем месте сделала она?» И сразу поняла, что Зози скорее умерла бы, чем стала водить.

Шанталь все еще кричала: «Подпрыгни, Анни, подпрыгни!», словно я какая-то собачонка, и я быстро глянула на нее, но так, словно никогда прежде ее и не видела.

Знаете, я всегда считала ее хорошенькой. Она просто не может не быть хорошенькой, ведь она столько времени уделяет своей внешности. Но сегодня я вдруг увидела ее совсем в ином свете, я разглядела цвета ее ауры и ауры Сюзанны тоже; я так давно ничего подобного разглядеть не могла, что, уже не скрываясь, пялила на них глаза, такими безобразными — нет, действительно безобразными! — показались мне они обе.

Остальные тоже, должно быть, кое-что заметили, потому что, когда Сюзи бросила мяч, его никто не подхватил. И я почувствовала, что они собираются в кружок, словно в предвкушении битвы или чего-то необычного, явно стоящего внимания.

Шанталь явно не нравилось, что я так на нее смотрю.

— Да что с тобой такое сегодня? — спросила она. — Неужели ты не знаешь, что пялиться на других неприлично?

Я лишь улыбнулась и продолжала «пялиться».

Я заметила, что Жан-Лу Рембо у нее за спиной оторвался от своей книги и смотрит на нас. И Матильда тоже внимательно наблюдала за нами, слегка приоткрыв от изумления рот, и Фарида с Сабиной перестали болтать в уголке, и Клод слегка улыбался — знаете, как улыбается человек, если во время дождя вдруг на мгновение проглянет солнце.

Шанталь одарила меня одним из самых своих презрительных взглядов и сказала:

— Да, кое-кто из нас может позволить себе настоящую жизнь. Ну а ты, я полагаю, вынуждена развлекаться по-своему.

Я знала, что ответила бы ей Зози. Но я не Зози, я ненавижу всякие сцены, мне даже захотелось просто сесть за парту и отгородиться от всех какой-нибудь книжкой. Но я же обещала Зози, что непременно попробую! В общем, я выпрямилась, посмотрела Шанталь в глаза и прямо-таки наповал сразила всех своей убийственной улыбкой.

— Да идите вы все в задницу! — преспокойно заявила я. — Я великолепна.

И, подняв теннисный мячик, который как раз подкатился к самым моим ногам, швырнула его, и он — чпок! — угодил Шанталь прямо по башке.

— Ты водишь, — бросила я ей, повернулась и пошла в конец класса.

Возле парты Жана-Лу я остановилась. Он даже и не притворялся больше, что читает, а смотрел на меня, приоткрыв от удивления рот.

— Хочешь поиграть? — спросила я, чувствуя себя на коне. И он пошел за мной.

Проболтали мы с ним довольно долго. Оказывается, вкусы у нас во многом сходятся. Нам обоим нравятся старые черно-белые фильмы, фотография, Жюль Верн, Шагал, Жанна Моро, местное кладбище...

Мне Жан-Лу раньше всегда казался немного высокомерным — он, например, никогда не играет с ребятами, впрочем, возможно, потому, что на год нас всех старше и вечно фотографирует всякие странные вещи своей маленькой цифровой камерой; я и заговорила с ним только потому, что знала: Шанталь и Сюзи это заденет.

А он оказался вполне ничего, посмеялся, когда я рассказала ему о Сюзи и ее списке, а когда узнал, где я живу, воскликнул:

- Так ты живешь прямо в той шоколадной лавке? Вот здорово! Я пожала плечами.
- Да, неплохо.
- А шоколад ты ешь?
- Все время.

Он завистливо закатил глаза, и я рассмеялась. А потом...

- Погоди-ка, сказал он, вытащил свой фотоаппарат серебристый, чуть больше спичечного коробка и мгновенно меня щелкнул. Ну вот, готово!
 - Эй, прекрати! крикнула я и отвернулась.

Не люблю, когда меня фотографируют.

Но Жан-Лу посмотрел на маленький экранчик своей камеры, ухмыльнулся и предложил мне:

— Посмотри-ка.

Собственные фотографии мне доводилось видеть нечасто. Те несколько штук, что у меня есть, сделаны для документов — белый фон, серьезное лицо без улыбки. А на этом снимке я смеялась. Жан-Лу сфотографировал меня под каким-то немыслимым углом — как раз в тот момент, когда я к нему повернулась и волосы разлетелись облаком, а на лице сияла улыбка...

Он улыбнулся:

— Ну согласись: получилось очень неплохо.

Я пожала плечами.

- Пожалуй. Отличный снимок. И давно ты фотографией занимаешься?
- С тех пор, как впервые попал в больницу. У меня три камеры; самая любимая старая ручная «Яшика», ею я снимаю только на черно-белую пленку, но и эта, цифровая, тоже хорошая, ее можно повсюду с собой носить.
 - А почему ты попал в больницу?
- Да у меня с сердцем нелады, поморщился он. Я потому и в школе целый год пропустил, точнее, четыре месяца: у меня две операции было. В общем, неудачно получилось.

(«Неудачно» — любимое словечко Жана-Лу.)

— Неужели все так серьезно? — встревожилась я.

Жан-Лу пожал плечами.

- Вообще-то я даже умер. На операционном столе. И пятьдесят девять секунд был по-настоящему мертвым.
 - Ого! восхитилась я. А шрам у тебя есть?
- О, этого добра у меня полно, ответил он. Весь разрисован, как псих какой-то.

Я и заметить не успела, когда мы стали разговаривать, как старые друзья. Я рассказала ему о маме и о Тьерри, а он рассказал мне, что его родители развелись, когда ему девять лет было, а в прошлом году его отец снова женился, но ему-то самому безразлично, хорошая она, эта новая отцовская жена, или нет, потому что...

— Потому что когда они хорошие, больше всего их и ненавидишь! — с улыбкой договорила я за него.

Он засмеялся, и мы буквально сразу, просто так, вдруг почувствовали, что подружились по-настоящему. Спокойненько так, без всяких там объяснений, и мне отчего-то стало совершенно безразлично, что Сюзанна предпочитает мне Шанталь или что я всегда вожу, когда они играют теннисным мячиком.

И на остановке школьного автобуса мы с Жаном-Лу стояли в самом начале очереди, а Шанталь и Сюзи, стоя, как всегда, в середине, бросали на меня гневные взгляды, но ничего не говорили. Вообще ничего.

19 ноября, понедельник

Анук шла сегодня из школы какой-то неузнаваемо упругой и легкой походкой. Она быстро переоделась, впервые за последние месяцы бурно меня расцеловала и объявила, что идет гулять с одним своим школьным другом.

Я не стала особенно ее расспрашивать — Анук в последнее время выглядела такой грустной и подавленной, что мне не хотелось сбивать ей настроение, — но в окошко я все-таки выглянула. Она давно уже не заводила никаких разговоров о школьных друзьях — с тех пор, как поссорилась с Сюзанной Прюдомм, — и хотя я предпочитала не вмешиваться в то, что, возможно, было всего лишь детской ссорой, меня очень печалило, что Анук и здесь может оказаться аутсайдером.

Я-то как раз старалась, чтобы она «вошла в коллектив». Без конца приглашала к нам Сюзанну, специально пекла печенье, устраивала походы в кино. Но никаких особых перемен, видимо, так и не произошло, попрежнему существовала некая граница, отделявшая Анук от других детей, и граница эта, похоже, становилась все более отчетливой.

Но сегодня почему-то все было иначе; и когда она умчалась (как всегда, сломя голову), мне показалось, что я вижу прежнюю Анук — она рысью пересекала площадь в своем красном пальтишке, и волосы ее развевались, точно пиратский флаг, и следом за нею прыгающей тенью следовал ее вечный спутник.

Интересно, что же это за друг у нее появился? Так или иначе, это явно не Сюзанна. Но что-то такое сегодня чувствуется в воздухе, и во мне словно прибавилось оптимизма, который заставляет меня легче относиться к заботам и ни о чем не тревожиться. Может, просто солнце вновь выглянуло после целой недели пасмурной погоды. А может, я рада тому, что сегодня — впервые за три года! — мы полностью распродали все подарочные коробки. Впрочем, возможно, на меня так действует запах

шоколада, которым пропиталась вся кухня, и я была счастлива вновь вернуться к привычной возне с шоколадной массой; это так приятно — держать в руках знакомые кастрюльки и плошки, ощущать тепло растопленной шоколадной глазури на гранитной доске, делать то, что способно подарить людям простое удовольствие...

Почему же я так долго сомневалась, стоит ли возвращаться к прежним занятиям? Неужели потому, что все это слишком сильно напоминает мне о Ланскне? И о Ру? И об Арманде, о Жозефине и даже о кюре Франсисе Рейно — обо всех тех, у кого жизнь вышла на новый виток только потому, что я случайно оказалась рядом?

«Все возвращается на круги своя», — часто повторяла моя мать; каждое сказанное слово, каждая отброшенная тень, каждый след на песке — все так или иначе отзовется. И с этим ничего нельзя поделать; благодаря этому мы такие, какие есть. Так почему меня должно это страшить? С какой стати — теперь-то? Чего мне здесь бояться?

Нам так тяжело пришлось в эти последние три года. Мы так много работали, так упорно добивались своей цели. Это заслуженный успех. И я вроде бы наконец-то чувствую, что ветер переменился. И все это принадлежит нам. И никаких трюков, никаких чудес — просто обычная тяжелая работа.

Тьерри снова на эту неделю укатил в Лондон инспектировать свой проект на Кингс-Кросс. Сегодня утром он опять прислал мне цветы — огромную охапку разноцветных роз, перевязанных плетеной тесемкой из рафии, с визитной карточкой, на которой написал:

«Моей любимой женщине, которая так ненавидит технику. Тьерри».

Очень мило с его стороны — довольно старомодный и немного детский жест, чем-то напоминает его любовь к молочному шоколаду. Я даже почувствовала себя чуточку виноватой, потому что в суете последних двух дней совсем позабыла о Тьерри, да и кольцо его — в нем так неудобно возиться с шоколадной массой — с того субботнего вечера по-прежнему лежит в ящике комода.

Но Тьерри будет доволен, увидев, как изменился наш магазин, и узнав, каковы наши успехи. В шоколаде он почти не разбирается и до сих пор считает, что это лакомство для женщин и детей; он совершенно не замечает, как выросла в последние годы популярность шоколада высшего качества, так что не в состоянии воспринимать нашу chocolaterie как заслуживающее внимания предприятие.

Сейчас, конечно, еще рано говорить об успехе. Но я, по-моему, вполне могу пообещать тебе, Тьерри: когда ты снова к нам заглянешь, то будешь

весьма удивлен.

Вчера мы решили полностью изменить интерьер нашего магазина. Идея, правда, принадлежала Зози, а не мне, я-то сперва как раз боялась все тут рушить, но потом, благодаря помощи Зози, Анук и Розетт, все это безобразие каким-то образом превратилось в увлекательную игру. Зози, взобравшись на стремянку, красила стены; волосы она подвязала зеленым шарфом, а одну щеку тут же успела забрызгать желтой краской. Розетт со своей крошечной кисточкой атаковала мебель. Анук по трафарету рисовала на стенах синие цветы, всевозможные спирали и фигурки животных. А только что покрашенные стулья мы вынесли на улицу, прикрыв от пыли старыми простынями; они так и сверкали на солнце.

— Ничего, табуретки мы тоже покрасим, — сказала Зози, когда мы обнаружили на старой белой кухонной табуретке отпечатки маленьких ладошек Розетт.

В итоге и это превратилось в веселую игру: Розетт и Анук разложили на подносах разноцветные краски, и вскоре старая табуретка выглядела на редкость симпатично, вся покрытая разноцветными отпечатками детских ладошек; то же самое мы проделали и с остальными табуретками, а заодно и с маленьким столиком, который Зози притащила из лавки старьевщика и поставила у входа в магазин.

— Что тут происходит? Неужели вы закрываетесь?

Это была Алиса, та светловолосая девушка, что заходит почти каждую неделю, но крайне редко что-нибудь покупает. Она и говорит тоже очень редко, но выставленная на улицу мебель, прикрытая от пыли тряпками, и сохнущие там же разноцветные табуретки, видимо, произвели на нее настолько сильное впечатление, что она даже осмелилась заговорить первой.

Я рассмеялась, и она тут же смутилась, перепугалась, но все же согласилась полюбоваться «ручной» работой Розетт (а заодно и угоститься трюфелем домашнего приготовления — по случаю праздника за счет магазина). В обществе Зози Алиса, похоже, чувствует себя вполне посвойски, она уже пару раз беседовала с нею в магазине, но особенно ей нравится Розетт, и она, опустившись на колени, стала мериться с ней ладошками, прикладывая свою ладонь к ее перепачканным краской лапкам.

Затем явились Жан-Луи и Пополь — их привлек наш веселый шум. Чуть позже притащились Ришар и Матурен, завсегдатаи «Крошки зяблика». А вскоре из-за угла вынырнула и мадам Пино, старательно делая вид, что идет куда-то по делу, но жадно поглядывая через плечо на царивший у наших дверей хаос.

Толстяк Нико тоже заглянул к нам и, как всегда, отреагировал на происходящее весьма бурно:

— Ого! Желтый и синий! Мои любимые цвета! Это ты придумала, Госпожа Туфелька?

Зози улыбнулась:

— Все вместе.

На самом деле сегодня она как раз была не в туфельках, а босиком; ее продолговатые изящные ступни так и мелькали вверх-вниз по шаткой стремянке, из-под платка выбились пряди волос, обнаженные руки так перепачканы краской, словно она надела экзотического вида перчатки.

- Здорово у вас получается! Весело! с завистью сказал Нико. Особенно мне нравятся эти детские ладошки. Он расправил пальцы на своей крупной, но бледноватой и довольно дряблой руке, глаза у него загорелись. Мне тоже ужасно хочется попробовать! Только вы, наверное, уже все сделали, да?
 - Давай пробуй.

И я указала ему на поднос с красками.

Он протянул руку к подносу и увидел, что там осталась только красная краска, причем уже и не очень чистая. Мгновение он колебался, потом решительно обмакнул пальцы в краску и улыбнулся.

— Ощущение очень приятное, — сказал он. — Словно размешиваешь ложкой соус для спагетти.

И он погрузил в краску всю руку.

— Вот сюда можно — сказала ему Анук, указывая на свободное местечко, еще оставшееся на одной из табуреток. — Тут Розетт кусочек пропустила.

Вообще-то, как оказалось, Розетт пропустила немало «кусочков», и Нико, заполнив их все, остался еще, чтобы помочь Анук с трафаретами; осталась и Алиса — просто посмотреть; а потом я приготовила для всех горячий шоколад, и мы пили его, как цыгане, устроившись прямо на ступеньках крыльца, и всё смеялись, смеялись, так что даже группа японских туристов, проходивших мимо, остановилась и японцы принялись нас фотографировать.

Как сказал Нико, ощущение было очень приятное.

— А знаешь, — сказала Зози, когда мы с ней ликвидировали последствия наших покрасочных работ, готовя магазин к утреннему открытию, — что самое главное? Что более всего нужно этому магазину? Название! Там, конечно, висит вывеска... — и она указала на выцветшую дощечку над дверями, — но выглядит она так, словно на ней никогда

ничего и не писали, по крайней мере в последние несколько десятилетий. А ты что на этот счет думаешь, Янна?

Я пожала плечами.

— Неужели люди и так не догадаются, что тут продают?

На самом деле я прекрасно ее понимала. Однако имя, название — это не просто слово. Дать чему-то название — значит придать этой вещи некую силу, вдохнуть в нее определенный чувственный смысл, которого — во всяком случае, до сих пор — моя неприметная лавчонка никогда не имела.

Но Зози и не думала меня слушать.

— По-моему, я неплохо с этим справилась бы. Может, разрешишь мне хотя бы попробовать? — сказала она

Я опять пожала плечами; мне было не по себе. Но Зози уже сделала нам столько добра, и глаза ее сияли такой готовностью помочь, что я сдалась.

— Хорошо, — согласилась я. — Но ничего особенного не выдумывай. Просто «Chocolaterie». И чтоб никаких фокусов, никакого жеманства.

Разумеется, мне хотелось сказать: «И чтоб ничего похожего на Ланскне». Никаких имен, никаких девизов. Хватит и того, что непонятным образом мои, весьма смутные, планы относительно некоторого обновления интерьера превратились в психоделическое буйство красок.

— Ну естественно! — с готовностью воскликнула Зози.

Мы сняли выбеленную непогодой и покоробленную вывеску (более внимательное ее рассмотрение позволило выявить призрачную надпись «Братья Пайен», которая, возможно, служила когда-то названием кафе или еще чего-то в этом роде). Само дерево, впрочем, почти не пострадало, и Зози заявила, что достаточно будет немного поработать шкуркой и она с помощью небольшого количества свежей краски превратит вывеску в нечто вполне приличное, способное выдержать еще немалый срок.

После чего все мы отправились по своим делам: Нико — к себе на улицу Коленкур, а Зози — в свою крошечную квартирку на той стороне Холма, где, по ее словам, собиралась заняться восстановлением вывески.

Что ж, оставалось надеяться, что вывеска не будет чересчур вызывающей: все-таки у Зози особые представления о сочетаемости цветов, порой граничащие с экстравагантностью. Я уже представляла себе нечто в лимонно-зеленых, красных и ярко-пурпурных тонах — возможно, с изображением цветов или единорога — и думала, что мне придется либо это повесить, либо оскорбить Зози в лучших чувствах.

В общем, я не без внутренней дрожи последовала за нею утром — по ее просьбе, закрыв глаза руками, — чтобы увидеть результаты ее труда.

— Ну? — спросила она. — И как тебе?

Я открыла глаза и на некоторое время лишилась дара речи. Передо мной было именно то, что нужно: вывеска висела над дверью именно в том месте, где и должна была бы висеть, — выкрашенный желтой краской прямоугольник, на котором красовалось название магазина, написанное аккуратными синими буквами.

— По-моему, не слишком жеманно? — В голосе Зози послышалось едва заметное беспокойство. — Я знаю, ты просила что-нибудь простое, но этот вариант сам собой пришел мне в голову, вот я и... Ну, что скажешь-то?

Я еще некоторое время помолчала. Я просто глаз не могла оторвать от этой вывески — аккуратных синих букв и фамилии. Моей фамилии. Разумеется, это просто совпадение, думала я, что же еще это может быть? Улыбнувшись Зози самой ослепительной своей улыбкой, я сказала:

— Просто очаровательно!

Она вздохнула.

— Вот и хорошо, а то, знаешь ли, я уже начала беспокоиться.

И она тоже улыбнулась мне и шагнула через порог, который то ли под волшебным воздействием солнечных лучей, то ли благодаря заново окрашенным стенам теперь, казалось, тоже светился, и оставила меня с вытянутой от удивления шеей любоваться новой вывеской, на которой аккуратными буковками было выведено:

«Шоколад Роше на Монмартре».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ПЕРЕМЕНА

20 ноября, вторник

Итак, теперь мы с Жаном-Лу «официально» считаемся лучшими друзьями. Сюзанна сегодня в школу не пришла, так что я, к счастью, ее надутой физиономии не видела, зато Шанталь постаралась за них обеих, и уж у нее выражение лица весь день было хуже некуда. Она, правда, притворялась, будто в мою сторону и не смотрит, а все ее подружки только и делали, что пялили на нас глаза и перешептывались.

— Значит, ты теперь с ним гуляешь? — спросила у меня на химии Сандрин.

Раньше мне Сандрин даже, пожалуй, нравилась — пока она не спелась с Шанталь и компанией. От любопытства глаза у нее стали круглыми, как мраморные шарики, и по ее ауре я видела, как ужасно ей хочется все разузнать, и она все спрашивала:

— А вы уже целовались?

Если бы я действительно гналась за дешевой популярностью, то, наверное, сказала бы «да». Но мне эта популярность совершенно ни к чему.

Лучше уж считаться ненормальным, чем клоном. Да -и Жан-Лу, при всей его популярности у девчонок, почти такой же чудик, как и я, со всеми его фотографиями, книгами и камерами.

— Нет, мы просто друзья, — ответила я Сандрин.

Она подозрительно на меня посмотрела.

— Ну и не надо, и не рассказывай!

И она, надувшись, вновь подошла к Шанталь, а потом весь день только и делала, что шепталась с ней и хихикала, поглядывая на нас с Жаном-Лу, пока мы мирно беседовали обо всем на свете и время от времени фотографировали, как они на нас пялятся.

Я думаю, Сандрин, что самое подходящее слово для вашего поведения, это puerile^[37]. Я же сказала тебе: мы с ним просто друзья, а Шанталь, Сюзи и ты, Сандрин, можете идти в задницу, потому что мы с Жаном-Лу оба

совершенно замечательные!

Сегодня после школы мы с ним пошли на монмартрское кладбище. Это одно из моих самых любимых мест в Париже, и Жана-Лу, по его словам, тоже. Здесь столько замечательных крошечных домиков-склепов, и всяких памятников, и островерхих часовенок, и тощих обелисков! Здесь есть свои улицы и площади, свои тенистые аллеи и даже свой колумбарий.

Это целый город, и для него существует особое название — некрополь. Город мертвых. И, честное слово, многие усыпальницы вполне могли бы считаться домами: они стоят, выстроившись в ряд, с тщательно запертыми маленькими воротцами, с аккуратно разровненным гравием на дорожке, с цветочными ящиками на подоконниках. Чистенькие маленькие домики — точно в уютном мини-пригороде для мертвых. Эта мысль заставила меня вздрогнуть и одновременно рассмеяться, и Жан-Лу, оторвавшись от своей камеры, даже спросил, в чем дело.

— Да тут же просто жить можно! — сказала я. — Спальный мешок, подушка... костерок... немного еды. И сколько хочешь прячься себе на здоровье в одном из этих склепов. И никто ничего не узнает. И все двери заперты. И уж тут спать куда теплее, чем под мостом.

Он усмехнулся:

— А тебе разве приходилось под мостом спать?

Ну разумеется, приходилось — раза два, наверное, — но говорить ему об этом мне не хотелось.

- Нет, сказала я, но у меня хорошее воображение.
- И ты бы не боялась?
- А чего мне бояться?
- Ну, например, привидений...

Я только плечами пожала.

— Подумаешь, привидения!

Из узенького бокового прохода стремглав вылетела помойная кошка, но Жан-Лу все же успел ее сфотографировать. Кошка зашипела и помчалась дальше, петляя среди надгробий. Возможно, она заметила Пантуфля, подумала я: коты и собаки всегда почему-то моего Пантуфля побаиваются, словно понимают, что в действительности его тут быть не должно.

— Когда-нибудь я непременно увижу здесь привидение. Я потому и камеру всегда с собой беру.

Я посмотрела на него: глаза так и горят. Да, он действительно в это верит — он вообще человек неравнодушный, что мне в нем больше всего и нравится. Ненавижу равнодушных людей, тех, что идут по жизни, ни во что

не веря.

— Ты что, правда не боишься привидений? — снова спросил Жан-Лу.

Ну, если бы ты их видел столько же раз, сколько их видела я, тебя бы они тоже перестали пугать — но и этого тоже я ему ни за что не скажу. У него же мать — ревностная католичка. Она верит в Святого Духа. И в экзорцизм. И в то, что вино во время причастия превращается в кровь — вот уж полная глупость, по-моему. И она каждую пятницу готовит рыбу. Да ладно, мне иногда кажется, что я сама привидение. Привидение, которое ходит, разговаривает, дышит...

- Мертвые никому ничего никогда не сделают. Именно поэтому они здесь и находятся. Именно поэтому эти дверки в усыпальницах изнутри не имеют ручек.
- A умирающие? спросил он. Разве тебе не бывает страшно, когда человек умирает?

Я пожала плечами.

— Бывает, наверное. Так ведь, по-моему, всем в такие минуты бывает страшно.

Он поддел ногой камешек.

— Но не все знают, как это — умирать, — произнес он.

Мне стало интересно.

- И на что же это похоже?
- На что похоже? переспросил он и пожал плечами. Ну, перед тобой действительно появляется этот коридор, залитый светом. И ты видишь всех своих друзей и родственников, и они тебя ждут. И все они улыбаются. А в самом конце коридора очень яркий свет, очень-очень яркий и... священный, что ли; и этот свет как бы говорит с тобой, он говорит, что пока тебе нужно вернуться назад, к прежней жизни, и ни о чем не тревожиться, потому что однажды ты обязательно снова вернешься туда и пойдешь прямо к этому свету вместе со всеми твоими друзьями, и... Он умолк. В общем, именно так считает моя мама. Во всяком случае, я именно так рассказывал ей о том, что там видел.

Я посмотрела на него.

- А что же ты видел там на самом деле?
- Ничего, сказал он. Совсем ничего.

Мы довольно долго молчали, и Жан-Лу рассматривал в объектив камеры улицы и переулки этого города мертвых. Камера щелкнула, когда он нажал на кнопку, а он вдруг сказал:

— Вот было бы смешно, если все это зря! — (Щелк.) — Если окажется, что никакого рая вообще нет. — (Щелк.) — Если после смерти

люди просто гниют в земле.

Голос его становился все громче, и несколько птичек, сидевших на одной из гробниц, взлетели, неожиданно громко захлопав крыльями.

- Они твердят, что все знают об этом, сказал он. Да только ничего они не знают! Они лгут. Они всегда лгут.
 - Не всегда, сказала я. Моя мама не лжет.

Он как-то странно на меня посмотрел — словно был лет на сто меня старше, — и во взгляде у него сквозила такая мудрость, которую дают лишь долгие годы боли и разочарований.

— Она тоже будет лгать, — сказал он. — С ними всегда так.

20 ноября, вторник

Анук привела к нам сегодня своего нового друга. Жан-Лу Рембо — очень симпатичный мальчик, чуть постарше Анук, ведет себя со старомодной вежливостью, чем и выделяется среди прочих. Они с Анук пришли сразу после школы — Жан-Лу живет на той стороне Холма — и вместо того, чтобы сразу пойти гулять, полчаса просидели в магазине: пили мокко с печеньем и болтали.

Приятно видеть, что у Анук появился хотя бы один друг, хоть это и причиняет мне боль, и она не становится меньше от сознания того, что я веду себя совершенно неразумно. Передо мной точно шелестят страницы потерянной книги. «Анук в тринадцать лет... — безмолвно нашептывает мой внутренний голос — Анук в шестнадцать, точно воздушный змей на ветру... Анук в двадцать, в тридцать, в...»

— Хочешь шоколадку, Жан-Лу? За счет магазина.

Жан-Лу. Не совсем обычное имя. И не совсем обычный мальчик — с серьезным, как бы все на свете оценивающим взглядом темных глаз. Я слышала, что его родители в разводе, он живет с матерью и видит отца три раза в год. Его любимый шоколад — горький с хрустящей миндальной стружкой: такой, по-моему, больше подошел бы взрослому мужчине. С другой стороны, он действительно на редкость взрослый и сдержанный молодой человек. Его привычка наблюдать за всем в объектив фотоаппарата несколько, правда, обескураживает: такое ощущение, что он пытается дистанцироваться от внешнего мира, отыскать в глубине крошечного цифрового экрана некую более простую и более приятную реальность.

— Что за снимок ты только что сделал?

Он послушно показал мне. С первого взгляда это могло показаться абстракцией: какая-то путаница цветов и геометрических форм. Но потом я разглядела — это были туфли Зози, сфотографированные на уровне глаз и

специально не в фокусе, в окружении настоящего калейдоскопа разноцветных конфетных оберток.

— Мне нравится, — сказала я. — А это что такое, в углу?

Похоже, кто-то, находившийся за кадром, просто отбрасывал тень на фотографируемые предметы.

Он пожал плечами.

- Наверное, кто-то слишком близко стоял. И он повернул объектив в сторону стоявшей за прилавком Зози, которая держала в руках целый букет разноцветных лент. Здорово! восхитился он.
 - Я бы предпочла не фотографироваться.

На него она даже не взглянула, но голос ее прозвучал резко.

Жан-Лу смутился.

- Я просто...
- Я знаю. Она улыбнулась ему, и он с явным облегчением вздохнул. Я просто не люблю фотографироваться. И по-моему, на снимках крайне редко бываю похожа на себя.

Ну, это-то я могу понять, подумала я. Но это неожиданно отчетливое ощущение опасности? И не у кого-нибудь, а у Зози, которая ко всему относится так легко и весело, что любая задача сразу кажется разрешимой? Странно. И я, испытывая легкое беспокойство, вдруг задумалась, правильно ли я поступаю, взвалив на свою подругу столько забот? Ведь у нее, должно быть, имеются и свои проблемы, как у любого другого.

Впрочем, если проблемы у нее и имеются, она отлично это скрывает и очень быстро учится, схватывает все с такой легкостью, что мы обе просто диву даемся. Она приходит каждый день в восемь утра, как раз когда Анук уходит в школу, и целый час до открытия проводит со мной на кухне, учась у меня разным способам приготовления из шоколада всевозможных изделий.

Она уже знает, как растопить шоколадную глазурь, как составлять различные смеси, как измерять температуру и поддерживать ее на постоянном уровне, как довести глянец до совершенства, как с помощью кондитерского рукава делать украшения уже на готовой форме и как приготовить шоколадные стружки с помощью обычной терки.

Да у нее же просто дар, сказала бы моя мать. Впрочем, самый главный ее дар — это умение общаться с людьми. С покупателями. Я и раньше это замечала, конечно. Зози с кем угодно может поладить: у нее удивительная память на имена, ее заразительная улыбка подкупает, и каждый — сколько бы народу ни толклось в магазине — всегда в ее присутствии чувствует себя особым гостем.

Я пыталась благодарить ее, но она в ответ только смеется, словно работа здесь — это просто игра, нечто такое, чем она занимается для собственного удовольствия, а не ради денег. Я не раз предлагала ей нормальную зарплату, но до сих пор она отказывалась, хотя, если действительно закроют «Крошку зяблика», она в очередной раз останется без работы.

Сегодня я снова завела этот разговор.

— Ты заслуживаешь настоящего жалованья, Зози, — сказала я. — Ведь теперь ты не просто время от времени мне помогаешь, ты делаешь значительно больше.

Она, пожав плечами, возразила:

- Но ведь ты сейчас просто не можешь себе позволить платить комуто полное жалованье.
 - Но я серьезно...
- Серьезно? Она насмешливо приподняла бровь. Вам, мадам Шарбонно, давно следует перестать тревожиться о других и для разнообразия присматривать лучше за номером первым.

Я рассмеялась.

- Нет, Зози, ты просто ангел.
- Да, это верно. Она усмехнулась. А теперь, может, вернемся к нашим шоколадкам?

21 ноября, среда

Просто смешно, сколько зависит от какой-то вывески. Впрочем, моя вывеска похожа скорее на маяк, который так и светится над улицами Парижа.

Возьми меня. Попробуй. Испытай на вкус.

Отлично действует; сегодня к нам заходили и совершенно незнакомые люди, и завсегдатаи, и никто не ушел без покупки — подарочной коробки с бантом или просто пакетика какого-нибудь лакомства: сахарной мышки, слив с коньяком, порции mendiants или килограмма трюфелей, щедро обвалянных в самом горьком на свете шоколаде и похожих на маленькие бомбы, готовые взорваться.

Конечно, рано еще говорить об успехе. И особенно трудно будет соблазнить местных жителей. Но я уже чувствую начало прилива. И к Рождеству все они будут нашими.

Подумать только, ведь сперва я считала, что мне здесь делать нечего! Да это место — просто подарок судьбы! Оно так и притягивает людей. А представьте, сколько всего мы здесь можем заполучить — и речь не столько о деньгах, сколько о людях, их историях, их жизнях...

Мы? Ну да, естественно. Я готова делиться. Нас трое — даже четверо, если считать Розетт, — и каждая обладает своими особыми умениями. О, уж мы-то были бы способны потрясти воображение! Она, безусловно, занималась этим и раньше, в Ланскне! Она, конечно, постаралась замести следы, но сделала это не слишком хорошо. Уже самого ее имени — Вианн Роше — и кое-каких мелких деталей, которые я выпытала у Анни, оказалось достаточно, чтобы выстроить траекторию ее пути. Остальное было совсем просто: несколько междугородних телефонных звонков, несколько старых номеров местной газеты, вышедших четыре года назад, с пожелтевшими крупнозернистыми фотографиями Вианн, дерзко

улыбающейся на пороге шоколадной лавки и обнимающей некое лохматое, взъерошенное существо — Анни, разумеется.

«La Céleste Praline» 138 . Интригующее название. Да уж, в Ланскне Вианн Роше дала волю своим прихотям, хотя теперь, глядя на нее, это даже предположить трудно. Но тогда она ничего не боялась: чего стоят эти красные туфли, и звенящие браслеты, и длинные буйные волосы, точно у цыганки из комикса. Не то чтобы настоящая красавица — пожалуй, рот великоват, а глаза, на мой взгляд, маловаты, — но любая ведьма, удостоенная собственной книги заклятий, сказала бы, что в ней так и светится волшебство. Волшебство, способное изменить ход жизни других людей, волшебство, способное очаровать, исцелить, спрятать от бед.

Ну и... что же с тобой случилось?

Ведьмы просто так от своего ремесла не отказываются, Вианн. Наше с тобой ремесло требует, чтобы им пользовались.

Я наблюдаю за ней, когда она работает в задней комнатке, готовя трюфели или шоколадные конфеты с ликером. Цвета ее ауры стали гораздо ярче с момента нашей первой встречи, и теперь, когда я знаю, куда смотреть, я замечаю магию во всем, что она делает. А она, похоже, об этом даже не подозревает, словно сама лишила себя способности понимать, кто она на самом деле, словно для этого достаточно просто не обращать внимания на свои задатки, как она, например, не обращает внимания на тотемы своих детей. Вианн отнюдь не глупа — так почему же она ведет себя как последняя дура? И что может заставить ее раскрыть наконец глаза?

Все утро она провела на кухне; оттуда плыл аромат пекущегося печенья. Перед нею — миска с растопленным шоколадом. Меньше чем за неделю магазин изменился практически до неузнаваемости. Стол и стулья, украшенные отпечатками детских ладоней, придают ему веселый, праздничный вид. Есть что-то школьное в этих примитивных цветах, и как бы аккуратно здесь ни было прибрано, все равно остается неясное ощущение беспорядка. На стенах теперь висят картины и вставленные в рамки куски пестрых сари с ярко-розовой и лимонно-желтой вышивкой. Из кладовки на свет божий извлечены два старых кресла с продавленными сиденьями и расшатанными ножками. Но я сделала их вполне пригодными для использования с помощью всего лишь пары метров плюша с «леопардовым» рисунком весьма необычной расцветки — это цвет фуксии — и куска какого-то золотистого материала, который раздобыла на благотворительном базаре.

Анни эти кресла просто обожает, и я тоже. Если бы не размеры этой

лавчонки, мы вполне могли бы считаться небольшим кафе, причем расположенным в одном из самых посещаемых районов Парижа; да и время сейчас на редкость для нас подходящее.

Два дня назад «Крошка зяблик» окончательно закрылся (что отнюдь не было неожиданностью) после того несчастного случая с пищевым отравлением и последовавшего за этим визита санитарного инспектора Я слышала, что Лорану придется по крайней мере месяц все мыть и чистить, прежде чем кафе снова разрешат открыть, а это значит, что на Рождество его клиентура, скорее всего, сильно пострадает.

Значит, он все-таки съел те шоколадки. Бедный Лоран. Хуракан действует порой совершенно непредсказуемо. А некоторые люди просто притягивают к себе несчастья, как громоотвод — молнии.

Ну что ж, тем больше будет посетителей у нас. Лицензии на продажу спиртных напитков мы, правда, не имеем, подаем только горячий шоколад, зато у нас множество всевозможных пирожных и бисквитов, миндальное печенье и, разумеется, манящие, как зов сирены, горькие трюфели, шоколадные конфеты с ликером, клубника в шоколаде, разнообразные марципаны, половинки абрикосов в шоколадной глазури...

До сих пор здешние владельцы кафе и магазинов держались в стороне, с легким испугом наблюдая за происходящими у нас переменами. Они так привыкли считать нашу chocolaterie чем-то вроде ловушки для туристов, куда местным жителям и заходить опасно, что потребуется весь мой талант и сила убеждения, чтобы все же завлечь их к нам.

Впрочем, весьма помогло то, что они видели, как к нам заходил Лоран. Лоран, яростный противник любых перемен, живущий в том Париже, который создан его воображением, который якобы открывает свои двери лишь истинным парижанам. Как и все алкоголики, Лоран — сластена, да и потом, куда ему еще пойти теперь, когда его кафе закрыто? Где он найдет слушателей для своих бесконечных жалоб?

Вчера примерно в полдень он явился к нам надутый, но явно заинтригованный. Он впервые увидел, как мы тут все переделали, и весьма кисло отреагировал на наши усовершенствования. К счастью, в магазине были покупатели — Ришар и Матурен, которые зашли к нам по пути в парк, где, как обычно, собирались играть в петанк^[39]. Они, по-моему, даже слегка растерялись, увидев входящего Лорана, — ну еще бы, ведь они столько лет были завсегдатаями «Зяблика»!

Лоран бросил на них презрительный взгляд и заметил, обращаясь ко мне:

— Да, кое у кого дела и впрямь неплохо идут. Ну и что это у вас такое

- кафе или еще какая-нибудь забегаловка?
 - Нравится? улыбнулась я.

Лоран насмешливо фыркнул.

- Пфе! Да если каждый, черт побери, начнет считать свою забегаловку настоящим кафе, нагло надеясь, что может вести дела не хуже, чем я...
- Да мы о таком даже и не мечтали, постаралась я его успокоить. Это ведь так трудно в наши дни создать соответствующую атмосферу. Лоран опять фыркнул.
- Ты меня лучше не заводи! Вон там, чуть дальше, есть «Артистическое кафе», и хозяин в нем турок, как ты легко могла бы догадаться, а рядом «Итальянское кафе», и этот «Английский чай», и множество всяких «Костасов» и «Старбаков» проклятые янки считают, что это они изобрели кофе! Он гневно сверкнул глазами, словно и у меня тоже американские предки, и рявкнул: А как же верность традициям? Где же старый добрый французский патриотизм?

Матурен, который почти глух, действительно вполне мог его не расслышать, но я ни капельки не сомневалась, что Ришар просто притворяется.

— Спасибо, Янна, очень вкусно, — сказали оба. — А теперь мы, пожалуй, пойдем.

Они оставили деньги на столике и поспешно, даже не оглянувшись, вышли за дверь, а Лоран еще сильнее побагровел, и глаза его угрожающе вылезли из орбит.

— Два старых козла! — взорвался он. — Сколько раз они заходили ко мне выпить пива и сыграть в карты — а теперь, стоило начаться неприятностям...

Я одарила его своей самой сочувственной улыбкой.

— Я так тебя понимаю, Лоран. Но ведь такие шоколадные лавки тоже, как тебе известно, весьма традиционны. На самом деле я просто уверена: они появились даже раньше кафе и являются заведениями абсолютно парижскими... — Я подвела Лорана, по-прежнему исполненного благородного негодования, к столику, который только что освободился, и предложила: — Может быть, ты тоже присядешь и отведаешь горячего шоколада? За счет заведения, разумеется.

Ну что ж, это было только начало. Всего лишь чашка шоколада и шоколадное пралине — и Лоран Пансон перешел на нашу сторону. И не то чтобы мы нуждались в подобном завсегдатае. Ведь Лоран — самый настоящий паразит, готовый поживиться за чужой счет: он набивает

карманы пиленым сахаром из сахарницы, часами сидит над половинной порцией шоколада; зато он — слабое звено в здешнем маленьком обществе, зато за ним, если он станет ходить к нам, последуют и остальные.

Например, сегодня утром уже забегала мадам Пино — она, правда, ничего не купила, но уж постаралась все хорошенько рассмотреть и, вполне удовлетворенная, удалилась, получив в подарок от магазина шоколадку. Жан-Луи и Пополь проделали то же самое, и я случайно знаю, что та девушка, которая сегодня утром купила у меня трюфели, работает в булочной на улице Трех Братьев и непременно расскажет о нашем кафе своим постоянным клиентам.

Дело даже не столько в том, что это очень вкусно, попытается объяснить она. Трюфель из темного шоколада обладает роскошным ароматом, он сдобрен ромом и щепоткой перца чили, он мягкий и нежный внутри, а снаружи чуть горьковатый из-за толстого слоя какао; все вместе это наделяет его неповторимым вкусом. Но ни одно из этих свойств не дает ответа на вопрос, отчего шоколадные трюфели, вручную приготовленные Янной Шарбонно, раскупаются практически молниеносно.

Возможно, попробовав их, люди начинают чувствовать себя сильнее, даже могущественнее, острее реагируют на звуки и запахи внешнего мира, иначе воспринимают цвета и текстуру различных вещей и начинают прислушиваться к себе более чутко, легко определяя, что у них под кожей, во рту, в горле, на кончике языка.

«Попробуйте хотя бы один», — предлагаю я.

И они пробуют. И покупают еще.

Они покупают так много, что Вианн занята с раннего утра до позднего вечера, и мне одной приходится и заниматься с покупателями, и подавать горячий шоколад тем, кто его заказал. Усадить мы при всем желании можем человек шесть — это место прямо-таки странным образом притягивает людей: здесь тихо, спокойно, но в то же время достаточно весело, сюда можно прийти, чтобы позабыть о своих невзгодах, посидеть, выпить горячего шоколада, просто поболтать.

Поболтать? И еще как болтают! Единственное исключение — Вианн. Но все же время еще есть. Начинай с малого, говорю я себе. Или, скорее, с большого — например, с Толстяка Нико.

- Эй, Госпожа Туфелька! Что у вас на ланч?
- А что бы ты хотел? улыбаюсь я. Розовую сливочную помадку? Плитку шоколада с перцем чили? Или, может, миндальное печенье с кокосовой стру-у-ужечкой...

Я соблазнительно растянула это слово, зная, что кокосовую стружку он

просто обожает.

— О горе мне! Нет, все-таки не стоит. Нельзя!

Кривляется, конечно. Ну нравится ему подобное притворство! И он, все еще сопротивляясь, улыбается, как овца, понимая, что меня не проведешь.

- А ты попробуй одну штучку, предлагаю я.
- Половинку, пожалуй, попробую.

Сломанное печенье, разумеется, не в счет. Как и маленькая чашечка шоколада, к которой полагаются еще четыре миндальных печеньица. Как и кусочек кофейного кекса, который Вианн только что внесла в магазин. Как и остатки шоколадной глазури, которую Нико выскребает на кухне из миски.

— Моя мама всегда готовила больше глазури, чем нужно, — сказал он. — Чтобы мне побольше досталось, когда я буду миску вылизывать. Иногда она делала ее так много, что даже я не мог все доесть...

Он вдруг умолк.

- Твоя мама жива? спросила я.
- Нет, умерла.

Его пухлое, как у младенца, лицо сразу осунулось.

— И ты очень по ней тоскуешь.

Он кивнул:

- Да, наверное, очень.
- Когда она умерла?
- Три года назад. Упала с лестницы. Она, пожалуй, страдала несколько избыточным весом...
 - Я знаю, как это тяжело.

Я изо всех сил стараюсь не улыбаться. «Несколько избыточный вес» — с его точки зрения, это, должно быть, фунтов триста. Его лицо совсем померкло, потускнело, а в цветах ауры преобладают зеленоватые и серебристо-серые оттенки, которые я ассоциирую с негативными эмоциями.

Разумеется, он винит себя. Это мне понятно. Возможно, ковер на лестнице сбился, образовав на ступеньке складку, возможно, он слишком поздно пришел с работы — остановился возле boulangerie и простоял там десять лишних минут, ставших фатальными, а может, просто присел на лавочку, чтобы поглазеть на проходящих мимо девушек...

— Знаешь, ты такой не один, все потом чувствуют примерно одно и то же, — сказала я. — Я, например, тоже во всем винила себя, когда мать умерла...

Я даже за руку его взяла. Под толстым слоем кожи и жира косточки у него оказались тонкими, как у ребенка.

— Мне тогда было шестнадцать, — продолжала я. — Но я так и не перестала думать, что это, хотя бы отчасти, моя вина.

Я заглянула ему в лицо, и взгляд мой был исполнен самого искреннего сочувствия, однако мне пришлось скрестить за спиной пальцы, чтобы удержаться от смеха. Разумеется, я действительно так считала — и не без основания.

Нико тут же снова ожил.

— Это правда? — спросил он.

Я кивнула.

И услышала, как он вздохнул — точно в воздушный шар горячего воздуха подкачали.

Я отвернулась, скрывая улыбку, и принялась раскладывать шоколадки, остывавшие на прилавке. От них исходил невинный аромат ванили и детства. Такие толстяки, как Нико, редко заводят друзей. Вечные прозвища, вроде «жиртреста» и «маменькиного сынка», еще более толстая, чем он, мамаша, которая только и делает, что с тревожным одобрением следит, как он ест...

«Ты вовсе не толстый, Нико. У тебя просто крупные кости. Ну вот и молодец! Умница!»

— Наверное, мне все-таки не стоило это есть, — сказал он наконец. — Мой врач говорит, что мне нужно урезать рацион.

Я удивленно подняла бровь.

— Да что он понимает?

Нико пожал плечами, и плоть у него на руках затряслась, как студень.

— Ты ведь хорошо себя чувствуешь? — спросила я.

Снова эта овечья улыбка.

- Да вроде бы. Но дело в том...
- В чем?
- Ну... в девушках. Он покраснел. То есть в том, кого девушки перед собой видят. Какого-то огромного жирного типа, верно? Вот я и подумал, что, если немного похудеть... подтянуться... тогда, может... В общем, ты понимаешь...
- Не такой уж ты и толстый, Нико. И тебе совершенно ни к чему меняться. Ты и так непременно кого-нибудь встретишь. Просто нужно немного подождать и ты сам увидишь.

Он снова тяжко вздохнул.

— Ну так что ты возьмешь? — перешла я к делу.

— Пожалуй, коробку этого миндального печенья.

Я завязывала бант на коробке, когда в магазин вошла Алиса. Не могу сказать, зачем ему вообще нужен этот бант — мы оба прекрасно понимаем, что коробку он откроет задолго до того, как доберется домой, — но ему отчего-то страшно хочется, чтобы на коробке был огромный желтый бант, совершенно неуместный в его толстенных ручищах.

— Привет, Алиса, — сказала я. — Присядь пока. Я через минуту освобожусь.

Но подошла я к ней минут через пять. Алисе необходимо время. Она опасливо уставилась на Нико. Рядом с ней он казался просто великаном — причем голодным великаном. Однако сам Нико вдруг словно онемел. И весь затрясся — все его триста фунтов, — а потом покраснел так, что его широченная физиономия стала просто багровой.

— Нико, познакомься: это Алиса.

Она еле слышно прошелестела: «Привет».

Уж с этим-то справиться проще простого. Достаточно начертить ногтем на шелковистой бумаге, в которую завернута коробка с шоколадом, некий символ. И можете, если угодно, считать это случайностью, хотя, с другой стороны, это вполне может быть началом чего-то нового, поворотом пути, тропой, ведущей в иную жизнь...

Символ Ветра Перемен...

Алиса что-то шепчет, опускает глаза и — замечает коробку миндального печенья.

— Я его обожаю, — поясняет Нико. — Хотите попробовать? Ну хоть одну штучку?

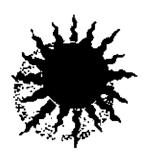
Алиса уже начинает отрицательно мотать головой, но Нико вдруг кажется ей таким милым. И несмотря на его размеры, она чувствует в нем нечто детское, внушающее доверие, даже, пожалуй, некую его уязвимость. А в глазах его, как ей кажется, она читает почти... понимание.

— Всего одну, — снова предлагает он.

И знак, нацарапанный мною на крышке коробки, начинает светиться бледным светом — это Кролик-Луна, символ любви и плодовитости. И Алиса вместо своей обычной шоколадки застенчиво соглашается выпить чашку густого душистого мокко, к которой прилагается несколько миндальных печеньиц; а потом они уходят из кафе — одновременно (хотя и не совсем вместе) — и скрываются за пеленой ноябрьского дождя; и она несет в руке маленькую коробочку, а он — большую.

И я вижу, что Нико раскрывает над крошечной Алисой свой красный, немыслимой величины зонт с надписью «Merde, il pleut!» [41]. И до меня

издалека доносится чистый отзвук ее смеха, больше похожий на воспоминание, чем на нечто реальное. И я вижу, как они спускаются по булыжной мостовой, она шлепает прямо по лужам в своих огромных башмаках, а он торжественно несет нелепый зонт, стараясь защитить от дождя их обоих, и они похожи на героев мультфильма — на игрушечного медведя и гадкого утенка, странным образом объединившихся в какой-то новой сказке, собранной из разрозненных частей, и оказавшихся на пути к новым, неведомым и замечательным приключениям.

22 ноября, четверг

Три непринятых звонка от Тьерри и открытка от него с видом Музея естественной истории, в которой всего несколько слов: «Пещерная женщина! Включи же наконец свой мобильник!» Я рассмеялась, но как-то безрадостно: я не разделяю страсти Тьерри к техническим новшествам и после нескольких безуспешных попыток послать ему эсэмэску попросту спрятала мобильник в ящик кухонного стола.

Через некоторое время он позвонил мне и сообщил, что, видимо, не сумеет приехать домой в этот уик-энд, но непременно приедет на следующей неделе. А я, пожалуй, даже некоторое облегчение испытала. Теперь у меня будет время не только привести все в порядок, но и сделать необходимые запасы, а также постараться привыкнуть к новому облику своего магазина, к новым покупателям и новым обстоятельствам.

Нико и Алиса и сегодня тоже заходили. Алиса купила маленькую коробочку шоколадной помадки — очень маленькую, но все конфеты она съела сама; а Нико — килограмм миндального печенья.

— Мне всегда мало этих твоих вкусных штучек, — сказал он. — Ты, главное, не переставай их делать, ладно, Янна?

Я не сумела сдержать улыбку. Они с Алисой уселись за столик перед входом в магазин, она пила мокко, а он — горячий шоколад со сливками и алтеем; мы с Зози делали вид, что ничего не замечаем, и старались даже из кухни не выходить, пока не появлялся очередной покупатель. Розетт, вытащив свой альбом, рисовала в нем улыбающихся обезьянок с длинными хвостами и раскрашивала их карандашами всех цветов, какие имелись у нее в коробке.

— Слушай, а здорово у тебя получилось! — сказал ей Нико, когда она вручила ему изображение толстой фиолетовой обезьянки, поедающей кокос — Ты, наверное, обезьян любишь, да?

И он скорчил такую замечательную, совершенно обезьянью рожу, что

Розетт хрипло, по-вороньи, рассмеялась и выдохнула: «Еще!» Я заметила, что она теперь вообще гораздо чаще смеется. И не только в моем обществе, но и с Нико, с Анук, с Зози — возможно, когда через неделю Тьерри в очередной раз к нам заедет, у нее и с ним общение начнет лучше получаться.

Алиса тоже засмеялась. Она, кстати, нравится Розетт больше всех, возможно, потому, что она такая хрупкая, маленькая, кажется почти ребенком в своем коротеньком платьице из набивной материи и бледноголубом пальтишке. А может, потому, что Алиса крайне редко говорит чтото, даже в обществе Нико она больше помалкивает, хотя Нико, разумеется, вполне способен говорить и за двоих.

— Твоя обезьянка очень на Нико похожа, — сказала Алиса, наклоняясь к Розетт.

Со взрослыми она разговаривает неохотно и еле слышно. А с Розетт совершенно преображается — говорит с разными интонациями, шутит, подражает кому-то, и Розетт отвечает ей сияющей улыбкой.

Оказалось, Розетт и всех нас изобразила в виде обезьянок. У обезьянки Зози ярко-красные перчатки на всех четырех лапах. Обезьянка Алиса яркосиняя, цвета «электрик», у нее крошечное тельце и ужасно длинный изогнутый хвост. А моя обезьянка, словно чем-то смущенная, прячет свою мохнатую мордочку в ладошках. У девочки явно талант — рисунки у нее пока, конечно, немного корявые, но удивительно живые, и порой ей удается передать то или иное выражение лица буквально двумя штрихами.

Мы все еще смеялись, когда в магазин вошла мадам Люзерон со своим маленьким пушистым песиком персикового окраса. Мадам Люзерон всегда очень хорошо одевается — в серые двойки, скрадывающие располневшую талию, и отличного покроя пальто, обычно темно-темно-серые или черные. Она живет за парком, в одном из больших, украшенных лепниной особняков, каждый день ходит к мессе и через день — к парикмахеру, исключение составляет четверг: в четверг она ходит на кладбище и всегда по дороге заглядывает в наш магазин. Ей, наверное, не больше шестидесяти пяти, но руки у нее изуродованы артритом, а худое лицо из-за толстого слоя грима и пудры кажется бледным, как у покойника.

— Три ромовых трюфеля в коробочке.

Мадам Люзерон никогда не прибавит «пожалуйста». Возможно, считает подобную вежливость чересчур буржуазной. Зато она прямо-таки впивается взглядом в Толстяка Нико, в Алису, в пустые чашки и в нарисованных обезьянок. Выщипанные в нитку брови ползут вверх.

— Я вижу, вы... сменили интерьер?

Крошечная пауза перед последними словами намекает на то, что у нее возникли сомнения в разумности подобных действий.

— А правда, здорово получилось?

Это Зози. Она не привыкла к манерам мадам Люзерон, и та прямо-таки пронзает ее взглядом, мгновенно отметив и чересчур длинную юбку, и волосы, подколотые вульгарной пластмассовой розой, и звенящие браслеты на руках, и тряпичные туфли-танкетки в вишенках, жутковато сочетающиеся с чулками в розовую и черную полоску.

— Стулья мы сами и починили, и раскрасили, — продолжала между тем Зози, доставая из витрины трюфели. — Нам показалось, что этот магазинчик неплохо бы чуточку оживить.

Мадам изобразила некое подобие улыбки — примерно так балерина заставляет себя улыбаться, хотя пуанты давно натерли ей ноги.

Но Зози, ничего не замечая, продолжала болтать.

— Сейчас, сейчас... Вот, пожалуйста, ваши ромовые трюфели. Какого цвета ленточку вы предпочитаете? Розовая выглядит очень мило. Или, может, красная? Какая лучше?

Мадам ничего ей не ответила, впрочем, Зози в ее ответе, по-моему, и не нуждалась. Она уложила шоколадки в маленькую коробочку, перевязала их лентой, прибавила бумажный цветочек и поставила коробку между ними на прилавок.

- Эти трюфели выглядят как-то иначе, сказала мадам, подозрительно поглядывая на них сквозь целлофан.
 - Вы правы, подтвердила Зози. Янна сама их делает!
 - Жаль, сказала мадам. Мне нравились те, другие.
- Эти вам гораздо больше понравятся, заверила ее Зози. Попробуйте один. За счет магазина.

Я сразу могла бы сказать ей, что она зря тратит время. Столичные жители часто с подозрением относятся к бесплатному угощению. Некоторые сразу же машинально отказываются, словно не желая никому быть обязанными, даже если речь идет об одной-единственной шоколадной конфете. Мадам Люзерон слегка фыркнула — это был этакий аристократический вариант презрительного «пфе!» Лорана — и положила на прилавок деньги...

И как раз в это мгновение, по-моему, я и заметила то легкое движение пальцами, которое совершила Зози, мимоходом коснувшись руки мадам Люзерон. Словно что-то блеснуло в сером свете ноябрьского дня. Можно было, конечно, предположить, что просто вспыхнула неоновая вывеска на той стороне площади — вот только «Крошка зяблик» давно закрыт, да и

уличные фонари должны были зажечься не раньше чем часа через два. И потом, мне-то следовало бы сразу узнать этот проблеск. Эту искру, которая, подобно электрической, проскакивает порой между двумя людьми...

— Вы все-таки попробуйте! — уговаривала мадам Зози. — Позвольте себе хоть такую-то мелочь!

Мадам, видно, тоже почувствовала ту «искру». И лицо ее в один миг совершенно переменилось. Толстый слой грима и пудры уже не мог скрыть ее смущения; самые различные чувства — страстное желание, одиночество, боль утраты, — сменяя друг друга, проплывали, точно облака, по ее заостренным бледным чертам...

Я торопливо отвела глаза. «Не желаю я знать ваших секретов, — думала я. — И ваших мыслей тоже. Забирайте свою глупую собачонку и шоколадки и ступайте домой, пока не стало слишком…»

Но уже стало слишком поздно. Я уже все увидела и поняла.

Кладбище, широкое надгробие из бледно-серого мрамора в виде океанской волны. Портрет, вделанный в мрамор: мальчик лет тринадцати беззаботно улыбается прямо в объектив, сверкая белыми зубами. Должно быть, школьная фотография и, возможно, самая последняя перед смертью; фотография черно-белая, но для надгробия слегка подкрашенная в пастельные тона. И под ней — коробочки шоколадных конфет, ряды коробочек, уже покоробленных дождем. По одной каждый четверг, и все нетронутые, все с веселыми бантами, желтыми, розовыми, зелеными...

Я поднимаю на нее глаза. Но она на меня не смотрит — ее взгляд устремлен куда-то в сторону, испуганные бледно-голубые глаза широко раскрыты и, как ни странно, исполнены надежды.

- Я опаздываю, говорит она тоненьким, детским голоском.
- Ничего, время у вас еще есть, ласково уверяет ее Зози. Присядьте на минутку. Дайте ногам немного отдохнуть. Нико и Алиса все равно сейчас уходят. Да садитесь же, настаивает она, поскольку мадам, похоже, пытается протестовать. Садитесь, выпейте чашечку шоколада. На улице дождь, а ваш мальчик вполне может немного подождать.

И к моему удивлению, мадам Люзерон подчиняется.

— Спасибо, — говорит она, и садится в кресло — на фоне яркорозового пятнистого меха она выглядит совершенно не к месту, — и ест шоколадку, и даже глаза от удовольствия закрывает, а голову откидывает на мягкую искусственную шерстку.

И выглядит такой умиротворенной — о да! — и такой счастливой...

А ветер снаружи гремит новой, только что раскрашенной вывеской, и капли дождя со стуком скачут по булыжной мостовой, и декабрь уже

совсем на носу, и меня охватывает ощущение полной безопасности и надежности, я почти готова позабыть, что наши стены сделаны из бумаги, а наши жизни — из стекла, что этот ветер одним порывом может сбить с ног, и тогда зимняя пурга унесет нас прочь.

23 ноября, пятница

Мне следовало бы знать, что она все время им помогала Примерно так же могла поступить и я когда-то, во времена Ланскне. Во-первых, это Алиса и Нико, которые, как ни странно, так друг на друга похожи. А ведь я, между прочим, знаю, что он давно Алису приметил и раз в неделю заходит в цветочный магазин, покупает нарциссы (это его любимые цветы), но так ни разу и не решился ни заговорить с ней, ни назначить ей свидание.

И вдруг, за чашкой шоколада...

Случайность, уверяю я себя.

А теперь вот мадам Люзерон, всегда такая замкнутая, напряженная, готова вот-вот сломаться. Сидит себе и выбалтывает все свои тайны, выпускает их на волю, точно аромат духов из старого флакона, в котором, как все считали, и духи-то давным-давно высохли.

И наконец, это солнечное сияние у наших дверей — даже когда идет дождь! — тоже наводит меня на мысль о том, что нам кто-то помогает, что поток покупателей, который не иссякает у нас в последние несколько дней, связан отнюдь не только с нашим новым ассортиментом.

Я знаю, что сказала бы на это моя мать.

«Ну и что тут плохого? Никому ведь от этого хуже не стало. Разве все они не заслужили, чтобы им немного помогли, Вианн?»

А мы разве этого не заслужили?

Я вчера попыталась предупредить Зози. Объяснить ей, почему она ни во что не должна вмешиваться. Но не сумела. Открыв шкатулку с тайнами, можно так и не суметь снова закрыть ее.,И я чувствую, что меня Зози считает неразумной и столь же скупой, сколь щедра она сама, — скупой, как тот булочник из старой сказки, который требовал платы за аромат пекущегося хлеба.

Я знаю, она бы тоже сказала: «И что тут плохого? Что мы теряем, помогая им?»

Ох, я чуть было все ей не выложила! Несколько раз мне хотелось это сделать, но я останавливала себя. И кроме того, это действительно могло быть простым совпадением.

Но сегодня произошло и еще кое-что, лишь подтвердившее мои прежние сомнения. Неожиданно катализатором событий послужил Лоран Пансон. Я уже несколько раз на этой неделе замечала его у нас в магазине, так что его появление для меня не новость, и, если я не заблуждаюсь, влечет его сюда вовсе не шоколад.

И вот сегодня утром он опять явился — долго разглядывал шоколадки под стеклянными колпаками, фыркал, читая ценники, совал нос в каждую мелочь, с кислой миной изучая наш новый интерьер и время от времени с плохо скрытым неодобрением произнося свое «пфе!».

Это был один из тех солнечных ноябрьских дней, которые тем более ценны, что случаются очень редко. Тихо, как летом; небо высокое, ясное, синее, а на нем белыми царапинами — следы от реактивных самолетов.

— Чудесный сегодня денек, — сказала я Лорану.

Он в ответ презрительно фыркнул.

- Просто посмотреть зашли или, может, чего-нибудь выпьете?
- По таким-то ценам?
- Выпейте чашечку за счет заведения.

Некоторые люди просто не в силах отказаться от дармового угощения. Лоран, все еще ворча, сел за столик, милостиво принял из моих рук чашку кофе и завел свое обычное нытье.

- Закрыть меня в такое время года! Это же просто издевательство! Нет, кому-то наверняка меня разорить хочется!
 - А из-за чего, собственно, все произошло? поинтересовалась я.

И он принялся изливать на меня свои горести. Кто-то на него пожаловался — дескать, он разогревает в микроволновке всякие остатки и подает клиентам; потом какого-то идиота угораздило заболеть; и тут уж к нему прислали чиновника из окружной инспекции по здравоохранению, который с трудом мог объясняться по-французски и обиделся на Лорана за какое-то невинное высказывание, хотя он, Лоран, вел себя по отношению к этому парню в высшей степени пристойно и вежливо...

— А он взял и закрыл мое кафе! Просто так — хоп! Взял и закрыл! Я что хочу сказать: куда идет наша страна, если в высшей степени приличное кафе — которое не одно десятилетие существовало здесь! — берет и закрывает какой-то проклятый pied-noir... [42]

Я делала вид, что внимательно его слушаю, а на самом деле прикидывала, какие изделия продаются лучше всего, а также — каких у нас

почти не осталось в запасе. Я даже притворилась, что не заметила, когда Лоран без разрешения угостился еще одним пралине. Ладно, я от этого не обеднела, а ему необходимо было выговориться.

Через некоторое время из кухни появилась Зози — она помогала мне готовить шоколадные «поленья», — и Лоран, резко прервав свою тираду, вдруг покраснел так, что даже мочки ушей стали багровыми.

— Добрый день, Зози, — с достоинством, хотя и несколько преувеличенным, поздоровался он.

Она в ответ улыбнулась. Не секрет, что он в нее влюблен — да и разве можно в нее не влюбиться? — а сегодня она выглядела просто великолепно: в длинном бархатном платье василькового цвета и того же тона сапожках.

Мне невольно стало жаль Лорана. Зози — очень привлекательная женщина, а он, бедняга, в таком возрасте, когда у мужчины, как говорится, бес в ребро. Но я вдруг подумала о том, что теперь он так и будет каждый день болтаться у нас иод ногами до самого Рождества, задарма угощаясь кофе, раздражая покупателей, бессовестно воруя сахар и громко жалуясь на то, что все вокруг идет к чертям собачьим...

И, отвернувшись от него, я чуть не пропустила то мгновение, когда Зози, скрестив пальцы, сделала у меня за спиной тот жест. Жест моей матери, отгоняющий беды и неудачи.

Брысь! Пошел вон!

Я сразу заметила, что Лоран шлепнул себя по шее ладонью, словно его комар укусил, и неслышно охнула увы, слишком поздно. Все выглядело так естественно — в Ланскне я и сама поступила бы так же. Ах, если бы не было этих четырех лет!

- Что с вами, Лоран? окликнула я его.
- Пора мне, заторопился он. Дела, знаете ли. Времени совершенно нет...

И он, все еще потирая шею, резво вскочил с кресла, которое занимал уже более получаса, и чуть ли не бегом выкатился из магазина.

Зози усмехнулась:

— Ну наконец-то!

Я тяжело опустилась на стул.

— Что с тобой? — встревожилась она.

Я молча посмотрела на нее. Именно так это всегда и начинается — с мелочей, с того, на что и внимания-то никто не обращает. Но одна такая мелочь тянет за собой вторую, третью и так далее, ты и понять ничего не успеешь, как все начинается снова, и ветер меняется, и Благочестивые

опять взяли твой след, и...

Несколько секунд я во всем винила Зози. В конце концов, именно она превратила мою заурядную кондитерскую в эту пещеру пиратов. Пока она здесь не появилась, меня вполне устраивало быть Янной Шарбонно, иметь такой же магазинчик, как у других, носить подаренное Тьерри кольцо и ни во что не вмешиваться, позволяя миру вращаться, как он хочет...

Но теперь все переменилось. Всего лишь щелчок пальцами, и целых четыре года жизни пошли прахом, и та женщина, которой давным-давно пора было бы умереть, вдруг открыла глаза, ожила, задышала...

- Вианн... тихонько окликнула меня Зози.
- Меня зовут не так.
- Но ведь так тебя звали когда-то, не правда ли? Вианн Роше.

Я кивнула.

- Да. В прошлой жизни.
- Нет, не только в прошлой. Это вовсе не обязательно.

Не обязательно? Мысль опасная, но такая привлекательная. Снова стать Вианн, торговать чудесами, показывать людям, какое волшебство таится у них в душе...

Придется сказать ей. Нужно все это остановить. Она не виновата, но я не могу допустить, чтобы это продолжалось. Благочестивые все еще идут по нашему следу, пока они еще слепы, но тем не менее поразительно настойчивы. Я чувствую, как они подбираются все ближе сквозь туман, словно прощупывая воздух своими длинными пальцами и сразу замечая малейший проблеск, малейшее чудо.

— Я знаю, ты стараешься нам помочь, — начала я. — Но мы справимся и сами...

Она удивленно приподняла бровь.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

Выговорить это вслух у меня не хватило духу. Вместо этого я быстро начертала на крышке коробки с шоколадом магическую спираль...

- Ах вот ты о чем! Теперь понятно, какую помощь ты имела в виду. Она с любопытством на меня посмотрела. Но почему? Что случилось?
 - Ты все равно не поймешь.
- Почему же не пойму? спросила она. Мы же с тобой одного поля ягоды.
- Ничего подобного! Я сказала это слишком громко, почти выкрикнула, меня всю трясло. Я больше такими вещами не занимаюсь. Я самая обычная женщина. Да, обычная скучная женщина. Спроси кого

хочешь.

— Ну как угодно.

Сейчас это любимое выражение Анук, которое она произносит, презрительно пожимая плечами, — так ведут себя все девчонки-подростки, желая выразить свое неодобрение. Зози нарочно передразнила ее, и получилось смешно — вот только смеяться мне что-то не хотелось.

- Ты прости меня, сказала я. Я понимаю, ты нам добра хотела. Но дети они ведь все на лету подхватывают. Сперва это начинается как игра, а потом выходит из повиновения...
 - И что, именно так и случилось? Все вышло из повиновения?
 - Я не хочу говорить об этом, Зози.

Она присела рядом со мной.

— Ну же, Вианн. Неужели это настолько ужасно? Да нет, не может быть, и ты вполне можешь все рассказать мне.

Вот теперь я уже практически видела Благочестивых, различала их лица, их жадные руки. За лицом Зози сквозили их силуэты, слышались голоса, убеждающие, разумные, ужасно добрые...

— Я справлюсь, — повторила я. — Я всегда справлялась.

«Ах ты лгунья!»

Это снова прозвучал у меня в ушах голос Ру — и прозвучал так отчетливо, что я даже начала искать его глазами. Что-то слишком много здесь призраков, подумала я. И слишком много слухов о том, что где-то когда-то было, и, что гораздо хуже, о том, что могло бы быть.

«Уходи, — сказала я ему беззвучно. — Я теперь совсем другая. Оставь меня в покое».

Я справлюсь, — снова пробормотала я, старательно изображая улыбку.

— Если тебе когда-нибудь понадобится моя помощь...

Я кивнула:

— Я тебя о ней попрошу.

26 ноября, понедельник

Сегодня Сюзанна опять не пришла в школу. У нее вроде бы грипп, но Шанталь говорит, что не ходит она из-за волос. Она, правда, не мне это сказала: с тех пор как я подружилась с Жаном-Лу, она стала еще хуже ко мне относиться, хотя хуже, кажется, некуда.

Зато обо мне она говорит постоянно. Только и делает, что обсуждает мои волосы, мою одежду, мои привычки. Сегодня, например, я надела новые туфли (простые, довольно хорошенькие, но, конечно, не такие, как у Зози), так Шанталь весь день только об этих туфлях и говорила, спросила даже, где я такие купила и сколько они стоят, и мерзко захихикала (ее туфли куплены где-то на Елисейских Полях, но насчет цены она явно приврала: даже ее мать вряд ли выложила бы за них такие деньжищи). Потом она принялась выяснять, где меня стригут и сколько это стоит, и при этом опять мерзко хихикала...

Ну и зачем все это? Я спросила у Жана-Лу, и он сказал, что она, должно быть, очень неуверенно себя чувствует. Что ж, возможно, так и есть. Вот только у меня-то самой с прошлой недели одни неприятности. Из парты постоянно пропадают книги, портфель кто-то «случайно» переворачивает вверх дном, и все мои вещички разлетаются по полу. Те, к кому я всегда, в общем, хорошо относилась, ни с того ни с сего отказываются сидеть со мною рядом. А вчера Софи и Люси затеяли какуюто дурацкую игру с моим стулом: делали вид, будто обнаружили на нем клопов, и старательно отодвигались от меня как можно дальше, словно я внушаю им отвращение.

А потом у нас был баскетбол, и я, как всегда, оставила свои вещи в раздевалке, а после игры оказалось, что кто-то стащил мои новые туфли; я долго искала их повсюду, пока их не обнаружила Фарида — все исцарапанные, пыльные, они были засунуты за радиатор. Не сомневаюсь, это дело рук Шанталь, но доказать не могу.

Я просто знаю, что это она.

А потом она взялась за наш магазин.

— Я слышала, у вас там очень мило, — сказала она.

И я снова услышала этот ее гнусный смешок, словно слово «мило» — это некий пароль, известный только ей самой и ее друзьям.

— А как ваш магазин называется?

Мне не хотелось говорить, но я все же сказала.

— O-o-o! Мило, — сказала Шанталь, и они все опять подло захихикали — и она, и ее ближайшие подружки Люси и Даниэль, и прилипалы вроде Сандрин, которая раньше очень неплохо ко мне относилась, а теперь разговаривает со мной, только если поблизости нет Шанталь.

Все они теперь стали отчасти на нее похожи, словно быть Шанталь — это что-то заразное, вроде кори, только волшебной. Теперь у них у всех одинаковая укладка, будто утюгом заглаженная, волосы аккуратно подстрижены «лесенкой», и на конце каждой пряди легкий завиток. Все они душатся одними и теми же духами (на этой неделе это «Ангел»), все пользуются одинаковой помадой — жемчужно-розового оттенка. Я просто умру, если их все-таки занесет в наш магазин. Точно умру. Нет, в самом деле, лучше умереть, только бы не видеть, как они, хихикая, будут пялиться на меня, на Розетт, на маму, у которой руки по локоть выпачканы шоколадом, а в глазах светится надежда: «Это твои друзья?»

Вчера я рассказала об этом Зози.

— Ну, ты прекрасно знаешь, что делать, Нану. И это единственный способ. Тебе придется им противостоять. Ты должна дать им сдачи.

Я так и знала, что она это скажет. Зози — настоящий боец. Но есть такие вещи, которые невозможно изменить, просто демонстрируя свое к ним отношение. Я, разумеется, знаю, что стала гораздо лучше выглядеть после того нашего с ней разговора. Тут самое главное — держаться прямо и не забывать убийственно улыбаться. Я и одеваться стала так, как хочу сама, а не так, как советует мне мама; и хотя теперь я еще сильнее отдалилась от остальных, я все же чувствую себя намного лучше — я наконец почувствовала себя самой собой.

— Что ж, держишься ты в целом неплохо. Но порой, Нану, этого недостаточно. Я, например, еще в школе поняла: таких людей надо раз и навсегда ставить на место. И если уж они пользуются всякими грязными уловками, то... и тебе нужно просто сделать то же самое!

Ах, если б я могла!

— По-твоему, мне тоже ее туфли спрятать?

Зози по-особому, как умеет только она, посмотрела на меня и сказала:

- Нет, по-моему, прятать ее туфли вовсе не нужно!
- А что же мне тогда делать?
- Ты сама знаешь, Анни. Ты это уже делала.

Я вспомнила тот случай на автобусной остановке, Сюзи, ее волосы и то, что я тогда сказала...

Нет, это была не я! Я этого не делала.

Но потом я вспомнила Ланскне, и все те игры, в которые мы обычно играли, и Случайности Розетт, и Пантуфля, и то, что Зози сделала тогда в «Английском чае», и цвета ауры, и ту небольшую деревню на берегу Луары с маленькой школой и памятником участникам войны, и песчаные речные пляжи, и рыбаков, и кафе, принадлежавшее такой милой пожилой паре, и... как же она называлась, та деревушка?

«Ле-Лавёз», — словно шепнул мне кто-то.

- Ле-Лавёз, повторила я вслух.
- Нану, в чем дело?

У меня вдруг закружилась голова — совершенно ни с того ни с сего. Я плюхнулась на стул, покрытый разноцветными отпечатками маленьких ладошек Розетт и огромных ладоней Нико.

Зози внимательно посмотрела на меня, чуть прищурив свои голубые глаза, они у нее прямо-таки светились.

- Никой магии не существует, твердо сказала я.
- Нет, она существует, Нану.

Я молча покачала головой.

- Ты же прекрасно знаешь, что она существует.
- И буквально на минуту я почувствовала: да, она существует. Это было потрясающее ощущение и немного пугающее словно идешь по узенькому извилистому выступу на склоне крутого утеса, а внизу бьются и кипят океанские волны, и тебя от них отделяет только пустота.

Я посмотрела на нее и сказала:

- Я не могу.
- Почему?
- Но это же была просто случайность! изо всех сил выкрикнула я.

Глаза щипало, сердце бешено стучало в груди, и я все время чувствовала дуновение ветра, того ветра...

— Хорошо, Нану. Ладно. — Она обняла меня, и я спрятала разгоряченное лице у нее на плече. — Ты не должна делать ничего такого, чего тебе делать не хочется. Я обо всем позабочусь. Ох и клёво это будет!

Было так хорошо прижиматься щекой к ее плечу, закрыв глаза и

вдыхая аромат шоколада, пропитавший все вокруг, что я на какое-то время даже поверила: все действительно будет клёво, и Шанталь с компанией оставят меня в покое, и Зози останется рядом, и, значит, ничего плохого со мной больше никогда не случится...

Наверное, я все-таки понимала, что когда-нибудь они непременно к нам заявятся. Может, это Сюзи сказала им, где меня найти, а может, я сама это сделала — в те дни, когда еще надеялась с ними подружиться. И все же я испытала шок, увидев их всех возле нашего дома Они, должно быть, приехали на метро и рысью взбежали на Холм, рассчитывая застать меня врасплох, а потом...

— Эй, Анни! — окликнул меня Нико. Они с Алисой как раз собирались уходить. — У вас там целая компания собралась — наверное, твои школьные друзья, да?

Я заметила, что лицо у него несколько краснее обычного. Он, конечно, очень большой и толстый и от любых усилий всегда задыхается, но в данном случае покраснел он, когда и мне стало не по себе, — и по тому, как переменилось его лицо, какие красные сполохи замелькали в его ауре, я поняла: вот-вот случится беда.

И я в тот момент чуть было не изменила своим прежним взглядам. День вообще с самого утра совершенно не задался. Жан-Лу ушел домой еще с большой перемены — по-моему, к какому-то врачу, но что гораздо хуже, меня целый день доставала Шанталь. Гнусно улыбаясь, она без конца спрашивала: «А где же твой дружок?» — и все говорила, говорила: о деньгах, о подарках, которые получит на Рождество.

Возможно, как раз ей и принадлежала идея явиться сюда всем вместе. Так или иначе, а она уже поджидала меня, когда я приехала домой. И все они — Люси, Даниэль, Шанталь и Сандрин — сидели за столиком, заказав четыре бутылки кока-колы, и хихикали как сумасшедшие.

Пришлось войти. Спрятаться мне было негде, и, кроме того, кем нужно быть, чтобы попросту сбежать? Я пробормотала себе под нос: «Я великолепна», но, честно признаться, великолепной себя вовсе не чувствовала; на меня навалилась страшная усталость, во рту пересохло от волнения и почему-то слегка подташнивало. Больше всего мне в эту минуту хотелось сесть перед телевизором и смотреть вместе с Розетт какую-нибудь глупую передачу для малышни или хотя бы просто читать книжку...

Войдя, я услышала, как Шанталь говорит:

— Нет, вы видели, какой он величины?! — Она даже не говорила, а пронзительно вопила. — Прямо грузовик какой-то...

Она сделала вид, что удивлена, заметив меня. Вроде как удивлена.

— О, Анни! Это что, тоже твой дружок?

Ее прилипалы разразились мерзким хихиканьем.

— Он такой милый!

Я пожала плечами:

— Это просто наш друг.

Зози, сидя за прилавком, делала вид, что ничего не слышит. Она быстро глянула на Шанталь и спросила меня глазами: «Это она и есть?»

Я кивнула — с облегчением. Не знаю, чего я от нее ожидала — может, чтобы она прогнала всю эту стаю, или заставила их пролить свою коку, как ту официантку в «Английском чае», или просто сказала им: «Убирайтесь!»...

Так что меня страшно удивило, когда она, вместо того чтобы остаться и помочь, вдруг встала и сказала:

— Ты садись, поболтай с подружками. Если понадоблюсь, я на кухне, хорошо? Желаю приятно провести время.

И с этими словами она вышла — улыбаясь и подмигивая, словно полагала, что наилучший способ приятно провести время — это быть брошенной на съедение волкам.

27 ноября, вторник

Странно, как упорно она не желает признавать свои умения! Ведь дочь ее, похоже, готова все на свете отдать, чтобы стать такой, как она. А как странно Анук использует слово «случайность»...

Вианн тоже его использует, имея в виду вещи нежелательные или необъяснимые. Как будто в нашем мире, где все так тесно связано, где все так или иначе неким мистическим образом соприкасается, переплетается подобно разноцветным шелковым нитям в ткани гобелена, есть место случайностям! Нет, здесь ничто и никогда не бывает случайным, здесь никто никогда не исчезает бесследно. А мы, существа особые, способные многое увидеть, проходим по ткани жизни, собирая ее отдельные нити, сводя их воедино и создавая свои собственные небольшие узоры на кайме этого гигантского гобелена...

Разве это не чудесно, Нану? Это замечательное, гибельное, прекрасное, величественное искусство! Неужели ты не хочешь им овладеть? Неужели не хочешь отыскать свою собственную судьбу в этом спутанном клубке разноцветных нитей и самостоятельно придать ей форму — причем не случайно, а согласно определенному рисунку?

Она пришла ко мне на кухню минут через пять, бледная от гнева, который с трудом сдерживала. Уж я-то знаю, каково это мучительное ощущение собственной беспомощности, вызывающее тошноту и сердечную слабость.

— Тебе придется заставить их уйти, — заявила она. — Я не хочу, чтобы они были здесь, когда мама вернется.

Собственно, ее слова значили: «Я не желаю давать им дополнительный повод».

Но я, сочувственно на нее глянув, возразила:

— Они наши посетители. Что тут поделаешь?

Она продолжала молча смотреть на меня.

- Ну да, сказала я, с посетителями так не поступают. Тем более они твои подруги...
 - Никакие они мне не подруги!
- Ах так! Ну, в таком случае... Я сделала вид, что колеблюсь. Тогда вряд ли будет Случайностью, если мы с тобой... слегка вмешаемся.

Цвета ее ауры так и вспыхнули:

- Мама говорит, это опасно...
- Возможно, у мамы свои причины так говорить.
- Какие?

Я пожала плечами.

— Видишь ли, Нану, взрослые порой скрывают свои знания от детей, пытаясь их защитить. Но иногда получается, что они защищают не столько ребенка, сколько самих себя — от последствий этих знаний и умений...

Анни явно была озадачена моими словами.

— Ты думаешь, она мне лгала? — спросила она.

Я понимала, что это рискованно. Но я столько раз в своей жизни рисковала! И потом, она же сама хочет, чтобы ее соблазнили! Ведь в душе каждого нормального хорошего ребенка живет бунтовщик, таится желание стать первым среди ровесников, завоевать их авторитет, сбросить с пьедестала тех крошечных божков, которые называют себя нашими родителями.

Анни вздохнула.

- Ты не понимаешь...
- Нет, отлично понимаю! Ты просто боишься, сказала я. Боишься быть не похожей на других. Тебе кажется, что из-за этого ты сразу станешь изгоем.

Она задумалась, потом сказала:

- Дело не в этом.
- А в чем же?

Она посмотрела на меня. За дверью слышались пронзительные натужно-веселые голоса девчонок, у которых явно пропало всякое настроение.

Я сочувственно улыбнулась Анни и сказала:

— Ты же понимаешь, что в покое они тебя никогда не оставят. А теперь они узнали, где ты живешь, и могут вернуться в любое время. И они уже попробовали свои силы, пытаясь атаковать Нико...

Я заметила, как она встрепенулась. Я знаю, как сильно она его любит.

— Неужели ты хочешь, чтобы они приходили сюда каждый вечер?

Сидели здесь, смеялись над тобой...

- В таком случае мама заставит их уйти, сказала она, но голос ее звучал не слишком уверенно.
- И что тогда? спросила я. Я знаю, как это бывает. Так было и с нами, с моей матерью и со мной. Сперва всякие мелочи, на которые, как нам казалось, можно не обращать внимания: мелкие пакости вроде незначительных краж в магазине, мерзкие надписи на ставнях, сделанные ночью. В общем, все это можно терпеть, если так уж случилось. Это не очень приятно, но с этим можно жить. Только этим ведь никогда не кончается. Они никогда не сдаются. И на пороге твоего дома появляется собачье дерьмо, глубокой ночью раздаются странные телефонные звонки, в окна летят камни, а потом однажды в почтовый ящик на двери наливают бензин, и весь дом окутывают клубы дыма...

Мне тогда следовало знать заранее. Это ведь действительно чуть не случилось. Магазин, где продаются книги по оккультизму, всегда привлекает внимание, особенно если он находится не в центре, а на окраине. Письма в местные газеты, листовки, призывающие запретить празднование Хэллоуина, даже небольшой пикет у дверей магазина — написанные от руки плакаты и полдюжины правоверных прихожан, неистово требующих, чтобы наш магазин закрыли.

- Разве не так получилось в Ланскне?
- В Ланские было по-другому.

Ее взгляд метнулся к двери. Я прямо-таки чувствовала, как громоздятся одна на другую ее мысли, цепляясь за сказанное мною. И это было совсем близко, я его ощущала, как ощущается в воздухе статическое электричество...

— Сделай это, — сказала я ей.

Она посмотрела на меня.

— Сделай. Честное слово, этого не стоит бояться.

Глаза ее вспыхнули.

- Мама говорит...
- Родители знают далеко не все. И рано или поздно тебе все равно придется узнать, что значит самой о себе заботиться. Давай, Нану. Нельзя быть просто жертвой. Нельзя убегать от них и позволять им гнать тебя, точно свою добычу.

Она снова задумалась, но я видела, что доводы мои цели пока не достигли.

- Есть вещи похуже, чем просто бегство от кого-то, сказала она.
- Так говорит твоя мать, верно? Она поэтому имя себе переменила?

Поэтому и тебя сделала такой трусихой? Почему ты не хочешь рассказать мне, что с вами случилось в Ле-Лавёз?

Этот удар попал почти в яблочко. Но все же оказался недостаточно точен. На лице Анни появилось упрямое, заносчивое выражение, столь свойственное девочкам-подросткам и означающее примерно следующее: можете говорить сколько угодно...

В общем, я слегка ее подтолкнула. Совсем чуть-чуть. Заставила свои цвета переливаться, как радуга, стараясь выпытать ее тайну, какой бы она ни была...

И тут я вдруг кое-что увидела... всего несколько промельков, словно клочки тумана...

«Вода. Вот оно! Это какая-то река, — поняла я. — И какой-то серебряный амулет в виде маленькой кошечки... И все почему-то освещено огнями Хэллоуина». Я предприняла еще одну попытку, и на этот раз мне почти удалось добраться до сути... и вдруг...

БАМ!

У меня было такое ощущение, словно я прислонилась к ограде, сквозь которую пропущен электрический ток. Удар прошил меня насквозь и отшвырнул назад. Туман рассеялся, изображение расплылось, и каждая клеточка моего тела, казалось, звенела под воздействием электричества. Нутром я понимала, что это получилось непреднамеренно — просто произошел некий выброс внутренней энергии, долгое время запертой внутри; примерно то же бывает, когда ребенок в гневе топает ногами; ах, если бы у меня в ее возрасте было хотя бы вполовину столько энергии...

Анни смотрела на меня, стиснув кулаки.

Я улыбнулась ей и сказала:

— А ты молодец!

Она помотала головой.

- Да нет, конечно же, молодец! Просто умница! Возможно, ты даже лучше, сильнее меня. Дар, который...
- Да, правда. Голос ее звучал негромко, очень напряженно. Какой-то дар у меня есть. Но я бы предпочла, чтобы это были способности к танцам или к рисованию... акварельными красками. И, видимо о чемто вдруг вспомнив, она вздрогнула и спросила: Ты ведь маме не скажешь?
- А зачем мне ей говорить? сказала я. Да и что нового я могу ей сообщить? И кроме того, неужели ты считаешь, что хранить секреты умеешь только ты?

Она долго смотрела мне прямо в глаза.

Снаружи слышались завывания ветра.

— Они ушли, — сказала вдруг Анни.

И точно. Заглянув в магазин, я убедилась, что девчонки действительно ушли, оставив после себя легкий беспорядок: стулья не задвинуты, на столе полупустые бутылки; в воздухе все еще висел слабый аромат жевательной резинки и лака для волос, а также чуть сладковатый запах подросткового пота, чем-то напоминающий запах дешевого печенья.

- Они вернутся, мягко сказала я.
- А может, и нет, возразила Анни.
- Что ж, если тебе понадобится помощь...
- Я тебя о ней попрошу, сказала она.

«Попроси, попроси». Кто я тебе, крестная-волшебница, что ли?

Разумеется, вначале я поискала деревушку Ле-Лавёз в интернете, но ничего не нашла; никаких сведений о ней не было даже на туристском информационном сайте; и никаких упоминаний о празднике шоколада или о тамошней шоколадной лавке я тоже не обнаружила. Я стала искать еще, и в журнале но диетологии наткнулась на одно-единственное упоминание об имевшейся в Ле-Лавёз замечательной стерегіе и ее хозяйке, вдове по имени Франсуаза Симон.

А что, если она и есть Вианн, скрывающаяся под очередным вымышленным именем? Что ж, это вполне возможно; впрочем, более о хозяйке блинной там не было ни слова. Однако мне хватило одного телефонного звонка, чтобы вытянуть ниточку из клубка и начать его разматывать. На мой звонок ответила сама Франсуаза. Голос ее в трубке звучал сухо и подозрительно. Судя по голосу, ей лет семьдесят. Я сказала, что я журналистка. Но в ответ на мои вопросы она заявила, что никогда даже не слышала о Вианн Роше. А о Янне Шарбонно? И о ней тоже. До свидания.

Ле-Лавёз, насколько я поняла, — селение крошечное, его даже и деревней-то назвать трудно. Там имеется церковь, пара магазинов, кафе, блинная, памятник погибшим на войне. Вокруг в основном возделанные поля, подсолнечник, кукуруза и фруктовые деревья. Рядом бежит река, точно длинная коричневая собака. Ничего особенного там нет — так, во всяком случае, вам показалось бы; и все же в самом этом названии мне слышится некий отзвук. Некий отблеск воспоминаний. Нечто похожее на новостную «бомбу»...

Я пошла в библиотеку и попросила кое-что принести мне из архивов. У них имеется полная подшивка «Уэст-Франс» — и на диске, и на

микрочипе. Я начала просматривать газеты вчера в шесть вечера, два часа искала, а потом пошла на работу. Завтра снова буду искать — и послезавтра, и потом, — пока не обнаружу искомое, чем бы оно ни оказалось. Ясно, что ключ именно там, в этой деревне Ле-Лавёз, на берегу Луары. И я этот ключ заполучу, а там — кто знает, какие тайные дверцы можно им отпереть?

Но в мыслях я все время возвращаюсь к Анни, к тому, как вчера вечером она мне сказала: «Я попрошу тебя о помощи». Но ведь для такой просьбы должна возникнуть необходимость — причем настоящая необходимость, куда более серьезная, чем те мелкие неприятности, которые доставляют ей соученицы в лицее Жюля Ренара. Что-нибудь вроде принесенного им ветром предостережения, которое заставило бы их обеих броситься в объятия их доброго старого друга Зози.

Я знаю, чего они боятся.

Но что им необходимо?

Сегодня в полдень, оставшись в магазине одна — Вианн повела Розетт на прогулку, — я решила подняться наверх и порыться в ее вещах. Разумеется, с величайшей осторожностью; моя цель — отнюдь не банальная кража, это нечто куда более серьезное и глубокое. Оказывается, вещей у Вианн совсем немного, гардероб еще более примитивный, чем у меня; на стене картина в рамке (скорее всего, купленная на блошином рынке); на кровати лоскутное покрывало (по-моему, самодельное); три пары туфель — и все черные, вот скука! — но под кроватью наконец-то кое-что весьма ценное: деревянная шкатулка размером с коробку из-под обуви, в которую сложен всякий памятный хлам.

Впрочем, вряд ли Вианн Роше считает это хламом. Уж я-то, живущая за счет разнообразных сумок и шкатулок, отлично знаю: у таких людей ненужных вещей не бывает. В этой деревянной шкатулке — разрозненные фигурки паззла ее жизни, эти вещички она никогда бы просто так не выбросила, ведь в них ее прошлое, ее биография, ее тайная сущность.

Я открывала шкатулку с величайшей осторожностью. Вианн — человек скрытный, а значит, подозрительный. Она наверняка в точности помнит, что и как там лежало, помнит место каждого клочка бумаги, каждой вещички, каждой ниточки, каждой газетной вырезки, каждой пылинки. И сразу все поймет, если что-то положить не так, но, во-первых, у меня блестящая зрительная память, а во-вторых, я вовсе и не собираюсь ничего там ворошить.

И вот я достаю их наружу, одно за другим, краткие свидетельства

жизненного пути Вианн Роше. Сверху лежит колода карт Таро — ничего особенного, обычная колода, некогда купленная в Марселе, многократно использованная и пожелтевшая от времени.

Под ней — документы: паспорт на имя Вианн Роше и свидетельство о рождении Анук под той же фамилией. Значит, Анук превратилась в Анни, думала я, точно так же, как Вианн стала Янной. На Розетт никаких документов нет, что странно, но есть устаревший паспорт на имя Жанны Роше, который, как я догадываюсь, мог принадлежать матери Вианн. Судя по фотографии, Вианн не слишком похожа на мать — но ведь и Анук с Розетт тоже не очень-то похожи. Выцветшая ленточка, на которой висит амулет в виде кошечки. Затем — несколько фотографий, в целом их не больше дюжины. На них я узнаю Анук в значительно более юном возрасте, молодую Вианн, молодую Жанну. Все снимки черно-белые. Они аккуратно сложены и перевязаны лентой вместе с несколькими довольно-таки старыми письмами и тонкой пачечкой газетных вырезок. Я осторожно и быстро их просматриваю, очень стараясь не надорвать пожелтевшие края и истончившиеся сгибы, и обнаруживаю заметку о празднике шоколада в Ланскне-су-Танн, вырезанную из какой-то местной газеты. Текст почти такой же, как тот, с которым я уже знакома, но фотография гораздо больше; на ней Вианн и еще двое — мужчина и женщина; у женщины длинные волосы, а одета она в какую-то куртку или полупальто из шотландки; мужчина смущенно улыбается в объектив камеры. Возможно, это ее друзья? Но никаких имен в статье нет.

Затем вырезка из парижской газеты, хрупкая, коричневая от старости, похожая на сухой листок. Ее даже разворачивать страшно, впрочем, я и так уже поняла, что речь в ней идет о пропавшем ребенке. Это маленькая девочка по имени Сильвиан Кайю, более тридцати лет назад украденная прямо из прогулочной коляски. А вот и относительно недавняя вырезка — заметка о странном урагане, внезапно обрушившемся на Ле-Лавёз, крошечную деревушку на берегу Луары. С виду предметы самые обычные, но, видимо, настолько важные для Вианн Роше, что она в течение стольких лет носит их при себе, спрятав в эту шкатулку — которую, впрочем, довольно давно уже не брала в руки, насколько можно судить по толстому слою пыли...

Так вот каковы призраки твоего прошлого, Вианн Роше. Какими же они кажутся скромными, даже странно. Мои, например, куда более впечатляющи, но опять же, с моей точки зрения, скромность — добродетель все-таки второсортная. Ты, Вианн, могла бы достигнуть и куда больших успехов. Впрочем, еще не все потеряно, еще, возможно, и

достигнешь — с моей помощью.

Прошлой ночью я много часов просидела перед своим ноутбуком, без конца пила кофе, смотрела в окно на неоновые огни и снова возвращалась к одному и тому же, так и не решенному вопросу. Ведь ничего больше ни о Ле-Лавёз, ни о Ланскне я так и не нашла. И уже готова была поверить, что Вианн Роше — столь же неуловимое существо, как и я сама, некий изгой, обосновавшийся на Монмартрском холме, не имеющий прошлого и абсолютно неприступный для любопытствующих.

Чушь, конечно. Ничего абсолютно неприступного не существует. Однако, исчерпав все прямые пути расследования, я поняла: у меня остался лишь один способ выведать все; как раз это и повергло меня в бесконечные размышления и сомнения чуть ли не до утра.

Дело, разумеется, вовсе не в том, что я чего-то боюсь. Но подобный способ порой может оказаться весьма ненадежным и вызывает больше вопросов, чем дает ответов, — ну а если Вианн в чем-то меня заподозрит, то у меня вообще не останется никаких шансов на то, чтобы к ней подобраться.

И все же, что за игра без риска? Я давным-давно уже не заглядывала в магический кристалл — моя Система основывается скорее на практических методах, а не на колокольчике, книге и свече; в девяти случаях из десяти куда быстрее получить ответ на свой вопрос в интернете. Но теперь, видимо, пора все же применить творчество.

Порция корня кактуса, высушенного, измельченного в порошок и растворенного в горячей воде, отлично помогает достичь необходимого состояния ума. Это pulque, пульке, волшебный возбуждающий напиток из агавы, придуманный ацтеками и слегка усовершенствованный мною исключительно в личных целях. Затем изобразим символ Дымящегося Зеркала прямо на пыльном полу под ногами, сядем по-турецки, пристроим перед собой ноутбук, включим на экране подходящую абстрактную картинку и подождем озарения.

Моя мать, безусловно, подобный способ не одобрила бы. Она всегда предпочитала использовать для предсказаний и пророчеств традиционный хрустальный шар, хотя в случае необходимости соглашалась и на более «дешевые» способы — применение магических зерцал или карт Таро; в конце концов, она же собирала подобные вещи. Но если они когда-либо и вызывали у нее настоящее озарение, то я, совершенно определенно, никогда и ничего об этом не слышала.

Немало весьма распространенных мифов связано с гаданием по магическому кристаллу. Например, в одном из них утверждается, что для

этого необходимо некое специальное устройство. Ничего подобного! Вполне достаточно просто закрыть глаза, хотя мне, пожалуй, даже нравятся те образы, что возникают, когда смотришь на «рябой» экран телевизора, ненастроенного ни на один конкретный канал, или следишь за «вспышками» на экране компьютера, когда он работает в режиме экономии. В общем, это некая система, подобная многим другим, когда аналитическому, левому полушарию мозга предлагается занять себя чемнибудь совершенно тривиальным, пока творческое, правое полушарие ищет решение.

А затем...

Просто происходит некий сдвиг. И возникает ощущение полета.

Ощущение довольно приятное, и оно усиливается по мере того, как начинает действовать наркотик. Сперва просто немного теряешь ориентацию: пространство вокруг тебя как бы раздвигается, и ты, даже не отрываясь от экрана, отчетливо понимаешь, что комната становится значительно просторнее, стены сперва отступают от тебя все дальше, а потом с грохотом взрываются...

Стараясь дышать как можно глубже, я думаю о Вианн.

Ее лицо передо мной на экране компьютера, изображение напоминает графический портрет, выполненный сепией, или газетную фотографию. Краем глаза я замечаю, что вокруг кружат огоньки, которые, точно светлячки, и меня пытаются втянуть в свой круг.

В чем же твоя тайна, Вианн?

А твоя, Анук?

Что вам нужно?

Дымящееся Зеркало точно заволакивает дрожащей пеленой. Возможно, это связано с действием наркотика, этакая визуальная метафора, ставшая реальностью. На экране компьютера появляется лицо, это Анук, изображение четкое, как на фотографии. Затем я вижу Розетт с кисточкой для рисования в руке. Затем — выцветшую почтовую открытку с пейзажем Роны и серебряный браслетик, слишком маленький для руки взрослого человека, на нем подвеска — амулет в виде кошечки.

И вдруг — волна воздуха, взрыв аплодисментов, хлопанье невидимых крыльев. Я чувствую, что вплотную подобралась к чему-то важному. Да, теперь я это вижу — передо мной корпус какого-то судна, довольно длинного, с низкой посадкой, тихоходного. И какую-то надпись, нацарапанную весьма небрежно...

«Кто? — спрашиваю я. — Кто это, черт побери?»

Но ответа на светящемся экране нет. Лишь слышится шипение

рассекаемой судном воды, пение двигателя и гребного винта, а потом все эти звуки постепенно тают, растворяясь в невнятном гудении компьютера, работающего в щадящем режиме, в проблесках, что скользят по экрану, в зарождающейся головной боли.

Шалтай-Болтай сидел на...

Я же говорила: этот способ не всегда дает ожидаемые результаты.

И все же кое-что мне, кажется, узнать удалось. Кто-то направляется сюда. Кто-то подходит все ближе и ближе. И этот «кто-то» из их прошлого. И его приближение связано с неприятностями, тревогой, беспокойством.

Ничего, еще один удар — и все будет кончено, Вианн. Мне просто нужно распознать еще одну твою слабость. И тогда пиньята раскроется, выпустив наружу все свои тайны и сокровища; и жизнь Вианн Роше — не говоря уж о ее чрезвычайно талантливой дочке — наконец-то окажется у меня в руках.

28 ноября, среда

Первая жизнь, которую я украла, принадлежала моей матери. Знаете ли, всегда помнишь то, что было у тебя впервые, в том числе и свою первую кражу, даже если она была весьма некрасивой, неэлегантной. Тогда я, впрочем, отнюдь не воспринимала это как кражу, просто мне пришлось спасаться бегством, а материн паспорт валялся без употребления, и сбережения ее в банке тоже пропадали зря, да и сама она, пожалуй, была все равно что мертвая...

Мне тогда едва исполнилось семнадцать. Я, впрочем, могла выглядеть и старше — что делала довольно часто, — и моложе, когда это было необходимо. Люди редко видят то, что есть на самом деле, а не то, что им кажется. Они видят только то, что мы позволяем им увидеть: красоту, старость, молодость, мудрость и даже способность забывать, если возникнет такая необходимость, — и я, постоянно практикуясь, сумела довести владение этим искусством почти до совершенства.

Судно на воздушной подушке легко перенесло меня через пролив, и я оказалась во Франции. На судне мой украденный паспорт не вызвал ни малейших подозрений; они едва на него взглянули. Я, собственно, на это и рассчитывала. Умело наложенный грим, соответствующая прическа и пальто моей матери довершили иллюзию. Остальное, как говорится, зависело от моей сообразительности.

Разумеется, в те дни служба безопасности на многое смотрела сквозь пальцы. Я пересекла границу, не имея никаких пожитков, если не считать двух первых амулетов на моем браслете — это были гробик и туфельки; я практически не говорила по-французски, и у меня было всего шесть тысяч фунтов, которые я ухитрилась-таки снять со счета моей матери.

Я восприняла все это как некий вызов судьбы. Нашла работу на маленькой текстильной фабрике в пригородах Парижа. Сняла комнату на

пару со своей товаркой, двадцатичетырехлетней Мартин Маттье, родом из Ганы, ожидавшей шестимесячного разрешения на работу. Я сказала ей, что мне двадцать два года и я из Португалии. И она мне поверила — впрочем, может, мне это только показалось. Держалась она вполне дружелюбно, а я чувствовала себя ужасно одинокой и доверилась ей. Я совершенно утратила всякую осторожность, и это, пожалуй, было моей единственной ошибкой. Мартин, особа чрезвычайно любопытная, порылась в моих вещах и обнаружила документы моей матери, которые я спрятала на дно самого нижнего ящика своего комода. Не знаю, зачем я вообще их сохранила. То ли из-за простой беспечности или лени, то ли повинуясь абсолютно неуместной ностальгии. Я, совершенно определенно, не собиралась впредь пользоваться материным удостоверением личности — слишком уж легко прослеживалась связь с той историей в Сент-Майклз-он-зе-Грин. Но мне не повезло: Мартин, взглянув на фотографию, сразу вспомнила, что где-то читала о случившемся там, и, разумеется, связала это со мной.

Вы должны понять: я была еще слишком юна. И стоило Мартин пригрозить мне полицией, как я попросту впала в панику. Она отлично это поняла и тут же воспользовалась моей беспомощностью, потребовав, чтобы я каждую неделю отдавала ей половину зарплаты. Это было самое настоящее вымогательство, вымогательство в чистом виде. Но я все терпела — а что еще я могла сделать?

Ну, наверное, я могла бы убежать. Но следует учесть: я и тогда уже была достаточно упорной. И что самое главное, жаждала мести. Так что я каждую неделю покорно платила Мартин ее «дань», вела себя тише воды ниже травы, терпела все ее выходки, убирала ее постель, готовила ей обед — в общем, ждала благоприятного случая. А когда Мартин наконец получила долгожданные документы, я в ее отсутствие позвонила на работу, сказалась больной и полностью обчистила квартиру, прихватив все, что могло мне пригодиться (прежде всего деньги, паспорт и удостоверение личности), а потом я донесла и на Мартин, и на наше потогонное предприятие, и на всех прочих моих сотоварищей по работе в иммиграционную службу.

Это Мартин подарила мне третий амулет — серебряную подвеску в виде солнечного диска, которую я легко приспособила к своему браслету. К этому времени начало моей коллекции жизней и амулетов было уже положено, и каждую из своих новых жизней я отмечала очередной побрякушкой на своем браслете. Уж такую-то капельку тщеславия я могу себе позволить — эти вещички напоминают мне, какой далекий путь я уже прошла.

Разумеется, паспорт матери я сожгла. Мало того что он вызывал у меня весьма неприятные воспоминания, еще и слишком опасно было бы поступить иначе. Итак, на моем счету появилась первая победа, благодаря которой я кое-чему научилась и поняла: когда на карту поставлена чья-то жизнь, ни о какой ностальгии и речи быть не может.

С тех пор призраки этих людей напрасно преследуют меня. Духи ведь способны двигаться только по прямой (так, по крайней мере, считают китайцы), и Холм с его бесконечными террасами, лесенками и извилистыми улочками служит мне идеальным убежищем — здесь способен заблудиться любой призрак.

Я, во всяком случае, надеюсь, что это так. Вчера в вечерней газете опять была опубликована фотография Франсуазы Лавери. Снимок, похоже, несколько подчистили, и теперь на нем не так заметно «зерно», но лицо Франсуазы все же слегка напоминает лицо Зози де л'Альба.

Однако, согласно произведенным расследованиям, «настоящая» Франсуаза умерла примерно год назад при обстоятельствах, которые теперь представляются весьма подозрительными. Сообщается, что после смерти мужа она долгое время пребывала в тяжелой депрессии, ставившей под угрозу ее здоровье, и умерла от передозировки одного средства, которую сочли случайной, но которая, естественно, вполне могла быть и преднамеренной. Соседка Франсуазы, девушка по имени Полетт Ятофф, куда-то исчезла вскоре после ее смерти, и о ней долгое время не было ни слуху ни духу, а потом кто-то обнаружил, что они с Франсуазой были близкими подругами.

Ну вы ж понимаете: некоторым людям ничем не поможешь. И ей-богу, я была о Франсуазе лучшего мнения. Эти «серые мышки» способны порой продемонстрировать неожиданную внутреннюю силу — впрочем, Франсуаза явно к таковым не относится. Бедная Франсуаза!

И все же я по ней совсем не скучаю. Мне нравится быть Зози. А Зози, разумеется, нравится всем — понимаете, она ведь такая естественная, и ей плевать, что о ней думают другие. Она настолько отличается от мисс Лавери, что вы не заметите между ними ни малейшего сходства, даже если сядете рядом ней в метро.

И все же для полной уверенности я перекрасила волосы. Впрочем, мне идет быть брюнеткой. С темными волосами я выгляжу француженкой — или, скажем, итальянкой; они придают моей коже жемчужный оттенок, да и цвет глаз отлично подчеркивают. В общем, вполне подходящий вид для той, кем я сейчас являюсь, — да и мужчинам нравится, что тоже, согласитесь, приятно.

Проходя мимо художников, сгорбившихся под зонтами на залитой дождем площади Тертр, я помахала рукой Жану-Луи, и он приветствовал меня своей обычной фразой:

- А я как раз тебя жду!
- Ты, видно, никогда не сдаешься, сказала я.

Он усмехнулся.

— А ты бы сдалась? Нет, сегодня ты просто великолепна! Как насчет быстрого наброска в профиль? Он бы отлично смотрелся на стене твоего шоколадного магазина.

Я засмеялась.

— Во-первых, это не мой магазин. А во-вторых, я подумаю и, возможно, соглашусь немного тебе попозировать, но только при условии, что ты непременно отведаешь моего горячего шоколада.

Так-то вот, сказала бы Анук. Еще одна маленькая победа нашей chocolaterie. Жан-Луи и Пополь, разумеется, пришли, они заказали по чашке шоколада, а потом проторчали еще целый час, и Жан-Луи успел не только мой портрет набросать, но и еще два: молодой женщины, которая зашла, чтобы купить трюфелей, и быстренько сдалась под безудержным напором его болтовни, и Алисы. Причем портрет Алисы, повинуясь внезапному порыву, оплатил Нико, как всегда зашедший купить свое любимое миндальное печенье.

— Не найдется ли у вас в доме комнатки для художника? — спросил Жан-Луи, собираясь уходить. — Это же просто удивительное место. И оно так сильно переменилось в последнее время...

Я улыбнулась.

— Я рада, что тебе у нас нравится, Жан-Луи. Надеюсь, что и всем остальным тоже.

Ну разумеется, я не забыла, что в субботу из Лондона возвращается Тьерри. Боюсь, что ему как раз покажется, что все здесь переменилось слишком сильно, — бедный, романтичный Тьерри со своими деньжищами и старомодными представлениями о женщинах!

Есть в Вианн нечто сиротское, вот это-то его сразу и привлекло: знаете, храбрая молодая вдова, в одиночку сражающаяся с тяготами жизни... Сражающаяся, впрочем, не слишком успешно; храбрая и энергичная, но в целом весьма уязвимая. В общем, типичная Золушка, ждущая своего принца.

Вот что ему нравится в ней больше всего. В своих фантазиях он спасает ее — вот только от чего? Понимает ли он, от чего ее нужно спасать? Да он никогда об этом и заговорить-то не посмеет, он даже мысли

такой не допустит — и никогда даже себе самому в этом не признается. По цветам его ауры это сразу видно: он — человек в высшей степени самоуверенный, добродушный и ни капли не сомневающийся в том, что с помощью своих денег и своего обаяния добьется чего угодно, — причем последнее его качество Вианн ошибочно принимает за покладистость.

Интересно, как он себя поведет теперь, когда ее chocolaterie стала пользоваться таким успехом?

Надеюсь, это его не слишком разочарует.

1 декабря, суббота Эсэмэска, пришедшая вчера вечером от Тьерри:

«Я видел 100 каминов, но ни один из них не согрел моего сердца.

М. б., я просто скучаю п. т.? Увидимся завтра. Люблю,

 $T.\gg$

Сегодня идет дождь, это даже не дождь, а противная призрачная морось, внизу, у подножия Холма, превращающаяся в густой влажный туман, зато наша chocolaterie среди безлюдных мокрых улиц выглядит просто волшебно, и вывеска над ней так и сияет. Сегодня спрос превзошел все ожидания: только за утро больше дюжины покупателей! Причем эти люди по большей части зашли случайно. Впрочем, приходили и постоянные наши клиенты.

Все произошло так быстро! Двух недель не прошло — а перемены просто удивительные. Возможно, все дело в новом облике нашего магазина, или в запахе растопленного шоколада, или в убранстве витрины, от которой просто глаз не отвести.

Но так или иначе, а клиентура наша увеличилась во много раз; теперь к нам заходят и местные жители, и туристы; а то, что началось с моего невинного желания вспомнить старые навыки, превратилось в постоянную занятость, поскольку мы с Зози пытаемся соответствовать растущему спросу на мой шоколад домашнего приготовления.

Сегодня, например, мы успели сделать чуть ли не сорок коробок различных лакомств. Из них пятнадцать — трюфели (они по-прежнему отлично продаются), но есть и шоколадки с кокосовой стружкой и с вишнями, и цукаты из апельсиновых корочек в горьком шоколаде, и помадка, и засахаренные фиалки. А также мы сделали штук сто lunes de miel [43], это такие кругленькие шоколадки, где на темном фоне изображена в профиль светлая растущая луна.

Это же такое удовольствие — купить целую коробку! Самому со вкусом выбрать шоколадки, а потом смотреть, как их аккуратно укладывают, точно в гнездышки, в ячейки из хрустящей темно-красной бумаги, и думать, какой формы коробка лучше — в виде сердца, круглая или квадратная. И при этом — вдыхать смешанный аромат сливок, карамели, ванили и темного рома. Затем выбрать ленту, оберточную бумагу и попросить, чтобы сверток из шелковистой рисовой бумаги украсили цветком или бумажным сердечком... Ах, как я соскучилась по всему этому! Я ведь не занималась ничем подобным с тех пор, как родилась Розетт. И тосковала по жару разогретой медной сковороды. По запаху растопленной глазури. По своим керамическим мискам и формочкам, знакомым мне с детства и горячо любимым — так любят издавна хранящиеся в семье елочные игрушки, которые передаются из поколения в поколение. Эта звездочка, этот квадратик, этот кружок... У каждого из этих предметов свое предназначение, каждый жест, связанный с ними и столько раз в жизни повторенный, содержит целый мир воспоминаний.

У меня почти нет фотографий. Нет альбомов, нет памятных подарков, если не считать тех немногочисленных вещиц, что хранятся в шкатулке моей матери: карты, несколько газетных вырезок, амулет в виде кошечки. Мои воспоминания хранятся в другом месте. Я могу вспомнить каждый шрам, каждую царапину на деревянной ложке или медной сковороде. Эта плоская лопаточка — самая моя любимая. Ру вырезал ее из цельного куска дерева, и она мне как раз по руке. А этот красный шпатель — единственная вещь в моем хозяйстве, сделанная из пластмассы, но этот шпатель я помню с раннего детства, это подарок одного пражского зеленщика. Вон той эмалированной кастрюлькой со щербатым краем я всегда пользовалась, чтобы сварить горячий шоколад для Анук: в те дни для нас так же невозможно было позабыть об этом ритуале, совершаемом дважды в день, как для кюре Рейно — пропустить церемонию первого причастия...

Каменная плита, на которой я охлаждаю растопленный шоколад и делаю смеси, вся покрыта крошечными пересекающимися зарубками. Я могу читать по ним лучше, чем по собственной ладони, хотя ни того ни

другого стараюсь не делать. Я бы предпочла ничего не знать о своем будущем. Мне и настоящего более чем достаточно.

— A что, сама chocolatiere^[44] дома?

Голос Тьерри не узнать невозможно: грубоватый, громкий, дружелюбный. Я услышала его из кухни (делала там шоколадные конфеты с ликером, самые трудоемкие). Звон колокольчиков, топот ног — и тишина: он явно озирался, рассматривая новый интерьер.

Я вышла из кухни, вытирая о фартук испачканные шоколадом руки.

— Тьерри!

Я поцеловала его, расставив руки в стороны, чтобы не испачкать ему костюм.

Он усмехнулся.

- Боже мой! Да ты тут и впрямь все переделала!
- Тебе нравится?
- Ну... все стало... как-то по-другому.

Возможно, мне показалось, но в его голосе послышалось нечто вроде легкого страха, когда он осматривал яркие стены с нанесенным по трафарету рисунком, мебель с отпечатками ладошек, старые кресла в пестрых накидках, горшочек с горячим шоколадом и чашки на трехногом столике, яркую витрину с красными туфельками Зози, возвышающимися над горой «сокровищ» в красивых конфетных обертках.

— Это просто...

Он запнулся, и я перехватила его взгляд, быстро брошенный на мою руку. Заметив отсутствие кольца, он слегка поджал губы, как всегда, когда ему что-нибудь не нравится, но голос его, впрочем, прозвучал достаточно тепло, когда он сказал:

- Потрясающе! Вы же просто настоящее чудо здесь сотворили.
- Шоколад? спросила Зози, наливая ему чашечку.
- Я... не... ну ладно, выпью.

Она поставила перед ним кофейную чашку, положила на блюдце один из моих трюфелей и, улыбаясь, сказала:

— Это наше фирменное угощение.

А Тьерри еще раз осмотрелся, окинул взглядом сложенные стопкой коробки, стеклянные блюда, всевозможные леденцы и помадки, ленты, розетки, сухое печенье, засахаренные фиалки, белый шоколад, темные ромовые трюфели, шоколадки с перцем чили, лимонное парфе и кофейный торт. Выражение лица у него было туповато-изумленное, растерянное.

- Неужели все это ваших рук дело? спросил он наконец.
- А что ты так удивляешься? пожала я плечами.

- Но это, наверное, только по случаю Рождества? Он слегка нахмурился, увидев ценник, прикрепленный к коробке шоколадок с перцем чили. И что, действительно покупают?
 - Все время, с улыбкой ответила я.
- Но ведь этот ремонт, должно быть, стоил тебе целого состояния покраска стен, украшение витрины...
- Мы сами все сделали. И каждый принимал в этом посильное участие.
- Что ж, здорово у вас получилось. Потрудились, как говорится, на славу.

Тьерри сделал глоток шоколада, и я в очередной раз заметила, как неприязненно он поджал губы.

- Знаешь, тебе вовсе не обязательно это пить, если не нравится, сказала я, стараясь скрыть раздражение. Если ты предпочитаешь кофе, я с удовольствием тебе его приготовлю.
 - Нет, что ты, очень вкусно.

Он сделал еще глоток. Врать он все-таки совершенно не умеет. Я понимаю, его честность должна бы мне нравиться, но от нее мне почему-то становится не по себе. Тьерри, несмотря на внешнюю самоуверенность, страшно уязвим и к тому же совершенно не в состоянии понять, откуда дует ветер.

- Просто я очень удивлен всеми этими переменами. Ведь за какие-то две недели все здесь настолько изменилось...
 - Не все, улыбнулась я.

И заметила, что Тьерри не улыбнулся в ответ.

- Как было в Лондоне? Чем ты занимался?
- Навестил Сару. Рассказал ей о свадьбе. Безумно скучал по тебе.

Я снова улыбнулась и спросила:

— А как поживает твой сын Алан?

Этот вопрос все же заставил его улыбнуться. Он всегда улыбается, стоит мне упомянуть о его сыне, хотя сам редко говорит о нем. Я часто задавалась вопросом: а хорошо ли они друг с другом ладят? Пожалуй, при упоминаниях о сыне его улыбка как-то чересчур широка. А если Алан такой же, как его отец, то при подобном личностном сходстве они вряд ли могли стать друзьями.

Я заметила, что мой трюфель он даже не попробовал. И немного смутился, когда я сказала ему об этом.

— Ты же знаешь, Янна, я не большой любитель сладкого.

И снова та же широкая улыбка, как при разговорах о его сыне. А

вообще-то заявление просто смешное: ведь всем известно, какой Тьерри сластена, впрочем, он действительно немного этого стесняется, словно, узнав, что он любит молочный шоколад, кто-то может поставить под сомнение его мужественность. Однако мои трюфели из темного шоколада и, возможно, чересчур сдобрены пряностями, так что их сильный аромат и легкая горчинка вполне могут быть ему неприятны...

Я протянула ему плитку молочного шоколада и сказала:

— Возьми-ка лучше вот это. Я все твои мысли давно прочитала.

Но тут с залитой дождем улицы в дом вошла Анук, растрепанная, пахнущая мокрой листвой, держа в руке бумажный кулек с горячими жареными каштанами. Несколько дней назад торговец каштанами установил свой лоток прямо напротив Сакре-Кёр, и Анук, проходя мимо, каждый раз покупает у него пакетик. Настроение у нее сегодня было прекрасное, и она чем-то походила на случайно залетевший сюда яркий елочный шарик — в своем красном пальтишке, зеленых штанах, с пышными вьющимися волосами, покрытыми каплями дождя.

— Приветствую вас, jeune fille! — сказал ей Тьерри. — Где это вы были, сударыня? Вы же насквозь промокли!

Анук по-взрослому глянула на него и заявила:

— Мы с Жаном-Лу гуляли на кладбище. И ничуть я не промокла! Это же анорак! Он воду не пропускает.

Тьерри рассмеялся.

- Ах, вы опять посетили этот некрополис! Тебе известно значение слова «некрополис», Анни?
 - Естественно! Город мертвых.

Лексикон Анук — и всегда-то весьма неплохой — теперь еще обогатился благодаря постоянному общению с Жаном-Лу Рембо.

Тьерри в притворном ужасе закатил глаза:

- Ну и мрачное место ты выбрала для прогулок с друзьями!
- Жан-Лу фотографировал кладбищенских котов.
- Ах вон оно что? удивился Тьерри. Ну что ж, если ты в состоянии снова выйти из дома, то я заказал нам столик в «Розовом доме»...
 - Столик? Теперь уже удивилась я. Но магазин...
- Ничего, я буду держать оборону, тут же сказала Зози. А вы немного развлекитесь.
 - Ну что, Анни? Ты готова? спросил Тьерри.

Я заметила, какой взгляд метнула в его сторону Анук. В нем сквозило не то чтобы презрение — скорее, пожалуй, возмущение. Впрочем, я не слишком удивилась: все-таки у Тьерри — даже при самых добрых

намерениях — отношение к детям весьма старомодное. Анук, должно быть, чувствует, что у него не встречают особого одобрения некоторые ее привычки — например, бегать где-то под дождем с Жаном-Лу, часами торчать на старом кладбище (где собираются всякие бродяги и отщепенцы) или играть в разные шумные игры с Розетт.

— Может, ты лучше платье наденешь? — предложил он.

Теперь она уже почти не скрывала своего возмущения.

— По-моему, я и так хорошо одета!

Честно говоря, мне тоже так кажется. В таком городе, как Париж, где первостепенным правилом является элегантный конформизм в одежде, Анук осмеливается проявлять воображение. Возможно, это влияние Зози, но то предпочтение, которое Анук оказывает совершенно не сочетающимся друг с другом цветам, и недавно возникшая у нее привычка чем-нибудь украшать свою одежду — ленточкой, каким-то значком, куском блестящего галуна — придают ее облику некоторое буйство, какого я в ней не замечала со времен Ланскне.

Возможна именно их она и пытается вернуть — те времена, когда все в ее жизни было гораздо проще. В Ланские Анук бегала, где хотела, целыми днями играла на берегу реки, без конца болтала с Пантуфлем, была зачинщицей всевозможных игр — в крокодилов, в пиратов — и вечно пребывала в немилости у школьных учителей.

Но то был совершенно другой мир. Если не считать речных цыган — всегда пользовавшихся дурной репутацией и порой действительно не слишком честных, но, безусловно, ни для кого не опасных, — в Ланскне чужие люди практически не появлялись. Там никто и не думал запирать двери, там даже все собаки были знакомыми.

— А в платье я ходить не люблю! — заявила Анук.

Даже не глядя на Тьерри, я чувствовала его неодобрение. В мире Тьерри девочки обязаны носить платья — между прочим, за последние полгода он сам купил несколько штук и для Анук, и для Розетт в надежде, что я пойму намек.

Тьерри наблюдал за мной, поджав губы.

- Знаешь, я, в общем, и есть-то не хочу, сказала я. Может, нам лучше просто пойти погулять, а потом по пути что-нибудь перехватить в кафе? Пойдем в парк Тюрлюр или...
 - Но я же столик заказал! возмутился Тьерри.

Я не выдержала и расхохоталась, такое у него было выражение лица. В мире Тьерри все должно делаться по плану. Для всего существуют свои правила, свои графики, и все их нужно выполнять, и следовать всегда

нужно только в заданном направлении. Заказанный в дорогом ресторане столик, да еще во время ланча? Нет, такой заказ никак нельзя аннулировать! Хотя мы оба прекрасно знали, что лучше всего он чувствует себя в таких местах, как «Крошка зяблик», он выбрал сегодня «Розовый дом», а потому Анук непременно должна надеть платье. Таков уж он: твердый, как скала, предсказуемый, никогда не теряющий самообладания — но порой мне очень хочется, чтобы он перестал быть таким несгибаемым и сумел отыскать в своей душе хоть капельку спонтанности...

— Ты так свое кольцо и не носишь, — заметил он.

Я инстинктивно опустила глаза и попыталась оправдаться:

- Это из-за шоколада. Он ко всему прилипает.
- Ох уж этот твой шоколад! вздохнул Тьерри.

Это явно был не самый удачный из наших выходов в свет. Возможно, из-за слишком мрачной погоды, или толчеи на улицах, или полного отсутствия аппетита у Анук, или упорного нежелания Розетт пользоваться ложкой. Тьерри все больше поджимал губы, глядя, как Розетт пальцами выкладывает у себя на тарелке спираль из зеленого горошка.

— Как ты себя ведешь, Розетт! — наконец не выдержал он.

Розетт сделала вид, что не слышит и совершенно поглощена своим занятием.

— Розетт! — резко окликнул он ее.

Но она по-прежнему не обращала на него внимания, хотя его окрик услышали все, а женщина за соседним столиком даже обернулась.

— Ничего страшного, Тьерри, — попыталась вмешаться я. — Ты же знаешь, какая она. Оставь ее в покое, и вскоре...

Но Тьерри прервал меня отчаянным стоном:

— Господи, да ты только посмотри, на кого она похожа! А ведь ей уже почти четыре года! — Он повернулся ко мне, глаза его горели странным огнем. — Нет, Янна, так не годится. Это ненормально. И тебе придется повернуться к данной проблеме лицом. Девочке необходима помощь. И я бы хотел... Нет, ты только посмотри на нее!..

Он гневно воззрился на Розетт, которая теперь преспокойно, с сосредоточенным видом ела горошинки, беря их по одной пальцами.

Тьерри ловко перехватил ее руку, и она изумленно вскинула на него глаза.

— Вот, Розетт. Возьми-ка ложку. Держи, держи ее как следует!..

Он силой сунул ей в руку ложку. Она тут же ее выронила. Он поднял ее и снова сунул ей.

- Тьерри...
- Нет, Янна, ей придется этому научиться.

Когда он в очередной раз попытался всучить Розетт ложку, девочка с упрямым видом стиснула пальчики в крошечный кулачок.

- Послушай, Тьерри, меня начинало это раздражать, позволь мне решать, что Розетт...
- Ой! Он вдруг перестал совать Розетт ложку и быстро отдернул руку. Она меня укусила! Дрянь! Она укусила меня!

Мне показалось, что краем глаза я заметила промелькнувшее золотистое сияние, глаз-бусинку, загнутый крючком хвост...

А Розетт с помощью пальцев сделала кому-то знак: подойди сюда.

- Розетт, пожалуйста, не надо...
- Бам, сказала Розетт.

Ох, нет. Только не сейчас...

Я встала, намереваясь уйти.

— Анук, Розетт...

Я взглянула на Тьерри. На запястье у него краснел крошечный след укуса. Мою душу охватила паника. Одно дело, когда подобная Случайность происходит у нас в магазине, но совсем другое — здесь, где столько народу...

- Извини, пожалуйста, сказала я Тьерри. Но нам пора.
- Но вы же так ничего и не съели! обиделся он.

Я понимала: в его душе борются гнев, возмущение и всепоглощающее желание во что бы то ни стало удержать нас, доказать самому себе, что он поступил правильно, что эту ситуацию можно легко переломить, что все еще может пойти в соответствии с задуманным планом.

— Я не могу больше задерживаться, — сказала я и подхватила Розетт на руки. — Извини... но мне просто необходимо немедленно отсюда выйти...

— Янна...

Тьерри схватил меня за руку, и мой гнев, вызванный тем, что он осмелился вмешаться в мои отношения с детьми, в мою жизнь, вдруг угас, стоило мне увидеть выражение его глаз.

- Я хотел, чтобы все было как следует, сказал он.
- Все в порядке, успокоила я его. Ты ни в чем не виноват.

Он заплатил по счету и пешком проводил нас до дома. В четыре часа дня на улице было уже темно, и свет фонарей отражался от мокрой мостовой. Мы почти не разговаривали, Анук держала Розетт за руку, и они старательно обходили каждую трещину. Тьерри молчал с каменным лицом,

засунув руки глубоко в карманы.

— Прошу тебя, Тьерри, не будь таким! Розетт сегодня днем не спала, и тебе прекрасно известно, что она в таких случаях всегда перевозбуждается.

На самом деле сильно сомневаюсь, что он вообще хоть что-нибудь в этом понимает. Его сыну сейчас, должно быть, уже больше двадцати, так что сам он наверняка позабыл, что маленький ребенок в семье — это и вечное раздражение, и слезы, и крики, и суматоха. Впрочем, у них в семье, возможно, всем этим занималась Сара, а Тьерри играл роль великодушного отца: игра в футбол, прогулки в парке, сражения на подушках, всевозможные развлечения.

— Ты просто забыл, как это бывает, — сказала я. — Мне иногда действительно трудно с нею справиться. А ты вмешиваешься и делаешь только хуже...

Он вдруг повернулся ко мне, лицо его было бледным от напряжения.

— Напрасно ты думаешь, что я все позабыл. Когда родился Алан...

Он вдруг умолк, и я видела, что он тщетно пытается совладать с собой. Я положила руку ему на плечо.

— Что ты?

Он покачал головой и сдавленным голосом пробормотал:

— Потом. Когда-нибудь потом я расскажу тебе об этом.

Мы вышли на площадь Фальшивомонетчиков, и я минутку постояла на пороге магазина под свежевыкрашенной вывеской, чуть поскрипывавшей на ветру, глубоко вдыхая сырой, промозглый воздух.

— Ты прости меня, Тьерри, — сказала я.

Он молча пожал плечами, похожий на медведя в своем кашемировом пальто, но мне показалось, что лицо его немного смягчилось.

- Я все сделаю, как ты хочешь, продолжала я. Я приготовлю вкусный обед, мы уложим Розетт и сможем спокойно обо всем поговорить.
 - Хорошо, вздохнул он.

Я открыла дверь.

И увидела, что внутри стоит какой-то мужчина в черном. Он стоял совершенно неподвижно, и я поняла, что лицо его мне знакомо лучше, чем мое собственное; на устах у него уже начинала угасать улыбка — явление редкое, но великолепное, как летняя гроза...

— Вианн, — промолвил он.

Это был Ру.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

1 декабря, суббота

Стоило ему войти в магазин, и я поняла: не миновать мне беды. Некоторые люди, знаете ли, несут в себе этакий заряд — это видно по цветам их ауры, а у него аура походила на едва заметное пламя газовой горелки, бледное, желтовато-голубое, готовое в любой момент ярко вспыхнуть и взорваться.

Впрочем, с виду этого о нем ни за что не скажешь. Парень как парень, ничего особенного. Париж таких, как он, в год по миллиону проглатывает. В джинсах, в солдатских ботинках. Таким, как он, в Париже не по себе, такие, как он, мужчины всегда предпочитают брать зарплату наличными. Я и сама достаточно часто бывала в таком положении, так что запросто распознаю этот тип людей; в общем, думала я, если это просто очередной наш покупатель, то я — Дева Мария.

Я стояла на стуле и вешала картинку. Точнее, собственный портрет, нарисованный Жаном-Луи. И услышала, как этот тип вошел. Зазвенели колокольчики у двери, затопали по паркету его грубые ботинки.

И тут он сказал: «Вианн!» И было в его голосе нечто такое, что заставило меня обернуться и посмотреть на него. Обыкновенный мужчина в джинсах и черной футболке; рыжие волосы стянуты на затылке шнурком. В общем, я уже сказала: ничего особенного.

И все-таки что-то в нем показалось мне знакомым. И улыбка у него была светлая, как Елисейские Поля в канун Рождества, такую нечасто встретишь — впрочем, эта ослепительная, головокружительная улыбка лишь промелькнула у него на устах и тут же сменилась глубочайшим смущением: он понял, что ошибся.

— Извините, — сказал он, — мне показалось, это... — Он вдруг умолк. — Это вы здесь хозяйка?

Говорил он негромко, спокойно, с раскатистым «р» и резким

звучанием гласных. В общем, типичный южанин.

— Нет, я просто здесь работаю, — улыбаясь, ответила я. — А хозяйка здесь — мадам Шарбонно. Вы ее знаете?

По лицу его скользнула тень сомнения.

- Янна Шарбонно, подсказала я.
- Да. Я ее знаю.
- Видите ли, ее сейчас нет. Но она наверняка скоро вернется.
- Хорошо, я подожду.

Он сел за столик, по-прежнему озираясь; он разглядывал наши картинки и шоколадки в витрине с явным, как мне показалось, удовольствием и одновременно с некоторым смущением, словно не был уверен в том, как его здесь примут.

— Простите, а вы не...

Но он тут же перебил меня:

— О, я просто один из ее друзей.

Я улыбнулась:

- Да нет, я всего лишь хотела спросить, как ваше имя.
- Ах вон оно что...

Теперь-то сомнений не оставалось: ему действительно было не по себе. Он даже руки в карманы засунул, чтобы скрыть свое смущение, словно мое присутствие внезапно нарушило некий его план, слишком хитроумный, чтобы его менять.

— Ру, — представился он.

Я вспомнила почтовую открытку с буквой «Р» вместо подписи. Так это имя или прозвище? Скорее последнее. «Направляюсь на север. Заеду, если смогу...»

Теперь-то я понимала, почему он мне сразу показался знакомым. Он стоял рядом с Вианн Роше на той газетной фотографии — в Ланскне-су-Танн.

— Py? — переспросила я. — Вы из Ланскне?

Он кивнул.

— Анни все время о вас рассказывает.

И цвета его ауры сразу вспыхнули, как рождественская елка, а я начала понимать, что Вианн могла найти в таком человеке, как этот Ру. Вот Тьерри, например, никогда так не вспыхивает — вспыхивает порой только его сигара; с другой стороны, у Тьерри есть деньги, что дает возможность решить очень многие вопросы, если не все.

— Вы успокойтесь, хорошо? Посидите пока, а я вам горячий шоколад приготовлю.

Он снова улыбнулся этой своей чудной улыбкой:

— Я его больше всего люблю.

Я приготовила ему очень крепкий шоколад с коричневым сахаром и ромом. Он выпил, а потом снова принялся беспокойно бродить из комнаты в комнату, разглядывая сковородки, кувшины, блюда и всевозможные ложки и лопатки — все «шоколадное» хозяйство Янны.

- Вы очень на нее похожи, сказал он наконец.
- Вот как?

На самом-то деле я совершенно на нее не похожа; с другой стороны, я давно заметила, что мужчины по большей части просто не способны как следует разглядеть даже то, что у них под носом. Немножко духов, длинные распущенные волосы, алая юбка, туфли на высоких каблуках — самые простенькие чары, понятные даже ребенку, но с их помощью ничего не стоит провести любого мужчину.

- Ну... и давно вы с Янной виделись в последний раз? спросила я. Он пожал плечами.
- Пожалуй, даже слишком давно.
- Да, бывает, я хорошо вас понимаю. Ладно, съешьте-ка лучше шоколадку.

И я положила ему на блюдечко трюфель, щедро обвалянный в порошке какао и приготовленный мною по особому рецепту, я отметила его кактусом, символом Шочипилли, бога, дарящего восторг и исступление, а потому весьма полезного, когда нужно развязать кому-то язык.

Но шоколадку он есть не стал и принялся бесцельно вращать ее на блюдечке. Этот жест мне тоже был отчего-то знаком, но я никак не могла вспомнить, откуда я его знаю. Я все надеялась, что Ру начнет говорить, что-то рассказывать — люди обычно сами начинают разговор со мной, — но его, похоже, совершенно устраивало повисшее между нами молчание; он продолжал играть с несчастным трюфелем и все поглядывал в окно на темнеющую улицу.

— Вы живете в Париже? — спросила я.

Он пожал плечами.

— Когда как.

Я вопросительно на него посмотрела, но он, похоже, намека не понял.

— И от чего это зависит? — поинтересовалась я.

Он снова пожал плечами.

— Я устаю, если подолгу на одном месте живу.

Я принесла ему еще чашечку шоколада. Его сдержанность, граничащая с угрюмостью, начинала меня раздражать. Он ведь торчит

здесь уже добрых полчаса, и если я не утратила профессиональную сноровку, то, как мне кажется, уже должна была бы знать о нем все, что нужно! Однако он по-прежнему сидел передо мною — воплощенная неприятность! — и, похоже, оставался совершенно невосприимчивым ко всем моим уловкам.

Меня охватило все возрастающее нетерпение. Я чувствовала: с этим человеком связано нечто важное, и мне необходимо было узнать, что именно. Я чувствовала это так остро, что у меня по спине поползли мурашки, и все же...

«Думай же, черт побери!»

Река. Браслет. Серебряный амулет в виде кошечки. Нет, не совсем то. Река. Судно. Анук, Розетт...

— Вы даже трюфель не съели, — заметила я. — Знаете, его стоит попробовать. Это одно из наших фирменных изделий.

— Ох, извините.

Он взял трюфель в руки. Знак кактуса — символ бога Шочипилли — призывно светился у него меж пальцами. Он поднес трюфель ко рту, нахмурившись, помедлил секунду — возможно, его смутил чуть кисловатый, острый, лесной запах горького шоколада, исполненный темных соблазнов...

Попробуй.

Испытай меня на вкус.

Познай наслаждение...

И тут, когда он был уже почти моим, за дверями послышались голоса.

Он выронил шоколадку и встал.

Зазвенели колокольчики над дверью. Дверь открылась.

— Вианн, — только и сказал Ру.

Теперь была ее очередь стоять замерев и смотреть на него; кровь медленно отливала у нее от лица, руки она выставила перед собой, словно пытаясь отвратить какое-то столкновение, какое-то ужасное несчастье.

У нее за спиной с ошарашенным видом возвышался Тьерри; он, возможно, уже почуял неладное, но был слишком поглощен собой, чтобы разглядеть очевидное. Рядом с Вианн стояли, держась за руки, Розетт и Анук; Розетт смотрела на Ру с восхищением, а лицо Анук вдруг словно вспыхнуло изнутри...

А сам Ру...

Охватив взглядом все это сразу — незнакомого мужчину, незнакомую маленькую девочку, испуганное лицо Вианн, кольцо у нее на пальце, — он как бы сник, и я увидела, что цвета его ауры опять побледнели и опали,

став похожими на пламя газовой горелки, включенной на самую малую мощность.

— Извините, — сказал он. — Я тут проездом. Ты же знаешь. Мое судно...

А он не привык лгать, подумала я. Его притворно легкий тон казался каким-то вымученным, руки в карманах сами собой сжались в кулаки.

Янна все смотрела на него, и лицо ее не выражало ровным счетом ничего. Ни одного движения, ни одной улыбки — просто безжизненная маска, но я-то видела, какими бурными сполохами сияет ее aypa!

Положение спасла Анук.

— Ру! — завопила она.

Ее вопль нарушил затянувшееся напряженное молчание. Янна сделала шаг вперед, и на лице ее появилась улыбка, слегка фальшивая, слегка испуганная, и было в этой улыбке что-то еще, чего я так и не сумела понять.

— Тьерри, это наш старый друг... — Она вспыхнула и сразу очень похорошела, и голос ее зазвенел от радостного возбуждения, вызванного, возможно, встречей со старым знакомым (хотя, судя по цветам ее ауры, дело было совсем не в этом), а глаза засветились ярко и тревожно. — Из Марселя. Его зовут Ру. А это Тьерри, мой...

Непроизнесенное слово повисло меж ними, словно неразорвавшийся снаряд.

— Рад с вами познакомиться... Ру.

Еще один лжец. Инстинктивная неприязнь Тьерри к этому типу — к этому непрошеному гостю — возникла мгновенно и была совершенно иррациональной. Пытаясь ее скрыть, он заговорил с ним с такой чудовищной сердечностью, с какой разговаривает порой с Лораном Пансоном. Его голос был преувеличенно громким и радушным, как у Сайта-Клауса, а чересчур крепкое рукопожатие способно было, по-моему, раздробить кости; уже через несколько секунд он обращался к новому знакомому не иначе как mon pote.

— Значит, вы старый приятель Янны? Но вы, похоже, не имеете отношения к шоколаду?

Ру молча качает головой.

— Да нет, конечно же нет.

Тьерри улыбается, про себя прикидывая: «Если учесть, что этот тип достаточно молод, то не перевесит ли это его качество все то, что могу предложить я сам?» Мгновенная вспышка ревности, однако она постепенно угасает, это можно прочесть по цветам его ауры: серо-голубая нить

ревности явственно виднеется на ярком медном фоне самодовольства.

— Выпьете со мной, mon pote?

Ну вот. Я же вам говорила!

- Как насчет пары кружек пивка? Там, чуть дальше, есть одно кафе.
- Ру качает головой.
- Спасибо. Мне вполне достаточно шоколада.

Тьерри пожимает плечами, пытаясь скрыть свое веселое презрение. Наливает шоколад — точно любезный хозяин! — но глаз с непрошеного гостя не сводит.

- Итак, чем же вы занимаетесь?
- Ничем, отвечает Ру.
- Но ведь вы же где-то работаете, верно?
- Работаю, подтверждает Ру.
- Где? не унимается Тьерри, слегка улыбаясь.

Ру пожимает плечами.

— Просто работаю.

Удивление Тьерри беспредельно.

— И живете на судне, вы ведь так сказали?

На самом-то деле это сказала Анук, но Ру молча кивает. И улыбается Анук — похоже, она здесь единственная искренне радуется его появлению, но и Розетт продолжает наблюдать за ним с нескрываемым восторгом.

И теперь я уже отчетливо вижу то, чего не заметила прежде. Черты крошечного личика Розетт еще неопределенны, но у нее рыжие волосы отца, его серо-зеленые глаза, его темперамент и его беспокойный характер.

Больше никто, разумеется, этого пока не замечает. И прежде всего сам Ру. Видимо, то, что Розетт несколько отстает в своем физическом и умственном развитии, заставляет его считать, что ей меньше лет, чем на самом деле.

— И давно вы в Париже? — спрашивает Тьерри. — У нас тут и так, по-моему, порядком развелось любителей жить в плавучих домах.

Он снова смеется, пожалуй, чересчур громко.

Ру не отвечает, просто смотрит на него отсутствующим взглядом.

— И все же, если вы ищете где-нибудь здесь работу, я, пожалуй, мог бы вам помочь — мне нужно привести в порядок квартиру, тут недалеко, на улице Святого Креста... — Он кивком показывает, где примерно это находится. — Квартира хорошая, просторная, но ей нужен небольшой ремонт — стены оштукатурить, полы поменять, немного изменить интерьер; и хотелось бы все это закончить в течение ближайших трех недель, чтобы Янне с ребятишками не нужно было и еще одно Рождество

здесь встречать...

Он покровительственным жестом обнимает Янну за плечи, но она нетерпеливо, даже с каким-то испугом стряхивает его руку.

- Вы, наверное, уже догадались: мы с ней собираемся пожениться.
- Поздравляю, говорит Ру.
- А вы женаты?

Ру качает головой. Лицо его по-прежнему кажется абсолютно бесстрастным. Лишь блеснувший в глазах огонь, пожалуй, чуточку выдает его истинные чувства; зато цвета его ауры так и пылают необузданной яростью.

- В общем, если решитесь на брак, обращайтесь ко мне, предлагает Тьерри. И я подыщу вам подходящий дом. За какие-то полмиллиона вы получите нечто на удивление...
 - Послушайте, говорит Ру, мне надо идти.

Анук протестует.

— Но ты же только что пришел!

Она бросает на Тьерри гневные взгляды, но тот ее негодования совершенно не замечает. Его неприязнь к Ру носит физиологический, «нутряной» характер, с разумом совершенно не связанный. Ему и в голову не пришло, в чем, собственно, истинная причина этого визита, но в чем-то он все же Ру подозревает — нет, не из-за каких-то его слов или поступков, а просто потому, что сам вид Ру ему не нравится.

А какой такой у него вид? Впрочем, вы и сами знаете, что речь не о дешевой одежде, или чересчур длинных волосах, или недостаточной светскости. Просто есть в нем нечто... сомнительное, неискреннее, как у человека, ступившего на скользкую дорожку, способного совершить любой поступок: например, подделать кредитную карточку, или открыть банковский счет, имея при себе лишь украденное водительское удостоверение, или потребовать выдать ему — взамен «утерянного» — новое свидетельство о рождении (а может, даже и паспорт), назвавшись именем человека, давным-давно покойного, или выкрасть у женщины ребенка и бесследно исчезнуть с ним, как знаменитый дудочник-крысолов из Гаммельна, оставив после себя лишь бесконечные вопросы.

В общем, как я и говорила, не миновать мне беды.

1 декабря, суббота

Вот это да! Ну что же, привет, путешественник! Входим — а он стоит себе посреди магазина, словно только сегодня с утра куда-то уходил ненадолго, а не целых четыре года отсутствовал. Четыре года — и в лучшем случае коротенькие поздравления на день рождения или на Рождество, и ни одной встречи, и вдруг...

— Py!

Я и хотела бы на него рассердиться, нет, действительно хотела, но не вышло: голос мой меня предал.

Я выкрикнула его имя куда более громко и радостно, чем собиралась.

— Нану, — сказал он, — да ты же совсем взрослая стала!

И так печально он это сказал, словно ему было жаль, что за эти годы я так изменилась. А он остался прежним Ру — только волосы стали длиннее, а ботинки несколько чище, да и одет немного по-другому, но он все так же сутулился, сунув руки в карманы, как делал всегда, если ему было неприятно где-то находиться, и улыбался мне знакомой улыбкой, словно желая сказать, что это не моя вина и что, если б там не было Тьерри, он подхватил бы меня на руки и покружил, как когда-то в Ланскне.

- Еще не совсем, сказала я. Мне только одиннадцать с половиной.
- Одиннадцать с половиной это, по-моему, уже достаточно много. А кто эта маленькая незнакомка?
 - Это Розетт.
 - Розетт, сказал Ру и приветственно помахал ей рукой.

Но она в ответ махать не стала и вообще даже не пошевелилась. Она часто так ведет себя в присутствии незнакомых людей; и теперь она просто уставилась на Ру своими большими зелеными, как у кошки, глазищами и ни разу даже не моргнула, и в итоге он первым отвел глаза.

Тьерри угостил его шоколадом. Шоколад Ру всегда любил — во всяком

случае, там, в Ланскне. И всегда пил его без молока или сливок, добавляя немного сахара и рома. Он пил шоколад, а Тьерри вел с ним разговор о делах — о своих поездках в Лондон, о нашей chocolaterie, о ремонте квартиры...

Кстати, об этой квартире. Он, оказывается, решил ее отремонтировать и привести в порядок к моменту нашего туда переезда. Мы и сами-то об этом узнали только благодаря присутствию Ру, а Тьерри все говорил и говорил — о том, какая у нас с Розетт будет новая спальня, как он украсит весь дом, как ему хочется успеть все закончить к Рождеству, чтобы «его девочки» чувствовали себя там удобно...

И все равно, по-моему, тон у него был какой-то противный. Понимаете, у него улыбались только губы, а глаза оставались холодными; примерно так улыбается Шанталь, рассказывая подружкам о своем новом навороченном компьютере, или о новых шмотках, или о новых туфлях, или о браслете, купленном у «Тиффани», когда я стою рядом и все это слышу...

А у Ру был такой вид, словно его ударили.

— Послушайте, — сказал он, когда Тьерри заткнулся, — мне надо идти. Я ведь просто на минутку заглянул, хотел посмотреть, как вы тут. Просто мимо проходил...

«Врешь ты все, — подумала я. — Ты даже ботинки вычистил».

- А где ты живешь? спросила я у него, и он ответил:
- На судне.

Ну что ж, это хотя бы похоже на правду. Суда он всегда любил. Я хорошо помню его плавучий дом, который сожгли в Ланскне. И помню, какое лицо было у Ру, когда это случилось; такое выражение лица бывает у человека, который очень много сил положил на то, что ему действительно дорого, а какой-то гад взял да и отнял у него все это.

- А где оно? опять спросила я.
- На реке, ответил Ру.
- Да ладно!.. сказала я таким тоном, что это должно было бы заставить его рассмеяться.

Но он не рассмеялся, и я вдруг поняла, что, придя домой, даже не поцеловала его, даже не обняла после столь долгой разлуки, и от этого мне стало совсем не по себе. Но теперь было уже слишком поздно, и если бы я это сделала, он догадался бы, что я только сейчас об этом вспомнила и на самом деле никакого особого желания целовать его у меня нет.

Так что обнимать его я не стала, а просто взяла за руку. И почувствовала, какая она мозолистая, загрубевшая от работы.

По-моему, он немного удивился, но посмотрел на меня с улыбкой.

- Мне бы очень хотелось твое судно увидеть, сказала я.
- Может, еще и увидишь.
- Оно такое же чудесное, как и то?
- Это уж ты сама решишь.
- Когда решу?

Он только плечами пожал.

Мама посмотрела на меня так, как всегда смотрит, если я ее раздражаю своим поведением, но ей просто не хочется говорить об этом вслух при людях.

- Ты извини, Ру, сказала она ему. Но если бы ты хоть позвонил... Я никак не ожидала...
 - Я написал, сказал он. Я послал открытку.
 - Я ее не получила.
 - Ах вот как...

Он наверняка ей не поверил. И я видела: она ему тоже не верит. Ру совершенно не способен писать письма. Хуже нет — с ним переписываться. Он соберется написать, да так и не напишет. И по телефону он тоже не любит говорить. А вместо писем посылает в почтовых конвертах разные мелочи — подвеску на шнурке в виде дубового листка, вырезанного из дерева, полосатый камешек с берега моря, а иногда пришлет какую-нибудь книгу — с крохотной сопроводительной запиской или, что случается гораздо чаще, вообще без единого слова.

Он снова взглянул на Тьерри и повторил:

— Мне надо идти.

Ну да, конечно. Словно ему действительно это надо. Это ему-то! Ведь он всегда делает только то, что хочет, и никому никогда не позволяет указывать, что ему надо или не надо делать.

— Я еще вернусь.

«Да врешь ты все!»

Я вдруг так на него рассердилась, что у меня чуть не вырвалось: «Зачем же ты вообще тогда возвращался? Стоило ли беспокоиться?»

Я, в общем, все-таки произнесла эти слова, только про себя. Но так же сердито, как в тот день, когда я впервые разговаривала с Зози у дверей нашей chocolaterie.

И еще прибавила: «Трус, ты же просто хочешь от нас сбежать!»

И Зози меня услышала. И с пониманием на меня посмотрела. А Ру ничего не понял, он лишь глубже засунул руки в карманы джинсов и даже рукой не махнул на прощание; вышел за дверь и, не оборачиваясь, устремился прочь. Тьерри сразу бросился за ним — точно пес по следу

незваного гостя. Вряд ли, конечно, Тьерри стал бы с ним драться, но при одной мысли об этом я чуть не расплакалась.

Мама хотела тоже пойти за ними, но Зози ее остановила.

— Лучше я пойду, — сказала она. — Не волнуйся, ничего с ними не случится. А ты побудь пока с Анни и Розетт.

И она быстро выбежала на темную улицу.

— Ступайте наверх, Анук, — сказала мне мама— Я тоже скоро приду.

Мы послушно поднялись наверх и стали ждать. Розетт вскоре уснула, потом вернулась Зози, и через несколько минут после ее возвращения мама поднялась к нам, стараясь ступать как можно тише, чтобы нас не потревожить. А потом заснула и я, но без конца просыпалась; меня будило потрескивание половых досок в маминой комнате, и я понимала: она не спит, а ходит по комнате или стоит у окна в темноте, прислушиваясь к вою ветра и надеясь, что, может быть, этот ветер — в кои-то веки! — оставит нас в покое.

2 декабря, воскресенье

Вчера вечером зажглись рождественские огни. Теперь весь наш quartier иллюминирован, лампочки не цветные, а простые и горят над городом, точно звездный купол. На площади Тертр, где всегда размещаются наши художники, воссоздали традиционную рождественскую сценку — вертеп: улыбающийся новорожденный Христос в колыбельке среди снопов соломы, в колыбель заглядывают его мать и отец, а рядом стоят волхвы со своими дарами. Розетт от этого вертепа просто в восторге и все время просит меня снова сводить ее туда.

«Ребенок, — показывает она мне на пальцах. — Пойдем посмотрим на ребеночка». Она уже два раза ходила туда с Нико, один раз с Алисой, бесчисленное множество раз с Зози, Жаном-Луи и Пополем, ну и, разумеется, с Анук. Она, похоже, восторгается вертепом не меньше Розетт и без конца рассказывает ей историю о том, что эта малышка (в версии Анук дитя женского пола) родилась прямо в хлеву, поскольку была страшная метель, а потом, чтобы посмотреть на нее, туда пришли разные животные и три мага-мудреца, и даже одна из звезд остановилась в небесах, чтобы взглянуть на чудесную девочку...

— Потому что она была особенная, не такая, как все, — поясняет Анук, к полному восхищению Розетт. — Ни на кого не похожая, как ты, например, и очень скоро у тебя тоже день рождения...

Пришествие. Приключение. По сути, оба этих слова предполагают некое необычайное событие. Я никогда раньше не задумывалась над их сходством, никогда не отмечала христианских праздников, никогда не постилась, никогда не каялась и не исповедовалась.

Ну, почти никогда.

Но когда Анук была маленькой, мы всегда праздновали Святки: с наступлением сумерек зажигали огоньки, плели венки из падуба и омелы, пили сидр со специями, устраивали пирушки для друзей, ели горячие, с

пылу с жару, каштаны, жарившиеся тут же на решетке.

А потом родилась Розетт, и все снова переменилось. Исчезли венки из омелы, свечи и ладан. Теперь мы ходим в церковь и покупаем больше подарков, чем можем себе позволить, и кладем их под елку из пластмассы, и смотрим телевизор, и беспокоимся, достаточно ли хорош будет у нас праздничный стол. Рождественские огоньки, возможно, издали и кажутся звездами, но вблизи каждому ясно, что все это ерунда и тяжелые гирлянды лампочек удерживаются над узкими улочками только с помощью проводов. И никакого волшебства... «Но разве не этого ты хотела, Вианн?» — слышу я в ушах чей-то суховатый голос, и он так похож на голос моей матери, и на голос Ру, а теперь еще немного и на голос Зози, ибо она напоминает мне ту Вианн, какой я была когда-то. И ее терпение я воспринимаю уже почти как упрек.

Но наступающий год будет не таким, как предыдущие. Тьерри любит, чтобы все было как полагается. Церковь, гусь, шоколадное полено — настоящий праздник; и мы будем праздновать не только это Рождество, но и все прочие знаменательные дни, которые уже провели вместе и которые нам еще только предстоит провести...

И разумеется, никакого волшебства. Что ж, разве это так плохо? Покой, безопасность, дружба... и любовь. Разве этого не достаточно? Разве у нас другой путь? Я выросла на народных сказках, так почему же мне так трудно поверить в счастливый конец? В то, что можно жить долго и счастливо? И почему мне до сих пор снится, что я иду следом за дудочником-крысоловом, если прекрасно знаю, куда он меня ведет?

Я велела Анук и Розетт ложиться спать, а сама бросилась вдогонку за Ру и Тьерри. Я отстала от них совсем чуть-чуть, задержавшись дома минуты на три, от силы на пять, но, едва оказавшись в уличной толпе, сразу поняла, что Ру, конечно, уже успел исчезнуть в сутолоке Монмартра. И все же, пытаясь его догнать, я поспешила в сторону Сакре-Кёр — и почти сразу среди многочисленных туристов и зевак заметила знакомый силуэт. Тьерри быстро шел к площади Далиды, решительно засунув руки в карманы и выставив вперед подбородок, точно готовый к драке петух.

Я остановилась и нырнула налево, на мощенную булыжником улочку, что ведет наверх, к площади Тертр. Но и там Ру видно не было. Исчез. Ну да, с какой, собственно, стати ему оставаться? И все же я бродила по выходящим на площадь улочкам, вся дрожа (я забыла надеть пальто), прислушиваясь к звукам ночного Монмартра — музыке, доносившейся из клубов, расположенных у подножия Холма, смеху, шагам, детским голосам,

слышавшимся у вертепа на той стороне площади, пению саксофона, на котором играл бродячий музыкант, обрывкам разговоров, приносимых ветром...

Именно его неподвижная фигура в итоге и привлекла мое внимание. Парижане похожи на косяки рыб — если остановятся хоть на мгновение, то сразу умрут. А он просто стоял без движения, почти не заметный в яркокрасных вспышках неона в витрине кафе. Молча наблюдал за толпой и словно чего-то ждал. Ждал меня...

Я бегом бросилась к нему через площадь. Крепко обхватила его руками и на секунду испугалась, что он на мое объятие не ответит. Я почувствовала, как напряглось его тело, заметила, как пролегла между бровями знакомая морщинка, — и в этом резком свете он вдруг действительно показался мне незнакомцем.

А потом он тоже обнял меня — сперва, как мне показалось, нерешительно, но через несколько мгновений с такой яростью прижал к себе, что последовавший за этим совет прозвучал в его устах по меньшей мере неуместно.

— Тебе не следовало приходить сюда, Вианн, — сказал он.

Чуть пониже его левого плеча есть такая ямка, куда очень удобно утыкаться лбом. Я отыскала это местечко и прильнула лицом к его груди. От него пахло ночью, машинным маслом, кедровым деревом, пачулями, шоколадом, дегтем и шерстью... и еще чем-то простым, но неповторимым, свойственным только ему одному, столь же неуловимым и знакомым, как постоянно возвращающийся сон.

— Я знаю, — сказала я.

И все же не могла выпустить его из объятий. Чтобы он ушел, было бы достаточно одного слова, одного предупреждения или просто нахмуренных бровей. «Я теперь с Тьерри. А ты мне только мешаешь». Предполагать какой-то иной исход из данной ситуации было просто бессмысленно и очень больно; я понимала, что все подобные идеи с самого начала обречены на провал. И все же...

— Я так рад видеть тебя, Вианн.

В его голосе, хоть и звучавшем мягко, как ни странно, слышалось некое обвинение.

Я улыбнулась.

— И я рада тебя видеть. Но почему — только теперь? Ведь столько лет прошло!

Ру пожал плечами — этот жест у него означает многое. Равнодушие, презрение, неведение, даже шутку. Но этим движением он словно

вытряхнул мою голову из ее уютной «колыбели», и я сразу вновь вернулась на землю.

- А если ты узнаешь причину, это будет иметь какое-то значение?
- Возможно.

Он снова пожал плечами и сказал:

- Не вижу смысла. Ты здесь счастлива?
- Конечно.

Ведь именно этого я всегда и хотела. Свой магазин, свой дом, школу, куда ходят мои дети. И чтобы каждый день, глядя из окна, я видела одно и то же. И Тьерри...

- Просто я никогда не представлял себе тебя здесь. Я думал, что это всего лишь вопрос времени. Что однажды ты...
- Что? Увижу суть? Сдамся? Продолжу эту бродячую жизнь один день здесь, другой там; сегодня одно место, завтра другое: ведь именно так вы и живете, ты и прочие речные крысы?
 - Уж лучше быть крысой, чем птицей в клетке.

Он явно начинает злиться, подумала я. Голос все еще звучал мягко, но южный акцент слышался в нем куда более отчетливо, как всегда бывало и раньше, если он выходил из себя. И я с изумлением поняла, что даже, пожалуй, хочу его разозлить, заставить поссориться со мной, чтобы у нас обоих не осталось ни малейшего шанса на примирение. Тяжело так думать, но, скорее всего, именно это и пришло мне в голову. И он, похоже, это почувствовал, потому что посмотрел на меня, улыбнулся и спросил:

- А что, если я скажу, что совершенно переменился?
- Да ничуть ты не переменился.
- Откуда ты знаешь?

«Ох, да знаю я, знаю». И мне так больно видеть его точно таким же, как прежде. Но я-то переменилась! Меня переменили мои дети. И я больше не могу поступать так, как хочется мне самой. А хочется мне...

- Ру, сказала я. Я действительно ужасно тебе рада. И это очень хорошо, что ты приехал. Но приехал ты слишком поздно. Я теперь с Тьерри. И он, правда, очень хороший человек, если узнать его поближе. И он так много сделал для Анук и Розетт...
 - А ты его любишь?
 - Ру, пожалуйста...
 - Я спросил: ты его любишь?
 - Ну конечно люблю.

И снова он пожал плечами, отчетливо выразив этим свое презрение.

— Поздравляю, Вианн, — только и сказал он на прощание.

И я его отпустила. А что мне еще было делать? Он вернется, думала я. Он должен вернуться. Но пока что он не вернулся, он не оставил ни адреса, ни номера телефона — хотя я бы очень удивилась, если бы у него был телефон. Насколько я знаю, у него даже телевизора никогда не было: он предпочитал любоваться небом и утверждал, что это зрелище ему никогда не надоедает и никогда не повторяется.

Интересно, где он живет сейчас? На каком-то судне — так он сказал Анук. Наверное, эта какая-нибудь баржа, думала я, которая, скорее всего, поднимается с грузом вверх по Сене. А может, очередной плавучий дом, если ему удалось найти что-нибудь подешевле. Наверное, что-нибудь допотопное, неповоротливое, и теперь в перерывах между временными работами он с ним возится, латает, делает его своим. Ру к таким посудинам относится с бесконечным терпением. А вот к людям...

— А Ру сегодня придет, мам? — спросила Анук после завтрака.

Она дождалась утра, чтобы задать этот вопрос. С другой стороны, Анук редко говорит не подумав; она долго размышляет, прикидывает, а уж потом говорит: неторопливо, почти торжественно и очень осторожно — так в телевизионных фильмах говорят сыщики, которым только что удалось докопаться до истины.

- Не знаю, ответила я. Это уж от него зависит.
- А ты бы хотела, чтобы он вернулся?

Настойчивость всегда была одной из наиболее постоянных черт моей дочери.

Я вздохнула.

- Трудно сказать.
- Почему? Ты что, больше его не любишь?

Я услышала в ее голосе вызов.

- Нет, Анук. Дело не в этом.
- А в чем же?

Я чуть не рассмеялась. В ее устах все звучит так просто, словно наши жизни — вовсе и не колода карт, где приходится взвешивать каждое решение, каждый шаг, противопоставляя его множеству иных решений, иных шагов, предпринятых случайно, необоснованно, изменяющихся буквально при каждом вздохе...

— Послушай, Нану. Я знаю, ты любишь Ру. И я тоже. Я очень его люблю. Но ты должна помнить... — Я помолчала, подыскивая подходящие слова. — Ру всегда поступает так, как хочет он сам, всегда. И он никогда подолгу не остается на одном месте. Это, может, и неплохо, потому что он

один. Но нас трое, и нам нужно нечто большее.

— Если бы мы жили с Ру, он не был бы один, — разумно возразила Анук.

Я все-таки рассмеялась, хотя на душе у меня кошки скребли. Ру и Анук, как ни странно, очень похожи. Оба мыслят некими абсолютами. Оба упрямы, скрытны, обидчивы и пугающе злопамятны.

Я попыталась объяснить:

— Ему нравится жить одному. Он круглый год проводит на реке, спит под открытым небом, ему в доме попросту неуютно. Мы так жить не могли бы, Нану. Он это понимает. И ты тоже.

Она сумрачно, оценивающе на меня посмотрела.

— Тьерри его ненавидит. Я точно знаю.

Что ж, после вчерашнего вряд ли кто-то усомнился бы в этом. Шумная приветливость Тьерри была сродни приветливости кровожадного тролля; его прямо-таки переполняли откровенное презрение и ревность. Но ведь на самом деле Тьерри совсем не такой, уговаривала я себя. Его наверняка просто что-то очень расстроило, огорчило. Может, то маленькое происшествие в «Розовом доме»?

- Но Тьерри его толком и не знает, Ну.
- Тьерри никого из нас толком не знает!

И Анук снова пошла к себе, держа в каждой руке по круассану, и, судя по выражению ее лица, было ясно: продолжения этой дискуссии не миновать. А я прошла на кухню, приготовила горячий шоколад, села за стол и стала смотреть, как напиток в чашке постепенно остывает. В голове моей бродили мысли о том, каким бывает февраль в Ланскне — с цветущей мимозой по берегам Танн, с речными цыганами на длинных узких суденышках, таких многочисленных и плывущих так близко друг от друга, что по ним, кажется, можно перейти на тот берег...

И среди них один-единственный человек сидит в одиночестве, сам по себе, и смотрит на реку с крыши своего плавучего дома. Не так уж сильно он и отличается от прочих бродяг, и все же я отчего-то сразу его выделила. От некоторых людей явственно исходит свет. Вот и от него тоже. И даже теперь, когда прошло столько лет, я чувствую, что меня снова тянет к этому свету. Если бы не Анук и Розетт, я вчера пошла бы за ним. В конце концов, есть вещи и похуже нищеты. Но я должна дать своим детям нечто большее. Именно поэтому я здесь. И я не могу снова стать Вианн Роше и вернуться в Ланскне. Даже ради Ру. Даже ради себя самой.

Я так и сидела над чашкой с остывшим шоколадом, когда вошел Тьерри. Было уже девять часов, но все еще почти темно; за окнами

слышался приглушенный гул транспорта и колокольный звон, доносившийся из маленькой церквушки, что на площади Тертр.

Тьерри молча сел напротив, его пальто пахло сигарным дымом и парижским туманом. Он помолчал еще с полминуты, потом протянул руку и, накрыв ею мою ладонь, сказал:

— Извини за вчерашнее.

Я взяла в руки чашку и заглянула внутрь. Надо было все-таки довести молоко до кипения: теперь на поверхности остывшего шоколада виднелась противная толстая пенка. Эх, недосмотрела, пожурила я себя.

— Янна, — тихо окликнул меня Тьерри.

Я подняла на него глаза.

- Извини, повторил он. Я ведь настоящий стресс испытал. Мне так хотелось все сделать как следует. Повести вас в ресторан, рассказать вам о квартире, о том, что мне удалось договориться и венчание состоится в той же церкви, где венчались мои родители...
 - Что? растерянно переспросила я.

Он стиснул мои пальцы.

- В церкви Нотр-Дам-дез-Апотр. Через семь недель. Там произошли кое-какие сокращения, но я знаком с тамошним настоятелем я не так давно выполнял для него одну работу...
- О чем ты говоришь? сказала я. Ты перепугал моих детей, нагрубил моему другу, ушел, не сказав ни слова, и теперь надеешься, что я с восторгом буду выслушивать твои рассказы о квартирах и свадебных приготовлениях?

Тьерри печально улыбнулся и тут же извинился:

- Ты прости меня, я вовсе не хотел смеяться, но... ты ведь до сих пор так и не привыкла пользоваться своим мобильником, верно?
 - О чем ты? не поняла я.
 - А ты включи телефон и увидишь.

Я включила и обнаружила там очередное послание от Тьерри, отправленное вчера в половине девятого вечера.

«Люблю тебя до отчаяния. И это единственное, что меня извиняет.

Увидимся завтра в 9.

Тьерри».

— Угу, — буркнула я.

Он взял меня за руку.

- Мне действительно очень жаль, что вчера так получилось. Этот твой друг...
 - Ру, сказала я.

Он кивнул.

— Я понимаю, это, должно быть, звучит нелепо, но когда я увидел, как он разговаривает с тобой и Анни — словно знает тебя тысячу лет! — я сразу подумал о том, что очень мало о тебе знаю. Я ничего не знаю о твоих бывших знакомых, о тех мужчинах, которых ты любила...

Я посмотрела на него с некоторым удивлением. Тьерри всегда проявлял полнейшее равнодушие ко всему, что касалось моей прошлой жизни. И как раз это мне всегда в нем нравилось. Полное отсутствие любопытства.

— Он влюблен в тебя. Даже я это заметил.

Я вздохнула. Вот так всегда, всегда все кончается именно этим — вопросами, расспросами, вроде бы доброжелательными, но круто замешенными на подозрительности.

Откуда вы? Куда направляетесь? Вы в гости к родственникам приехали?

Мы с Тьерри давно уже заключили договор, думала я. Я даже не упоминаю о его разводе; он не ведет разговоров о моем прошлом. И этот договор всегда соблюдался — по крайней мере, до вчерашнего вечера.

«Что ж, Ру, желаю тебе приятно провести время», — с горечью подумала я. С другой стороны, такой уж он есть. И голос его сейчас звучит у меня в ушах, точно голос того ветра. «Не обманывай себя, Вианн. Ты не сможешь окончательно здесь поселиться. Ты считаешь, что твой маленький домик — самое безопасное место на свете. Но я-то знаю лучше, как тот волк из сказки о трех поросятах».

Я встала и пошла да кухню, чтобы заново приготовить шоколад. Тьерри последовал за мной; среди маленьких столиков и стульчиков, расставленных Зози, он в своем огромном пальто казался особенно неуклюжим.

— Ты хочешь узнать о Ру? — спросила я, растирая шоколад и ссыпая его в кастрюльку. — Ну что ж. Мы познакомились, когда я жила на юге. Какое-то время я держала шоколадную лавку в одной деревушке на берегу Гаронны. А он жил на речном суденышке и плавал из одного города в другой, выполняя всякую временную работу. Плотничал, крыл крыши,

собирал фрукты. Он и у меня кое-что подремонтировал и переделал. А потом мы с ним больше четырех лет не виделись. Ну как, хватит с тебя?

Он выглядел смущенным.

- Извини, Янна. Я, наверное, просто смешон, но я, честное слово, не собирался тебя допрашивать. Обещаю, больше это никогда не повторится.
- Вот уж не думала, что ты можешь меня к кому-то приревновать, заметила я, добавляя в горячий шоколад ложку ванили и щепотку тертого мускатного ореха.
- Я вовсе не такой уж ревнивец, сказал Тьерри. И чтобы тебе это доказать... Он взял меня руками за плечи и повернул к себе, заставляя смотреть ему прямо в глаза. Послушай, Янна. Он твой друг. И явно нуждается в деньгах. А если учесть, что я действительно хотел бы закончить ремонт квартиры к Рождеству ты же сама знаешь, как трудно заполучить хороших рабочих в такое время года, я и решил предложить ему работу.

Я так и уставилась на него.

— И предложил?

Он улыбнулся.

— Можешь считать это епитимьей. Во всяком случае, я решил именно так доказать тебе, что тот ревнивец, с которым ты случайно познакомилась вчера, это совсем не я. Да, вот еще кое-что... — Он сунул руку в карман пальто. — Я тут принес тебе маленький подарок. Хотел преподнести это перед свадьбой, но...

«Маленькие подарки» Тьерри всегда слишком щедры и роскошны. Сразу четыре дюжины роз, ювелирные украшения с Бонд-стрит, шарфы от «Гермеса». Пожалуй, чересчур традиционно, но таков уж Тьерри. Был и остается всегда абсолютно предсказуемым.

— И что же это?

Он протянул мне тоненький пакетик, чуть толще обычного конверта с письмом. Я вскрыла его и обнаружила там кожаный дорожный кошелек, а в нем четыре билета первого класса до Нью-Йорка на 28 декабря.

Я молча смотрела на билеты.

— Тебе должно понравиться, — сказал Тьерри. — По-моему, только там и стоит праздновать Новый год. Я заказал номер в отличном отеле — девочки будут в восторге... снег... музыка... фейерверки... — От избытка чувств он обнял меня и прижал к себе. — Ах, Янна, я просто дождаться не могу того дня, когда покажу тебе Нью-Йорк!..

Вообще-то я там и раньше бывала. Там умерла моя мать — на шумной деловой улице, напротив итальянского магазина деликатесов, в День

независимости. В июле там бывает жарко и солнечно. А в декабре будет холодно и мрачно. В декабре в Нью-Йорке люди часто умирают от холода.

- Но у меня даже паспорта нет, медленно проговорила я. Он, конечно, был, но теперь...
 - Просрочен? Ничего, я обо всем позабочусь.

у, на самом-то деле паспорт не просто просрочен. Он выдан на другое имя — на имя Вианн Роше. И как теперь мне это ему объяснить? Как сказать, что я вовсе не та женщина, которую он любит?

Но ведь теперь этого не скроешь, верно? Да и вчерашняя сцена доказывает, что Тьерри вовсе не так уж и предсказуем. Обман похож на агрессивный сорняк, с которым нужно бороться с самого начала, иначе он сумеет повсюду просунуть свои корешки-щупальца и будет все разрушать и душить, пока не останется ничего, кроме сплошного клубка лжи...

Тьерри стоял очень близко, его голубые глаза сияли — то ли от радости, то ли от возбуждения, то ли от чего-то еще. И пахло от него чем-то неуловимо успокаивающим, как от скошенной травы, или от шкафа со старыми книгами, или от соснового ствола в потеках смолы, или от разрезанной буханки хлеба. Он подошел ко мне еще ближе, и руки его уже обнимали меня, и голова моя уже лежала у него на плече (но где же у него та маленькая впадинка, думала я, созданная для меня одной?), и меня вдруг охватило ощущение чего-то удивительно знакомого и привычного, ощущение полной безопасности — и все же в душе я испытывала странное напряжение. Мне отчего-то казалось, что я вот-вот коснусь оголенного электрического провода...

Он нашел мои губы. И снова этот разряд. Точно между нами возникает статическое электричество — и не поймешь, приятно это или больно. И я вдруг поймала себя на том, что думаю о Ру. «Черт возьми! Только не сейчас!» Последовал долгий поцелуй. Я отстранилась.

— Послушай, Тьерри. Мне необходимо объяснить...

Он посмотрел на меня.

- Что объяснить?
- У меня в паспорте указано имя... мне придется назвать его при регистрации... Я перевела дыхание и договорила: Ведь на самом деле у меня совсем другое имя, не то, каким я пользуюсь сейчас. В общем, это долгая история. Мне следовало, конечно, все тебе раньше рассказать, но...

Тьерри прервал меня.

— Это не имеет значения. И не надо ничего объяснять. У всех у нас есть за душой то, о чем мы бы предпочли никогда не рассказывать. Какое мне дело до того, что ты сменила имя? Мне важно, кто ты есть, а не то, как

тебя зовут или звали — Франсина, или Мари-Клод, или даже, не приведи господи, Кюнегонда.

Я невольно улыбнулась.

— Значит, тебе это не важно?

Он помотал головой.

— Я же обещал, что больше никогда не буду тебя допрашивать. Прошлое есть прошлое. И мне о твоем прошлом знать необязательно. Если только ты не хочешь сообщить, что раньше была мужчиной или еще чтонибудь в этом роде...

Я рассмеялась:

- На этот счет можешь не беспокоиться.
- А я могу это проверить. Так, на всякий случай.

Руки его скользнули по моей спине вниз, а поцелуи стали крепче, требовательнее. Впрочем, Тьерри никогда ничего не требует. И эта его старомодная куртуазность всегда мне нравилась, но сегодня все было немного по-другому — я чувствовала его давно сдерживаемую страсть, его нетерпение, его стремление получить больше, чем я до сих пор ему позволяла. На мгновение мне показалось, что я сейчас утону в волнах этой страсти; его руки скользнули мне на талию, на грудь... Он как-то по-детски жадно целовал меня в губы, в лицо, словно пытаясь застолбить за собой как можно больше моей территории, и все время шептал:

— Я так люблю тебя, Янна, я так хочу тебя...

Я со смехом вырвалась, чтобы глотнуть воздуха.

— Не здесь. Уже больше половины десятого...

Он смешно зарычал и действительно стал похож на медведя.

— Ты думаешь, я собираюсь ждать целых семь недель?

Теперь и руки его словно превратились в медвежьи лапы, так крепко он стиснул меня ими, и я почувствовала мускусный запах его пота, запах сигар и табачного дыма и впервые за всю нашу с ним долгую дружбу вдруг представила себе, как мы занимаемся любовью — обнаженные, потные, на смятых простынях. И при одной этой мысли меня охватило такое изумление и такое отвращение, что...

Я уперлась руками ему в грудь и сказала:

— Тьерри, пожалуйста, не надо...

Он лишь по-медвежьи оскалился в ответ.

- Тьерри, Зози придет буквально через минуту...
- Так давай поднимемся наверх, чтобы она нас тут не застала.

Мне не хватало воздуха, я задыхалась. От него уже вовсю разило потом, и этот противный запах смешивался с запахом холодного кофе,

влажной шерстяной материи и выпитого им вчера пива. Его привычного, успокаивающего запаха как не бывало; теперь от него пахло так, что мне мерещились переполненные пивные бары, узкие темные переулки, пьяные незнакомцы, с которыми ночью лучше не встречаться. Руки Тьерри, тяжелые, как камень, жадные, ищущие, были покрыты старческими веснушками, на фалангах пальцев торчали пучки волос.

Я обнаружила, что снова думаю о Ру, о его руках, ловких, как у воракарманника, с тонкими пальцами и черной полоской машинного масла под ногтями...

— Ну же, Янна, пошли!

Он подталкивал меня к лестнице. Его глаза горели от нетерпения. Мне вдруг захотелось воспротивиться, но было уже слишком поздно. Я сделала свой выбор. Теперь возврата нет и быть не может. И я последовала за Тьерри...

Электрическая лампочка лопнула с таким звуком, словно взорвали шутиху.

На нас так и посыпались брызги стекла.

Сверху доносились какие-то звуки. Явно проснулась Розетт. Я вдруг испытала такое облегчение, что меня пробрал озноб.

Тьерри выругался.

— Мне надо посмотреть, как там Розетт, — сказала я.

Он как-то странно то ли хмыкнул, то ли усмехнулся — пожалуй, это все-таки был не смех. Последний поцелуй — но было уже ясно, что момент упущен. Краешком глаза я сумела заметить, как в темном углу сверкнуло что-то яркое — возможно, просто солнечный зайчик...

- Мне надо посмотреть, как там Розетт, Тьерри, повторила я.
- Я люблю тебя, сказал он.

«Я знаю, что любишь».

Было уже десять часов, и Тьерри только что ушел, когда в магазин ввалилась Зози, вся закутанная, в пальто, в высоких пурпурных сапогах на платформе и с огромной картонной коробкой в руках. Коробка с виду была тяжелой, и Зози даже раскраснелась немного. Она осторожно поставила ее на пол и сказала:

- Извини, что опоздала. Но эта штука столько весит!
- А что это? спросила я.

Зози усмехнулась. Потом вдруг подошла к витрине и вытащила оттуда свои красные туфли, красовавшиеся там последние две недели.

— Я решила, что пора сменить декорацию. Ты не против? Собственно,

и не предполагалось, что тот вариант витрины так и останется навсегда, и потом, я, честно говоря, соскучилась по своим туфлям.

Я улыбнулась:

- Еще бы, я понимаю.
- В общем, эту штуковину я отыскала на блошином рынке. Она ткнула пальцем в коробку. У меня есть одна мысль, и мне хотелось бы попытаться воплотить ее в жизнь.

Я молча переводила глаза с коробки на Зози и обратно. Голова у меня все еще шла кругом после утреннего визита Тьерри, внезапного появления Ру и тех осложнений, которые все это наверняка вызовет, и я чуть не расплакалась, так тронула меня неожиданная доброта этого простого жеста со стороны Зози.

- Тебе не стоило так затруднять себя, Зози.
- Глупости какие! Мне даже приятно. Она внимательно на меня посмотрела. Что-то случилось?
- Ах, это все Тьерри! Я попыталась улыбнуться. Он в последнее время ведет себя как-то странно.

Она пожала плечами.

— Ничего удивительного. У тебя же все идет хорошо. Торговля, можно сказать, процветает. Наконец-то и тебе улыбнулась удача.

Я нахмурилась и спросила:

- Что ты хочешь этим сказать?
- Я хочу сказать, терпеливо объяснила Зози, что Тьерри попрежнему жаждет быть для тебя Санта-Клаусом, Принцем Очарование и Добрым Королем Венцеславом — все в одном флаконе. Все это было довольно мило, пока ты сражалась с жизнью: он угощал тебя обедами, одевал тебя, осыпал подарками, но теперь ты стала совсем другой. Тебя больше не нужно спасать. У него отняли любимую игрушку, его куколку Золушку, и вместо нее перед ним оказалась настоящая, живая молодая женщина, и он попросту не знает, как себя с ней вести.
 - Неправда, Тьерри не такой, возразила я.
 - Да неужели?
 - Hy... Я улыбнулась. Может, ты отчасти и права...

Она засмеялась, а потом и я вместе с нею, хотя душа моя была охвачена странным чувством. Зози, разумеется, весьма наблюдательна. Но почему же я сама до сих пор всего этого не замечала?

А она между тем открыла свою коробку и предложила:

— Может быть, тебе сегодня немного отдохнуть? Приляг. Поиграй с Розетт. И ни о чем не беспокойся. А если он придет, я тебя позову.

Это меня удивило.

- Если кто придет? спросила я.
- Ой, ну, Вианн...
- Не называй меня так!

Она усмехнулась.

— Разумеется, я говорю о Ру. А кого, по-твоему, я еще могла иметь в виду? Папу Римского?

Я тоже невольно усмехнулась.

- Нет, сегодня он не придет.
- И почему ж ты так в этом уверена?

И я рассказала ей о том, что Тьерри сказал насчет своей квартиры и того, как решительно он настроен переселить нас в эту квартиру уже к Рождеству, и о билетах на самолет до Нью-Йорка я ей тоже рассказала, и о том, что он предложил Ру заняться его квартирой...

Зози удивленно на меня воззрилась.

— Правда предложил? — переспросила она. — Ну, если Ру согласится, значит, ему действительно деньги нужны. Я даже представить себе не могу, чтобы он сделал это только из любви к тебе.

Я покачала головой и вздохнула:

— Господи, какой кошмар! Почему он заранее не сообщил о своем приезде? Я бы все уладила, и все было бы по-другому. По крайней мере, я была бы подготовлена...

Зози присела за стол.

— Это ведь он — отец Розетт, верно?

Я не ответила и отвернулась, чтобы включить духовку. Я собиралась испечь партию имбирных пряников, какие обычно вешают на елку, — позолоченных, покрытых твердой «морозной» глазурью, с бантиком из цветной ленточки...

- Впрочем, дело твое, продолжала Зози. Анни об этом знает? Я покачала головой.
- А кто-нибудь знает? Хоть Ру-то знает?

Силы вдруг совершенно покинули меня, я плюхнулась в ближайшее кресло, словно своими словами Зози подрезала мне сухожилия, в голове была полнейшая неразбериха; мне казалось, что я не только сил, но и голоса лишилась, что я просто с места сдвинуться не могу...

- Я не могу сказать ему об этом сейчас, прошептала я.
- Ну так он ведь не дурак. Сам обо всем догадается...

Я молча покачала головой. Впервые я была благодарна судьбе за то, что Розетт не такая, как другие дети, — что в свои почти четыре года она и

выглядит, и ведет себя как ребенок двух, от силы трех лет, а значит, вряд ли Ру поверит в невозможное...

- Слишком поздно, сказала я. Четыре года назад да, возможно... но только не сейчас.
 - Почему? Вы поссорились?

Она прямо как Анук. И я с удивлением поняла, что пытаюсь и ей тоже объяснить, что все не так просто, что дома нужно строить из камня, потому что, когда с воем налетает тот ветер, только крепкие каменные стены могут помешать ему унести нас прочь...

«К чему притворяться? — слышу я в ушах голос Ру. — Что заставляет тебя стараться соответствовать этим людям? Неужели они какие-то особенные, что ты так стремишься во всем быть на них похожей?»

— Нет, мы не ссорились, — сказала я. — Мы просто... разошлись в разные стороны.

Внезапный, поразительный образ возник перед моим внутренним взором — тот крысолов со своей флейтой, уводящий за собой всех детей Гаммельна, всех, кроме одного хроменького мальчика, которому было за ними не угнаться, вот он и остался по эту сторону, когда всех остальных поглотила гора...

— А как же быть с Тьерри? — спросила Зози.

Хороший вопрос, подумала я. А что, если он что-то подозревает? Тьерри ведь тоже далеко не дурак, хоть ему и свойственна некая душевная слепота, связанная то ли с излишней самоуверенностью, то ли с чрезмерной доверчивостью, то ли с тем и с другим. И все-таки к Ру он относится с явным подозрением. Вчера вечером я заметила и оценивающий взгляд, и инстинктивную неприязнь солидного столичного жителя к какому-то бродяге, цыгану, вечному страннику...

Ты сама выбираешь себе семью, Вианн.

- Впрочем, ты, я полагаю, свой выбор уже сделала, сказала Зози.
- И не сомневаюсь, что мой выбор правильный. Уверена в этом.

Но я чувствовала, что она моим словам не поверила. Будто видела, как мои сомнения кружатся в воздухе над моей головой, словно ком сахарной ваты, который надевают на палочку. Но ведь существует так много разновидностей любви! И если горячая, эгоистичная, сердитая любовь давно уже сама себя сожгла бы дотла, то, слава всем богам на свете, существуют еще и такие мужчины, как Тьерри: надежные, лишенные воображения, считающие, что страсть — это просто слою такое, взятое из книжек, как «магия» или «приключение».

Зози по-прежнему смотрела на меня с той же терпеливой

полуулыбкой, словно ожидая, что я скажу что-нибудь еще. Но я так ничего и не сказала, и она, пожав плечами, протянула мне блюдо с mendiants. Она делает их в точности по моему рецепту: хрупкий, тонкий слой шоколада, чтобы его вкус не перебивал всего остального, но все же чувствовался, щедрое количество крупного изюма, орехи, миндаль, засахаренные лепестки фиалок и роз.

— Попробуй-ка один, — предложила она. — Интересно, понравится тебе?

Аромат шоколада, чуть напоминающий запах пороха, витал над блюдом с mendiants, как аромат прошедшего лета, упущенного времени. На губах у него был вкус шоколада, когда я впервые его поцеловала; от земли, на которой мы лежали, прижавшись друг к другу, пахло мокрой травой; и ласки его оказались неожиданно нежными, а волосы так и сияли в лучах закатного солнца, точно оранжевые ноготки...

Зози все еще держала передо мной блюдо с mendiants. Небольшое блюдо из синего муранского хрусталя с маленьким золотым цветком на краю. Ничего особенного, но я это блюдо очень люблю. Ру подарил мне его еще в Ланскне, и с тех пор я всегда таскала его с собой, пряча в багаж, в карманы пальто, точно это не блюдо, а пробирный камень.

Я подняла глаза и увидела, что Зози пристально на меня смотрит. Глаза у нее были какого-то потустороннего, сказочно-синего цвета — такие можно увидеть только во сне.

- Ты ведь никому не скажешь? спросила я.
- Конечно не скажу.

Она выбрала своими тонкими пальцами один mendiant и протянула мне. Отличный темный шоколад, пропитанный ромом изюм, ваниль, розовые лепестки, корица...

— Попробуй, Вианн, — сказала она с улыбкой. — Я случайно узнала, что это твое любимое лакомство.

3 декабря, понедельник

Можно сказать, сегодня я славно поработала. Ведь по большей части мне здесь приходится просто всякие фокусы демонстрировать — жонглировать шарами, саблями и горящими факелами, стараясь продержать все это в воздухе как можно дольше...

Понадобилось какое-то время, чтобы определиться окончательно, как следует действовать в отношении Ру. Он и сам достаточно остер — вполне можно обрезаться, — и обращение с ним требует осторожности, так что мне не слишком многого удалось достичь, чтобы заставить его остаться. Но удержать его вечером в субботу я все же сумела, а с помощью кое-каких ободряющих слов, кажется, смогу и впредь держать его под контролем.

Должна признаться: это оказалось нелегко. Его первым побуждением было немедленно вернуться туда, откуда он пришел, и никогда больше здесь не появляться. Мне не нужно было даже ауру его видеть, чтобы это понять: все легко читалось по его лицу, когда он огромными шагами устремился вниз с Холма, набычившись, сунув руки в карманы и не замечая, что ветер швыряет волосы прямо ему в глаза. Тьерри тащился за ним следом, и мне пришлось расчистить себе путь с помощью одного маленького заклятия; в результате Тьерри поскользнулся, и, пока он вставал, я успела нагнать Ру и взять его за плечо.

— Ру, — сказала я ему, — вы не можете так просто уйти. Есть вещи, о которых вы и понятия не имеете.

Он стряхнул мою руку с плеча и, даже не замедлив хода, спросил:

- А с чего вы взяли, что я хочу это знать?
- Потому что вы ее любите, сказала я.

Он лишь пожал плечами, продолжая идти.

— И потому что у нее полно сомнений, но она не знает, как сказать об этом Тьерри.

Теперь уже он к моим словам прислушивался. И даже сменил свою рысь на нормальный шаг. Я воспользовалась этим и незамедлительно изобразила знак Ягуара прямо у него за спиной — уж это-то должно было его остановить, но он продолжал идти, машинально отмахнувшись от какой-то мимолетной неведомой помехи.

— Эй, немедленно прекрати! — воскликнула я почти в отчаянии.

Он быстро, с любопытством дикого зверя глянул на меня.

- Ты должен дать ей время.
- Зачем?
- Чтобы она могла решить, чего действительно хочет.

Теперь он совсем остановился и посмотрел на меня с неким новым интересом, отчего я вдруг разозлилась — настолько он не замечал никого, кто не был Вианн Роше. Ничего, еще придет мое время, сказала я себе. В данный момент он мне нужен здесь, только и всего. А уж потом я заставлю его за все расплатиться сполна.

Между тем я заметила, что Тьерри уже поднялся с земли и направляется к нам.

- Ладно, сейчас у меня мало времени, быстро сказала я. Встретимся в понедельник, когда ты закончишь работу.
- Закончу работу? переспросил он. И рассмеялся. Неужели ты думаешь, что я стану на него работать?
- A стоило бы, сказала я. Особенно если хочешь моей помощью заручиться.

Больше я уже ничего не успела — Тьерри был от нас всего в нескольких десятках шагов, и я устремилась к нему навстречу. Огромный в своем кашемировом пальто, он гневно поглядывал и на меня, и на Ру, оставшегося у меня за спиной, и в глазах его застыла такая черная свирепая ярость, что они стали похожи на пуговицы — казалось, большой плюшевый мишка вдруг сошел с ума и совершенно озверел, превратившись в чудовище.

— Ну куда ты так спешишь? Совсем запыхался, — ласково сказала я ему. — Что это на тебя нашло? Ты просто ужасно себя вел! Янна страшно расстроена...

Он тут же пошел на попятный:

- А что я такого сделал? Это же просто...
- Какая разница, что именно ты сделал. Я могу тебе помочь, но ты должен вести себя хорошо.

И я с дикарским наслаждением сотворила у него за спиной символ Госпожи Кровавой Луны. Это, похоже, его несколько успокоило, теперь он

выглядел даже, пожалуй, смущенным. Я воспользовалась еще одним магическим символом — знаком Ягуара, и увидела, что цвета его ауры несколько померкли.

Да уж, с этим человеком куда проще, чем с Ру, думала я. И контакт с ним гораздо легче установить. В нескольких словах я изложила ему свой план.

— Все очень просто, — сказала я. — И ты ни в коем случае не останешься в проигрыше. Еще и великодушным будешь выглядеть. А заодно получишь необходимую помощь в ремонте квартиры. Да и с Янной будешь видеться чаще. И потом... — я перешла почти на шепот, — ты сможешь за ним присматривать...

В общем, это все и решило. Я так и знала. О дивное сочетание тщеславия, подозрительности и чрезмерной самоуверенности! Мне и волшебства-то почти никакого не потребовалось: он и сам был распрекрасно готов на все.

Да, Тьерри мне уже почти начинает нравиться. Такой удобный, такой предсказуемый, лишенный каких бы то ни было острых краев, о которые можно порезаться. Но самое главное — его ничего не стоит очаровать. Одна улыбка, одно словечко — и он весь мой. Никакого сравнения с Ру, который подожмет губы и подозрительно на тебя смотрит...

Черт бы его побрал, этого Ру, злилась я. Что во мне так уж ему не нравится? Внешне я похожа на Вианн, я даже разговариваю как она — и он в данном случае должен был оказаться достаточно слабым противником. Но он оказался крепким орешком, вот мои первоначальные расчеты меня и подвели немного. Ничего, я могу и подождать — во всяком случае, несколько дней роли не играют. Ну а если не сработают чары, тогда применим снадобья.

Сегодня я с нетерпением ждала, когда закроется магазин, и то и дело поглядывала на часы. Мне казалось, что день тянется необычайно долго, хоть я и провела его довольно приятно. Дождь за окнами медленно превратился в туман, и прохожие двигались в этом тумане словно во сне; они выплывали из него и останавливались, с недоумением глядя на еще не законченную витрину, которая теперь сияет в сумерках, точно картинка из волшебного фонаря.

Не вздумайте недооценивать силу воздействия ярких витрин. Глаза, как говорится, — зеркало души, а витрина должна стать глазами магазина, и пусть в этих глазах светятся обещания и восторг. Наша старая витрина была оформлена довольно мило — благодаря моим красным туфлям,

полным шоколадок, — но я же понимаю: поскольку Рождество приближается семимильными шагами, мы должны подумать о чем-то более привлекательном и чарующем, чем просто хорошенькие туфли, если хотим привлечь покупателей.

А потому я превратила нашу витрину в этакий рождественский календарь, задрапировав ее куском старого шелка и осветив однимединственным желтым фонариком. Собственно, это даже не календарь, а нечто вроде святочного домика. Этот старинный кукольный домик я нашла на блошином рынке. Он был слишком старым и обшарпанным, чтобы привлечь внимание ребенка, и слишком ветхим, чтобы заинтересовать коллекционера, — крыша совсем провалилась, фасад потрескался и был заклеен клейкой лентой. Но это было именно то, что я давно уже искала.

Домик довольно большой — достаточно большой, чтобы заполнить почти всю витрину, — с остроконечной конической крышей и раскрашенным фасадом; там четыре поднимающихся панели, и можно заглянуть внутрь. В настоящее время все панели опущены, а на окошечки я повесила плотные шторки, сквозь которые виден лишь проблеск уютного золотистого света, горящего внутри.

- Ого! сказала Вианн, застав меня за работой. Что это? Вертеп? Я улыбнулась.
- Не совсем. Это сюрприз.

В общем, сегодня я трудилась не покладая рук, занавесив витрину от любопытных глаз большим золотисто-красным шелковым сари, под прикрытием которого и должно было произойти великое превращение.

Начала я с декораций. Вокруг домика был разбит миниатюрный садик; озеро я сделала из голубого шелкового лоскутка, а по нему пустила плавать шоколадных уточек; затем я сделала речку и проложила тропинку из разноцветных сахарных леденцов, а по обеим сторонам «посадила» деревья и кусты из бумажных салфеток и палочек для чистки трубок; все это я посыпала снегом из сахарной глазури и выпустила из дверей домика целую армию разноцветных сахарных мышей, словно явившихся из волшебной сказки...

За возней со всем этим прошла большая часть утра. Около двенадцати явились Нико с Алисой — они, похоже, теперь неразлучны — и довольно долго торчали перед витриной, восхищаясь тем, что у меня получается. Он, как всегда, купил коробку своего любимого миндального печенья, а она, широко раскрыв глаза от изумления, смотрела, как я наношу последние штрихи, завершая отделку фасада с помощью сахарной глазури и небольшого кондитерского мешочка.

— Потрясающе! — восхищалась Алиса. — Лучше, чем в галерее Лафайет!

Пришлось согласиться, что получилось действительно очень неплохо. То ли домик, то ли торт с резными наличниками из сахара, сахарными горгульями на крыше, сахарными колоннами по обе стороны от входа и с аккуратной маленькой шапочкой снега на каждом подоконнике и на каждой из каминных труб.

В обеденный перерыв я позвала Вианн посмотреть.

— Тебе нравится? — спросила я. — Это, конечно, еще не закончено, но все же... что ты думаешь?

Какое-то время она просто молчала. Но по цветам ее ауры я уже и так все поняла: они вспыхнули так ярко, что осветили весь магазин. И помоему, у нее были слезы на глазах. Или мне показалось? Нет, все-таки, похоже, действительно были.

— Изумительно, — только и вымолвила она. — Просто... изумительно!

Я притворилась скромницей.

- Ой, это ты уж слишком...
- Но я действительно так считаю, Зози. Ты вообще столько для меня делаешь...

Мне показалось, что она чем-то встревожена. А впрочем, это вполне возможно; знак Эекатля [46], Ветра Перемен, — символ весьма могущественный, символ путешествий и смены жизненного пути; должно быть, она почувствовала его воздействие, причем не только вокруг, но, возможно, даже и в себе самой (ведь приготовленные мною mendiants — особые во многих отношениях). И теперь все это, в сочетании с ее собственными мыслями и переживаниями, неуловимо ее меняет...

- A я даже жалованья тебе пристойного заплатить не могу, продолжала она.
- А ты плати мне по-другому, улыбаясь, предложила я. Разреши мне съедать столько твоих шоколадок, сколько смогу.

Вианн покачала головой, нахмурилась, словно прислушиваясь к чемуто за дверью, но туман поглощал все звуки.

— Я стольким тебе обязана, — снова заговорила она, — а сама для тебя ничегошеньки не сделала...

Она умолкла, словно что-то услыхав, словно в голову ей вдруг пришла настолько занимательная мысль, что она временно лишилась дара речи. Это, конечно же, опять мои mendiants, ее любимое лакомство! Они напоминают ей о прошлой, более счастливой жизни...

— А знаешь что? — вдруг воскликнула она, и лицо ее просветлело. — Ты могла бы переехать сюда, к нам! В те комнаты, где раньше жила мадам Пуссен. Сейчас ими никто не пользуется. Это, конечно, не много, но все же лучше, чем пресловутый «ночлег и завтрак». Ты могла бы и жить вместе с нами, и питаться, да и дети будут просто в восторге. Нам-то много места не нужно, а после Рождества, когда мы отсюда съедем...

Она немного помрачнела, но глаза все еще горели.

- Я буду вам мешать, возразила я, качая головой.
- Не будешь. Ни в коем случае не будешь! И потом, у нас же работы полно. Да нет, ты просто одолжение нам сделаешь...
 - А что скажет Тьерри? спросила я.
- А при чем здесь Тьерри? В голосе Вианн послышался вызов. Мы же все делаем, как он хочет, разве нет? Вот и к нему на улицу Святого Креста переезжать собрались, верно? Так почему бы тебе не пожить с нами, пока мы еще туда не переехали? А когда мы окончательно к нему переедем, ты сможешь заодно и за магазином присматривать. Чтобы тут все было в порядке. Да он ведь и сам, в конце концов, это предлагал он сам сказал, что мне нужен управляющий...

Я сделала вид, что обдумываю ее слова. Неужели Тьерри действительно теряет терпение? Неужели он уже продемонстрировал ей свою дикую, звериную сущность? Должна сказать, я это в нем давно подозревала — а теперь, когда еще и Ру снова появился невесть откуда, Вианн нужно их обоих держать на расстоянии вытянутой руки, во всяком случае, пока она не определится с выбором...

Компаньонка. Вот что ей сейчас необходимо. А разве можно найти кого-то лучше, чем ее ближайшая подруга Зози?

— Но ты ведь совсем недавно со мной познакомилась, — сказала я. — Мало ли кем я могу оказаться на самом деле...

Она рассмеялась.

- Да никем особенным ты оказаться не можешь!
- «Мало же ты меня знаешь», подумала я с улыбкой и сказала:
- Ладно. Договорились.

И снова я оказалась в выигрыше.

4 декабря, вторник

Итак, она переезжает к нам. «А что, это действительно клёво» — сказал бы Жан-Лу. Она уже и вещички свои вчера перетащила — хотя их у нее кот наплакал. Никогда не видела, чтобы у кого-нибудь при переезде было так мало вещей, пожалуй, только у нас с мамой в те времена, когда мы постоянно находились в пути. Она притащила два чемодана — в одном обувь, во втором все остальное. Через десять минут она уже все распаковала, разложила, и у меня такое ощущение, что она всегда здесь жила.

В ее комнате до сих пор стоит старая мебель мадам Пуссен; типичная мебель старой дамы — тощий шкафчик, пропахший шариками от моли, комод, полный больших колючих одеял. Занавески на окнах коричневокремовые с рисунком в виде роз, а кровать старая, с просевшими пружинами, и в головах валик, набитый конским волосом; еще там есть зеркало, от старости настолько покрывшееся пятнами, что, заглянув в него, запросто можно решить, что у тебя чума. В общем, как я уже сказала, типичная старушечья комната; впрочем, Зози сумеет быстренько все там переделать, и наверняка получится клёво.

Я помогала ей вчера вечером распаковывать вещи и подарила одно из своих сандаловых саше для гардероба, чтобы помочь избавиться от старушечьего запаха.

- Да ничего, сказала она, развешивая свою одежду в старом шкафу. Я кое-что захватила с собой, чтобы немного оживить эту комнату.
 - А что?
 - Увидишь.

И мы увидели. Пока мама готовила ужин, а мы с Розетт ходили гулять — в очередной раз любовались вертепом, — Зози трудилась над убранством своего нового жилища. Ей-богу, она на все потратила не больше часа, но когда я заглянула к ней, то, честное слово, эту комнату

просто не узнала. Старые занавески с коричневыми розами исчезли, вместо них она повесила два огромных полотнища, из каких делают сари, — одно красное, другое синее. Еще одним сари (на этот раз пурпурного цвета с серебряной ниткой) она накрыла широкую кровать, а над камином повесила двойную гирлянду маленьких цветных лампочек, на каминной полке расставила в рядок все свои шикарные туфли — точно украшения.

На пол Зози постелила яркий лоскутный коврик, а к абажуру настольной лампы подвесила все свои сережки; на стене, там, где когда-то висела картина, теперь красовалась одна из ее шляп, за дверью спрятался длинный, до полу, китайский шелковый халат, а на раме старого пятнистого зеркала устроился целый выводок украшенных «драгоценными» камешками бабочек вроде тех, которые она носит в волосах.

— Вот клёво! — воскликнула я. — Мне ужасно нравится!

И еще там как-то по-особому пахло — такой сладкий, церковный запах, слегка напомнивший мне Ланскне.

— Это ладан, Нану, — пояснила Зози. — Я всегда курю ладан там, где живу.

Да, это был настоящий ладан, какой жгут в курильницах. Мы с мамой тоже когда-то часто его жгли, хотя теперь никогда этого не делаем. С ним и правда возни многовато, зато он так хорошо пахнет! И потом, как мне кажется, в том беспорядке, что вроде бы царит в комнате Зози, куда больше смысла, чем в том порядке, каким его представляют себе почти все.

Затем Зози извлекла из недр своего чемодана бутылку «Гренадина», и мы все устроили внизу маленький праздник — с шоколадным тортом и мороженым для Розетт. Когда я наконец собралась лечь спать, оказалось, что уже почти полночь; Розетт так и уснула прямо на «бобовом» пуфе мама мыла посуду, а я стала смотреть на Зози, и мне показалось, что она со своими длинными волосами, звенящими амулетами на браслете, с горящими волшебным огнем глазами удивительно похожа на маму — какой она была в Ланскне, когда ее звали Вианн Роше.

— А как тебе понравился мой святочный домик?

Видите ли, Зози поставила этот домик у нас в витрине как бы в качестве компенсации — ведь свои леденцовые туфельки она оттуда забрала. Сперва я думала, что это будет что-то вроде вертепа, как на площади Тертр, с младенцем Иисусом, с его родителями, волхвами и друзьями. А на самом деле получилось гораздо интереснее — настоящий сказочный домик, окруженный волшебным лесом. Зози обещала, что каждый день там будет открываться одна из дверок и за ней мы увидим нечто новое. Сегодня, например, там сценка из сказки о крысолове из

Гаммельна. Все действие, правда, происходит вне дома, а вместо крыс — сахарные мышки, розовые, белые, зеленые и голубые. Самого крысолова Зози смастерила из деревянного крючка от платяной вешалки; волосы у него рыжие, в руках дудочка-спичка, с помощью которой он и уводит всех мышей в речку, сделанную из шелкового лоскутка...

Из окошка выглядывает мэр города Гаммельна, тот самый, что отказался заплатить крысолову за работу. Мэр тоже сделан из крючка от вешалки; он в ночной рубахе из носового платка, на голове бумажный ночной колпак, на лице фломастером нарисованы глаза и разинутый от изумления рот.

Не знаю уж почему, но этот крысолов напоминает мне Ру с его рыжей шевелюрой и потрепанной одеждой, а жадный старый мэр чем-то похож на Тьерри, и я никак не могу отделаться от мысли о том, что эта сценка, как и вертеп на площади Тертр, имеет куда более глубокий смысл; и мне кажется, что Зози устроила этот святочный домик не просто для того, чтобы поновому оформить витрину...

- По-моему, здорово! ответила я.
- Я очень надеялась, что тебе понравится.

Розетт вдруг завозилась на своем пуфике, что-то пробормотала во сне и поискала рукой одеяло, но оно свалилось на пол. Зози подняла одеяло, укрыла Розетт и на мгновение склонилась над ней, чтобы погладить по голове.

И тут меня посетила одна странная мысль. Даже не мысль, а некое озарение. Скорее всего, из-за этого святочного домика. Хотя думала я вовсе не о нем, а о вертепе и о том, почему тогда в хлев, где родился Христос, явились все сразу — и животные, и волхвы, и пастухи, и ангелы, и даже та звезда заглянула туда с небес, хотя никто их как будто не приглашал. А это значит, что они наверняка были призваны туда с помощью магии...

Я чуть было не рассказала об этом Зози. Но потом опомнилась и поняла, что сперва нужно самой во всем разобраться, убедиться, что я в очередной раз не наделаю глупостей. Видите ли, я тоже кое-что припомнила. И это «кое-что» случилось давным-давно, еще в те дни, когда мы считались не такими, как все. И возможно, это «кое-что» было связано с Розетт. Бедной крошечной Розетт, которая не плакала, а мяукала, как кошка, и почти ничего не ела, а иногда и вовсе на несколько секунд или даже минут вдруг без всякой причины переставала дышать...

Младенец. Колыбель. Животные...

Ангелы и волхвы...

А что такое волхв, кстати сказать? И почему это мне кажется, что

одного из них мне уже доводилось встречать?

4 декабря, вторник

Между тем с Ру нужно что-то делать. В мои планы совершенно не входят его дальнейшие встречи с Вианн, но мне необходимо, чтобы он оставался поблизости, а потому я, как и было задумано, ровно в половине шестого спустилась с Холма на улицу Святого Креста и стала ждать, когда он выйдет.

Он появился около шести. К подъезду уже прибыло такси, вызванное Тьерри, — на время ремонтных работ Тьерри поселился в весьма симпатичном отеле. Пока сам Тьерри находился в квартире, я, укрывшись в одном удобном местечке за углом, немного понаблюдала за Ру, который ждал меня под дождем, засунув руки глубоко в карманы и подняв воротник.

Надо сказать, что Тьерри всегда гордился тем, что он человек без претензий, настоящий мужчина, который не боится испачкать руки и никогда не унизит других только потому, что у них денег маловато или социальный статус более низкий. Все это, разумеется, чистейшее притворство. Тьерри — типичный сноб, причем самого худшего пошиба, просто сам он этого не понимает. Но это сильно заметно хотя бы по тому, как он держится, как вечно называет Лорана mon pote; и сейчас я прямотаки видела, как он с небрежным видом запирает свою роскошную квартиру, неторопливо все проверив, затем включает охрану и только после этого спускается к Ру и смотрит на него с таким выражением, словно хочет сказать: «Ах да, о тебе-то я и позабыл совсем…»

— Ну и сколько я тебе должен? Сотни хватит? — спросил он.

Сто евро в день, подумала я. В общем, не так уж и щедро. Но Ру, как всегда, только плечами пожал — этот его характерный жест жутко бесит Тьерри, и он с трудом подавляет свое раздражение. Ру, напротив, совершенно спокоен, и аура его опять напоминает газовую горелку, включенную на самый минимум. Впрочем, как я заметила, глаз он на

Тьерри старается не поднимать, видно, опасается, что они могут его выдать.

— Чек устроит? — спросил Тьерри.

Тонкий ход, подумала я. Разумеется, он понимает, что никакого счета в банке у Ру нет, что никаких налогов он не платит, что Ру, возможно, вовсе и не настоящее его имя...

— Или ты предпочитаешь наличными? — снова спросил Тьерри.

Ру снова пожал плечами и сказал:

— Мне все равно.

Готов пустить псу под хвост заработок за целый день, лишь бы не уступить.

Тьерри широко улыбнулся:

— Ладно, тогда лучше чек. Наличных у меня при себе маловато. Не возражаешь?

«Газовая горелка» так и вспыхнула всеми цветами радуги, но сам Ру упрямо хранил молчание.

- На какое имя мне выписать чек?
- Оставьте свободное место.

Все еще улыбаясь, Тьерри неторопливо выписал чек, протянул его Ру и весело подмигнул.

— Тогда до завтра. В то же время. Или с тебя и сегодняшнего дня достаточно?

Ру молча покачал головой.

— Хорошо. Тогда в восемь тридцать. И не опаздывай.

Тьерри сел в такси и уехал, а Ру так и остался стоять с совершенно бесполезным чеком в руках и в такой глубокой задумчивости, что не заметил даже, как я подошла к нему.

- Ру! окликнула я его.
- Вианн? Он обернулся, и улыбка его сразу вспыхнула, точно новогодняя елка. Впрочем, тут же погасла. А, это ты.
- Меня зовут Зози. Я укоризненно глянула на него и сказала с упреком: А ты мог бы и полюбезней со мной обращаться.
 - Что?
- По-моему, можно было хотя бы притвориться, что ты рад меня видеть.
 - Ой, извини.

Он немного смутился.

- Ну и как работа?
- Неплохо.

Я улыбнулась. Потом предложила:

— Давай найдем какое-нибудь местечко, где достаточно сухо и можно спокойно поговорить. Ты где остановился?

Он назвал дешевую гостиницу неподалеку от улицы Клиши — я, собственно, чего-то в этом роде и ожидала.

— Ладно, идем, а то у меня времени мало.

Гостиница была мне знакома — дешевая, грязноватая, зато там принято расплачиваться наличными, что немаловажно для таких, как Ру. От входной двери у него ключа не было, имелась только электронная карточка и код. Я хорошо видела, как он набрал на панели 825436; его профиль четко вырисовывался в грязно-оранжевом свете уличного фонаря. Код на всякий случай стоит запомнить — вдруг пригодится, думала я. Коды — всякие — вещь вообще полезная.

Мы вошли в комнату. Я огляделась. Темновато, ковер на полу кажется липким от грязи и старости, в общем, квадратная тюремная камера со стенами цвета старой жевательной резинки, узкой кроватью и почти полным отсутствием какой бы то ни было иной мебели. В этой комнате даже окна не было и, что самое интересное, — ни одного стула! Только раковина, батарея отопления и отвратительный эстамп на стене.

- Ну? промолвил Ру.
- Попробуй-ка, предложила я, вытаскивая из кармана пальто маленькую подарочную коробочку с бантом. Я протянула коробочку ему и пояснила: Я их сама сделала. Не беспокойся, это за счет магазина.
- Спасибо, без малейшего энтузиазма поблагодарил он, бросил коробочку на кровать и больше ни разу даже не взглянул в ту сторону.

И меня снова охватило острое раздражение.

«Всего один трюфель, — думала я, — разве я слишком многого прошу?» На крышке коробочки я, правда, начертала весьма могущественные магические символы (в частности,» красный круг, знак Госпожи Кровавой Луны, великой соблазнительницы, Пожирательницы Сердец), но, как только он попробует сами трюфели, убедить его уже не составит особого труда...

— Итак, когда я теперь смогу зайти? — нетерпеливо спросил Ру. Я присела на краешек кровати.

— Видишь ли, все это очень сложно, — начала я. — Ты застал ее врасплох. Свалился как снег на голову — из ниоткуда, да еще в такой момент, когда она была не одна...

Он рассмеялся, но смех его прозвучал горько.

— Ах да! Там был господин Ле Трессе! Господин Толстый Бумажник!

— Да ладно тебе! Не беспокойся, чек я тебе обналичу.

Он с подозрением посмотрел на меня.

- Откуда ты знаешь про чек?
- Я знаю Тьерри. Он такой человек, который и руку другому не пожмет, не выяснив, сколько костей он при этом сможет сломать. К тому же он тебе завидует...
 - Завидует?
 - Естественно.

Он усмехнулся и, похоже, по-настоящему развеселился, хоть и весьма ненадолго.

- A это потому, что у меня есть все, верно? Деньги, шмотки, соответствующее положение...
- У тебя есть нечто гораздо большее, сказала я ему совершенно серьезно.
 - И что же, например?
 - Она тебя любит, Ру.

Какое-то время он не мог вымолвить ни слова. На меня он при этом вообще не смотрел, но я видела, как сильно он напряжен, какими яркими цветами полыхает его аура — от небесно-голубого до ярко-красного, бьющего по глазам, точно неоновая реклама. Было совершенно ясно: он потрясен до глубины души.

- Это она тебе сказала? спросил он наконец.
- Не то чтобы сказала, но я уверена, что это именно так.

Возле раковины стоял стакан из жаропрочного небьющегося стекла. Ру налил в него воды, выпил залпом, глубоко вздохнул и снова наполнил стакан водой.

— Но если это действительно так, — сказал он, — зачем же она выходит замуж за господина Ле Трессе?

Я улыбнулась, взяла с кровати конфетную коробку и протянула ему; начертанный на крышке красный круг, символ Госпожи Кровавой Луны, так и светился, отбрасывая ему на лицо разноцветные карнавальные блики.

— Может, все же один попробуешь?

Он нетерпеливо помотал головой.

- Ну ладно, смирилась я. Тогда скажи мне вот что: когда ты впервые меня увидел, то назвал Вианн, а почему?
- Я же сказал. В тот момент ты была очень на нее похожа. Ну, по крайней мере... на ту Вианн, какой она была когда-то.
 - Когда-то?
 - Теперь она совсем другая, сказал он. И причесана по-другому,

и одета...

— Да, ты прав, — согласилась я. — Это все влияние Тьерри. Он просто ушиблен идеей о том, что женщину необходимо держать в руках, к тому же он безумно ревнив и всегда требует, чтобы все поступали так, как хочет он. Впрочем, сначала-то он вел себя просто отлично. Помогал ей с детьми, дарил подарки, причем достаточно дорогие. А потом стал на нее давить. А теперь и вовсе диктует ей, что носить, как себя вести, даже как детей воспитывать. К сожалению, именно он хозяин этого дома, так что в любую минуту может попросту вышвырнуть ее на улицу...

Ру нахмурился; по-моему, я таки сумела его достать. В цветах его ауры я читала глубокие сомнения, а также — и это было куда важнее — первые проблески гнева.

- Так почему же она мне-то ничего не сказала? Почему не писала мне?
 - Боялась, наверное, предположила я.
 - Боялась? Его?
 - Возможно.

Теперь он, ясное дело, задумался, даже голову опустил и глаза прикрыл. Как ни странно, он по-прежнему мне не доверяет, но я тем не менее уверена: эту наживку он проглотит! Ради Вианн Роше, ради ее спасения.

- Я пойду и поговорю с ней. Немедленно...
- И совершишь большую ошибку.
- Почему?
- Она пока не хочет тебя видеть. Ты должен дать ей время. Нельзя же свалиться как снег на голову и рассчитывать, что она в ту же секунду свой выбор и сделает.

По его глазам я поняла, что именно на это он и рассчитывал.

- Я положила руку ему на плечо и сказала проникновенно:
- Слушай, я поговорю с ней. Попытаюсь сделать так, чтобы она посмотрела на сложившуюся ситуацию твоими глазами. Но пока больше никаких визитов, никаких писем, никаких телефонных звонков. Доверься мне хоть в этом...
 - С какой стати?

Он холодно посмотрел на меня.

В общем-то, я понимала, что с ним будет нелегко, но сейчас он вел себя просто нелепо. И голос мой прозвучал нарочито резко, когда я возмущенно переспросила:

— С какой стати? Да хотя бы потому, что я ей друг! И мне не все

равно, что будет с ней и с детьми. Вот если б ты сам хоть на минуту перестал думать о собственных уязвленных чувствах, то понял бы, что ей просто необходимо немного подумать. И вообще, где ты, собственно, был целых четыре года? Почему она должна быть уверена, что ты снова не смоешься? Тьерри, конечно, далеко не идеален, но он-то под рукой, и на него, безусловно, можно положиться, чего о тебе, к сожалению, не скажешь...

На некоторых людей резкое обращение действует куда сильнее, чем любые чары. И Ру, очевидно, был как раз из таких, потому что сразу заговорил куда вежливее, чем прежде.

- Ты права, Зози. Извини меня.
- Значит, ты сделаешь, как я сказала? Иначе, поверь, мне нечего даже и пытаться тебе помочь. Да и смысла в этом не много...

Он молча кивнул.

- Слово даешь?
- Даю.

Я с облегчением вздохнула. Так, самая трудная часть дела позади.

«Даже отчего-то жаль его», — думала я. Несмотря ни на что, он показался мне довольно симпатичным. Но каждое оказанное богами благодеяние требует жертвы. А мне к концу этого месяца наверняка придется просить богов о существенной услуге...

5 декабря, среда

Сюзи сегодня наконец снова пришла в школу. Уже в шапочке, а не в том ужасном платке. Теперь она вовсю пытается наверстать упущенное. На большой перемене они с Шанталь сидели голова к голове и о чем-то шептались, а потом все опять началось сначала: «остроумные» замечания, вопросы типа «а где же твой дружок?» и всякие дурацкие игры, в которых всегда «водит глупенькая Анни».

И все это уже, пожалуй, на шутку вовсе не похоже. Это не обычная девчачья зловредность, нет, теперь это самая настоящая злоба Достаточно послушать, как издевательски Сандрин и Шанталь повествуют всем о том, как на прошлой неделе «случайно зашли» в наш магазин, который, по их словам, оказался чем-то средним между логовом хиппи и помойкой. При этом они так громко хихикают, словно совсем уж спятили.

К моему огромному сожалению, Жан-Лу опять болен, и я снова осталась совершенно одна, так что меня все время пытаются заставить «водить». Мне, конечно, плевать, а все-таки ужасно несправедливо, ведь мы все столько труда на этот магазин положили — и мама, и Зози, и Розетт, и я, — а Шанталь со своими прилипалами старается сделать из нас полных и безнадежных неудачников.

В другое время я бы и не подумала обращать на это внимание. Но сейчас дела у нас идут гораздо лучше, и Зози к нам переехала, и покупателей в магазине каждый день полно, и Ру вдруг вернулся. Свалился как снег на голову...

Хотя прошло уже четыре дня, а он к нам и носа не кажет. Я даже в школе постоянно о нем думаю, интересно, где он свое судно держит? А может, он наврал насчет судна и ночует где-нибудь под мостом или в старом заброшенном доме, как когда-то в Ланскне после того, как месье Мускат сжег его плавучий дом?

Эти мысли не дают мне толком сосредоточиться, и месье Жестен

накричал на меня, сказал, что я сплю наяву, а эти, «Шанталь и компания», тут же, естественно, гнусно захихикали. И мне ведь даже поговорить не с кем, потому что Жан-Лу по-прежнему в школу не ходит.

А сегодня вышло совсем плохо. После уроков, когда я уже стояла в очереди на автобус рядом с Клодом Мёнье и Матильдой Шагрен, ко мне вдруг подошла Даниэль и с фальшиво-сочувственным выражением на лице, которым она так часто пользуется, громко спросила:

— А что, твоя младшая сестренка и впрямь умственно отсталая?

Шанталь и Сюзи стояли неподалеку, и лица их абсолютно ничего не выражали, но я все и так поняла: я все могла прочесть по цветам их аур. И не сомневалась, что им ужасно хочется задеть меня побольнее, да они чуть от смеха не лопнули, услышав, как Даниэль задает мне свой гнусный вопрос...

— Не понимаю, о чем ты.

Я изобразила на лице полнейшее непонимание и равнодушие. Ведь о Розетт вообще никто ничего не знает. Во всяком случае, до сих пор я была в этом уверена. И тут я вдруг припомнила, как однажды Сюзи была у нас в гостях и играла с Розетт...

— Да я сама слышала, — сказала Даниэль. — Все говорят, что сестра у тебя умственно отсталая.

«Так, довольно. Хватит с меня лучших подруг! — с яростью подумала я. — К черту эмалевую подвеску, и клятвенное обещание Сюзи никогда никому не рассказывать, и надежды на..»

Я гневно глянула в сторону своей бывшей подружки, на голове которой сегодня красовалась ярко-розовая шапочка (между прочим, рыжим вообще нельзя носить ярко-розовое!).

— Пусть кое-кто лучше своими делами занимается, а не сует нос в чужие!

Я сказала это достаточно громко, чтобы услышали все.

Даниэль самодовольно усмехнулась.

— Ну, значит, так и есть, — сказала она, и цвета ее ауры жадно полыхнули, словно горячие уголья под ветром.

Точно так же что-то вдруг полыхнуло и в моей душе. «Как ты смеешь! — мысленно озлилась я. — Если кто-нибудь из вас скажет еще хоть слово...»

— Конечно, так и есть, — вступила в разговор Сюзи. — Ну смотрите: ей ведь года четыре, а она еще даже разговаривать не умеет. Моя мама говорит, что у нее болезнь Дауна. Во всяком случае, выглядит она как настоящий даун.

- Неправда, тихо сказала я.
- Да правда, правда! Твоя сестрица монголизмом страдает, потому она такая уродина и есть в точности как ты сама!

И Сюзи громко расхохоталась.

Следом захохотала Шанталь. А потом они принялись распевать: «Умственно отсталая, умственно отсталая», — и я успела лишь заметить, что Матильда Шагрен смотрит на меня побелевшими от испуга глазами, когда вдруг...

БАМ!

Я даже не знаю толком, что именно произошло. Все случилось очень быстро — так кошка мгновенно переходит от сонного расслабленного мурлыканья к осатанелому шипению и вцепляется в обидчика зубами и когтями. Я помню только, что направила на Сюзанну скрещенные пальцы — как Зози тогда, в магазине «Английский чай». Но я совершенно не представляла себе, что, собственно, хочу сотворить; я лишь успела почувствовать, как из моей руки вылетело нечто, словно я чем-то бросила в нее — камешком, или диском с острыми краями, или чем-то обжигающим...

Но что бы это ни было, подействовало оно очень быстро. До меня донесся вопль Сюзанны, и она, причитая и постанывая, вдруг обеими руками принялась сдирать с себя свою ярко-розовую шапчонку.

- Что случилось? повернулась к ней Шанталь.
- Ой, чешется! выла Сюзи, так яростно расчесывая себе голову ногтями, что среди остатков ее волос уже виднелись розовые царапины. Господи, как чешется!

Я вдруг почувствовала дурноту, и колени у меня подогнулись от слабости — как в тот день, с Зози, в «Английском чае». Но хуже всего то, что я не испытывала ни малейших угрызений совести, наоборот, я буквально ликовала, и этот мой восторг был сродни тому постыдному чувству, когда сделаешь что-нибудь плохое, но никто даже не догадывается, что виновата именно ты.

- Что, что с тобой такое? все спрашивала Шанталь.
- Ой, да не знаю я! вопила Сюзанна.

Даниэль смотрела на нее с сочувствием — разумеется, абсолютно фальшивым; точно так же она смотрела на меня, перед тем как спросить, действительно ли Розетт умственно отсталая. Сандрин тоже время от времени как-то странно покряхтывала — то ли от сочувствия, то ли просто от возбуждения, трудно сказать.

А через несколько минут и Шанталь тоже принялась вовсю чесаться!

— Ч-ч-что, в-в-вошки заели, Ш-ш-шанталь? — спросил Клод Мёнье,

как всегда сильно заикаясь.

Задний конец очереди так и покатился со смеху.

И тут чесаться начала уже Даниэль.

Казалось, их четверку окутало облако какого-то едкого порошка, вызывающего чесотку или еще что похуже. По лицу Шанталь было видно, что сперва она разозлилась, потом встревожилась, потом испугалась. А Сюзанна уже почти билась в истерике. Зато мне вдруг стало так хорошо и приятно...

И вспомнился один случай на морском берегу. Я тогда была еще совсем маленькой. Мы с мамой пошли купаться. Я шлепала по мелководью в своем купальничке, а мама сидела на песке и читала книжку. Неожиданно какой-то мальчик плеснул мне в лицо морской водой, и у меня сильно защипало глаза. А потом, когда он снова проходил мимо, я бросила в него камень — совсем маленький, галечку. Я, в общем, ожидала, что, скорее всего, промахнусь...

«Это была просто случайность...»

А потом, помнится, тот мальчик с плачем схватился за разбитую голову. Мама с растерянным видом бросилась ко мне. И еще помню тошнотворное ощущение шока, вызванного этой «случайностью»...

Разбитое оконное стекло, оцарапанная коленка, бродячая собака, с визгом угодившая под автобус.

«Все это случайности, Нану».

Я медленно попятилась от Сюзи и Шанталь. Я не знала, смеяться мне или плакать. Это было смешно — смешно в том смысле, что порой даже самая ужасная вещь все же кажется смешной. Но что действительно ужасно — я по-прежнему испытывала от этого удовольствие...

— Да что же это такое, черт возьми? — верещала Шанталь.

Что бы это ни было, думала я, но действует оно просто отлично. Вряд ли можно было бы добиться подобного эффекта даже с помощью самого едкого порошка. Впрочем, я не могла даже толком рассмотреть, что с ними происходит. Вокруг них столпилось столько народу, что вся очередь как бы вмиг растворилась, превратившись в орущую толпу, и каждый стремился выяснить, что там случилось.

А я даже и не пыталась это сделать. Я и так все знала.

И вдруг я поняла, что мне совершенно необходимо увидеться с Зози. Уж она-то наверняка скажет, как мне поступить, уж она-то никогда не сочтет меня особой третьего сорта! Мне совершенно расхотелось ждать автобуса, и я отправилась домой на метро, а потом бежала всю дорогу от площади Клиши до нашего магазина И когда я туда влетела, то была уже

совершенно без сил и дышала как паровоз. Мама была на кухне — готовила Розетт полдник, и я готова поклясться: Зози все поняла еще до того, как я успела произнести хоть одно словечко...

— Что случилось, Нану?

Я молча смотрела на нее. Она была в джинсах и в своих леденцовых туфельках, которые показались мне еще краснее и еще ярче, а их сверкающие высоченные каблуки стали, похоже, еще выше и еще ослепительней. И стоило мне эти туфельки увидеть, как меня сразу отпустило. И я, облегченно вздохнув, прямо-таки рухнула в одно из наших розовых «леопардовых» кресел.

- Шоколаду хочешь?
- Нет, спасибо. Она налила мне коки.
- Что, так плохо? спросила она, когда я залпом выпила целый стакан, так что даже пузырьки газа в нос бросились. На вот, выпей еще и расскажи мне, в чем дело.

И я рассказала ей, но тихонько, чтобы мама не услышала. Мне, правда, дважды пришлось прерывать свой рассказ: сперва зашли Нико с Алисой, потом Лоран. Лоран попросил чашку кофе и, наверное, с полчаса жаловался на то, сколько у него работы в «Зяблике», а найти перед Рождеством слесаря совершенно невозможно, и как ему осточертели иммигранты, и так далее, и тому подобное — в общем, как обычно.

Когда он наконец ушел, нам уже было пора закрываться. Мама принялась готовить ужин. А Зози специально погасила в магазине свет, чтобы я могла полюбоваться новой сценкой возле святочного домика. Крысолова с сахарными мышами теперь сменил целый хор ангелов. Они пели под падающим сахарным снегом, и это было удивительно красиво. Но сам домик по-прежнему окружала глубокая тайна. Двери заперты, занавески опущены, и лишь один волшебный огонек светится в окне чердачной комнатки.

- Можно мне заглянуть внутрь? спросила я.
- Пока нет. Но может быть, завтра, сказала Зози. А ты не хочешь подняться ко мне? И закончить нашу маленькую беседу?

Я медленно поднималась следом за нею, глядя, как передо мной на каждой узенькой ступеньке леденцовые туфельки постукивают — цок-цок-цок! — своими изумительными каблучками, словно кто-то стучится в дверь и просит, умоляет меня позволить ему войти.

6 декабря, четверг

Сегодня утро опять туманное; вот уже третий день туман, точно парус, реет над Монмартром. Через день-два обещают снег, а сегодня из-за тумана стоит просто фантастическая тишина: не слышно ни привычного шума транспорта, ни шагов пешеходов по булыжной мостовой. Так тихо на улицах было, наверное, лет сто назад, и прохожие выплывают из тумана, словно одетые во фраки призраки...

И почему-то сегодняшнее утро напоминает мне последний день в школе Сент-Майклз-он-зе-Грин. Это был день моего окончательного освобождения, день, когда я впервые поняла, что жизнь — точнее, все жизни вообще — это всего лишь письма мертвых людей, которые разносит ветром, а потому их нужно либо собрать и бережно хранить, либо сжечь или выбросить вон — в зависимости от обстоятельств.

Ты очень скоро тоже это поймешь, Анук. Я знаю тебя лучше, чем ты сама себя знаешь; мощный потенциал гнева и ненависти таится за этим очаровательным фасадом «хорошей девочки»; точно так же было с той Девочкой, Которая Вечно Водила — с той, кем была я столько лет назад.

Впрочем, некий катализатор никогда не помешает. Иногда достаточно ерунды — просто пальцем шевельнуть, точнее, щелкнуть. Хотя встречаются пиньяты и покрепче. Но у каждого крепкого орешка есть своя слабая точка, на которую достаточно нажать и тогда волшебная шкатулка откроется, но закрыть ее будет уже нельзя.

Мне таким катализатором послужил один мальчик. Его звали Скотт Маккензи. Ему было семнадцать; светлые волосы, атлетическое сложение, юноша практически без недостатков. У нас в Сент-Майклз-он-зе-Грин он был новичком, иначе, наверное, с самого начала сто раз подумал бы, стоит ли дружить с Девочкой, Которая Вечно Водит, скорее всего, наоборот, стал бы ее избегать и выбрал бы для своих ухаживаний какой-нибудь более

достойный объект.

А он взял и выбрал меня — во всяком случае, какое-то время явно предпочитал меня остальным девчонкам, — с этого все и началось. Ничего оригинального, разумеется, и в итоге разгорелся настоящий пожар, как это обычно и бывает в таких случаях. Мне уже исполнилось шестнадцать, и я с помощью своей Системы успела практически полностью создать себя заново. Хотя кое-что от незаметной серой мышки во мне, пожалуй, еще оставалось — возможно, в связи с тем, что меня столько лет считали изгоем. Но даже и в те годы у меня за душой кое-что имелось. И немало. Я была честолюбива, обидчива и восхитительно коварна. Мой способ действий носил в основном практический характер, а отнюдь не оккультный. Я прекрасно разбиралась в различных ядах и травах; я, например, могла запросто вызвать сильнейшие кишечные колики у того, кто меня разозлил, и вскоре поняла: если насыпать кому-то из соучеников в носки щепотку одного едкого порошка, вызывающего чесотку, или капнуть всего одну капельку масла с перцем чили в тюбик с тушью для ресниц, то результат будет куда более скорым и драматичным, чем после любого количества магических заклинаний.

Что же касается Скотта, то его ничего и не стоило поймать в ловушку. В таком возрасте у мальчиков, даже самых умных, мозги задействованы в лучшем случае на одну треть, а две их трети находятся под воздействием тестостерона, и мой рецепт: некая смесь лести, чар, секса, моей любимой пульке и крошечной дозы одного стертого в порошок гриба, доступного лишь очень немногим избранным, клиентам моей матери, — оказался идеален, Скотт превратился в моего раба.

Не поймите меня неправильно. Я его никогда не любила. Может быть, он мне чуть-чуть и нравился, но это не считается. Впрочем, Анук и это знать вовсе не обязательно, как и грязные подробности того, что случилось тогда в Сент-Майклз-он-зе-Грин. Взамен я предложила ей некую улучшенную версию — обо всем рассказывала так, что она весело смеялась, а уж созданный мною портрет Скотта Маккензи заставил бы отступить в тень и самого Давида, изваянного гениальным Микеланджело. Я, разумеется, рассказала Анук и о злобном отношении ко мне в школе, но такими словами, которые понятны и ребенку, — о граффити, о сплетнях и прочих мерзостях.

Сперва это действительно были мелкие неприятности. Украденная одежда, порванные книги, разоренный шкафчик для личных вещей, гнусные сплетни и слухи. Но к этому мне было не привыкать. Я почти не обращала внимания на подобные мелкие укусы и вряд ли стала бы за них

мстить. Кроме того, в Скотта я была почти влюблена и испытывала некое порочное наслаждение, видя, как другие девчонки впервые завидуют мне и в полном изумлении пытаются понять, с чего это такой красавчик, как Скотт Маккензи, вздумал ухаживать за Той, Которая Вечно Водит.

Из всего этого у меня получилась отличная сказка для Анук. Я выложила перед ней целый список мелких способов мести — достаточно гадких, чтобы в этом отношении мы с ней выглядели похоже, но все же достаточно безобидных, чтобы пощадить ее нежное сердечко. На самом деле истина была куда менее привлекательной, но, с другой стороны, так оно всегда и случается.

— Они же сами на это напросились, — убеждала я Анук. — И получили от тебя по заслугам. Твоей вины тут нет...

Но она по-прежнему была бледна.

- Если мама узнает...
- А ты ей не говори, посоветовала я. Да и что такого страшного ты сделала? Ты же никого не поранила, никому особого вреда не причинила. Хотя, прибавила я с глубокомысленным видом, если ты не научишься пользоваться этим своим умением, тогда, возможно, однажды, чисто случайно...
- Мама говорит, что это просто игра. Что в действительности никаких чар не существует. Что это просто мое богатое воображение играет со мной всякие шутки.

Я посмотрела на нее.

— Неужели ты думаешь, что это действительно так?

Она что-то пробормотала, потупившись и разглядывая мои туфли.

- Нану! окликнула я ее.
- Мама никогда не лжет.
- Все люди лгут.
- Даже ты?

Я усмехнулась.

- Я не «все». Ну скажи, Нану, разве я «все»? Я качнула ногой, чуть повернув ее, и «самоцветы», вделанные в красный каблук, вспыхнули, отбрасывая разноцветные зайчики. Я почти видела в ее глазах крошечное отражение этого каблучка, сверкавшего рубиновыми и золотистыми огнями. Ладно, Нану, не тревожься понапрасну. Я знаю, каково тебе сейчас. Тебе просто нужна своя Система, только и всего.
 - Система? переспросила она.

И стала рассказывать; сперва она говорила несколько неуверенно, но со все возрастающим воодушевлением, согревавшим мне душу. У них,

оказывается, когда-то тоже была своя Система — на мой взгляд, пестрое попурри из сказок, мифов, всевозможных трюков и мелких чудес, всевозможных саше с волшебными снадобьями, отгоняющими злых духов, песен, якобы способных утихомирить зимний ветер, удержать его от попыток унести их обеих прочь, ну и так далее.

— Но с какой стати ветру уносить вас?

Анук пожала плечами.

- Он просто уносит, и все.
- А какую песню вы ему пели?

Она спела мне ее, эту старинную песню — по-моему, любовную, — тоскливую и немного печальную. Вианн и теперь довольно часто ее поет — даже я порой это слышу, — когда разговаривает с Розетт или возится на кухне с шоколадной глазурью.

V'là l'bon vent, v'là l'joli vent V'là l'bon vent, ma mie m'apelle...

— Ясно, — сказала я. — И теперь ты боишься невольно вызвать тот ветер.

Она медленно кивнула.

- Да, я понимаю, это глупо.
- Вовсе не глупо, возразила я. У разных народов в такую возможность верили не одно столетие. Например, согласно древним английским преданиям, ведьмы вызывали ветер, расчесывая себе волосы. А некоторые из здешних уроженцев до сих пор верят, что добрый ветер Бара полгода сидит в плену у злого ветра Мамариги, и каждый год люди должны песней выпускать его на волю. Ну а ацтеки... Я ободряюще улыбнулась Анук. Ацтекам была известна сила того ветра, который своим дыханием движет солнце по небосклону и отгоняет прочь дожди. Эекатль таково его имя, и ацтеки приносили ему в жертву шоколад.
 - Но... разве ацтеки не совершали человеческих жертвоприношений?
 - А разве мы все их не совершаем каждый по-своему?

Человеческие жертвоприношения. Сколько тайного смысла в этой фразе. Но разве не такое жертвоприношение совершила Вианн Роше, принеся своих детей в жертву жирным богам, дающим чувство удовлетворенности собой? Всякое страстное желание требует жертвы — и ацтеки это понимали, как, впрочем, и майя. Они понимали, сколь алчны их боги, знали об их неутолимой жажде крови и смерти. Они вообще

понимали мир гораздо лучше тех, кто поклоняется богу в Сакре-Кёр, огромном белом храме, похожем на воздушный шар, вознесенный на вершину Монмартрского холма. Но если сцарапать с поверхности пирожного красивый сахарный «снежок», то под ним окажется все тот же темный горький шоколад.

И разве каждый камень Сакре-Кёр не покоится на страхе смерти? И разве изображения Христа с обнаженной грудью и раной в сердце не похожи на изображения тех жертв, у которых сердце — еще живое, бьющееся — жрецы вырезают прямо из груди? И разве обряд причастия, когда люди как бы делят между собой кровь и плоть Христа, менее жесток или страшен, чем ритуалы американских индейцев?

Анук смотрела на меня во все глаза.

— Именно Эекатль подарил человечеству способность любить, — сказала я. — Именно он вдохнул жизнь в наш мир. Ветер был для ацтеков важнее многого: важнее дождя, важнее даже солнца. Ибо ветер означал перемены, а без перемен наш мир обречен на гибель.

Она кивнула с видом примерной ученицы-отличницы, каковой, собственно, и была на самом деле, а меня вдруг охватила такая любовь к ней, такая нежность... опасное, почти материнское чувство...

Да нет, опасность потерять голову мне ни в коем случае не грозит. Однако не стану отрицать: мне доставляет наслаждение общаться с Анук, учить ее, рассказывать ей старые сказки и мифы. Я помню, какой восторг испытала во время своего первого путешествия в Мехико, увидев его яркую ауру, его солнце, его маски, услышав его песнопения, ощутив, что наконец-то я дома...

— Ты слышала такое выражение — «ветер перемен»?

Она снова с готовностью кивнула.

- Ну так вот: мы и есть те люди, которые способны вызывать этот ветер...
 - Но ведь это, по-моему, нехорошо?
- Почему же? Существуют и хорошие ветра, и плохие. И ты всего лишь должна выбрать тот, который в данный момент тебе нужен. Поступай согласно своей воле. И больше от тебя ничего не требуется. Ты можешь позволить себя запугать, а можешь дать сдачи. Ты можешь оседлать ветер, Нану, и парить, как орел в поднебесье, а можешь, сдавшись на его милость, позволить ему унести тебя прочь.

Анук довольно долго молчала, но сидела по-прежнему смирно, не сводя глаз с моих туфелек. Наконец она подняла голову и спросила:

— Откуда ты все это знаешь? Я улыбнулась.

- Я же родилась в книжном магазине! И моя родная мать была ведьмой.
 - И ты научишь меня, как оседлать ветер?
 - Конечно научу. Если ты сама этого хочешь.

Она снова примолкла, следя за тем, как вделанные в каблук камешки вспыхивают крошечными огоньками, отбрасывая на стену разноцветные полоски и призмы света.

— Хочешь их примерить?

Она тут же вскинула голову:

— Ты думаешь, они мне впору?

Я подавила улыбку.

- А ты примерь, вот и посмотрим.
- Ой, правда? Вот здорово!

На этих немыслимых каблуках она пошатывалась, как новорожденный жираф, глаза горели, она сделала несколько шагов, вытянув перед собой руки, точно слепая, и лицо ее осветила улыбка; она совершенно не замечала знака Госпожи Кровавой Луны, начертанного карандашом на подметке туфель....

— Ну как, нравится?

Она кивнула, счастливо улыбаясь, и вдруг смутилась.

- Да я в них просто влюблена, в твои леденцовые туфельки!
- «Леденцовые туфельки». Это название заставило и меня улыбнуться. Хотя в восторженных словах Анук есть доля правды.
 - Значит, они тебе больше всего нравятся? спросила я.

Она молча кивнула; глаза ее сияли, как звезды.

- Ну что ж, если хочешь, можешь взять их себе.
- Взять себе? Навсегда?
- Почему бы и нет?

На какое-то время она просто лишилась дара речи. Задрала ногу, изучая туфлю, — как самый настоящий неуклюжий подросток, но в то же время с неким убийственным изяществом, — и одарила меня такой улыбкой, что у меня чуть сердце не остановилось.

И вдруг лицо ее погасло.

- Мама никогда не позволит мне их носить...
- Маме совершенно не обязательно об этом знать.

Анук все еще любовалась своей ступней, обутой в красную туфельку, и тем, как играют на полу отблески «самоцветов», вделанных в каблук. Помоему, она уже тогда поняла, какова будет цена, которую придется уплатить за это, но устоять перед соблазном была не в силах. Разве могла она

противостоять этим роскошным туфлям, способным перенести тебя куда угодно, заставить тебя влюбиться, превратить в кого-то другого...

- И ничего плохого не случится? робко спросила она.
- Нану, улыбнулась я, это же просто туфли!

6 декабря, четверг

Всю эту неделю Тьерри очень много работал. Так что мы с ним почти и не разговаривали: между моей работой в магазине и его бесконечной возней с квартирой, похоже, ничего больше втиснуть невозможно. Сегодня он звонил мне насчет того, какой дубовый паркет я предпочитаю — светлый или темный, но предупредил, что в квартиру пока лучше не заходить, там жуткий кавардак. Повсюду пыль от штукатурки, половина пола вскрыта. А ему хочется, чтобы все было в идеальном порядке, когда я эту квартиру снова увижу.

Я не осмеливаюсь даже спросить у него о Ру, хотя от Зози знаю, что он по-прежнему там работает. Прошло уже пять дней с тех пор, как Ру столь неожиданным образом объявился, но к нам он больше не заходит. Меня это немного удивляет, хотя, наверное, и не должно бы. Я все уговариваю себя: так даже лучше, очередное свидание с ним только осложнит нашу жизнь. Но спокойствие мое уже нарушено. Я же видела, какое у него было лицо. И теперь снаружи до меня то и дело доносится звон колокольчиков над дверью, ибо тот ветер вновь ожил...

— Может, мне заглянуть туда как-нибудь — просто по дороге? — сказала я как бы между прочим, но Зози мой тон, разумеется, ни капельки не обманул. — По-моему, это неправильно — вот так избегать друг друга, и потом...

Зози только плечами пожала.

- Конечно, зайди... если хочешь, чтоб его уволили.
- Уволили?
- Ну ты даешь! Она даже фыркнула от нетерпения. Не знаю, Янна, заметила ли ты, но, по-моему, Тьерри и так уже вовсю на твоего Ру косится, а если ты еще и начнешь заглядывать туда «просто по дороге», он сразу устроит тебе сцену, и ты даже охнуть не успеешь, как он...

Что ж, вполне разумно. Впрочем, как и все, что она говорит.

Доверьтесь Зози, если хотите понять суть происходящего. Но, заметив, видимо, что я несколько разочарована, она улыбнулась мне, обняла за плечи и предложила:

— Слушай, давай я сама туда схожу и проверю, как он там. А заодно и скажу, что ему тут все будут очень рады, так что пусть приходит, когда захочет. Да я, черт возьми, могу даже сэндвичи ему отнести, если ты хочешь!

Я не выдержала и рассмеялась:

- Не думаю, что в этом есть необходимость.
- Ты, главное, не волнуйся. Все в итоге встанет на свои места.

И я начинаю думать, что, может, оно и так.

Сегодня, как всегда по дороге на кладбище, зашла мадам Люзерон со своей персиковой собачкой и купила три ромовых трюфеля. Но теперь она уже держится иначе, не кажется такой далекой и высокомерной, вполне может даже согласиться присесть, выпить чашечку мокко и отведать моего трехслойного шоколадного торта. Она, правда, по-прежнему крайне редко вступает в беседу, но ей очень нравится смотреть, как Розетт рисует под прилавком, или вместе с ней рассматривать картинки в какой-нибудь книжке с волшебными сказками.

Сегодня она довольно долго изучала наш святочный домик; одна дверка в нем теперь открыта, и можно видеть, что происходит внутри, в холле, убранном к приходу гостей. Гости, собственно, уже прибывают, а хозяйка дома в вечернем платье встречает их на крыльце.

- Какая оригинальная витрина! Я таких никогда не видела— Мадам Люзерон почти прижалась к стеклу своим густо напудренным яйцом. А эти шоколадные мышки просто прелесть! И маленькие куколки тоже...
- Да, они очень хорошо получились, не правда ли? Это Анни их сделала.

Мадам отпила глоток шоколада, задумалась, потом сказала:

— Что ж, возможно, она права. Нет ничего более печального, чем пустой дом.

Все куклы сделаны из деревянных крючков от вешалок, аккуратно раскрашены и тщательнейшим образом одеты. Анни потратила на это массу времени и усилий, зато я мгновенно узнала в хозяйке кукольного домика себя. Во всяком случае, это явно была Вианн Роше — в красном платье, сделанном из шелкового лоскутка, с длинными черными волосами; Анук выпросила у меня прядку моих волос, приклеила их к голове куколки и скрепила обручем.

- А ты сама где же? спросила я у нее.
- Ой, себя я еще не доделала! Но скоро обязательно доделаю! Она сказала это с таким воодушевлением, что я невольно улыбнулась. Я сделаю куколку для каждого из нас. И непременно все закончу к Рождеству, и тогда все двери домика откроются, и состоится большой прием...

«Ах, — подумала я, — вот и цель проясняется».

Двадцатого декабря у Розетт день рождения. Мы никогда никакого праздника ей не устраивали. Время не слишком удачное — скоро Святки, а там и до воспоминаний о Ле-Лавёз рукой подать. Но Анук обязательно каждый год напоминает мне, что надо бы устроить для Розетт настоящий день рождения, хотя сама Розетт, похоже, ничуть не огорчится, если ничего и не будет. Для нее пока все дни волшебные, и горстку пуговиц или кусочек мятой «серебряной» бумаги она воспринимает с тем же восторгом, что и самые изысканные игрушки.

- Мам, а мы не могли бы тоже устроить прием?
- Ох, Анук. Ты же знаешь, что нет.
- А почему нет? упрямо продолжала она.
- Ну, понимаешь, сейчас у меня слишком много работы. И потом, если мы собираемся переезжать...
- Тогда тем более. И вот что я думаю. Нельзя просто так переехать и никому даже «до свидания» не сказать. Надо действительно устроить праздник по случаю Рождества и дня рождения Розетт. Для всех наших друзей. Потому что ты сама знаешь: как только мы переедем к Тьерри, все будет по-другому, и нам тогда придется делать все так, как захочет Тьерри, и...
 - Ты несправедлива, Анук, упрекнула я дочь.
 - Но это ведь правда!
 - Возможно, согласилась я.

Рождественский праздник, думала я. Словно мне и без того мало хлопот. И к тому же сейчас самая горячая пора...

— А я тебе, конечно, помогу, — уговаривала меня Анук. — Я могу, например, написать приглашения, составить меню, развесить украшения и испечь какой-нибудь торт специально для Розетт. Шоколадно-апельсиновый. Ты же знаешь, как она его любит. Можно сделать ей тортик в виде обезьянки. А еще можно устроить веселый карнавал, и пусть все оденутся как разные звери и животные. А пить мы будем гранатовый сок... и коку... и, конечно, шоколад...

Я не выдержала и рассмеялась.

— Ты, я вижу, уже все обдумала?

Анук слегка надула губки.

— Ну... подумала немножко.

Я вздохнула.

- «А собственно, почему бы и нет? Пожалуй, пора».
- Ладно, сказала я. Получишь ты свой праздник. Анук радостно взвизгнула:
 - Вот здорово! Как ты думаешь, снег уже выпадет?
 - Может, и выпадет.
 - А могут гости прийти в карнавальных костюмах?
 - Пожалуйста. Если захотят, то конечно.
 - И мы сможем пригласить всех, кто нам нравится?
 - Ну да.
 - Даже Ру?

Мне следовало бы догадаться. Я заставила себя улыбнуться.

— Почему бы и нет? — сказала я. — Если он все еще будет в Париже.

Мы с Анук почти не разговаривали о Ру. Я даже не сказала ей, что его нанял Тьерри и он работает всего в каких-то двух кварталах от нас. Когда о чем-то просто не упоминаешь, это не считается ложью, и все же я уверена: если бы Анук знала...

Вчера вечером я снова разложила карты. Не знаю, почему я опять их вытащила из шкатулки. Они все еще хранят запах моей матери. Я теперь так редко делаю это... я уже и поверить почти не могу...

И все же я вытащила карты, ловко перемешала их — это мастерство вырабатывается годами — и разложила по схеме «Древо Жизни»; этот вариант всегда предпочитала моя мать; фигуры на картах так и мелькают.

За стенами магазина не слышно ни завываний ветра, ни звона колокольчиков, но я все равно их слышу — легкий звон, как от камертона, и от этого звона у меня начинает ломить в висках, а по рукам пробегают мурашки.

Перевернем карты одну за другой.

Фигуры на них мне более чем знакомы.

Смерть. Любовники. Повешенный. Перемена.

Шут. Маг. Башня.

Я перемешиваю карты и пробую снова.

Любовники. Повешенный. Перемена. Смерть.

И снова выпадают те же карты, но в другом порядке, словно то, что преследует меня, слегка переменилось.

Маг. Башня. Шут.

У Шута рыжие волосы, и он играет на флейте. Он чем-то напоминает

мне крысолова из Гаммельна — такая же шляпа с пером и пальто в заплатах, и смотрит он куда-то в небеса, не обращая внимания на то, что у него под ногами. Неужели он сам и открыл ту пропасть — ловушку для любого, кто бы за ним ни последовал? А может, это он сам собирается смело прыгнуть в бездну?

После этого я всю ночь почти не спала. Проклятый ветер и всякие дурацкие сновидения, словно сговорившись, постоянно будили меня, да и Розетт без конца просыпалась, и впервые за последние полгода мне совершенно не удавалось с ней договориться и снова ее уложить. Я промучилась целых три часа, но ничего не помогало — ни горячий шоколад в ее любимой чашке, ни ее любимая игрушка, ни ночничок в виде обезьянки, ни старенькое детское одеяльце (жуткая вещь цвета овсянки, которую она просто обожает), ни даже колыбельная моей матери.

Мне показалось, что Розетт скорее возбуждена, чем расстроена чем-то; она принималась ныть и хныкать, лишь увидев, что я собираюсь уходить, и, похоже, была очень довольна тем, что мы обе с ней бодрствуем почти всю ночь.

- «Ребенок», знаками сказала она.
- Уже ночь, Розетт. Давай-ка засыпай.
- «Хочу посмотреть ребенка», снова изобразила она на пальцах.
- Сейчас нельзя. Может быть, завтра сходим.

Снаружи ветер стучался в окно. В комнате на полу я заметила несколько мелких предметов — костяшка домино, карандаш, кусочек мела, две пластмассовые фигурки животных, сброшенные с каминной полки на пол.

— Пожалуйста, Розетт. Не сейчас. Ложись и засыпай, а завтра сходим.

В половине третьего мне наконец удалось ее уложить; я закрыла дверь между нашими спальнями и легла на свою просевшую кровать. Кровать не совсем двуспальная, но все же слишком широка для меня одной; она уже была весьма стара, когда мы сюда переехали, и все это время ее сломанные пружины скрежещут и стучат по ночам, не давая мне нормально спать. Но сегодня моя кровать устроила прямо-таки выступление оркестра, и уже часов в пять я сдалась окончательно: отказавшись от дальнейших попыток уснуть, спустилась вниз и решила сварить себе кофе.

На улице шел дождь — частый, сильный дождь. Он безжалостно молотил по мостовой и мощной струей изливался из водосточной трубы. Я прихватила плед, лежавший на ступеньке лестницы, взяла чашку с кофе и

прошла в переднюю часть магазина, где устроилась в одном из притащенных Зози кресел (куда более удобных, чем те, что у нас наверху); вокруг было темно, лишь из кухни пробивался неяркий желтоватый луч света; я свернулась в кресле клубком и стала ждать наступления утра.

Должно быть, я все же задремала, и разбудил меня какой-то звук. Я открыла глаза и увидела Анук, босую, в сине-красной клетчатой пижаме; за ней следом плыло какое-то неясное светящееся пятно — разумеется, это мог быть только Пантуфль. В последние годы я не раз замечала, что если днем Пантуфль не показывается порой неделями или даже месяцами, то ночью он куда более силен и упорен, и он постоянно рядом с Анук. Таким, по-моему, он и должен быть, ведь все дети боятся темноты. Анук подошла, залезла ко мне под плед и тоже свернулась клубком, сунув свою кудрявую макушку прямо мне в нос, а ледяные ноги между моими коленями, как часто делала в далеком детстве, когда все в нашей жизни было значительно проще.

— Я не могла уснуть. У меня с потолка капает.

Ах да. Я и забыла. Крыша у нас снова протекает, но до сих пор ею никто так и не удосужился по-настоящему заняться. Со старыми домами вечно всякие проблемы; сколько бы с ними ни возились, всегда что-нибудь еще выйдет из строя: то оконная рама сгниет, то водосточный желоб сломается, то в потолочных балках заведется жучок, то потрескается шифер на крыше. И хотя Тьерри в этом отношении всегда проявлял щедрость, я не люблю слишком часто просить его о помощи. Это глупо, я понимаю, но просить не люблю.

- Я все думала о нашем празднике, сказала Анук. Неужели Тьерри так обязательно на него приходить? Ты же знаешь, он все испортит.
 - Я вздохнула.
- Ох, пожалуйста, Анук, не сейчас! Взрывы ее энтузиазма обычно даже удовольствие мне доставляют. Но только не в шесть утра.
- Да ну, мам! воскликнула она— Неужели нельзя хоть раз его не пригласить?
 - Не волнуйся, все будет хорошо, сказала я. Вот увидишь.

Я прекрасно понимала, что это не ответ. Анук беспокойно завозилась и натянула плед себе на голову. От нее исходил аромат ванили и лаванды, а еще — слабый, похожий на овечий, запах спутанных волос, которые за последние четыре года стали значительно грубее и гуще, действительно прямо как нечесаная шерсть дикого животного.

А у Розетт волосы по-прежнему младенчески мягкие, точно пушок молочая или лепестки ромашки, а на затылке, где ее голова касается

подушки, они еще больше истончились и отчасти совсем вытерлись. Четыре года без двух недель, однако выглядит она значительно младше своих лет: ручки и ножки как палочки, глаза слишком большие для ее крошечного личика. Мой Котеночек — так я ее называла в те дни, когда это еще казалось шуткой.

Мой Котеночек. Мой маленький оборотень.

Анук снова завозилась в своей норке и уткнулась лицом мне в плечо, а руки засунула под мышку.

— Ты же совсем замерзла, — сказала я.

Она молча помотала головой.

— Может, чашечку горячего шоколада?

Она еще более энергично помотала головой. И я вдруг с удивлением подумала — до чего же сильно щемит сердце от подобных мелочей: пропущенный поцелуй, сломанная игрушка, нежелание слушать сказку, нескрываемое раздражение на лице, где когда-то играла улыбка...

«Дети как ножи, — сказала как-то моя мать. — Они наносят глубокие раны, хотя вроде бы этого и не хотят». И все же, согласитесь, мы тянемся к ним и, пока живы, сжимаем их в объятиях. Анук, мое летнее дитя; за эти годы она так отстранилась; я вдруг подумала, как много времени прошло с тех пор, когда она позволяла вот так держать ее в объятиях, и мне ужасно захотелось продлить эти мгновения, но часы на стене тут же сказали: уже четверть седьмого...

- Ложись в мою постель, Нану. Там теплее, да и потолок не протекает.
 - Так что насчет Тьерри? спросила она.
 - Мы потом об этом поговорим, Нану.
 - Розетт не хочет, чтобы он приходил, упрямо заявила Анук.
 - Господи, да ты-то откуда знаешь?

Анук пожала плечами.

— Просто знаю, и все.

Я вздохнула, поцеловала ее в макушку и снова почувствовала тот запах овечьей шерсти и ванили, к которому примешивался еще какой-то, более сильный и более взрослый аромат — запах ладана, как я догадалась в итоге. Да, конечно, Зози вечно курит ладан у себя в комнате. А Нану постоянно торчит там, они о чем-то болтают, она примеряет одежду Зози. Впрочем, это даже хорошо, что у нее есть кто-то вроде Зози; взрослый человек — но не я, не ее мать, — которому можно доверить свои секреты.

— Ты должна дать Тьерри хоть какой-то шанс, Нану. Я понимаю, он не идеален, но ведь он действительно тебя любит...

- Между прочим, ты и сама не хочешь, чтобы он приходил! заявила Анук. И ты по нему вовсе не скучаешь, когда он уезжает. Ты вовсе не влюблена в него...
- Так, довольно. И пожалуйста, не начинай снова, сказала я строго, но меня охватило отчаяние. Любить можно по-разному. Я же люблю тебя, я люблю Розетт, и одно лишь то, что к Тьерри я испытываю несколько иные чувства, вовсе не означает, что я его...

Но Анук меня уже не слушала. Она вылезла из-под пледа, стряхнула с себя мои руки. Ладно, мне ясно, в чем тут дело. Тьерри вполне нравился ей, пока не вернулся Ру. Но когда Ру ушел...

- Я знаю, что для нас лучше всего. И делаю это для тебя, Нану. Анук пожала плечами; в эту минуту она удивительно походила на Ру.
- Поверь, девочка. Все у нас будет очень хорошо.
- Да как угодно! бросила она и пошла наверх.

7 декабря, пятница

Ох, до чего же печально видеть, как портятся отношения между матерью и дочерью! Особенно если они так близки, как эти двое. Сегодня Вианн выглядела особенно усталой, лицо измученное. Скорее всего, совершенно не выспалась. И слишком устала, так что не замечает растущую обиду в глазах дочери и того, как Анук оборачивается ко мне, ища поддержки и одобрения.

И все же мне на руку то, что сейчас Вианн в проигрыше: теперь я главное действующее лицо в этом, если можно так выразиться, спектакле и могу использовать свое влияние хоть сотней различных, незаметных способов. Начнем с тех умений, которые Вианн так умно ниспровергала, с этих замечательных орудий воли и страсти...

Пока что я еще не совсем понимаю, отчего Анук так боится к ним прибегать. Наверняка случилось что-то такое, за что она до сих пор винит себя. Но оружие для того и придумано, Нану, чтобы им пользоваться. Во имя добра или во имя зла. Это уж тебе выбирать.

Пока что ей, правда, не хватает уверенности в себе, но я убедила ее, что никакого вреда парочка маленьких чудес никому не принесет. Она может даже воспользоваться своими умениями от имени кого-то другого — хотя это, по-моему, просто обидно; впрочем, впоследствии мы легко исцелим ее от подобного «самопожертвования», — а к этому времени чудеса станут для нас уже делом привычным и можно будет поработать над чем-нибудь более существенным.

Так чего же ты хочешь, Анук?

Чего ты хочешь на самом деле?

Ну естественно, того же, чего и любой нормальный добрый ребенок. Хорошо учиться, пользоваться авторитетом среди друзей, иметь возможность отыграться за любую мелкую обиду, нанесенную врагами. Все эти задачи решить легко, а потом можно перейти и к более сложным вещам — работе с людьми.

Вот, например, мадам Люзерон, похожая на старую фарфоровую куклу с бледным, печальным лицом, покрытым толстым слоем пудры, и экономными, хрупкими движениями. Требуется, чтобы она покупала больше шоколада; вряд ли три ромовых трюфеля в неделю оправдывают наше повышенное внимание к ней.

Затем Лоран. Он является сюда каждый день и часами сидит над одной-единственной чашкой кофе. Он, пожалуй, самая большая для нас помеха. Его присутствие раздражает многих покупателей, а некоторые, увидев его, и вовсе уходят — например, Ришар и Матурен, а ведь они, наверное, тоже с удовольствием заходили бы к нам каждый день. И потом, Лоран крадет сахар из сахарницы, причем рассовывает куски по карманам с таким видом, словно и так уже за все сполна расплатился и не желает тратить деньги зря.

Затем Толстяк Нико. Прекрасный клиент: покупает порой шесть коробок в неделю; но Анук тревожит его здоровье. Она заметила, с каким трудом он поднимается к нам на Холм, и просто в ужас пришла от того, как он задыхается, преодолев всего лишь один пролет лестницы. Ему обязательно нужно похудеть, говорит она. Можно ли ему как-то в этом помочь?

Ну что ж, мы-то с вами знаем, что на одних добрых пожеланиях далеко не уедешь. Но путь к сердцу Анук извилист, хотя я вряд ли ошибаюсь, предполагая, что результаты сторицей окупят любые потраченные мною усилия. А пока позволим девочке забавляться — так котенок острит свои коготки, играя с клубком шерсти и готовясь поймать свою первую мышку.

Итак, обучение начинается. Урок первый: симпатическая магия. Иными словами — использование куколок.

Мы с Анук делаем куколок из деревянных крючков от вешалок — это куда проще, чем возиться с глиной, — и она носит их с собой по две в каждом кармане, выжидая подходящего момента, чтобы попытаться применить их магию на практике.

Деревянная куколка $N_{\rm P}$. 1 — мадам Люзерон. Высокая, негнущаяся, в платье из кусочка тафты, подпоясанном жесткой лентой. Седые волосы из ваты, маленькие черные туфельки, шаль весьма мрачной расцветки. Лицо ей мы нарисовали фломастером — Нану даже язык высунула от старания, пытаясь правильно передать выражение лица мадам Люзерон. Мы даже ее лохматую собачонку сделали из ваты и прицепили ей к кушаку. Получилось очень даже неплохо, а несколько волосков мадам, которые мы осторожно

сняли с воротника ее пальто, послужат отличным дополнением.

Куколка № 2 — это сама Анук. Она с удивительной точностью подмечает мельчайшие черты тех, чей образ воплощает в своих крошечных фигурках: у ее куколки, например, такие же курчавые волосы, как у нее самой, и одета она очень похоже, в желтое платье, а на плече у нее восседает сделанный из серой шерсти Пантуфль.

Куколка № 3 — это Тьерри Ле Трессе, естественно, с мобильным телефоном в руках.

Куколка № 4 — Вианн Роше, одетая в ярко-красное вечернее платье, а не в черное, как обычно. Вообще-то я лишь однажды видела ее в красном. Но Анук считает, что ее мать чаще всего носит именно красное, потому что это цвет жизни, любви и магии. Интересно. Этим можно впоследствии воспользоваться. А пока подождем подходящего момента.

И займемся другими делами. В магазине работы полно, поскольку Рождество приближается семимильными шагами и самое время создавать постоянную клиентуру. Надо выяснить, кто из наших покупателей как себя проявил по отношению к Вианн; изучить и перепробовать весь наш зимний ассортимент — и, возможно, прибавить к нему еще кое-что особенное, из тех вещей, которые Вианн делает сама.

Шоколад может служить посредником в самых различных целях. Наши самодельные трюфели — а они по-прежнему пользуются наибольшим успехом — сверху покрыты смесью порошка какао, сахарной пудры и еще кое-каких дополнительных ингредиентов, которых моя мать наверняка не одобрила бы. Однако именно благодаря этим крошечным добавкам наши клиенты не просто получают удовольствие от вкусной конфеты, но и становятся более бодрыми, энергичными и жизнелюбивыми. Сегодня, например, мы продали тридцать шесть коробок только одних трюфелей и получили заказ еще на дюжину. Если так и дальше пойдет, то к Рождеству мы станем продавать до сотни коробок в день, а то и больше.

Тьерри зашел сегодня часов в пять, чтобы рассказать, как продвигается ремонт его квартиры. Он, по-моему, слегка растерялся, увидев, какое необычайное оживление царит в магазине, и, я бы сказала, не особенно был этим доволен.

— Тут у вас прямо настоящее кондитерское производство, — заметил он, мотнув головой в сторону кухни, где Вианн готовила mendiants du roi, толстые ломтики засахаренного апельсина в темном шоколаде, украшенные съедобными золотыми листочками; получается так красиво, что их даже есть жалко, хотя это лакомство прямо-таки создано для рождественского стола. — Она хоть когда-нибудь отдыхает?

Я улыбнулась.

- Так ведь перед Рождеством всегда суматоха.
- Что ж, я буду просто счастлив, когда с этим будет покончено, проворчал он. На своей работе я никогда такой запарки не испытывал, хотя доход от нее весьма неплохой если, конечно, все делать вовремя...

Я видела, как глянула на него Анук, садясь за стол вместе с Розетт.

- Не беспокойся, сказал ей Тьерри. Обещание есть обещание. Это будет самое лучшее Рождество на свете. И мы отметим его вчетвером на улице Святого Креста. А потом можно пойти к полуночной мессе в Сакре-Кёр. Правда, здорово?
 - Да, наверное, равнодушно подтвердила Анук.

Я заметила, что он с трудом подавил вздох нетерпения. Анук может оказаться весьма крепким орешком, и сейчас ее внутреннее сопротивление Тьерри прямо-таки физически ощутимо. Возможно, это из-за Ру, который по-прежнему так здесь и не появляется, но в мыслях ее присутствует постоянно. Я-то вижу его регулярно; пару раз заметила его прямо у нас на Холме: один раз, когда он быстро пересекал площадь Тертр, а второй — на лестнице возле фуникулера; он куда-то явно спешил и на голову натянул вязаную шапку, спрятав под нее свои рыжие волосы, словно боялся, что его узнают.

Я также заходила к нему, в его жалкую ночлежку, проверила, что у него на уме, а заодно и предложила ему очередную порцию лжи; я беру у него чеки, чтобы их обналичить, и каждый раз убеждаюсь, что он попрежнему покорен и послушен. Хотя кое-какое нетерпение в нем уже чувствуется, и это понятно: он несколько уязвлен тем, что Вианн ни разу о нем даже не спросила. Ну и разумеется, он целыми днями вкалывает, ремонтируя квартиру Тьерри; начинает в восемь утра, а заканчивает часто уже глубокой ночью; он настолько устает, что порой не в силах даже поесть; идет прямо к себе в гостиницу и спит как убитый.

Что касается Вианн, то я чувствую, что она озабочена и разочарована. Она так ни разу и не была на улице Святого Креста. И Анук тоже строжайшим образом запретила туда ходить. Сказала: если Ру захочет их повидать, пусть сам придет. А если нет — что ж, значит, таков его выбор.

Тьерри сегодня показался мне еще более нетерпеливым, чем обычно. Он вошел на кухню, когда Вианн как раз осторожно выкладывала готовые mendiants на листок бумаги для выпечки. Мне показалось, что у него что-то на уме — судя по тому, как он прикрыл за собой кухонную дверь, и по цветам его ауры, так и полыхнувшим красным.

— Мы с тобой целую неделю почти не виделись!

В голосе Тьерри звучал упрек; мне было хорошо его слышно даже за прилавком магазина. А вот расслышать голос Вианн оказалось значительно труднее: она почти шептала. Мне показалось, что она ему возражает. Затем я услышала звуки какой-то возни или потасовки. Громоподобный смех Тьерри и восклицание: «Ну же! Всего один поцелуй, Янна! Я так соскучился!»

И снова ее шепот. Потом вдруг она громко воскликнула:

— Тьерри, осторожней! Это очень хрупкие вещи...

Я прячу улыбку. Старый козел! Что-то уж больно ты разыгрался. Впрочем, меня это не слишком удивляет. Рыцарские манеры Тьерри сперва, возможно, и могли обмануть Вианн, но поведение мужчин, как и собак, в высшей степени предсказуемо, а уж поведение Тьерри Ле Трессе тем более. Его маска самоуверенности скрывает глубочайшую тревогу, он никогда не чувствовал себя в безопасности, а появление Ру заставляет его испытывать еще более сильное беспокойство. Он похож на армию, которая не в силах одновременно действовать на двух фронтах — на улице Святого Креста, где он мертвой хваткой вцепился в Ру, испытывая при этом странное, острое наслаждение и возбуждение, хотя сам себе в этом и не признается, и здесь, в нашей chocolaterie.

За кухонной дверью послышался еле слышный шепот Вианн:

— Тьерри, пожалуйста! Сейчас не время...

А между тем Анук тоже прислушивалась к этим звукам. Лицо ее, правда, оставалось совершенно бесстрастным, зато цвета ауры яростно пылали. Я улыбнулась ей. Но она на мою улыбку не ответила. Быстро глянув в сторону кухни, она сделала пальцами такое маленькое движение, которого любой другой человек просто не заметил бы. Она, возможно, даже и сама не поняла, что сотворила. И в то же мгновение сильный сквозняк, невесть откуда взявшийся, настежь распахнул кухонную дверь, так что она с силой ударилась о крашеную стену.

В общем, мелочь, но и этого оказалось достаточно. Я заметила, как раздраженно вспыхнула аура Тьерри, зато Вианн явно испытала облегчение. Естественно, она не привыкла к тому, чтобы Тьерри проявлял подобное нетерпение: она всегда считала его этаким добрым дядюшкой, человеком в высшей степени надежным и доброжелательным, хотя и немного туповатым. И это неожиданное проявление его собственнических наклонностей ее несколько ошарашило; она впервые испытала некое неясное чувство — не то чтобы тревоги, скорее неприязни.

Она считает, что все это из-за Ру. Что если исчезнет Ру, вместе с ним исчезнут и все ее сомнения. А неопределенность теперешней ситуации

заставляет ее нервничать, вести себя не слишком разумно. Например, я видела, как она поцеловала Тьерри в губы — чувство вины вспыхнуло в ее ауре зеленой морской волной — и одарила его такой улыбкой, которая показалась мне чересчур яркой.

— Я все сделаю, как ты хочешь, — сказала она ему.

Но Анук, скрестив два пальца на правой руке, этим крошечным жестом велела: «Изыди!»

И Розетт, сидя на своем маленьком стульчике напротив Анук и глядя на нее горящими глазами, тут же повторила ее жест — «кыш-кыш, изыди!» — и Тьерри шлепнул себя ладонью по шее, словно его укусило какое-то насекомое, а над дверями зазвенели колокольчики...

— Мне пора.

Естественно, пора! Неуклюжий в своем огромном пальто, он чуть ли не вприпрыжку бросился к двери. Рука Анук была уже в кармане — там она носит его деревянную куколку. Она вытащила ее, подошла к витрине и аккуратно поставила у дверей домика, снаружи.

— Пока, Тьерри, — только и сказала она.

И Розетт показала на пальцах: «Пока-пока».

Дверь за Тьерри с грохотом захлопнулась. Дети заулыбались.

Нет, сегодня, пожалуй, действительно слишком много сквозняков!

8 декабря, суббота

Ну что ж, начало положено. Чаши весов качнулись. Нану, возможно, этого еще не понимает, зато понимаю я. Именно такие вот мелочи, сперва вроде бы и незаметные, очень скоро помогут мне прибрать ее к рукам.

Она большую часть дня оставалась в магазине, играя с Розетт, помогая нам — и выжидая следующей возможности воспользоваться своими новыми игрушками, деревянными куколками. И такая возможность ей представилась ближе к полудню, когда к нам, ведя на поводке своего пушистого песика, зашла мадам Люзерон — хотя сегодня вовсе и не ее день.

— Неужели снова вы? Как это приятно! — улыбнулась я ей. — Это значит, что мы на правильном пути.

Я заметила, что лицо у мадам Люзерон сильно осунулось; на ней снова было ее «кладбищенское» пальто — она наверняка только что побывала на могиле сына или мужа. Наверное, сегодня какой-то особый день, подумала я — чей-то день рождения или какая-то годовщина; так или иначе, но она казалась очень усталой и какой-то особенно хрупкой, ее руки в перчатках дрожали от холода.

— Садитесь, — предложила я, — выпейте горячего шоколада; я сейчас принесу.

Мадам колебалась:

— Мне, наверное, не следовало бы...

Анук украдкой глянула на меня, и я увидела, что она вытаскивает из кармана деревянную куколку мадам Люзерон, отмеченную знаком соблазна — символом Госпожи Кровавой Луны. Лепешечка пластилина в качестве основания, и вот вторая мадам Люзерон — или, по крайней мере, ее двойник — уже стоит внутри святочного домика и любуется в окно озером, катающимися по льду конькобежцами и шоколадными уточками.

Сперва она, похоже, ничего особенного не заметила, потом в ее взоре отразилось некоторое смятение, но смотрела она куда-то в сторону — то ли на маленькую Розетт с ее чистым розовым личиком, то ли на домик в витрине, который вдруг засиял каким-то странным светом.

Поджатые в вечном неодобрении губы расслабились, смягчились.

- A знаете, у меня тоже в детстве был такой кукольный домик, сказала она, глядя на витрину.
 - Неужели?

Я улыбнулась Анук. Мадам Люзерон крайне редко решается что-то о себе сообщить.

Она пригубила шоколад и продолжила:

- Да, и представляете, этот домик принадлежал еще моей бабушке. Считалось, что после ее смерти он перейдет ко мне, но мне все равно никогда не разрешали с ним играть.
- A почему? спросила Анук, прикрепляя ватную собачку к платью деревянной мадам Люзерон.
- О, это была слишком ценная вещь! Один антиквар даже как-то предложил мне за него сто тысяч франков. И потом, это же фамильная реликвия. А не игрушка.
- Значит, вам так и не удалось с этим домиком поиграть? Какая несправедливость!

Теперь Анук аккуратно пристраивала зеленую сахарную мышку под дерево с кроной из бумажной салфетки.

— Но я же была маленькая! — возразила мадам Люзерон. — Я могла испортить домик или...

Она вдруг умолкла. Я подняла на нее глаза и увидела, что она застыла как изваяние.

— Как странно... — промолвила она через некоторое время. — Я ведь столько лет об этом домике даже не вспоминала. А когда Робер хотел поиграть с ним...

Она вдруг резко поставила чашку на стол, машинально контролируя себя, чтобы ее не разбить.

- Это ведь действительно несправедливо, верно? произнесла она.
- Вам нехорошо, мадам? спросила я.

Ее худое лицо стало белее сахарной глазури, и на нем, словно нанесенные чем-то острым, отчетливо проступили все морщинки — как «морозный узор» на поверхности торта.

— Нет, спасибо, я прекрасно себя чувствую.

Голос ее звучал холодно.

— Не хотите ли кусочек шоколадного торта?

Это спросила Анук; вид у нее был встревоженный, сочувствующий; она, как всегда, уже готова была отказаться от своей затеи. Мадам посмотрела на нее голодными глазами и сказала:

— Спасибо, моя милая. С удовольствием.

Анук отрезала ей щедрый кусок.

— А Робер... это ваш сын? — спросила она.

Мадам лишь коротко кивнула, точно клюнула.

- Ему сколько было, когда он умер?
- Тринадцать. Чуть старше тебя, наверное. Никто так и не понял, отчего это произошло. Такой здоровый мальчик я ему даже сласти никогда есть не позволяла вдруг взял и умер. Ведь не могло же это просто так случиться, верно?

Анук, глядя на нее во все глаза, молча покачала головой.

— Сегодня годовщина его смерти, — сказала мадам. — Он умер восьмого декабря тысяча девятьсот семьдесят девятого года. Задолго до того, как ты появилась на свет. В те времена еще можно было заполучить клочок земли на большом кладбище — если, конечно, вы были готовы как следует за это заплатить. Я ведь всю жизнь здесь прожила. И деньги в нашей семье всегда водились. И я, конечно же, могла бы позволить ему поиграть с тем кукольным домиком, если б захотела. А у тебя такой домик когда-нибудь был?

И Анук опять молча покачала головой.

— У меня-то он сохранился, стоит где-то на чердаке. Сохранились даже те куклы, что к нему прилагались, и кукольная мебель. Все сделано вручную, из природных материалов. На стенах венецианские зеркала. Такие игрушки еще до революции делали. Но вот мне хотелось бы знать: хоть один ребенок когда-нибудь играл с этой распроклятой штуковиной?

У нее даже появилось некое подобие румянца, словно это слово, в ее лексиконе запретное, вдохнуло жизнь в бескровное лицо.

— А ты не хочешь поиграть с этим домиком?

Глаза Анук вспыхнули.

- Это было бы здорово!
- Я буду очень этому рада, девочка моя. Мадам Люзерон нахмурилась. А знаете, я ведь так толком и не знаю ваших имен. Меня зовут Изабель... А мою собачку Саламбо. Можешь погладить ее, если хочешь. Она не кусается.

Анук наклонилась и погладила собачонку, а та, извиваясь от восторга, все подскакивала, пытаясь лизнуть ее в лицо.

- Ой, какая хорошенькая! Я очень люблю собак.
- Неужели я столько лет ходила сюда, но так ни разу и не спросила, как вас всех зовут...

Анук улыбнулась.

— Меня зовут Анук, — сказала она. — А это мой большой друг Зози.

Она все продолжала возиться с собачкой и настолько увлеклась этим, что и не заметила, как назвалась не тем именем, как не заметила и того, что знак Госпожи Кровавой Луны так и сияет в окнах святочного домика и сияние это уже заполнило всю комнату.

9 декабря, воскресенье

Метеослужба наврала. Они предсказали снег и резкое похолодание, а на улице пока что дождь да туман. Куда лучше сейчас в нашем святочном домике — уж там-то настоящее Рождество: все вокруг домика покрыто снегом и льдом, точно в волшебной сказке, с крыши свисают сосульки из сахарной глазури, озеро укрыто пушистым снежным покрывалом из сахарной пудры. На расчищенном катке катаются на коньках несколько куколок-взрослых, укутанных в шубы и шапки, а три маленькие куколки (изображающие Розетт, Жана-Лу и меня) строят из сахарных кубиков снежное иглу; еще одна куколка (вообще-то это Нико) тащит к дому елку на санках из спичечного коробка.

Я всю неделю возилась с этими куколками. Готовые я расставляю вокруг святочного домика, где каждый может их видеть, даже не догадываясь, для чего они на самом деле предназначены. Ой, это такое здоровское занятие! Лица им я рисую фломастером, а Зози притащила мне целую коробку всяких ленточек и лоскутков — из этого я шью своим куколкам одежду и все остальное. У меня уже есть Нико, Алиса, мадам Люзерон, Розетт, Ру, Тьерри, Жан-Лу, мама и я сама.

Впрочем, некоторые куколки еще недоделаны. Для их завершения непременно нужно раздобыть что-нибудь, принадлежащее самим этим людям: прядку волос, ногти или лоскуток от той одежды, которую они носят постоянно, — в общем, что-нибудь такое. Между прочим, раздобыть это оказалось совсем не легко. Затем каждой куколке нужно дать имя и присвоить соответствующий магический знак, а потом прошептать ей на ухо какой-нибудь секрет или заветное желание.

У некоторых людей угадать их заветное желание или тайну очень легко. Например, тайна мадам Люзерон в том, что она до сих пор тоскует по своему сыну, хоть он и умер много лет назад, а заветное желание Нико — похудеть, только он начать никак не может; вот Алиса только и делает,

что худеет, хотя ей-то как раз худеть совсем не стоило бы.

Что касается тех имен и символов, которые мы используем, то Зози говорит, что они мексиканские. Можно было бы, конечно, выбрать и любые другие имена, но эти гораздо интереснее, да и соответствующие им символы совсем не трудно запомнить.

На самом деле магических символов огромное множество, и, чтобы все их выучить, нужно немало времени. И потом, я не всегда сразу вспоминаю, как именно произносится то или иное имя — уж очень они длинные и сложные, да и языка этого я не знаю. Но Зози уверяет меня, что это не страшно, раз я знаю, что именно означают эти символы. Например, Кукурузный Початок — это символ удачи; а еще есть символ Два Кролика (они делали вино из кактуса); Змея-Орел — символ могущества; Семь Ара — символ успеха; Обезьяна — символ трюкача; изобразив символ Дымящегося Зеркала, можно увидеть такие вещи, каких обычные люди просто не замечают; Госпожа Зеленая Юбка — символ заботы о матерях с детьми; Самый Первый Ягуар — символ смелости и мужества, защищающий от любого зла; а знак Госпожи Лунной Крольчихи — мой знак — это символ любви.

Вообще-то, по словам Зози, у каждого есть свой собственный символ. Ее знак — Ягуар. А мамин — Эекатль, Ветер Перемен. Я думаю, это что-то вроде тотемов, какие были у нас раньше, до того как родилась Розетт. Зози говорит, что знак Розетт — это Красный Тескатлипока в обличье Обезьяны. Это озорной бог, хотя и весьма могущественный, и он может превращаться в любое животное.

Мне нравятся старинные мифы, которые рассказывает Зози. Но порой мне все-таки становится не по себе. Она, правда, говорит, что мы никому не причиняем вреда, — а если она ошибается? Если опять произойдет какаято Случайность? Или я, воспользовавшись не тем символом, нечаянно сотворю какое-нибудь зло?

Река. Ветер. Благочестивые.

Эти слова постоянно крутятся у меня в голове. И отчего-то все они представляются мне связанными с тем вертепом, что установлен на площади Тертр, — с ангелами, животными и волхвами, хоть я и не знаю толком, зачем они там. Иногда мне кажется, что я уже почти это поняла, но полностью понять никогда не могу — словно во сне, когда все кажется абсолютно осмысленным, а потом проснешься, и все сразу как бы расплывается, превращаясь в ничто.

Река. Ветер. Благочестивые.

Что это значит? Что означают слова, приходящие ко мне во сне? И чего

я по-прежнему так боюсь, сама не зная почему? Чего мне, собственно, бояться? Может быть, те Благочестивые похожи на волхвов, на мудрецов, дары приносящих? Возможно, это и так, но мне от этого не легче, и я все время опасаюсь, что вот-вот случится что-то дурное. Причем по моей вине...

Зози уговаривает меня не тревожиться понапрасну. Она считает, что мы никому не можем причинить вреда, если только сами этого не захотим. Но я вообще никому не хочу вредить, никогда — даже Шанталь, даже Сюзи!

Вчера я доделала куколку Нико. Пришлось обложить деревяшку ватой, чтобы куколка стала толстенькой, похожей на него. Волосы я сделала из той курчавой коричневой штуки, которой набито старое кресло, что стоит у Зози в комнате. Затем нужно было и Нико присвоить какой-нибудь символ — я выбрала Ягуара, символ мужества. А потом я прошептала его куколке на ухо: «Нико, тебе нужно все взять в свои руки», — по-моему, ему это действительно необходимо, правда ведь? Ну а потом я поставила его куколку перед одной из дверей святочного домика и стала ждать, когда к нам зайдет сам Нико.

Затем Я принялась за куколку Алисы. Алиса противоположность Нико, но сделать ее такой худой, как на самом деле, у меня не получилось. Пришлось оставить все как есть, так что она вышла немного толще, чем было нужно. Я, правда, попробовала немного обстругать крючок перочинным ножом, и сперва получалось неплохо, но потом я сильно порезала себе палец, так что Зози даже пришлось его перевязать, и ножик я оставила в покое. Зато я сделала Алисе хорошенькое платьице из кусочка старых кружев и шепнула ей на ухо: «Алиса, ты совсем не уродина, тебе просто нужно побольше есть». Ей я дала знак Шантико, Нарушителя Поста. Куколку Алисы я поместила рядом с фигуркой Нико у дверей святочного домика.

Куколку Тьерри я всю укутала в серую фланель, а в руки ему сунула кусочек сахара, завернутый в бумагу и разрисованный, как его любимый мобильник. Мне, к сожалению, не удалось раздобыть даже нескольких его волосков, и вместо них я взяла лепесток одной из роз, которые он подарил маме; надеюсь, что это сгодится. Но я, конечно, совсем не хочу, чтобы с Тьерри что-нибудь случилось. Пусть только он держится от нас подальше, и все.

Ему я дала знак Обезьяны, а куколку его поместила вне святочного домика, подальше, и на всякий случай одела ее в пальто и теплый шарф (сделанные из коричневого фетра) — вдруг Тьерри станет холодно.

Затем, разумеется, наступила очередь Ру. Его фигурка еще не закончена, потому что мне нужна какая-то часть его самого, а под рукой ничего такого нет — даже нитки из его одежды. Но куколка получилась, помоему, очень похоже: я одела ее всю в черное, а к голове приклеила клок пушистого волокна, такого же рыжего, как его волосы. Ру я выделила сразу два символа — Лунного Кролика и Ветра Перемен — и шепнула ему на ухо: «Не уходи от нас, Ру!» — хотя с тех пор мы его так больше ни разу и не видели.

Но это не важно. Я же знаю, где он. Он ремонтирует квартиру Тьерри на улице Святого Креста. Не знаю уж, почему он к нам не заходит, и почему мама не хочет его видеть, и почему его так сильно ненавидит Тьерри.

Сегодня мы с Зози поговорили об этом. Мы, как обычно, сидели у нее наверху вместе с Розетт и играли в одну довольно шумную и глупую игру, но Розетт была в восторге и все время смеялась как сумасшедшая. Зози изображала дикую лошадь, а Розетт ездила на ней верхом, и все страшно веселились. А потом я вдруг почувствовала, что по спине у меня ни с того ни с сего поползли мурашки, и, подняв глаза, увидела, что на каминной полке сидит желтая обезьяна. Я видела ее столь же отчетливо, как вижу Пантуфля.

— Зози, посмотри-ка! — воскликнула я.

Зози посмотрела, но ничуть не удивилась: оказывается, она и раньше видела Бама.

— До чего же у тебя сестренка смышленая! — сказала Зози, улыбаясь Розетт, которая наконец слезла с нее и, устроившись на диванной подушке, забавлялась золотыми монетками, пришитыми к ее краю. — Внешне вы с ней совершенно не похожи, но внешность, как мне представляется, это еще далеко не все.

Я обняла Розетт и поцеловала ее. Иногда она похожа на тряпичную куклу или вислоухого плюшевого кролика — такая же мягкая и тепленькая.

— Вообще-то у нас с ней папы разные, — сказала я Зози.

Она снова улыбнулась:

- Да я уж догадалась.
- Хотя это никакого значения не имеет, продолжала я. Мама говорит, что каждый сам себе семью выбирает.
 - И что же, сама она так и поступила?

Я кивнула

— Да. И нам так гораздо лучше. Ведь членом нашей семьи может стать кто угодно. Мама говорит, что дело вовсе не в родственных связях, а в

том, как ты к тому или иному человеку относишься.

- Значит... и я могу стать членом вашей семьи?
- А ты им уже стала! с улыбкой ответила я.

Она рассмеялась.

— Ну да, теперь я вроде как твоя нехорошая тетка. Вот, совращаю тебя своей магией и туфлями!

От этих слов мне снова стало весело, и ко мне, разумеется, тут же присоединилась Розетт, а над нами плясала желтая обезьянка, заставляя танцевать вместе с нею и все те предметы, что стояли на каминной полке. А стояли там в основном туфли Зози, и это, по-моему, куда лучшее украшение, чем какие-то китайские статуэтки. И у меня вдруг мелькнула мысль: до чего же здорово — вот так веселиться втроем; но я сразу же почувствовала укол совести: ведь мама-то осталась внизу, а мы, особенно здесь, наверху, вообще порой забываем, есть она или нет.

Зози вдруг внимательно посмотрела на меня.

— А ты ни разу не спрашивала у мамы, кто отец Розетт?

Я только плечами пожала. Мне это никогда не казалось существенным. У каждой из нас всегда были остальные двое, и никто другой нам нужен не был...

— Дело в том, что ты с ним, видимо, хорошо знакома, — сказала Зози. — Тебе ведь, когда она родилась, было, наверное, лет шесть или семь, и мне стало интересно...

Она не договорила и стала играть амулетами, висевшими у нее на браслете. У меня было такое ощущение, словно она хотела что-то мне сказать, но произнести это вслух не решилась.

- Что? спросила я.
- Ну... посмотри, какие у Розетт волосы.

Она погладила мою сестренку по голове. Волосы у Розетт того же цвета, что мякоть спелого манго; они сильно вьются и очень мягкие.

— Посмотри, какие у нее глаза...

А глаза у Розетт очень светлые, зелено-серые, как у кошки, и круглые, как монетки.

— Это тебе никого не напоминает?

Я задумалась.

- Ну же, Нану! Рыжие волосы, зеленые глаза. Может порой любого до белого каления довести...
- Только не Ру! сказала я и засмеялась, но внутри у меня все дрожало, и я мечтала только об одном: пусть Зози больше ничего мне не говорит!

- А почему бы и нет? спросила Зози.
- Я просто знаю, что это не он!

На самом деле я никогда по-настоящему не задавалась вопросом, кто отец Розетт. По-моему, где-то в глубине души я по-прежнему была уверена, что никакого отца у нее вообще не было и ее просто принесли нам добрые феи, как и говорила та старая дама...

«Это же настоящий эльф, а не ребенок. Она не такая, как все».

Но до чего же все-таки несправедливо, когда люди считают Розетт глупой, умственно отсталой, недоразвитой! «Она у нас не такая, как все» — так и мы сами всегда о ней говорили. Она просто особенная, она от всех отличается. Маме, правда, не нравится, что мы отличаемся от других, — но Розетт вообще не такая, как все, и разве это так уж плохо?

Тьерри все твердит, что она «нуждается в медицинской помощи». Что ее нужно показать педиатрам, логопедам и прочим специалистам — словно можно излечить от того, что ты не такой, как все, словно существует такой специалист, который это умеет.

Но ведь от этого нет лекарства. Благодаря Зози я хорошо поняла это. И быть отцом Розетт Ру никак не может! Он ведь до того вечера ее никогда даже не видел. Даже имени ее не знал...

- Ру никак не может быть ее отцом, повторила я, хотя и без прежней уверенности.
 - А кто может? спросила Зози.
 - Не знаю. Только не Ру.
 - Но почему?
- Потому что тогда он должен был остаться с нами. И не отпустил бы нас.
- Но может быть, он просто ничего не знал? предположила Зози. Может быть, твоя мама ничего ему не сказала? В конце концов, она и тебе никогда не рассказывала...

И тут я расплакалась. Глупо, конечно. Ненавижу реветь ни с того ни с сего. Но я все ревела и никак не могла перестать. У меня словно что-то взорвалось внутри, и теперь я никак не могла понять, ненавижу я Ру или еще сильнее его люблю...

— Шшш, Нану. — Зози обняла меня. — Ну что ты, все хорошо...

Я уткнулась ей в плечо. На ней был большой старый свитер крупной вязки, и толстая шерсть так вдавилась мне в щеку, что наверняка останутся следы. «Нет, Зози, все как раз очень плохо!» — хотелось мне сказать. Просто взрослые вечно твердят, что все хорошо, когда не хотят, чтобы их дети узнали правду; и чаще всего эти слова — чистая ложь.

Так что же, взрослые вообще все время лгут?

Я задохнулась от рыданий. Ну разве может Ру быть отцом Розетт? Она ведь его совсем не знает. Она не знает, что он всегда пьет горячий шоколад без молока, но с ромом и коричневым сахаром. Она никогда не видела, как он мастерит из ивовых прутьев верши для рыбы или флейту из куска бамбука; она не знает, что он различает голоса всех речных птиц и так здорово им подражает, что даже сами птицы путают его со своими сородичами...

Она не знает даже, что он ее отец.

Это несправедливо! На ее месте должна была быть я!..

Но я уже чувствовала, как оживают воспоминания... далекие звуки... знакомые запахи... Прошлое подходило все ближе, висело надо мной, как та указующая звезда над вертепом, устроенным на площади Тертр. И теперь я уже почти все вспомнила — если не считать того, что вспоминать это мне совершенно не хотелось. Я закрыла глаза, я не могла пошевелиться. Я была уверена: одно мое движение, и все это рванется наружу, как пенящийся напиток из бутылки, которую кто-то сильно встряхнул, и тогда ее содержимое вернуть обратно будет совершенно невозможно...

Меня вдруг охватил озноб.

— Что с тобой? — всполошилась Зози.

Я по-прежнему не могла ни пошевелиться, ни что-либо сказать.

— Чего ты так испугалась, Нану?

Я слышала, как позванивают амулеты у нее на запястье — и этот звук удивительно напоминал перезвон колокольчиков у нас над входной дверью.

- Я боюсь Благочестивых, прошептала я.
- А кто это? Кто они, эти Благочестивые?

В ее голосе послышалась настойчивость. Она взяла меня руками за плечи, и теперь я отчетливо чувствовала, как сильно она хочет это знать; желание понять буквально сотрясало все ее существо, как может сотрясать сосуд молния, случайно попавшая туда.

— Не бойся, Нану. Ты просто объясни мне, что значит «Благочестивые»?

Благочестивые.

Волхвы.

Мудрецы, дары приносящие.

Я пробормотала что-то невнятное — словно пытаясь проснуться, но не в силах прогнать сон. Воспоминания так и теснились в моей душе, и каждое стремилось выйти на передний план, оказаться замеченным.

Маленький домик на берегу Луары.

И люди, казавшиеся такими добрыми, такими участливыми.

Они даже приносили нам подарки.

И тут глаза мои неожиданно раскрылись. Я больше не испытывала страха. Наконец-то я все вспомнила! И все поняла. Я поняла, что тогда произошло, отчего наша жизнь так переменилась, почему мы были вынуждены бежать — от всех, даже от Ру, — и почему потом стали притворяться, что мы такие же, как все, что мы обычные люди, хотя прекрасно понимали в душе: нам никогда такими не стать.

- Так в чем же все-таки дело, Нану? спросила Зози. Теперь ты уже в состоянии объяснить мне?
 - Пожалуй, да, ответила я.

Тогда рассказывай, — сказала она, начиная улыбаться. — Рассказывай все с самого начала.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ БЛАГОЧЕСТИВЫЕ

10 декабря, понедельник

А вот наконец и он, декабрьский ветер. С пронзительным воем он проносится по узким улочкам, срывая с деревьев последние листья. «Декабрь — осторожней: несчастия возможны!» — это присказка моей матери. И каждый раз, когда год близится к концу, у меня возникает ощущение, словно перевернута еще одна страница.

Еще одна страница... еще одна карта... а может быть, и другой ветер. Декабрь для нас всегда был месяцем неудач. Последний месяц года, он словно подползает к Рождеству, волоча по грязи блестящую юбку из елочной мишуры. Тупик, самое темное время, и деревья уже на три четверти облетели, и свет на улице мутно-желтый, как опаленный газетный лист, и все мои призраки выходят наружу и резвятся, точно светлячки в призрачно-сером небе...

Нас принес ветер карнавала Ветер перемен, ветер обещаний. Веселый, волшебный ветер, способный любого превратить в безумного Мартовского Зайца^[48]; этот ветер срывает цветы и шляпы, распахивает полы пальто и с каким-то лихорадочным возбуждением устремляется навстречу лету...

Анук — дитя этого ветра. Дитя лета. Ее тотем — кролик, энергичный, нетерпеливый, ясноглазый и непослушный.

Моя мать очень верила в силу тотемов. Тотем — это ведь не просто невидимый друг, он способен выдать тайную сущность человека, он, собственно, и является проявлением этой его тайной сущности, его души. Моим тотемом является кошка — так, во всяком случае, говорила моя мать, возможно имея в виду тот детский браслет с серебряным амулетом в виде кошечки. Кошки скрытны по природе. У кошек сложный, как бы раздробленный, раздвоенный характер. Кошки испуганно убегают даже при слабом дыхании ветерка. Кошки способны видеть мир духов и могут пройти по тончайшей границе меж светом и тьмой.

Стоило сильнее подуть тому ветру, и мы бежали. И разумеется, не в

последнюю очередь из-за Розетт. Я сразу поняла, что у меня будет ребенок, и, словно кошка, вынашивала ее втайне, подальше от Ланскне...

Но к декабрю ветер переменился, подталкивая год все дальше во тьму от границы света. Анук я носила легко. Она, моя летняя девочка, и на свет появилась вместе с солнцем — в половине пятого утра ясным июньским утром; и в ту же секунду, стоило мне ее увидеть, я поняла: она моя и только моя.

А Розетт с самого начала была другой. Маленькая, слабенькая, капризная, она не желала есть и смотрела на меня так, словно я ей совершенно чужая. Я родила ее в пригороде Рена, и, пока мы с ней лежали в больнице, ко мне зашел местный священник, желая дать мне добрый совет, ибо был весьма удивлен тем, что я не пожелала окрестить дочь прямо в больничной палате.

Он казался человеком спокойным и доброжелательным, но был слишком похож на прочих священнослужителей с их избитыми словами утешения и таким выражением глаз, словно они отлично представляют себе ТОТ мир, но понятия не имеют об ЭТОМ. Я привычно изложила ему свою жалостливую историю. Я — вдова, меня зовут мадам Роше, я направляюсь к родственникам, где и буду теперь жить. Он явно не поверил ни одному моему слову и все посматривал на моих девочек — на Анук с подозрением, а на Розетт со все возраставшим беспокойством. Девочка, вполне возможно, не выживет, признался он честно, неужели я позволю ей умереть некрещеной?

Я поселила Анук в гостинице неподалеку, а сама медленно приходила в себя, оставаясь в больнице вместе с Розетт. Затем я отвезла Анук в крошечную деревушку Ле-Лавёз, на берегу Луары. А вскоре и сама сбежала туда от этого старого доброго священника, поскольку силенки Розетт начали таять, а его требования немедленно крестить девочку стали еще более настойчивыми.

Ибо доброта и жестокость порой убивают одинаково легко, а тот священник — его, кстати, звали Пер Леблан — уже начал собственное расследование, выясняя, есть ли у меня в данной местности родственники, кто присматривает за моей старшей дочерью, в какой школе она училась и учится, а также — какая судьба постигла моего вымышленного супруга месье Роше; и я не сомневаюсь, что эти расследования вскоре наверняка позволили бы ему узнать, каково истинное положение вещей.

Так что однажды утром я взяла Розетт и уехала на такси в Ле-Лавёз. Тамошняя дешевая гостиница изысканностью не отличалась: в нашем жалком номере стояла газовая плита и двуспальная кровать с провисшим

чуть ли не до полу матрасом. Розетт по-прежнему отказывалась есть и жалобно плакала, точно мяукала, и ее голосок казался мне эхом зимнего ветра, стонавшего за стеной. Но куда хуже было то, что у нее порой секунд на пять, а то и на десять останавливалось дыхание, затем она издавала какой-то странный звук — то ли икала, то ли фыркала — и снова решала хотя бы на время вернуться в мир живых.

Мы прожили в гостинице еще двое суток. Приближался Новый год, и выпавший снег точно горьким сахаром засыпал и черные деревья, и песчаные отмели на берегах Луары. Я стала искать, куда бы переехать из этого кошмарного номера, и мне предложили квартирку над маленькой стерегіе, принадлежавшей пожилой паре — Полю и Фрамбуазе.

— Квартирка небольшая, но теплая, — сказала мне Фрамбуаза, маленькая женщина с яростно поблескивающими, черными, как ягоды, глазами. — Вы мне даже услугу окажете — будете заодно за блинной приглядывать. На зиму-то мы закрываемся — туристов здесь зимой совсем не бывает, — так что можете не тревожиться насчет того, что помешаете кому-то. — Она внимательно на меня посмотрела и сказала: — Эта малютка мяучит, как кошка.

Я кивнула.

- Xм... Мне показалось, что она как-то странно принюхалась. Вы за ней получше присматривайте.
- Что она хотела этим сказать? спросила я у Поля, когда он чуть позже тоже заглянул в наши комнатки наверху.

Поль, кроткий немногословный старичок, посмотрел на меня, пожал плечами и сказал:

— Она немного суеверна. Впрочем, как и многие здешние старики. Не принимай это близко к сердцу, милая. Она вам всем добра желает.

Я тогда слишком устала и больше ни о чем не стала его расспрашивать. Но через несколько дней, когда мы уже устроились и Розетт даже начала понемногу есть — хотя по-прежнему вела себя беспокойно и почти не спала, — я спросила Фрамбуазу, что она тогда имела в виду.

— Говорят, такой ребенок-кошка приносит несчастье, — спокойно ответила она, прибирая и без того чистую кухню, где буквально ни пятнышка не было.

Я улыбнулась. Манерой говорить она удивительно напоминала мне Арманду, моего дорогого старого друга из Ланскне.

- Ребенок-кошка? переспросила я.
- Ну... Фрамбуаза пожала плечами, вообще-то я о них только слышала, но сама никогда не видела. Зато отец часто рассказывал мне, что

феи иногда ночью прокрадываются в чей-нибудь дом и подменяют настоящего младенца котенком. Такой ребенок не желает брать грудь и все время плачет. Но если кто-нибудь ребенка-кошку обидит, феи обязательно отыщут обидчика...

Она угрожающе прищурилась, потом вдруг улыбнулась и сказала:

— Но это, конечно же, просто сказки. Хотя я бы советовала вам всетаки сходить к врачу. Ваш котеночек, по-моему, не совсем здоров.

Это, пожалуй, и впрямь было так. Но у меня никогда не ладились отношения с врачами и священниками, так что я колебалась, не решаясь последовать совету доброй старушки. Пролетело еще три дня, а Розетт все мяукала, то и дело задыхалась или вообще переставала дышать, и я, преодолев себя, отправилась с ней к врачу в соседний Анже.

Врач внимательнейшим образом ее осмотрел и сказал, что необходимо сдать анализы. Но, судя по характерному крику, сказал он, кое-какие предварительные выводы можно сделать и прямо сейчас: по всей видимости, плачевное состояние девочки связано с неким генетическим пороком, в народе известным как cri-du-chat, ибо плач таких необычных младенцев более всего напоминает мяуканье. Это не смертельно, но неизлечимо и может сопровождаться некими неприятными симптомами, которые на столь ранней стадии врач предсказывать не решился.

— Значит, она действительно ребенок-кошка, — сказала Анук, похоже даже обрадовавшись тому, что Розетт не такая, как другие дети.

Она так долго была единственным ребенком в семье, что теперь, в семь лет, казалась мне иногда до странности взрослой: она по-настоящему заботилась о Розетт, уговаривала ее поесть из бутылочки, пела ей песенки и качала в кресле-качалке, которую Поль притащил нам из своего старого деревенского дома.

— Ты наш котеночек, — приговаривала она, покачивая Розетт. — Раскачаем котеночка и — прыг! — на верхушку дерева.

И крошечной Розетт, по-моему, это действительно нравилось. Во всяком случае, плакать она переставала — пусть хотя бы на время. Она даже стала чуточку прибавлять в весе. И постепенно начала спать по ночам — часа по три-четыре подряд. Анук утверждала, что на нее так хорошо действует воздух Ле-Лавёз, и ставила блюдечки с молоком и сахаром — на тот случай, если феи вдруг заглянут к нам, чтобы проверить, как дела у нашего котенка-подкидыша.

А к тому врачу из Анже я больше так и не пошла, понимая, что очередная сдача анализов Розетт не поможет. Вместо этого мы с Анук очень тщательно за ней ухаживали: купали ее в целебных травяных

отварах, пели ей, массировали ее тоненькие, как палочки, ручки и ножки, втирая в них то лавандовую, то тигровую мазь, поили молоком из пипетки (пить из соски, надетой на бутылочку, она категорически отказывалась).

Анук называла ее волшебной девочкой, маленьким эльфом. Розетт и правда была хорошенькая, как эльф, — изящная, с маленькой аккуратной головкой, большими, широко расставленными глазами и остреньким подбородком.

— Она у нас даже немножко похожа на кошечку, — говорила Анук. — И Пантуфль тоже так считает. Верно, Пантуфль?

Ах да, Пантуфль. Сперва я думала, что Пантуфль, возможно, исчезнет, поскольку теперь у Анук есть крошечная сестричка, о которой нужно заботиться. Тот ветер все еще гулял над Луарой, а Святки, как и Иванов день, — время перемен, не слишком благоприятное для странников и путешественников.

Но с появлением Розетт Пантуфль, похоже, только укрепил свои позиции, если можно так выразиться. И я обнаружила, что теперь все более четко вижу, как он сидат у колыбели малышки и смотрит на нее своими черными глазами-пуговицами, пока Анук возится с нею — качает, баюкает, что-то ей рассказывает или поет песенки.

V'là l'bon vent, v'là l'joli vent...

— А у бедняжки Розетт нет своего зверька, — сказала как-то Анук, когда мы с ней сидели рядышком у огня. — Может, потому она все время и плачет? Может, нам стоит попросить кого-нибудь из животных? Пусть живет у нас и заботится о Розетт, как Пантуфль — обо мне.

Я улыбнулась, но видела, что она говорит совершенно серьезно; а я давно поняла, что если не займусь какой-то проблемой, то Анук непременно попытается решить ее сама. И я пообещала ей, что мы попробуем кого-нибудь позвать. Я согласилась сыграть в эту игру. Мы с Анук так хорошо вели себя целых полгода: никаких карт, никаких чудес, никаких ритуалов. Я даже соскучилась по всему этому, и Анук, по-моему, тоже. Что плохого в такой игре?

Мы прожили в Ле-Лавёз уже около недели, и пока что все вроде бы складывалось неплохо. У нас даже кое-какие друзья там появились, а к Фрамбуазе и Полю я по-настоящему привязалась. В квартирке над сгерегіе

мы чувствовали себя вполне уютно. Из-за рождения Розетт мы, в общем, как-то пропустили подготовку к Рождеству, зато теперь приближался Новый год, а этот праздник всегда обещает что-то новое. На улице стоял мороз, но воздух был чист, а небо сияло пронзительной голубизной. Я все еще беспокоилась о Розетт, но потихоньку мы как-то приспосабливались; мы даже научились вполне сносно кормить ее с помощью пипетки.

И тут нас отыскал преподобный отец Леблан. И еще какую-то женщину с собой привел, сказав, что это няня. Однако те вопросы, которые эта «няня» задавала Анук, заставили меня заподозрить в ней социального работника Меня, к сожалению, дома не оказалось, когда они зашли: Поль повез меня на своей машине в Анже, чтобы купить для Розетт подгузники и молоко. Дома была только Анук, ну и Розетт, естественно, лежала в своей колыбельке. Священник и эта особа притащили с собой целую корзину всевозможных подарков для нас и вели себя так доброжелательно, так заинтересованно расспрашивали обо мне, утверждая, что мы давние друзья, что моя невинная доверчивая Анук рассказала им гораздо больше, чем следовало.

Она рассказала им о Ланскне-су-Танн, и о наших путешествиях по Гаронне с речными цыганами, и о нашей шоколадной лавке, и об устроенном нами празднике шоколада. А потом она принялась рассказывать о Святках, о сатурналиях, о Дубовом Короле и о Короле Падуба, и о двух великих ветрах, что делят год пополам. А когда они заинтересовались красными саше, висящими у нас над дверью, и блюдечками с хлебом-солью у порога, Анук охотно поведала им о феях и о маленьких божках, о животных-тотемах и о ритуалах с зажженными свечами. Она рассказала, как можно призвать к себе луну, как песней успокоить ветер; она и о картах Таро, и о детях-кошках им рассказала...

«Дети-кошки?»

— Ой, да! — воскликнуло мое летнее дитя. — Вот Розетт у нас — как раз такой ребеночек-кошка, и поэтому она так любит молоко. И часто всю ночь кричит, как кошка. Но это не страшно. Ей просто нужен какой-нибудь тотем. И мы все ждем, когда же он наконец появится!

Могу себе представить, что они обо всем этом подумали. Языческие тайны и ритуалы! Некрещеные дети, которых бросают у чужих людей или того хуже...

Священник спросил Анук, не хочет ли она отправиться с ним. Разумеется, он не имел на это никакого права! Он говорил, что с ним она будет в полной безопасности, что он будет ее охранять, пока длится расследование. Он, возможно, и сумел бы ее увезти, но ему помешала

Фрамбуаза. Она зашла к нам, чтобы проверить, как там Розетт, и обнаружила, что у нас на кухне сидят двое незнакомых людей и Анук уже готова расплакаться, так задушевно этот священник и его спутница уговаривают ее не бояться, потому что она такая не одна, что есть сотни детей, похожих на нее, и что ее еще можно спасти, если она им доверится...

В общем, Фрамбуаза моментально все это прекратила. Язык у нее острый, и она выгнала их обоих из дома, а потом приготовила для Анук чай, а для Розетт — молоко и сидела с ними до тех пор, пока Поль не привез меня домой. А потом, естественно, рассказала мне о визите священника и той женщины.

— Эти люди просто не понимают, что нельзя совать нос в чужие дела! — презрительно сказала она, прихлебывая чай. — Все чертей под кроватью ищут. Я так им и сказала! Да вы только посмотрите на нее, сказала я им... — Она мотнула головой в сторону Анук, уже преспокойно игравшей с Пантуфлем. — Разве у нее лицо ребенка, которому грозит опасность? Или она вам напуганной кажется?

Конечно же, я была очень ей благодарна. Но в душе не сомневалась: те люди непременно вернутся. Причем на этот раз, возможно, с каким-нибудь официальным предписанием, или ордером на обыск, или требованием явиться на допрос. Я знала: Пер Леблан ни за что не сдастся! И при первой же возможности этот человек, с виду такой доброжелательный и любезный, а на самом деле очень опасный — или кто-то очень на него похожий, из той же породы людей, — будет преследовать меня даже на краю света.

— Мы завтра уезжаем, — сказала я.

Анук негодующе взвыла:

- Нет! Опять?! Ни за что!
- Мы должны уехать, Нану. Эти люди...
- Но почему всегда мы? Почему всегда обязательно виноваты мы? Почему бы этому ветру для разнообразия не унести прочь этих людей?

Я посмотрела на Розетт, спавшую в колыбели. На Фрамбуазу с ее морщинистым, старым, похожим на лежалое яблоко лицом, на Поля, который слушал нас молча, но это молчание было куда более выразительным, чем любые слова. И тут вдруг перед глазами у меня что-то промелькнуло — то ли это была просто игра света, то ли разряд статического электричества, то ли случайная искорка от очага.

— Ветер поднялся, — сказал Поль, прислушиваясь к завыванию в печной трубе. — Не удивлюсь, если разыграется метель.

Ну да, теперь и я отлично слышала, как декабрьский ветер наносит свои последние удары по стенам нашего домика. Декабрь, несчастья... Всю

ночь я слушала голос ветра; он причитал, рыдал, смеялся. И Розетт всю ночь была беспокойна, капризничала, так что я до рассвета просидела у ее колыбели, время от времени задремывая, а ветер все налетал порывами, грохотал шифером на крыше, стучал оконными рамами.

В четыре часа я услышала, что в комнате Анук кто-то ходит. Розетт не спала. Я заглянула к Анук и увидела, что она сидит на полу посреди довольно криво нарисованного желтым мелом круга. У постели ее горела свеча, как и у кроватки Розетт. И в теплом желтом свете этой свечи Анук выглядела странно веселой, а щеки ее пылали от возбуждения.

— Мы все уладили, мама, — сообщила она мне, блестя глазами. — Да, мы все уладили и можем теперь спокойно остаться.

Я села с нею рядом на пол и спросила:

- Что и как вы уладили?
- Ну, я сказала этому ветру, что мы остаемся здесь. И сказала, чтобы вместо нас он взял кого-нибудь другого.
- Это совсем не так просто, Нану... начала я, но она перебила меня, возразив:
- Да нет, это очень просто! Тем более что у нас тут и еще кое-кто появился! Она нежно мне улыбнулась и указала куда-то в угол: Ты его видишь?

Я нахмурилась. Там ничего не было. Ну, почти ничего. Так, неясное мерцание... промельк свечного огня на стене... какая-то тень... нечто вроде хвоста, блестящие глаза...

- Нет, я ничего там не вижу, Нану.
- Теперь его хозяйка Розетт. Его к нам этот ветер принес.
- Ах ветер! Ясно.

Я улыбнулась. Порой фантазии Анук бывают такими заразительными, что я и сама ими увлекаюсь и начинаю видеть такие вещи, которых попросту быть не может.

Розетт протянула ручонки и замяукала

— Это обезьянка, — сказала Анук. — Его зовут Бамбузль.

Я заставила себя рассмеяться.

- Ну и выдумщица же ты! Однако мне было не по себе. Ты же понимаешь, Нану, что это всего лишь игра, верно?
- Нет-нет, он настоящий! возразила с улыбкой Анук. Посмотри, мам. Розетт его тоже видит.

Утром ветер улегся. Злой ветер — так его называют местные жители, — он порой валит деревья и сровнивает с землей амбары. О нем даже в

газетах писали, а вчера вечером, в канун Нового года, из-за него случилась настоящая трагедия: он сломал на дереве большую ветку, которая рухнула прямо на проезжавшую мимо машину. Погибли двое — водитель и пассажирка. Водителем был некий священник из Рена.

«Божий промысел», — говорилось в газетной заметке.

Но мы-то с Анук знали, что это не так.

«Это просто несчастный случай, Случайность, — твердила я ей, когда она каждую ночь просыпалась в слезах в нашей маленькой квартирке на бульваре Шапель. Анук, на самом деле ничего такого не бывает. А вот случайностей в нашей жизни хватает. И это тоже всего лишь случайность».

И примерно через полгода она постепенно поверила мне. Ночные кошмары прекратились. Она снова казалась счастливой. И все же в глазах у нее что-то осталось — она словно переставала быть моим летним ребенком и очень быстро взрослела, становясь старше, умнее и... отчужденнее. А теперь и Розетт — мое зимнее дитя — с каждым днем становилась все больше на нее похожей. Маленькая Розетт, живущая в своем собственном мире и не желающая расти, как все другие дети, не желающая ни ходить, ни говорить и лишь внимательно наблюдающая за всем происходящим глазами крошечного зверька...

Сами ли мы в ответе за это? Логика говорит «нет». Но ведь и у логики пределы ограничены. А тот ветер снова здесь. И если мы не подчинимся его зову, кого он тогда заберет вместо нас?

На Монмартрском холме деревьев почти нет. Уже и это для меня хорошо. Однако декабрьский ветер по-прежнему пахнет смертью, и никаким ладаном не защититься от его темного соблазна. Декабрь — это всегда время тьмы, чистых и нечистых духов, огней, которые зажигают при умирающем свете дня, точно бросая вызов наступающей темноте. Святочные божества суровы и холодны; Персефона заточена в своем подземелье, а весна кажется далеким-далеким сном.

V'là l'bon vent, v'là l'joli vent... V'là l'bon vent, ma mie m'apelle...

А по пустынным улицам Монмартра бродят Благочестивые, пересекая любые границы и пронзительными криками выражая свое презрение к тому времени года, когда царят тепло и доброжелательность.

11 декабря, вторник

Итак, лиха беда начало. Потом все пошло само собой. Анук рассказала мне всю эту небольшую историю почти целиком: шоколадная лавка в Ланскне, затем громкий скандал, смерть той женщины, затем жизнь в Ле-Лавёз, рождение Розетт и появление Благочестивых, которые тщетно пытались отнять ее у матери.

Так вот, значит, чего она боится. Бедная девочка! Не думайте, что если в данном случае я ищу какой-то корысти, то у меня совершенно нет сердца. Я слушала сбивчивый рассказ Анук, обнимала ее, когда воспоминания эти становились уж очень болезненными, гладила по голове и вытирала ей слезы — между прочим, никто даже такой малости не сделал для меня, когда мне было шестнадцать и весь мой мир неожиданно рухнул.

Я успокаивала ее, как могла. Магия, сказала я, это инструмент Перемен, подобный приливам и отливам, которые помогают нашему миру сохранить жизнь. Все на свете взаимосвязано: зло, сотворенное в одном полушарии, в другом будет уравновешено добрым деянием. Без тьмы нет света, без ошибок нет истины, ни одна нанесенная обида не остается без отмщения.

Что же касается моего личного опыта...

В общем, я кое-что рассказала ей — ровно столько, сколько было необходимо. Во всяком случае, этого оказалось вполне достаточно, чтобы мы стали заговорщиками, объединенными угрызениями совести и чувством вины; чтобы я смогла постепенно оторвать ее от мира света и подтащить к самой границе мира тьмы...

В моем случае, как я уже говорила, все началось с одного мальчика. И закончилось, в общем, им же; ибо если в аду не встретишь более свирепой фурии, чем женщина, ставшая объектом презрения и насмешек, то на земле нет ничего страшнее обманутой ведьмы.

Неделю или две все шло очень даже неплохо. Я прямо-таки царила среди прочих девчонок, наслаждаясь завоеванной славой и тем неожиданно высоким статусом, который вдруг обрела. Со Скоттом мы были неразлучны, но он оказался слаб и весьма тщеславен — собственно, именно эти качества и сделали его так быстро моим рабом, — так что очень скоро искушение поболтать обо мне в мужской раздевалке, похвастаться перед приятелями, походить с задранным носом и, наконец, понасмешничать надо мной вместе с другими стало слишком сильным, чтобы он смог ему противостоять.

Я сразу же это почувствовала — чаши весов опять качнулись. Скотт, пожалуй, слишком распустил язык, и слухи полетели по всей школе, точно осенние листья, обгоняя друг друга. На стенах душевой стали появляться неприличные рисунки, ребята подталкивали друг друга локтями, когда я проходила мимо. Моим злейшим врагом стала девочка по имени Жасмин — прирожденная интриганка, пользовавшаяся большой популярностью, но с виду скромница, хорошенькая, как картинка. Она-то и запустила первую волну слухов. Я сражалась с ними всеми доступными мне способами, но, как известно, единожды жертва — всегда жертва, и вскоре я вернулась к своей прежней роли — объекта подлых шуток и мерзких комментариев. А тут и Скотт Маккензи переметнулся во вражеский стан. Сперва он, правда, выдумывал всевозможные предлоги и извинения, с каждым разом звучавшие все более фальшиво, а затем и вовсе стал открыто появляться в компании Жасмин и ее приятелей, которым в конце концов удалось подтолкнуть его — с помощью лести, насмешек и издевательств — к прямому предательству. Он совершил нападение — причем на магазин моей матери, ни больше ни меньше! Продававшиеся там товары давно уже подвергались осмеянию моих недругов впрочем, товары действительно были довольно странные: магические кристаллы, книги по магической сексологии и т. п. И вот теперь уже сам магазин стал объектом их варварской атаки.

Они явились ночью. Толпа полупьяных, толкающихся, хохочущих и шикающих друг на друга подростков. Немного рановато для Ночи Проказ, однако магазины уже вовсю торговали всевозможными шутихами и хлопушками, а Хэллоуин так и манил к себе длинными костлявыми пальцами, пахнущими дымом. Окна моей комнаты выходили на улицу, и я первой услышала, как они подходят; услышала их громкий нервный хохот и чей-то голос, призывавший: «Ну же, давай!» Энтузиасту кто-то негромко возразил, но тут же послышались еще голоса, настойчиво требующие: «Давай, давай!» А потом вдруг воцарилась какая-то зловещая тишина.

С минуту было тихо. Я даже на часы посмотрела. Затем послышался громкий хлопок — похоже, что-то взорвалось, причем в весьма ограниченном пространстве. Я даже подумала, что они, наверное, додумались сунуть ракеты в мусорный бак, но потом почувствовала слабый запах дыма. Выглянув из окна, я увидела, как они разбегаются, летят по переулку, точно перепуганные голуби, — пять мальчишек и одна девочка; ее я сразу узнала по походке...

И среди них был Скотт. Ну естественно. Вел за собой всю стаю, и его светлые волосы казались очень бледными в свете уличных фонарей. Я продолжала смотреть им вслед, и он вдруг оглянулся — и, по-моему, на какое-то мгновение наши глаза встретились...

Но пламя, вырывавшееся из витрины нашего магазина, не позволило ему вернуться. Пожар уже полыхал вовсю; красно-оранжевое зарево металось по стенам и стеллажам, огонь, кувыркаясь и прыгая, точно дьявольский акробат, охватил полку с шелковыми шарфами, стеллаж с волшебными сказками, ящики с книгами...

«Черт!» Я же видела, как шевелятся его губы. Он остановился, но та девчонка потянула его за собой. К ней присоединились приятели — и он снова отвернулся от меня и побежал прочь. Но я успела их всех разглядеть, я запомнила все их глупые лоснящиеся рожи, раскрасневшиеся и ухмыляющиеся в оранжевых отблесках пожара...

В общем-то, пожар оказался не очень сильным — огонь потух еще до того, как прибыла пожарная бригада. Нам даже удалось спасти большую часть товаров, хотя потолок совершенно почернел, а помещение насквозь пропахло дымом. Поджог они устроили с помощью ракеты, как сказал нам пожарный, самой обыкновенной шутихи, которую они просунули в щель почтового ящика и подожгли. Полицейский спрашивал меня, не видела ли я чего-нибудь или кого-нибудь подозрительного. Я сказала, что нет.

Но уже на следующий день я составила план мести. Затем, сказав матери, что плохо себя чувствую, осталась дома и принялась за работу. Из крючков от платяных вешалок я изготовила шесть маленьких деревянных куколок, стараясь делать их по возможности похожими на оригиналы. Я сшила им одежду, а лица аккуратно вырезала из большой общей фотографии за прошлый учебный год и наклеила на нужное место под волосами. Затем я дала им всем соответствующие имена; поскольку приближался Día de los Muertos, я работала не покладая рук, чтобы успеть к сроку.

Я собрала все волоски, случайно оставшиеся у моих врагов на пальто, висевших в раздевалке, и даже украла кое-что из одежды. Я вырывала

страницы из их школьных тетрадей, вытаскивала шнурки у них из ботинок, отрезала ремешки от их школьных сумок; я даже обследовала мусорные бачки в поисках использованных ими салфеток и, когда меня никто не видел, вытащила несколько изжеванных колпачков от шариковых ручек у них из парт. В общем, к концу недели у меня набралось столько самого разнообразного материала, что его с избытком хватило бы и для дюжины деревянных куколок. И во время Хэллоуина я припомнила своим врагам их должок.

В тот вечер в школе была дискотека. Прямо мне, конечно, ничего не сказали, но и так было всем известно, что Скотт собирается прийти на дискотеку с Жасмин. И все были уверены, что, когда я их там увижу, беды не миновать. Но я вовсе не собиралась идти на эти танцульки; а вот беду я им определенно намерена была гарантировать. И если бы Скотт или кто-то другой встал у меня на пути, то, не сомневаюсь, вышло бы еще хуже.

Вспомните, я ведь тогда была совсем еще юной и очень наивной во многих отношениях. Хотя, конечно, не такой наивной, как Анук, и не настолько склонной к угрызениям совести, как она. Но меч моей мести был как бы обоюдоострым: эта месть удовлетворяла требованиям моей Системы и одновременно доказывала совершенство моих познаний в области практической химии, что, безусловно, повышало и мою самооценку, и мою уверенность в успехе задуманного эксперимента.

Честно говоря, в шестнадцать лет я еще не слишком хорошо разбиралась в воздействии на организм различных ядов. Я знала, разумеется, как действуют наиболее известные из них, но пока что применять их на практике мне не доводилось. Я считала, что пора сделать первый шаг в этом направлении, а потому составила смесь из всех наиболее опасных веществ, какие только сумела достать. Корень мандрагоры, ипомея, тис — все это имелось у матери в лавке; если любой из этих ядов растворить в водке, то практически невозможно впоследствии определить его присутствие в организме того, кто эту водку выпил. Водку я купила в магазине на углу. Полбутылки ушло на приготовление тинктуры, в которую я добавила и еще кое-какие открытые мной ингредиенты например, сок одного замечательного пластинчатого гриба; мне здорово повезло: этот гриб я отыскала прямо на территории школы под зеленой изгородью. Затем я осторожно слила приготовленную тинктуру обратно в бутылку, пометив ее знаком Хуракана-Разрушителя, и оставила прямо на парте в своей открытой школьной сумке. Я не сомневалась: все остальное довершит судьба.

Разумеется, уже к большой перемене бутылки и след простыл. Вскоре

Скотт с дружками как-то странно развеселились, а потом и совсем распоясались. Я же отправилась из школы домой, чувствуя себя почти счастливой, и завершила приготовления тем, что всем шести куколкам проткнула сердце длинной острой иглой, одновременно шепнув каждой на ухо кое-какие тайные слова.

Жасмин — Адам — Люк — Дэнни — Майкл — Скотт...

Разумеется, я не могла знать, что они не просто сами выпьют эту водку, а выльют ее в чашу с фруктовым пуншем, приготовленным для дискотеки, желая сделать его позабористей, и тем самым значительно расширят круг «осчастливленных» моей замечательной тинктурой. На такую удачу я даже и не рассчитывала.

Воздействие пунша, как я слышала, было просто потрясающим. Он вызвал непрекращающуюся рвоту, галлюцинации, кишечные и желудочные колики, паралич, отказ почек и недержание мочи у сорока с лишним моих соучеников, включая, разумеется, и шестерых главных преступников.

Между прочим, могло быть и хуже. К счастью, никто не умер. Во всяком случае, сразу. Но отравление такого масштаба не могло пройти незамеченным. Полиция организовала расследование, кое-кто проговорился, и в конце концов они во всем признались. Но обвиняли в случившемся и меня, и друг друга — причем каждый пытался свалить вину на других, а себя оправдать. Они рассказали, что действительно сунули подожженную ракету в щель нашего почтового ящика, а потом украли у меня из портфеля бутылку водки и сдобрили этой водкой пунш — но дружно твердили, что даже не догадывались, что за водка в этой бутылке.

Естественно, после этого полиция заявилась к нам. Необычайный интерес у них вызвали запасы трав, имевшиеся у моей матери; потом они весьма дотошно допросили меня — разумеется, безуспешно. В шестнадцать лет я прекрасно умела молчать и молчала, как стена, и ничто — ни кнут, ни пряник — не могло заставить меня изменить свои показания.

Да, у меня в портфеле действительно была бутылка водки, сказала я. Я сама ее купила — хоть и против своего желания — по настойчивой просьбе Скотта Маккензи. У Скотта были большие планы, связанные с дискотекой; он предложил принести и кое-что еще, чтобы (как он выразился) немного оживить вечеринку. Я догадалась, что он имеет в виду наркотики и алкоголь, а потому решила на вечер вообще не ходить: у меня планы Скотта ни малейшего энтузиазма не вызывали.

Я, конечно, понимала, что поступаю неправильно, призналась я; мне следовало раньше все рассказать, но я боялась. После той истории с ракетой и пожаром я все время боялась, что они устроят еще какую-нибудь

гадость, а потому уступила и согласилась купить им эту бутылку.

Но видимо, что-то у них пошло наперекосяк. Вообще-то Скотт не слишком разбирается в наркотиках, сказала я, и, наверное, просто переборщил с дозой. Я рыдала крокодиловыми слезами, излагая все это офицеру полиции; потом честно выслушала его лекцию, изобразила радость по случаю того, что избегла наказания, и пообещала никогда больше не участвовать ни в чем подобном.

Это был отличный спектакль, и он полностью убедил полицейских. Зато моя мать по-прежнему сильно сомневалась в моей невиновности. А уж когда она обнаружила деревянных куколок, то от сомнений у нее не осталось и следа; уж она-то прекрасно знала свойства тех веществ, которыми торговала, и сразу догадалась, чьих рук это дело.

Я, разумеется, все отрицала. А она, разумеется, мне не верила.

«Люди же умереть могли!» — все повторяла она. Можно подумать, я этого вовсе и не хотела! Да после того, что они сделали, мне было абсолютно наплевать, умрут они или выживут! Тогда мать заговорила уже о том, что самой ей со мной не справиться, ей необходима помощь — возможно, подросткового психолога, — чтобы я научилась всегда советоваться со взрослыми, и как-то управлять своим гневом, и так далее...

— Мне вообще не следовало брать тебя в прошлом году в Мехико! — заявила она. — Ведь до этого все у тебя шло хорошо — ты была такой послушной, милой девочкой...

Вот придурочная, думала я. Глупая курица! Верит каждому встречному на слово, а теперь ей еще и в голову втемяшилось, будто ее «послушная, милая девочка», которую она «зря взяла с собой» в Мехико на Día de los Muertos, попала под влияние некоей злой силы, которая и изменила ее до неузнаваемости, сделав способной совершать любые самые ужасные поступки.

— Это все та черная пиньята, — кудахтала она. — Что же там было внутри? Что?

И тут у нее началась самая настоящая истерика, и я почти перестала ее понимать.

Я эту черную пиньяту и не помнила вовсе — это было так давно, а кроме того, во время карнавала там было столько разных пиньят! Да и что там могло быть внутри? Ну, сласти, наверное, какие-то, всякие мелкие игрушки, амулетики, черепа из сахара — все то, что обычно и кладут в пиньяту, празднуя День мертвых.

Нельзя же предполагать, что там могло быть нечто иное — что какойнибудь дух или бог (может, даже сама Санта Муэрте, старая жадная

Миктекасиуатль, владычица подземного мира) проник в меня во время этой мексиканской поездки?..

И я сказала матери: если кому-то и нужна помощь психолога, так это тем, кто выдумал все эти сказки! Но она настаивала на своем; она даже осмелилась заявить, что у меня «неустойчивая психика», и все цитировала кредо своей дельфиньей секты, а под конец сказала, что если я не признаюсь честно в том, что сотворила, то выбора у нее не останется...

Это в итоге все и решило. В ту же ночь я собрала кое-какие вещи и отправилась в путь, чтобы уже никогда не вернуться назад. С собой я прихватила два паспорта, материн и свой, немного одежды, небольшую сумму наличными, а также кредитные карточки матери, ее чековую книжку и ключи от магазина. Можете назвать меня сентиментальной, но я также взяла на память ее сережку — крошечные серебряные туфельки — и прицепила к своему браслету в качестве амулета. С тех пор там прибавилось немало всяких висюлек. Каждая из них — это своего рода трофей, свидетельство того, сколько жизней уже собрано в моей коллекции и сколькими из них я воспользовалась, желая обогатить свою собственную жизнь. Но началось это действительно так. С одной-единственной пары крошечных серебряных туфелек.

Собравшись, я тихонько спустилась вниз, запалила парочку шутих, купленных заранее, и бросила их за ящики с книгами, а сама осторожно выбралась наружу.

Я ни разу не оглянулась. Да и зачем? Мать всегда спала как убитая, а кроме того, изрядная доза валерианы и дикого лука, которую я предусмотрительно подлила ей в чай, могла бы, наверное, успокоить и самого беспокойного из тех, кто страдает бессонницей. Сперва подозрение падет, разумеется, на Скотта и его приятелей — их будут считать виновниками поджога по крайней мере до тех пор, пока не подтвердится, что я исчезла из города, — но к этому времени я наверняка буду уже далеко за морями.

Рассказывая Анук эту историю, я, разумеется, многое смягчила; опустила, например, подробности, связанные с началом моей коллекции амулетов, с черной пиньятой и с устроенным мною огненным прощанием с родным домом. В целом картинка получилась довольно трогательная: я предстала в образе одинокой девочки, которую никто не понимал, у которой не было друзей и она была вынуждена скитаться по улицам Парижа, мучимая угрызениями совести и целые ночи проводя без сна. Я сказала ей, что выжила только за счет магии и собственной сообразительности.

— Мне приходилось быть стойкой и упорной, Анук. И мужественной. А это так тяжело — в шестнадцать лет, когда ты совершенно одинока! Но я все же умудрялась как-то жить и заботиться о себе. И со временем поняла: существуют две силы, способные нас вести. Или два ветра, если угодно, дующие в противоположных направлениях. Один несет тебя к тому, чего ты хочешь. Другой гонит тебя от того, чего ты боишься. И необычные люди, такие как мы, должны выбирать. Оседлать ветер или позволить ему оседлать тебя.

И теперь, когда пиньята уже треснула, уже готова была раскрыться и щедро излить свои дары на тех, кто остался ей верен, впереди замаячил тот приз, которого я и ждала, тот выигрышный билет, где обозначена не одна жизнь, а две...

— И что же выберешь ты, Нану? — спрашиваю я. — Страх или страсть? Хуракан или Эекатль? Ветер-Разрушитель или Ветер Перемен?

Она внимательно смотрит на меня своими сине-серыми глазищами, которые напоминают край грозовой тучи, готовой вот-вот разразиться страшнейшей бурей. В Дымящемся Зеркале я вижу, как беспорядочно мечутся цвета ее ауры — хитросплетение пурпурных и голубых тонов.

Вижу я и еще кое-что. В мыслях ее царит некий образ, почти икона, запечатленный с такой точностью, которая неподвластна ораторскому искусству одиннадцатилетней девочки. Этот образ возникает передо мной на какую-то долю секунды, но и этого мне вполне достаточно. Это вертеп с площади Тертр. Мать, отец и колыбель с младенцем.

Но в версии Анук мать одета в красное платье, а у отца шевелюра пламенеет почти как это платье...

Ага, наконец-то я начинаю понимать! Вот почему Анук так мечтает об этом празднике, вот почему без конца возится с деревянными куколками, расставляя и переставляя их вокруг и внутри святочного домика с такой любовью и вниманием, словно все они настоящие...

Вот, например, Тьерри, помещенный ею за пределами домика, не играет вообще никакой роли в этом странном спектакле. Гости в настоящем вертепе — это волхвы, пастухи и ангелы, а здесь — Нико, Алиса, мадам Люзерон, Жан-Луи, Пополь и мадам Пино; они выполняют как бы функцию греческого хора, поддерживая и ободряя главных героев. В центральную же группу персонажей входят Анук, Розетт, Ру, Вианн...

Что же она сказала мне тогда, в самый первый раз, когда мы встретились с ней у магазина?

Кто умер? Вианн Роше.

Я восприняла это как некую шутку, как детскую попытку

спровоцировать меня. Но теперь, гораздо лучше зная Анук, я начинаю понимать, сколь серьезным может оказаться смысл некоторых, как бы невзначай брошенных ею слов. Ведь тот старый священник и та дама — социальный работник — были не единственными, кто пострадал от несчастного случая четыре года назад, когда декабрьский ветер сломал огромную ветку. Наверняка в тот день умерли и Вианн Роше с дочерью Анук; а теперь Анук хочет вернуть их обратно...

До чего же мы с тобой похожи, Нану!

Видите ли, мне тоже нужна другая жизнь. Франсуаза Лавери все еще преследует меня. Сегодня в местной газете опять опубликована ее фотография и сообщается, что данная особа выступает также под именами Мерседес Демуан и Эммы Виндзор, не считая множества других вымышленных имен; там же опубликованы и еще два довольно нечетких снимка, взятые, видимо, из полицейских архивов. Так что, Анни, оказывается, и меня преследуют Благочестивые; они хоть и медлительны, зато весьма упорны и ни за что не сойдут со своего пути; и это преследование меня уже не просто раздражает, а почти пугает.

Откуда, скажите, они узнали о Мерседес? И как они сумели так быстро докопаться до истины в деле Франсуазы Лавери? Интересно, сколько времени им потребуется, чтобы и Зози пала жертвой их безжалостных преследований?

Возможно, пора настала, говорю я себе; видимо, я истощила Париж. Чудеса в сторону — придется избрать иной путь. Но уже не в качестве Зози. Нет, Зози с меня, пожалуй, довольно.

Если кто-то предлагает вам еще одну целую жизнь, неужели вы откажетесь?

Конечно нет.

А если эта жизнь может к тому же дать вам и приключения, и богатство, и ребенка — причем не какого-нибудь, а замечательного, многообещающего, талантливого, еще не тронутого жестокой дланью кармы, которая с утроенной силой воздает всем за каждую дурную мысль, за каждое сомнительное деяние, — и этим ребенком можно будет запросто откупиться от Благочестивых, когда больше уж ничего не останется, неужели вы от этой жизни откажетесь?

Неужели откажетесь?

Конечно же нет!

12 декабря, среда

Ну вот, мы с ней занимаемся чуть больше недели, и, по ее словам, она уже замечает во мне кое-какие перемены. Я теперь знаю о Мексике гораздо больше — разные имена, мифы, магические символы и знаки. И я уже знаю, как поднять ветер с помощью Эекатля, Приносящего Перемены, как вызвать дождь, обратившись к Тлалоку^[49], и даже как заставить Хуракан обрушить месть на головы моих врагов.

Хотя о мести я особенно и не думаю. Шанталь и ее дружки в школу до сих нор не ходят после того случая на автобусной остановке. Очевидно, теперь они все заразились этим. А это, по словам месье Жестена, что-то вроде стригущего лишая; в общем, они должны оставаться дома, пока окончательно не вылечатся, чтобы и остальных не заразить. Просто удивительно, до чего меняется целый класс из тридцати учеников, когда оттуда убирают четверых самых противных! Пока в школе нет Сюзанны, Шанталь, Сандрин и Даниэль, там очень даже неплохо. Никого больше не заставляют вечно водить, никто не смеется над тем, что Матильда такая толстая, а Клод заикается; кстати, сегодня он почти не заикался, когда отвечал на уроке математики.

Честно говоря, с ним поработала я. Клод — очень симпатичный парень, когда познакомишься с ним поближе, просто он так сильно заикается, что старается вообще ни с кем не разговаривать. Но мне удалось незаметно сунуть ему в карман клочок бумаги, на котором я изобразила символ Ягуара, символ мужества, и он сразу стал говорить лучше, хотя, возможно, это просто потому, что той четверки нет в классе.

Клод и держится уже не так напряженно, и сидит прямо, не горбится; заикание у него, конечно, не прошло, но все же сегодня кажется уже не таким сильным. А ведь иногда оно бывает просто ужасным, и невозможно разобрать ни слова, и Клод страшно краснеет, чуть не плачет, и всем становится неловко, даже учителю; и все стараются на него не смотреть (за

исключением «Шанталь и компании», разумеется). Сегодня он вообще довольно много разговаривал, во всяком случае, значительно больше, чем обычно.

А еще я сегодня поговорила с нашей толстушкой Матильдой. Она очень застенчивая, говорит совсем мало, носит огромные черные свитера, скрадывающие ее пышные формы, и вообще старается быть незаметной, надеясь, что ее оставят в покое. Только они никогда ее в покое не оставят. Вот она и бродит, печально понурившись, словно боится с кем-то глазами встретиться, и от этого кажется еще более коротконогой, толстой и неуклюжей; и никто не замечает, какая у нее чудесная кожа — в сто раз лучше, чем у прыщавой Шанталь! — какие красивые и густые волосы. В общем, если бы другие к ней относились по-человечески, она могла бы быть очень даже ничего...

- Ты должна попробовать! уговаривала я ее. Вот возьми и удиви себя.
- Что попробовать? в десятый раз уныло переспрашивала Матильда, словно желая сказать: «Зачем ты зря тратишь на меня время?»

И тогда я поведала, ей кое-что из того, о чем рассказывала мне Зози. Она слушала, забыв даже потупиться, и смотрела на меня во все глаза.

— Нет, я на такое не способна! — заявила она.

Но я заметила в ее глазах проблеск надежды, а сегодня утром на автобусной остановке мне показалось, что она уже и выглядит иначе — держится гораздо прямее, увереннее и впервые за все время, что я ее знаю, оделась не в черное. На ней был самый обыкновенный джемпер темнокрасного цвета, который нормально сидел, а не висел мешком, и я даже сказала ей: «Как мило! Тебе идет». Матильда немного смутилась, но ей явно было приятно, и она впервые за все это время вошла в школу с улыбкой.

И все-таки странное какое-то ощущение. Вдруг стать... ну не то чтобы популярной, но заметной; заставить людей иначе смотреть на тебя, уметь воздействовать на их восприятие...

Как только мама могла от всего этого отказаться? Жаль, что нельзя ее расспросить, хотя мне и очень хочется! Но тогда придется рассказать ей и о том, как я наказала «Шанталь и компанию», и о деревянных куколках, и о Клоде, и о Матильде, и о Ру, и о Жане-Лу...

Сегодня Жан-Лу впервые пришел в школу после болезни и показался мне очень бледным, но вполне живым и веселым. Оказывается, он просто простудился немного, но сердце у него такое плохое, что любая болячка может оказаться для него делом серьезным. Впрочем, уже сегодня, едва

успев вернуться, он опять принялся фотографировать все и вся, уставившись в объектив своей камеры — по-моему, он весь мир видит только сквозь этот объектив. Жан-Лу фотографирует и учителей, и нашего сторожа, и ребят, и меня, конечно. Снимает он очень быстро, так что никто ничего и понять не успевает, и многие на него из-за этого сердятся, особенно девчонки, которым, конечно, хотелось бы сперва прихорошиться, принять выигрышную позу...

- Ага, и весь кадр испортить, говорит Жан-Лу.
- Почему испортить? удивляюсь я.
- Потому что камера видит больше, чем обычный невооруженный глаз.
 - Она что, и призраков видит?
 - И призраков тоже.

Это просто смешно, подумала я. Но в целом он прав. На самом деле он говорит о Дымящемся Зеркале и о том, что оно может показать тебе такое, чего обычно не увидишь. Жан-Лу, разумеется, не знает старинных названий и символов, но он так давно занимается фотографией, что, возможно, сам научился тому трюку, который показывала мне Зози, — умению сосредоточиваться и видеть вещи такими, какими они являются в действительности, а не такими, какими люди хотят их видеть. Именно поэтому Жан-Лу обожает ходить на кладбище: он ищет там вещи, которых простым глазом не разглядеть, — светящихся призраков, истину или еще что-нибудь этакое.

— Ну и как же я, по-твоему, выгляжу в действительности?

Он быстренько пролистал последние снимки и показал мне на дисплее одну фотографию, которую сделал во время большой перемены — я как раз выбегала во двор.

— Я тут немного не в фокусе, по-моему, — привередничала я.

Мои руки и ноги, снятые в движении, занимали почти все пространство, но с лицом было все в порядке — я смеялась.

— Вот это настоящая ты, — сказал Жан-Лу. — Очень красиво получилось.

В общем, я так и не поняла до конца, то ли он важничает, то делает мне комплимент, и решила промолчать, а заодно просмотрела и остальные недавние снимки.

Там, например, была Матильда, толстая и печальная, как всегда, но, несмотря на это, показавшаяся мне почти хорошенькой; и Клод — в те минуты, когда он почти без заикания разговаривал со мной; и месье Жестен с ужасно смешным и совершенно неожиданным выражением лица:

казалось, он вовсю старается быть суровым, а сам едва сдерживает веселый смех; а еще я обнаружила там несколько снимков нашей chocolaterie, которые Жан-Лу еще не убрал в память и не стер. Но он почему-то прощелкал их очень быстро, словно не хотел, чтобы я их рассматривала.

— Погоди минутку, — остановила я его, — это ведь, кажется, моя мама, да?

Да, это была она — с Розетт. И мне показалось, что она очень постарела. А Розетт в самый неподходящий момент отвернулась, и рассмотреть ее лицо как следует было невозможно. А потом я заметила рядом с ними Зози — но какую-то очень странную, совсем на себя не похожую: уголки рта скорбно опущены, в глазах какое-то непонятное выражение...

— Пошли! Мы опоздаем! — сказал Жан-Лу.

И мы бегом бросились к автобусу, а потом, как всегда, заглянули на кладбище — покормить кошек и немного побродить по аллеям под деревьями, с которых опадали последние бурые листочки. Там не было ни души, одни призраки.

Уже темнело, и мрачные силуэты надгробий смутно вырисовывались на фоне сумеречного неба. Не слишком удачное время для фотографирования — если, конечно, не пользуешься вспышкой, которую Жан-Лу называет дурацкой, — но все равно там было очень здорово, необычно, и так красиво выглядела рождественская иллюминация чуть дальше, на Холме, и цветные огоньки сливались с россыпью звезд, уже загоравшихся на небе.

— А ведь люди по большей части никогда ничего этого не видят!

Жан-Лу фотографировал вечернее небо в желто-серых полосах, и гробницы на этом фоне казались силуэтами допотопных судов, стоящих на рейде.

- Именно поэтому я и люблю бывать здесь в такое позднее время, продолжал он. Когда уже темно и все расходятся по домам, только тогда становится по-настоящему ясно, что это именно кладбище, а не просто парк, где стоят памятники всяким знаменитостям.
 - Ворота скоро закроют, напомнила я ему.

Ворота на кладбище вечером всегда закрывают, чтобы там не ночевали всякие бродяги. Но некоторые все равно там ночуют — просто перелезают через ограду или заранее прячутся там, где gardien^[50] их не увидит.

Сначала я именно так и подумала, увидев его: бродяга, который хочет где-нибудь здесь устроиться на ночлег. Просто тень, скользнувшая за угол одной из гробниц, некто в огромном неуклюжем пальто и шерстяной

шапке, натянутой на самые уши. Я тихонько коснулась руки Жана-Лу. Он кивнул и прошептал:

— Приготовься — и бежим.

Нет, я вовсе не так уж испугалась. По-моему, бездомный человек ничуть не опаснее тех, у кого есть нормальное жилье. Но мы ведь никому не сказали, что пойдем сюда, а я точно знала: мать Жана-Лу просто в обморок грохнется, если ей станет известно, куда ее сынок по вечерам после школы ходит.

Она-то считает, что Жан-Лу торчит в шахматном клубе.

«Вряд ли она хорошо его знает», — подумала я.

Итак, мы были готовы бежать, если этот человек вздумает хоть немного к нам приблизиться. И тут он вдруг обернулся. Увидев его лицо, я невольно вскрикнула: «Ру?!»

Но, едва услышав мой голос, он мгновенно исчез — скользнул куда-то между гробницами, быстрый, как кладбищенский кот, и бесшумный, как призрак.

13 декабря, четверг

Сегодня заходила мадам Люзерон; она принесла кое-какие вещички для святочного домика: игрушечную мебель, тщательно упакованную в мягкую бумагу и уложенную в коробки из-под обуви, — четыре кровати с вышитым пологом, обеденный стол с шестью стульями, светильники, ковры, зеркало в позолоченной раме — и несколько маленьких куколок с тонкими фарфоровыми личиками,

- Я не могу допустить, чтобы вы расстались с этой прелестью, сказала я, когда она разложила все это на прилавке. Такие чудные старинные вещички...
- Но это ведь всего лишь игрушки! Можете совершенно спокойно держать их у себя, сколько хотите.

И я расставила игрушечную мебель в домике, где сегодня как раз открылась вторая дверца. За ней теперь видна очаровательная сценка: маленькая рыжеволосая девочка (одна из тех деревянных куколок, которые смастерила Анук) стоит и восхищенно смотрит на целую гору спичечных коробков-подарков, каждый из которых старательно завернут в цветную бумагу и перевязан ленточкой.

Ну да, ведь у Розетт скоро день рождения. И праздник, к которому Анук так старательно готовится, отчасти к этому и приурочен; а отчасти, по-моему, нам с Анук обеим хочется вернуть былые (возможно, воображаемые) времена, когда Святки означали не просто елочную мишуру и подарки и наша вполне реальная жизнь была куда ближе к тем милым сценкам, что разыгрываются сейчас у нас в витрине вокруг святочного домика, чем к дешевому шику парижских улиц.

Дети так сентиментальны. Я пыталась как-то сдержать энтузиазм Анук, объяснить ей, что праздник — это просто праздник и с какой бы любовью ты его ни планировал, он не в силах вернуть прошлое, или изменить настоящее, или хотя гарантировать, что завтра пойдет снег.

Но мои увещевания ни к чему не привели, если не считать того, что теперь она предпочитает обсуждать детали предстоящего праздника не со мной, а с Зози. Вообще-то я давно заметила: с тех пор как Зози переехала к нам, Анук большую часть своего свободного времени проводит у нее в комнате — примеряет ее туфли (я не раз слышала стук высоких каблуков по деревянному полу), обменивается с ней «секретами» и шутками; и они подолгу беседуют — интересно, о чем?

До определенной степени это даже трогательно. Но какая-то часть моей души — ревнивая, неблагодарная ее часть — твердит, что меня попросту отстранили, отставили в сторону. Очень хорошо, конечно, что Зози у нас появилась, она стала мне хорошим другом, не раз присматривала за детьми, помогла полностью переустроить магазин, и мы теперь начали сводить концы с концами...

Но я же вижу, что происходит! Я ведь, если захочу, могу разглядеть и то, чего не замечают другие люди. Я давно, например, заметила этот волшебный отблеск на стенах, я слышу перезвон волшебных колокольчиков в витрине, я вижу магические амулеты над дверью, которые сперва ошибочно приняла за рождественскую гирлянду; замечаю я и всевозможные магические символы, да и эти деревянные куколки в святочном домике тоже неспроста. Все это обычная, повседневная магия, которая, как я думала, давно уже перестала пускать побеги в каждом углу моего дома...

«А что в этом такого плохого?» — спрашиваю я себя. Это же не настоящее колдовство — так, просто несколько магических фокусов, несколько символов на счастье. Моя мать на подобные вещи и внимания бы не обратила...

Но я не могу избавиться от какого-то неприятного чувства. Ведь ничего не дается нам просто так. И я, как тот мальчик из сказки, который продал свою тень, дав всего одно обещание, думаю: если и впредь закрывать глаза на условия этой сделки, соблазнившись предоставленным мне кредитом, то мне очень скоро придется уплатить сполна...

Какую же цену ты назначишь, Зози?

Скажи, какую?

К вечеру тревога моя только возросла. Словно что-то висело в воздухе, словно сам этот тусклый зимний свет о чем-то свидетельствовал. Мне вдруг очень захотелось, чтобы рядом оказался кто-то близкий — но кто именно, я не могла бы сказать. Может быть, моя мать, или Арманда, или Фрамбуаза. Кто-то простой и понятный. Кто-то такой, кому можно доверять.

Тьерри звонил дважды, но я блокировала его звонки. До него никак не доходит. Я пыталась сосредоточиться на работе, но по какой-то причине все шло вкривь и вкось. Я нагревала шоколад то слишком сильно, то слишком слабо, доводила молоко до кипения (чего делать нельзя), клала в тесто для ореховых роллов перец вместо корицы. К середине дня голова у меня окончательно перестала соображать и разболелась; я оставила Зози хозяйничать, а сама вышла подышать свежим воздухом.

Я шла куда глаза глядят, без всякой цели. И уж разумеется, я не стремилась попасть на улицу Святого Креста, но именно там минут через двадцать я и оказалась совершенно неожиданно для себя. Небо над головой было хрупким и синим, как китайский фарфор, но солнце висело слишком низко, чтобы согревать, и я была рада, что надела теплое пальто — грязнокоричневое, как и мои туфли. Оказавшись в тени Холма, я поплотнее запахнула полы пальто и наконец поняла, где нахожусь.

«Нет, это же просто совпадение!» — сказала я себе. Ведь я целый день о Ру даже не думала. И сразу увидела его — он стоял у дверей подъезда в рабочих башмаках, комбинезоне и черной вязаной шапке, под которую спрятал свои рыжие волосы. Ру стоял ко мне спиной, но я его сразу узнала — в его повадке есть что-то особенное, и движется он всегда ловко, легко, но без спешки. Я видела, как напрягаются крепкие мышцы у него на спине и плечах, когда он бросает ящики и коробки со строительным мусором в контейнер, стоящий у тротуара.

Я инстинктивно шагнула в сторону и спряталась за припаркованным фургоном. Внезапность встречи с Ру, изумление, вызванное тем, что я невольно оказалась именно в том месте, куда, как меня предупредила Зози, мне пока лучше не ходить, — все странным образом совпало, и этого оказалось вполне достаточно, чтобы я насторожилась. Теперь я наблюдала за Ру, выглядывая из-за автомобиля и в своем ужасном пальто почти сливаясь с его грязным боком; сердце молотом стучало у меня в груди. Может быть, заговорить с ним? Но хочу ли я этого? И вообще — что он столько времени делает в Париже? Он, человек, который ненавидит город, ненавидит шум, презирает богатство и благополучие, предпочитает крыше дома открытое небо...

И тут из подъезда вышел Тьерри. Напряжение меж ними было столь велико, что даже я его почувствовала. Тьерри разговаривал с Ру резко, раздраженно, лицо у него побагровело, потом он махнул рукой и явно велел Ру снова вернуться в квартиру.

Ру сделал вид, что не слышит.

— Ты что, оглох или совсем сбрендил? — сердито заорал Тьерри. — У

нас, черт побери, жесткий график, если ты случайно забыл. И проверяй уровень, прежде чем работу начинать. Это дубовая доска, а не какая-то полудюймовая дрянь из сосны.

— А с Вианн ты тоже так разговариваешь?

Южный акцент у Ру то появляется, то исчезает — в зависимости от настроения. Сегодня его французский звучал почти как некое экзотическое наречие — сплошное месиво из ленивых гортанных звуков. Тьерри со своим парижским прононсом явно с трудом его понимал.

— Что?

Ру медленно, с издевкой повторил:

- Я спросил: ты и с Вианн так разговариваешь? Даже мне было видно, как потемнело от гнева лицо Тьерри.
- Женщину, для которой я привожу в порядок эту квартиру, зовут Янна.
 - Ну что ж, тогда понятно, что она в тебе нашла.

А Тьерри, гнусно усмехнувшись, сказал:

— А вот я сегодня вечером и спрошу у нее об этом. Мы как раз собрались пойти куда-нибудь. Наверное, в ресторан сходим. В какое-нибудь приличное место. И уж точно не туда, где пиццу по кускам продают...

Тьерри резко повернулся и пошел куда-то по улице, а Ру сделал ему вслед весьма неприличный жест. Я быстро присела за фургон, чувствуя себя полной дурой, но мне совершенно не хотелось, чтобы Ру или Тьерри меня заметили. Тьерри прошел всего метрах в двух от меня, и я видела, что он буквально скрежещет зубами, тщетно пытаясь подавить гнев и неприязнь, но на лице его было написано какое-то злобное удовлетворение. И от этого он казался значительно старше и каким-то совсем чужим. На мгновение я почувствовала себя ребенком, которого поймали, когда он подглядывал в запретную дверцу. Затем Тьерри скрылся за поворотом, и Ру остался на улице один.

Я еще несколько минут понаблюдала за ним. Люди, не зная, что за ними наблюдают, обычно демонстрируют некие неожиданные свойства — я, например, только что видела проявление этого у Тьерри, в гневе прошагавшего мимо меня. Ру присел на край тротуара да так и застыл, уставившись в землю; вид у него был страшно усталый, хотя по Ру обычно это никогда не заметно.

Мне давно следовало вернуться в магазин, убеждала я себя. Меньше чем через час из школы вернется Анук, а Розетт пора кормить полдником. К тому же если к нам собирается зайти Тьерри...

Но домой я не пошла. Я вышла из своего укрытия и окликнула Ру. Он

сразу вскочил, на мгновение растерялся, потом весь просиял. Потом снова насторожился.

- Тьерри уже ушел, если ты к нему.
- Я знаю, сказала я.

И та улыбка снова вернулась.

— Ру... — начала я.

Но он молча протянул ко мне руки, и я, сама того не замечая, прильнула к нему, как прежде уткнувшись лбом в знакомую впадинку на плече, вдыхая его теплый и такой родной запах, который не могли перебить даже исходившие от него запахи свежеспиленного дерева, лака и пота; и этот его запах окутывал нас обоих, точно пуховое одеяло.

— Пойдем внутрь. Ты вся дрожишь.

Я послушно последовала за ним, и мы стали подниматься по лестнице. Квартира была неузнаваемой. Вся завешена белыми простынями, неподвижными, как глубокие снега, мебель сдвинута в углы, по полу катаются клубы пыли, везде груды ароматных опилок. Сейчас, когда здесь не было громогласного Тьерри, который заполнял собой все пространство, я смогла разглядеть, сколь действительно велика эта квартира — с высоченными потолками, украшенными лепниной, с широченными дверями, с прихотливо отделанными балконами, выходящими на улицу.

Ру заметил, что я озираюсь, и сказал:

— Да, клетка неплохая — по сравнению с прочими. Господин Толстый Бумажник денег не жалеет.

Я посмотрела на него.

- Ox и не любишь ты Тьерри!
- А ты любишь?

Я проигнорировала этот язвительный вопрос и продолжила:

- Он просто немного резковат. Хотя обычно ведет себя довольно мило. Наверное, сегодня он просто был чем-то расстроен, а может, это ты нарочно его завел...
- А может, он мило ведет себя только с теми, кто ему чем-то полезен? А с остальными разговаривает, как ему нравится?

Я вздохнула.

- Я так надеялась, что вы поладите...
- А как ты думаешь, почему я не бросил все это к чертовой матери? И почему до сих пор не дал этому ублюдку в морду?

Я отвела глаза и промолчала, чувствуя, как растет напряжение между нами. Я всем своим существом ощущала близость Ру, видела потеки краски у него на комбинезоне, из-под которого виднелась футболка, а на шее висел

на шнурке кусочек зеленого стекла, обкатанного рекой.

— Ну а ты-то что здесь делаешь? — спросил он. — Просто зашла поболтать с наемным рабочим?

«Ох, Ру, — думала я. — Что я могу тебе ответить?» Сказать, что пришла из-за того, что у тебя над ключицей есть впадинка, в которую мне так удобно утыкаться лбом? Или потому, что знаю не только то, какие сласти ты любишь больше всего, но и каждую черточку, каждый извив твоего непростого характера? Или потому, что отлично помню: у тебя на левом плече вытатуирована крыса? Я еще всегда притворялась, что эта крыса мне ужасно не нравится... А может, я пришла потому, что волосы у тебя цвета свежего красного перца или ноготков, а картинки всевозможных зверюшек, которые рисует Розетт, сильно напоминают те вещички из дерева и камня, которые ты когда-то делал, и мне порой больно даже смотреть на нее и сознавать, что она никогда тебя не знала...

Если я его поцелую, то, конечно же, все только испорчу. Но я поцеловала его; я покрыла его лицо мелкими летучими поцелуями, потом стащила с него эту дурацкую вязаную шапку, сбросила с себя пальто и наконец отыскала его губы, испытав невероятное облегчение...

По-моему, я на какое-то время оглохла и ослепла; в голове не осталось ни одной мысли. И только мои губы еще продолжали жить, только мои руки и его кожа под моими пальцами реально существовали. Все остальное было как бы ненастоящим. Я чувствовала, что оживаю, стоило мне к нему прикоснуться — я вздрагивала, проседала, менялась, точно тающий сугроб под лучами солнца. Мы оба потеряли голову, но продолжали целоваться, стоя посреди этой пустой комнаты, где висел запах машинного масла и опилок, а вокруг вздымались корабельными парусами белые простыни...

Но где-то в дальнем уголке моего сознания все же копошилась мысль о том, что это вовсе не соответствует моим планам, что это лишь бесконечно все усложнит. Но остановиться я уже не могла. Я так долго ждала. И теперь...

У меня вдруг похолодело внутри. «А что теперь?» — подумала я. Теперь мы снова вместе? И что дальше? Сможет ли это помочь Анук и Розетт? Сможет ли изгнать из моей жизни Благочестивых? Сможет ли наша любовь хотя бы просто накормить нас всех или хотя бы на день заставить этот ветер притихнуть?

«Лучше бы ты продолжала спать, Вианн, — прозвучал у меня в ушах голос матери. — А еще лучше, если ты действительно его любишь...»

— Я ведь не за этим пришла, Ру.

Я заставила себя вырваться из его объятий. И он не сделал ни

малейшей попытки меня удержать и смотрел на меня, пока я вновь надевала пальто и дрожащими руками поправляла прическу.

- Почему ты здесь? с болью спросила я. Почему ты вообще остался в Париже ведь ты же видел, что происходит?
- Ты же не сказала, чтобы я уехал, возразил он. И потом, я коечто хотел выяснить насчет Тьерри. И убедиться, что с тобой все в порядке.
- Не нужна мне твоя помощь! У меня все прекрасно. Ты же сам видел, когда заходил к нам в магазин.

Ру улыбнулся.

— Тогда почему ты здесь?

За эти годы я научилась лгать. Я лгала Анук, лгала Тьерри, и вот теперь мне приходится лгать Ру. Если и не ради него, то ради меня самой, потому что я понимала: если проснется хотя бы малая часть моего спящего разума, то объятия Тьерри станут для меня не просто нежелательны, а совершенно непереносимы и все мои планы, так тщательно выстроенные за последние четыре года, унесет ветром, точно сухие листья.

Я посмотрела на него.

- Ну хорошо, теперь я прошу тебя уехать. Я хочу, чтобы ты уехал. Все это чересчур несправедливо по отношению к тебе. Ведь ты ждешь того, чего просто не может произойти, а я не хочу, чтобы ты снова страдал.
- Мне помощь не нужна, передразнил он меня. У меня все прекрасно.
 - Прошу тебя, Ру!
- Но ты всего лишь сказала, что любишь его. А это доказывает, что ты вовсе его не любишь.
 - Все не так просто...
- Почему же? удивился Ру. Или дело в твоем магазине? Неужели ты готова выйти за него из-за какой-то шоколадной лавки?
- Ты так говоришь, словно в этом есть что-то непристойное. Но где был ты сам четыре года назад? И почему теперь ты считаешь, что можешь запросто вернуться и быть уверенным, что ничего не изменилось?
- Но ты-то ведь почти не изменилась, Вианн. Он ласково коснулся моей щеки. Мощный заряд статического электричества, возникший меж нами, теперь сменился странной, тупой и сладостной болью. И если ты думаешь, что я теперь уйду...
- Я должна думать о детях, Ру. А не только о себе. Я крепко стиснула его пальцы. Если наша сегодняшняя встреча что-то и доказывает, то именно это. Я больше не могу оставаться с тобой наедине. Я себе не доверяю. Я не чувствую себя в безопасности.

- Значит, для тебя важнее всего безопасность?
- Если бы у тебя были дети, ты бы понял, что так оно и есть.

В общем, это была самая большая ложь в моей жизни. Но мне пришлось произнести эти слова. Ру должен уйти. Хотя бы ради моего душевного спокойствия, хотя бы ради Анук и Розетт. Они обе были наверху, у Зози, когда я вернулась; Анук трещала вовсю, рассказывая о каком-то школьном происшествии. В кои-то веки я была даже рада, что моего прихода никто не заметил, что я наконец осталась одна. Я прошла к себе в комнату и с полчаса просто сидела, заодно раскинув материны карты, чтобы немного успокоить взвинченные нервы.

Маг. Башня. Повешенный. Шут.

Смерть. Влюбленные. Перемена.

Перемена. На этой карте изображено колесо, оно вращается безостановочно и безжалостно; папы римские и жалкие нищие, короли и простолюдины отчаянно цепляются за его спицы, но удержаться не могут. Даже на этом примитивном рисунке можно было различить, какие разные у них лица — я видела эти разверстые в крике рты, эти самодовольные улыбки, сменяющиеся воплями ужаса, когда колесо катится дальше, оставляя всех этих людей позади...

Я взяла в руки карту «Влюбленные». На ней Адам и Ева, обнаженные, рука в руке. Волосы у Евы черные. У Адама — рыжие. Ну, тут-то никакой загадки нет — просто карты печатают, используя только три цвета: желтый, красный и черный, которые — плюс белый фон — и составляют цвета четырех основных ветров...

Зачем я опять вытащила эти карты?

Какую весть они таят от меня?

В шесть позвонил Тьерри и пригласил меня на свидание. Я сказала, что у меня мигрень, что к этому времени стало уже почти правдой, — голова ныла, как больной зуб, и любая мысль о еде делала боль еще сильнее. Я пообещала Тьерри непременно встретиться с ним завтра и постаралась выбросить Ру из головы. Но стоило мне лечь в постель и попытаться уснуть, как я снова ощутила прикосновение его губ к моему лицу, а тут еще и Розетт проснулась и заплакала, и я услышала в ее голосе знакомые интонации, увидела его тень в ее серо-зеленых глазах...

14 декабря, пятница

До Рождества всего десять дней. Десять дней до нашего большого праздника, но, как назло, оказалось весьма сложно сделать то, что мне представлялось совсем простым.

Во-первых, Тьерри. Во-вторых, Ру.

Ну и путаница, скажу я вам!

После той воскресной беседы с Зози я все решала, как лучше поступить. Сперва мне очень хотелось пойти прямиком к Ру и все ему выложить, но Зози говорит, что это было бы ошибкой.

В какой-нибудь сказке все решилось бы само собой. Рассказываешь Ру, что он отец Розетт, избавляешься от Тьерри, и все становится как было; а потом все собираются на пир по случаю Рождества и вовсю празднуют. Конец. И всем сестрам по серьгам.

А в настоящей жизни так просто не бывает. В настоящей жизни, по словам Зози, некоторые мужчины даже слышать не желают о своем отцовстве. Особенно когда ребенок такой, как Розетт. Что, если и Ру не сумеет с этим справиться? Что, если он будет ее стыдиться?

Почти всю прошлую ночь я провалялась без сна. Встретив на кладбище Ру, я сразу подумала: «А что, если Зози права и он действительно не хочет нас видеть?» Но с другой стороны, зачем он тогда продолжает вкалывать у Тьерри в квартире? Знает он или нет? Я все думала, думала над этим, но так ничего и не придумала. А потому решила сегодня сходить на улицу Святого Креста и повидаться с ним.

Я подошла к тому дому, где находится квартира Тьерри, примерно в половине четвертого; я была страшно напряжена и с трудом сдерживала внутреннюю дрожь. С последнего урока я сбежала — собственно, у нас в это время самостоятельные занятия, так что, если кто-нибудь спросит, почему меня не было, я просто скажу, что ходила в библиотеку. Жан-Лу, конечно, заметил бы мой уход, но его сегодня опять не было в школе, он

снова заболел, и я, начертав у себя на руке знак Обезьяны, ускользнула никем не замеченная.

Я доехала на автобусе до площади Клиши и оттуда пешком добралась до улицы Святого Креста; это широкая тихая улица с видом на кладбище. По одну ее сторону выстроились, точно огромные свадебные торты, большие старинные дома, украшенные лепниной, а по другую тянется высокая кирпичная ограда кладбища, словно отсекая эту улицу от остального мира.

Квартира Тьерри на верхнем этаже. На самом-то деле ему принадлежит весь этот дом — два этажа и огромная квартира в полуподвале. Такой гигантской квартиры, как у него, я вообще ни разу в жизни не видела, но Тьерри вовсе не считает ее большой и жалуется, что комнаты маловаты.

Возле дома не было ни души. Снаружи с одной стороны высились строительные леса, а пол в подъезде был застелен полиэтиленовой пленкой. На лесах сидел какой-то человек в каске и курил, но я сразу поняла, что это не Ру.

Я вошла в подъезд и стала подниматься. И на первой же лестничной площадке услыхала вой пилы и почуяла сладковатый запах опилок, чем-то напоминающий запах конюшни. Поднявшись еще на несколько ступенек, я различила и голоса — точнее, один голос: голос Тьерри, перекрывавший даже циркулярную пилу. Лестница перед дверью была, точно снегом, усыпана опилками и мелкой древесной пылью. Дверной проем закрывала всего лишь полиэтиленовая пленка, так что я слегка отодвинула ее и заглянула внутрь.

Ру в защитной маске специальной машинкой циклевал полы. Воздух был пропитан запахом опилок. Тьерри возвышался посреди комнаты в сером костюме и желтой каске, и у него было такое выражение лица, какое бывает у Розетт, когда она не желает пользоваться ложкой или выплевывает еду на стол. Затем Ру выключил свою машинку, стянул с лица маску, и я заметила, что вид у него усталый и не слишком счастливый.

Тьерри осмотрел пол и заявил:

- А теперь бери пылесос и все здесь как следует убери. И сразу начинай покрывать лаком. Я хочу, чтобы ты сегодня до ухода успел хотя бы один слой положить.
 - Это что, шутка? Что же мне тут до полночи торчать?
- A мне все равно, отрезал Тьерри. Я не желаю терять еще один день. К Рождеству все нужно закончить.

И он решительно направился к выходу; меня он не заметил: я

спряталась под пленкой, но я-то его лицо успела хорошо разглядеть, пока он спускался по лестнице. И выражение его мне совсем не понравилось: на редкость противное, такое самодовольное — даже не улыбка, а какая-то кривоватая ухмылка, он даже губ не раздвинул. Наверное, так ухмылялся бы Санта-Клаус, если бы вдруг решил не раздавать детям подарки, а все их оставить себе. И в эту минуту я Тьерри просто возненавидела. Не только потому, что он кричал на Ру, а потому что он считал себя лучше Ру. Это же сразу было ясно — и по тому, как он на него смотрел, и по тому, как он над ним возвышался, — словно дал ему свои ботинки почистить; а по цветам его ауры я догадалась и еще кой о чем — и это была либо ревность, либо, хуже того...

Ру сидел на полу по-турецки, спустив маску на грудь, в руке — бутылка воды.

— Анук! — Он радостно улыбнулся мне. — Ты вместе с Вианн пришла?

Я покачала головой. Улыбка сразу исчезла с его лица.

- Почему ты к нам не приходишь? спросила я. Ты же сказал, что придешь!
- Я просто был очень занят. Он мотнул головой, показывая, во что превращена комната, закутанная в строительную пленку. Ну что, нравится тебе?
 - Не-а, сказала я.
- Зато больше никаких переездов. И у тебя будет своя комната. И до школы недалеко. Ну и так далее.

Иногда мне очень хочется знать, отчего это взрослые устраивают такую шумиху, выбирая детям школу или колледж? Ведь совершенно очевидно, что дети знают о жизни куда больше, чем их родители. И почему взрослые всегда так усложняют жизнь? Почему не могут в кои-то веки взять и упростить ее для себя?

— Я слышала, что тебе Тьерри говорил. Он не должен так с тобой разговаривать! Он думает, что гораздо лучше тебя. Почему же ты не пошлешь его ко всем чертям?

Ру пожал плечами.

— Мне тут платят. И потом... — я заметила, как блеснули его глаза, — я, может, и сам скоро не выдержу и окончательно разозлюсь.

Я села на пол с ним рядом. От него пахло потом и опилками; все вокруг, как и его плечи и волосы, было усыпано опилками. Но кое-что в нем все-таки изменилось, хоть я и не сумела определить, что именно.

Взгляд стал другим: более веселым, что ли, более живым, полным надежды, — когда он приходил к нам в chocolaterie, он совсем иначе смотрел.

— Ну что, Анук, могу ли я чем-то помочь тебе?

«Скажи Ру, что он и есть отец Розетт». Да. Верно. Но, как всегда, легко сказать... А вот когда до дела дойдет...

Я послюнила кончик пальца и изобразила на пыльном полу знак Госпожи Лунной Крольчихи. По словам Зози, это мой знак. Кружок, а внутри его кролик. Который якобы похож на молодую луну; это символ любви и новых начинаний; вот я и подумала раз уж это мой знак, то пусть хоть он попробует оказать на Ру какое-то воздействие.

— Что случилось? — Он улыбнулся. — Почему ты молчишь? Язык проглотила? Или его тебе кошка откусила?

Возможно, на меня подействовало именно слово «кошка». Или, может, я просто не очень-то умею лгать, особенно тем, кого люблю. Так или иначе, этот вопрос, который чуть не прожег мне дырку в языке после того разговора с Зози, сам вырвался у меня изо рта...

— А ты знаешь, что ты — отец Розетт?

Он молча уставился на меня. Потом переспросил:

— Что ты сказала?

Я видела, что он потрясен до глубины души. В глазах у него было смятение. Значит, он действительно ничего не знал, но по выражению его лица не было заметно, что он так уж рад этому известию.

- Я, опустив глаза, смотрела на пол, на знак Госпожи Лунной Крольчихи; потом взяла и нарисовала с нею рядом сломанный крест символ Красной Обезьяны Тескатлипоки.
- Я знаю, что ты подумал. Розетт, конечно, маловата ростом для четырехлетней. И слюни еще порой пускает. И ночью часто просыпается. И она кое в чем всегда соображала медленно ей, например, не хотелось учиться разговаривать или пользоваться ложкой. Но она действительно очень забавная... и очень-очень милая... и если ей дать возможность...

Теперь лицо Ру стало цвета опилок. Он тряхнул головой, словно пытаясь прогнать дурной сон или какое-то видение, и спросил:

- Значит, ей четыре?
- Да, и на следующей неделе у нее день рождения. Я улыбнулась ему. Я так и думала, что ты не знаешь. Я говорила: Ру никогда бы просто так нас не бросил. Никогда если б знал о Розетт...

И я принялась рассказывать ему, когда Розетт родилась, и как мы жили над той маленькой блинной в Ле-Лавёз, и каким Розетт сперва была

болезненным ребенком, и как мы ее кормили из пипетки, и как потом переехали в Париж, и что с нами случилось после этого переезда...

— Погоди минутку, — сказал Ру. — А Вианн знает, что ты здесь? Она знает, что ты все это мне рассказываешь?

Я покачала головой.

— Никто не знает.

Он задумался; цвета его ауры постепенно менялись: среди спокойных голубых и зеленых возникли яркие вспышки красного и оранжевого; уголки губ опустились, рот затвердел — такого Ру я прежде не знала.

— Значит... за все это время она мне так ни слова и не сказала? У меня родилась дочь, а я об этом и не знал...

У него, когда он сердится, южный акцент всегда становится заметнее, а сейчас мне и вовсе казалось, что он на иностранном языке говорит.

- Ну, может, у нее просто возможности не было все тебе рассказать? Он как-то сердито всхрапнул.
- А может, она просто считает, что я не из того теста сделан, чтобы отцом быть?

Мне захотелось обнять его, как-то облегчить его душевные мучения, сказать, что все мы очень его любим. Но он в эту минуту был явно не в себе и вряд ли стал бы слушать подобные уговоры — это я могла заметить, даже не заглядывая в Дымящееся Зеркало. И я вдруг подумала: «А что, если я совершила ошибку?» Что, если нельзя было просто так взять и сказать ему об этом? Что, если все же следовало прислушаться к советам Зози...

А он вдруг встал, словно придя к какому-то решению, стер ногой нарисованный в пыли знак Красной Обезьяны Тескатлипоки и сказал:

- Что ж, надеюсь, эта шутка всем вам доставила немало удовольствия. Жаль, конечно, что ты все испортила и не подождала еще совсем немного всего лишь до тех пор, когда я закончу ремонт этой квартиры... Он стянул с себя маску и злобно швырнул ее о стену. Можешь сказать своей матери, что с меня довольно. Она в полной безопасности. Она сделала свой выбор и пусть не выпускает его из рук. А при случае также сообщи Ле Трессе, что теперь он может отделывать свою квартиру сам. Я ухожу.
 - Куда? вырвалось у меня.
 - Домой, сказал Ру.
 - Как, назад на свое судно?
 - Какое судно? спросил он.
 - Ты же сказал, что у тебя есть какое-то судно, напомнила я ему.
 - А-а, да.

Он посмотрел на свои руки.

- Ты хочешь сказать, что никакого судна у тебя нет?
- Конечно есть! У меня просто потрясающее судно.

Смотрел он куда-то в сторону, и голос его звучал как-то чересчур ровно. Я начертала в воздухе символ Дымящегося Зеркала и сразу увидела, что в ауре Ру преобладают гневные сполохи красного, перемешанные с волнами циничного зеленого. В голове у меня билась одна-единственная мысль: «Ой, Ру, пожалуйста! Ну хотя бы на этот раз!» Но вслух я спросила:

- И где же оно?
- В Арсенальном порту.
- Как это ты умудрился туда попасть?
- Просто проплывал мимо, вот и все.

Ну что ж, это еще одна ложь, подумала я. Ведь для того, чтобы такое судно, как плавучий дом, смогло подняться вверх по течению от Танна, требуется немало времени. Может, даже несколько месяцев. Да и просто проплыть через весь Париж совершенно невозможно. Нужно зарегистрироваться в порту Плезанс, где стоят прогулочные суда, заплатить за стоянку и т. д. Все это заставило меня усомниться, действительно ли у Ру есть какое-то судно. И если все-таки есть, то зачем он нанялся к Тьерри?

Но если он собирается и впредь врать мне, думала я, разве смогу я чтото ему рассказывать? Ведь исходно мой план почти полностью покоился на том допущении, что Ру будет по-настоящему рад меня видеть и скажет, как сильно он скучал по мне и по маме, как ему тяжело было узнать, что она выходит замуж за Тьерри, а потом я бы рассказала ему о Розетт, и он сразу понял бы, что ему совершенно невозможно никуда от нас уезжать, что ему нужно жить с нами, в нашей chocolaterie, и тогда маме не нужно будет выходить за Тьерри, и мы сможем стать семьей...

Стоило мне подумать об этом, и я сразу поняла, как глупо все это звучит.

— А как же Розетт и я? — сказала я. — У нас на Рождество будет праздник. — Я вытащила из портфеля пригласительный билет и протянула ему. — Ты просто обязан прийти! — Я была в отчаянии. — Мы же тебя и раньше приглашали...

Он как-то неприятно засмеялся и сказал:

— Кто обязан, я? Ты, должно быть, меня с чьим-то еще отцом перепутала.

«Ну и дела!» — думала я, чувствуя, что совершенно во всем этом запуталась. Похоже, чем больше я стараюсь ему объяснить, тем сильнее он злится и мою только что созданную Систему, которую я так удачно

применила уже к Нико, Матильде и мадам Люзерон, к Ру пока что применить вообще невозможно.

«Ах, если б я успела закончить его куколку...»

И тут меня озарило.

- Послушай, сказала я. У тебя в волосах опилки, давай отряхну. И я тут же принялась за дело.
- Ой! вскрикнул Ру.
- Извини, сказала я. Я нечаянно какой-то волосок зацепила. Скажи, мы можем увидеться завтра? Пожалуйста! Хотя бы для того, чтобы попрощаться?

Он так долго не отвечал, что я не сомневалась: сейчас откажет.

Но он вздохнул и сказал:

- Ладно, встретимся на кладбище в три часа. У могилы Далиды.
- Хорошо, кивнула я, пряча улыбку. Однако Ру все-таки заметил эту улыбку.
 - Но не думай, я не останусь, сказал он.
 - «Это ты так думаешь», сказала я себе.

И чуть приоткрыла сжатые пальцы: на моей ладони лежали три рыжих волоска.

Нет уж, на сей раз Ру, который тешит себя тем, что всегда поступает по-своему, сделает то, чего от него хочу я! Теперь мой черед. И не он, а я буду решать. И он придет к нам на Рождество, чего бы мне это ни стоило! Может, он и не хочет приходить, но все же придет — да я его силой туда притащу, даже если мне придется для этого призвать на помощь Хуракана!

14 декабря, пятница

Итак, обратимся к ветру с заклинанием.

Но сперва зажжем свечи. Особенно хороши красные — они приносят счастье и здоровье; хотя и белые тоже, в общем, ничего. Но чтобы действительно все сделать как полагается, нужно раздобыть черные свечи, ибо черный цвет — это цвет конца года, цвет того медлительного отрезка времени между Día de los Muertos и декабрьским полнолунием, когда мертвый год снова поворачивает вспять.

Теперь начертим на полукруг желтым мелом. Отодвинем кровать и синий ковер, чтобы рисовать можно было прямо на досках, а потом снова вернем все на место, чтобы мама ничего случайно не заметила. Она вряд ли догадается, но все же...

Ей вовсе и не нужно об этом знать.

Видишь, на мне красные туфельки... Я и сама не знаю, почему я их надела — просто мне кажется, что они приносят удачу и, когда я их надеваю, со мной ничего плохого случиться не может. Да, нужно еще немного сухой краски в порошке или обыкновенного песка (впрочем, я лучше воспользуюсь сахарным песком), чтобы отметить определенные точки в нашем кругу. Черной краской отметим север, белой — юг, желтой — восток, красной — запад. Остальной песок можно рассыпать за пределами круга, чтобы усмирить маленьких ветряных божков.

В качестве жертвоприношения используем ладан и мирру. Именно их, как известно, принесли волхвы в дар младенцу Христу, когда он еще лежал в колыбели. Я считаю, что если для Иисуса это было достаточно хорошо, то и для нас вполне сойдет. А вместо золотых монет, пожалуй, можно взять маленькие шоколадки в «золотых» обертках — очень даже похоже, верно? Зози говорит, что ацтеки всегда предлагали богам в качестве жертвоприношения шоколад. И кровь, конечно, — хотя, надеюсь, им не потребуется так уж много крови. Уколем булавкой палец — ой! — ну вот и

хорошо. Теперь воскурим благовония, и можно начинать.

Сядем в круг, скрестив по-турецки ноги, и возьмем в каждую руку по деревянной куколке. Еще непременно нужен мешочек с красным сахарным песком; песок рассыплем по полу и будем рисовать на нем нужные символы. Сперва изобразим знак Госпожи Лунной Крольчихи. А Пантуфль пусть охраняет его для меня, стоя на самом краю нарисованного мелом круга. Затем слева от меня нарисуем Голубую Колибри Тескатлипоки — знак неба, а слева от тебя, Розетт, — Красную Обезьяну Тескатлипоки, знак земли. С твоей стороны на страже стоит Бам — охраняет знак Самой Первой Обезьяны.

Ну вот и все. Готово. Разве не здорово? Мы уже один раз пробовали сделать такое, помнишь? Но что-то у нас тогда не совсем получилось. Теперь-то все получится как надо. На этот раз мы призываем правильный ветер. Не Хуракан, а Ветер Перемен, потому что нам кое-что нужно изменить.

Согласна? Тогда нарисуй спираль на рассыпанном по полу красном сахарном песке.

Теперь произнесем заклинание. Понятно, что его слова тебе неизвестны, но мелодию-то ты знаешь и можешь, если захочешь, петь вместе со мной. Ну, пой...

V'là l'bon vent, v'là l'joli vent...

Правильно. Только давай чуточку потише.

Да, так хорошо. Теперь смотри: вот эта куколка — Ру. Ты его не очень хорошо знаешь, но ничего, скоро узнаешь. А это — наша мама, видишь? Она в своем красивом красном платье. И по-настоящему ее зовут Вианн Роше. Именно это имя я и шепнула куколке на ушко. А это что за куколка — с волосами цвета манго и большими зелеными глазами? Это же ты, Розетт! Ты. И мы всех их поставим вот здесь в кружок и зажжем свечи, а в центре круга нарисуем знак Эекатля. Потому что все эти люди принадлежат друг другу — как те персонажи в сказочном вертепе на площади. И тогда они скоро снова будут вместе, и мы сможем стать настоящей семьей...

А это еще кто? Кто это стоит за пределами нашего желтого круга? Это Тьерри со своим мобильным телефоном. Нам совсем не нужно, чтобы этот ветер навлек на него какую-то беду, но с нами он больше не может

оставаться, потому что у тебя может быть только один отец, Розетт, а он тебе никакой не отец. Так что придется ему уйти. Извини, Тьерри.

Слышишь, как воет ветер снаружи? Это Ветер Перемен летит сюда. Зози говорит, что ветер можно оседлать, что его можно приручить и выдрессировать, как дикую лошадь, и заставить делать только то, чего от него хочешь ты. Можно стать воздушным змеем или птицей, можно исполнить чье-то желание, можно воплотить в жизнь самую свою заветную мечту...

Если бы мечты стали конями, то и нищие скакали бы верхом. Ну что ж, Розетт. Давай и мы поскачем!

15 декабря, суббота

Просто удивительно, каким обманщиком порой может оказаться ребенок! Он точно домашняя кошка, которая днем мурлычет на диване, а ночью превращается в безжалостного убийцу и с королевским презрением воспринимает свою обычную жизнь.

Анук, конечно, не убийца, во всяком случае пока, но есть, есть в ней нечто дикое. Я, разумеется, только рада была это узнать — мне отнюдь не требуется ручная домашняя киска, — однако теперь придется глаз с нее не спускать, чтобы она еще чего-нибудь не предприняла у меня за спиной.

Во-первых, она сумела без меня призвать Эекатля. И я ничуть этим не возмущена — напротив, я ею даже горжусь. Она — натура творческая, изобретательная и уже сама придумывает ритуалы, если существующие ее не удовлетворяют, в общем, прирожденная поклонница Хаоса.

Во-вторых, — что значительно важнее — она вчера тайком отправилась на свидание с Ру и, к сожалению, вопреки моим советам. Хорошо еще, что она все описывает в своем дневнике, который я, естественно, регулярно просматриваю. Сделать это нетрудно: Анук, как и ее мать, хранит свои «секреты» в коробке из-под обуви, засунув ее в самый дальний ящик гардероба — слишком предсказуемо, зато удобно, — так что я теперь, поселившись у них в доме, читаю оба дневника.

Что оказалось для меня весьма полезно. Например, я узнала, что сегодня в три часа Анук встречается с Ру на кладбище. С одной стороны, лучше и быть не может; мои планы относительно Вианн близятся к завершению, и пора сменить декорации. Но план похищения чьей-то жизни куда легче изложить на бумаге, чем осуществить; вообще-то обычно мне вполне достаточно нескольких счетов за коммунальные услуги и украденного из сумочки в аэропорту паспорта; мне хватит даже имени на свежей могильной плите — и работа, считай, сделана. Хотя на этот раз мне

нужно нечто большее, чем просто другое имя, мне мало простых банковских данных или денег, снятых со счета.

Разумеется, для такой игры нужно быть настоящим стратегом. Ибо здесь, как и при решении любых стратегических задач, важно не только распределить все части головоломки по своим местам, но и сделать это так, чтобы твой противник даже не заподозрил, что происходит, и только после этого решить, какими частями ты можешь пожертвовать, чтобы выйти из игры победителем. Ну а потом состоится поединок — настоящий поединок воли — между Янной и мною; и я, признаться, предвкушаю этот поединок с куда большим нетерпением, чем ожидала. Встретиться с ней лицом к лицу в самом последнем раунде, понимая, что стоит на кону для нас обеих...

Да, эта игра действительно будет стоить свеч!

Итак, подведем итоги. Помимо всего прочего, меня весьма интересовало содержимое пиньяты Янны, я весьма прилежно трудилась над этой загадкой и обнаружила немало всякой всячины.

Во-первых, она не Янна Шарбонно.

Впрочем, это мы уже знаем. Гораздо интереснее то, что она и не Вианн Роше — во всяком случае, об этом свидетельствуют некоторые вещички, хранящиеся у нее в шкатулке. Я чувствовала, что пропустила нечто весьма важное, и на днях, когда ее не было дома, снова там порылась и довольно быстро обнаружила то, что искала.

На самом деле я эту вещь видела и раньше, но не обратила на нее должного внимания, поскольку меня в основном интересовала именно Вианн Роше. Но эта вещь по-прежнему там, в шкатулке, — перевязанный выцветшей красной ленточкой амулет на счастье, которому самое место на дешевом браслете или в рождественской хлопушке; это серебряная кошечка, вся почерневшая от времени. И Вианн хранит его у себя в шкатулке вместе с молочными зубами Анук и потрепанной колодой карт Таро, явно знававших и лучшие времена.

Вианн, как и я, предпочитает путешествовать налегке. Ничто из бережно хранимых ею предметов не носит оттенка тривиальности. Каждая вещичка имела вескую причину быть спрятанной в шкатулку, и уж разумеется, в первую очередь этот серебряный амулет. Между прочим, о нем упоминается и в той газетной вырезке, потемневшей от ветхости и ставшей настолько хрупкой, что я даже не осмелилась ее развернуть; там говорилось об исчезновении полуторагодовалой Сильвиан Кайю, которую более тридцати лет назад беспечная мать оставила в коляске у дверей аптеки.

Пыталась ли она когда-нибудь вернуться? Инстинкт подсказывает мне, что нет. «Ты сама выбираешь себе семью» — так она говорит; и та молодая женщина, ее мать, чье имя в статье даже не упоминается, для нее всего лишь человек с определенным набором хромосом. Для меня же, однако...

Можете назвать меня любопытной. Я поискала сведения о ней в интернете. На это, правда, потребовалось какое-то время — дети ведь пропадают каждый день, а интересовавший меня случай был достаточно давним, да и дело быстро закрыли, поскольку оно оказалось самым заурядным, — но я все-таки нашла все, что мне нужно; я даже имя матери Сильвиан узнала; ей был двадцать один год, когда у нее украли ребенка, а теперь ей сорок девять, как сообщается на сайте «Одноклассники»; разведена, детей нет, по-прежнему живет в Париже рядом с кладбищем Пер-Лашез и содержит небольшой отель.

Отель называется «Стендаль» и находится на перекрестке авеню Гамбетта и улицы Матисса. В нем примерно дюжина номеров, облысевшая от старости рождественская елка, украшенная мишурой, стены с претензией на экстравагантность оклеены вощеным ситцем. У камина стоит небольшой круглый столик, и на нем под стеклянным колпаком застыла фарфоровая кукла в розовом шелковом платье. Вторая кукла — в подвенечном платье — стоит у нижней ступеньки лестницы, точно на страже. Третья — голубоглазая, в шляпке и в пальто, отделанном рыжим мехом, — сидит на стойке портье.

Там же, за стойкой, находилась и сама мадам, крупная женщина с кислой миной на лице и редеющими волосами — как у всех тех, кто вынужден сидеть на диете; но глаза ее были так похожи на глаза ее дочери...

- Простите, мадам...
- Чем могу служить?
- Видите ли, я служу на Монмартре в «Шоколаде Роше». Мы рекламируем особый сорт шоколада, сделанного вручную, вот я и хотела предложить вам на пробу кое-какие образцы...

Выражение ее лица стало еще более кислым.

- Нет, меня это не интересует.
- Но от вас не требуется никаких обязательств. Просто попробуйте, и все...
 - Спасибо, не надо.

Естественно, этого я и ожидала. Парижане страшно подозрительны, а мое предложение звучало, пожалуй, слишком заманчиво, чтобы не подозревать никакого подвоха. Но я все же вытащила коробочку с дюжиной

наших особых трюфелей и открыла ее. Трюфели, обвалянные в шоколадной пудре, сидели в изящных корзиночках из золотой бумаги, в уголке коробки примостилась желтая роза, а на боковой стенке крышки я нацарапала символ Госпожи Кровавой Луны.

— Там внутри карточка с телефоном, — сказала я. — Если вам понравится, можете сразу позвонить и сделать заказ. Если же нет... — Я пожала плечами. — Эти трюфели за счет заведения. Ну попробуйте. Хотя бы один. Хотя бы интереса ради.

Мадам колебалась. Я видела, что врожденная подозрительность сражается в ее душе с соблазнительным ароматом, исходившим от коробки, — горьковатым, шоколадно-кофейным, с легкой примесью запахов гвоздики, кардамона, ванили и арманьяка; это был аромат минувших лет, горьковато-сладостный, точно прощание с детством.

— И вы что же, по всем отелям Парижа конфеты разносите? Если да, то вряд ли в итоге останетесь в выигрыше.

Я улыбнулась.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанское — я так считаю.

Она вытащила из бумажного гнездышка трюфель.

Вонзила в него зубы...

— Хм... Неплохо, неплохо.

На самом-то деле, по-моему, просто отлично. От наслаждения она даже глаза прикрыла; ее тонкие губы увлажнились.

— Ну что, нравится вам?

Должно нравиться! Символ соблазна, знак Госпожи Кровавой Луны, освещал ее лицо розоватым сиянием. И теперь в ней гораздо отчетливей проступают черты Вианн; но Вианн, сильно постаревшей, безумно усталой, накопившей в душе немало горечи в погоне за благополучием; бездетной Вианн, которая всю свою любовь отдает этому отелю и этим фарфоровым куклам.

- Да, это, безусловно, нечто необыкновенное! восхитилась мадам.
- Наша карточка в коробке. Приходите к нам в магазин.

Мадам сонно покивала, так и не открывая глаз.

— Счастливого Рождества, — сказала я. Мадам не ответила.

А из-под стеклянного колпака мне бесхитростно улыбалась голубоглазая кукла в меховой шубке и шапочке — точно дитя, вмороженное в ледяной пузырь.

15 декабря, суббота

Я едва дождалась сегодняшней встречи с Ру, так мне хотелось узнать, не переменилось ли его отношение к тому, о чем я ему рассказала, и не удалось ли мне переменить тот ветер. Я ждала какого-нибудь знака Снега, или северного сияния, или какой-нибудь неожиданной перемены в погоде, но утром, когда я встала, за окном было все то же желтое небо, все та же мокрая мостовая. Да и мама, хотя я глаз с нее не сводила, выглядела абсолютно как всегда и, как всегда, возилась на кухне; волосы аккуратно стянуты на затылке, поверх черного платья фартук.

И все-таки, чтобы колдовство подействовало, нужно время. Вряд ли все могло так быстро измениться, и, наверное, с моей стороны было просто глупо ожидать, что Ру сразу вернется к нам, что мама опомнится и поймет, каков на самом деле Тьерри, что снег пойдет — и все это произойдет за одну ночь. Так что я заставила себя соблюдать спокойствие и даже пошла погулять с Жаном-Лу, но в душе только и ждала, когда же пробьет три часа.

В три часа у могилы Далиды. Ее могилу пропустить невозможно — там скульптура в полный рост, хотя я толком и не знаю, кем была эта Далида — какая-то актриса, наверное [51]. Я чуточку опоздала, и Ру уже ждал меня. Было десять минут четвертого, почти совсем стемнело, и, бегом поднимаясь по ступеням к подножию памятника, я едва различала силуэт Ру — он сидел на соседней могильной плите и сам был похож на надгробие, совершенно неподвижный, в длинном сером пальто.

- Я уж думал, ты не придешь.
- Извини, что опоздала. Я обняла его. Понимаешь, мне от Жана-Лу нужно было отделаться.

В ответ на мои слова он усмехнулся.

- В твоих устах это звучит довольно зловеще. Он кто?
- Я объяснила, испытывая легкое смущение:
- Один мой школьный приятель. Он очень любит это место. И с

удовольствием здесь фотографирует. Надеется когда-нибудь встретить здесь настоящее привидение.

— Ну что ж, место он правильно выбрал, — сказал Ру. И посмотрел на меня. — Итак. Что происходит?

Ничего себе! Я даже не знала, с чего начать! Столько всего случилось за эти несколько недель, и потом...

— Вообще-то мы с Жаном-Лу поссорились.

Глупо, конечно, но я разревелась. К Ру это вообще никакого отношения не имело, да я и не собиралась говорить ему об этом, но теперь уже...

- Из-за чего? спросил он.
- Да так, из-за ерунды. Просто поссорились.

Ру улыбнулся мне такой улыбкой, какую можно увидеть порой на лицах церковных статуй. Нет, сам-то он на ангела, разумеется, ничуть не похож, и все же... Понимаете, у него была такая спокойная, терпеливая улыбка, которая словно говорила мне: «Если нужно, я могу хоть весь день ждать, так что не спеши».

— Он отказывается приходить к нам в chocolaterie, — хлюпая носом, сердито сказала я; больше всего я злилась на себя: зря я сказала об этом Ру! — Говорит, что чувствует себя там не в своей тарелке.

На самом деле он не только это сказал. Но все остальные его заявления — это такая чушь и полная несправедливость, что мне уж совсем не хотелось их повторять. Нет, Жан-Лу мне действительно очень нравится. Но ведь Зози — мой лучший друг, если, конечно, не считать Ру и мамы, и меня задело то, что Жан-Лу так плохо к ней относится.

— Ему не нравится Зози? — вдруг спросил Ру.

Я пожала плечами. Помолчала, потом с возмущением воскликнула:

— Он же ее совсем не знает! А все потому, что однажды она на него накричала. Хотя обычно она ни на кого не кричит и почти никогда не сердится. Просто она терпеть не может, когда ее фотографируют.

Но дело было не только в этом. Жан-Лу показал мне сегодня дюжины две снимков, сделанных у нас в chocolaterie; он их только что распечатал. На этих фотографиях был наш святочный домик, мама, я, Розетт и Зози; но все четыре фотографии Зози были сделаны под каким-то странным углом; казалось, Жан-Лу хотел тайком подкрасться к ней, застать ее врасплох...

— Это нечестно, — сказала я ему. — Она же просила тебя не снимать ее.

Но на лице Жана-Лу было написано невиданное упрямство.

— Нет, ты все-таки посмотри внимательно.

Я посмотрела. Просто ужас! Изображение расплывчатое, и на всех снимках она ни чуточки на себя не похожа — вместо лица какой-то бледный овал, рот перекошен, перекручен, губы точно колючая проволока.. И на всех снимках один и тот же дефект: вокруг ее головы какое-то темное расплывчатое пятно, по границе которого отчетливо виден странный желтый круг...

- Ты что, один кадр нечаянно на другой наложил? спросила я. Он покачал головой.
- Нет. Просто они именно так себя и обнаруживают.
- А может, свет так падал или что-то такое...
- Возможно, сказал он. Или «что-то такое».

Я посмотрела на него.

- Ты что хочешь этим сказать?
- Ты же сама знаешь. Светящиеся призраки, колдовские огни...

Ну и дела! Светящиеся призраки! Наверное, Жану-Лу слишком сильно хотелось их увидеть, вот он и сел в лужу. Уж Зози-то, по-моему, к таким вещам вообще никакого отношения не имеет. Разве можно так ошибаться?!

Ру по-прежнему смотрел на меня с тем же выражением вечного терпения — лицо у него было в точности как у церковных изваяний.

— Расскажи мне немного о Зози, — попросил он. — Похоже, вы с ней дружите.

И я рассказала ему о похоронах, и о леденцовых туфельках, и о Хэллоуине, и о том, как внезапно Зози вошла в нашу жизнь и, словно волшебница из сказки, все сразу изменила к лучшему, и дела у нас пошли просто замечательно...

— Но мама твоя выглядит усталой.

А я подумала: «Кто бы говорил об усталости!» У него-то вид был совершенно изможденный, лицо совсем побледнело, волосы явно давно не мытые. Похоже, он и недоедает к тому же; надо было, наверное, прихватить с собой что-нибудь из еды.

— Но сейчас время такое — перед Рождеством всегда хлопот очень много. И потом...

«Помолчи хоть минуту!» — сердито велела я себе.

— А ты что, шпионил за нами? — усмехнулась я.

Ру пожал плечами.

- Так, мимо проходил.
- А что тебе там понадобилось?

Он снова пожал плечами.

— Можешь назвать это любопытством.

- Так ты поэтому в Париже задержался? Из любопытства?
- Да. А еще мне показалось, что твоя мать попала в беду. Я так и подскочила.
- Но это правда! воскликнула я. Нам всем грозит беда.

И я снова принялась рассказывать ему о Тьерри, о его намерениях, о том, что теперь у нас в семье все не так, как прежде, и о том, как я скучаю по старым добрым временам, когда все было легко и просто...

Ру улыбнулся.

- Вот уж просто никогда не было!
- Зато мы, по крайней мере, знали, кто мы такие, заявила я сердито.

Ру в ответ только молча пожал плечами. Я сунула руку в карман. Там со вчерашнего вечера так и лежала его деревянная куколка Три рыжих волоска, сказанный шепотом на ушко секрет, спираль — символ Эекатля, Ветра Перемен, — нарисованная фломастером над сердцем...

Я сжала куколку в руке как можно крепче, словно это могло заставить его остаться.

Ру вздрогнул, как от озноба, и плотнее запахнул свое пальто.

- Значит... ты, в общем, пока не уезжаешь? спросила я.
- Да нет, я собирался, и, наверное, мне так и следовало поступить. Но меня что-то по-прежнему беспокоит, Анук. Вот у тебя бывает такое ощущение, словно вокруг тебя что-то происходит, словно тебя используют, причем без твоего ведома, манипулируют тобой, как куклой, но если узнать, зачем и как это делается...

Он вопросительно посмотрел на меня, и я с облегчением увидела, что в цветах его ауры нет ни малейшего признака гнева — только свидетельствующие о глубоких раздумьях голубые и синие оттенки. А он все продолжал говорить тихим голосом, и я вдруг подумала, что столько слов от него слышу впервые, ведь Ру — человек вообще неразговорчивый.

— Я вчера просто очень разозлился. Ужасно разозлился — ведь Вианн скрыла от меня такую важную вещь! — и уже не мог ни как следует слушать тебя... ни как следует соображать... Зато потом я хорошенько подумал. И все удивлялся: как это Вианн Роше, которую я так хорошо знал, могла стать совершенно другим человеком. Сперва мне казалось, что это просто влияние Тьерри, — но с такими, как он, я хорошо знаком. И, зная Вианн, я понимаю, что ему ее голыми руками не взять. Она крепкий орешек. И ни в коем случае не позволит такому типу, как Ле Трессе, ею командовать, распоряжаться ее жизнью — слишком много она уже пережила... — Ру помолчал, качая головой. — Нет, если Вианн и попала в

беду, то причина не в Тьерри.

— А в ком же? — удивилась я.

Он посмотрел на меня.

- В твоей подруге Зози есть что-то такое... чему я даже и определения пока подобрать не могу. Но я каждый раз чувствую это, когда она рядом. Что-то есть в ее поведении чересчур идеальное. И что-то неправильное. Что-то почти... опасное.
 - Что ты имеешь в виду?

Но Ру только плечами пожал.

А я уже снова начинала злиться: сперва Жан-Лу, теперь еще и Ру! И принялась объяснять:

- Она так помогла нам, Ру! Она столько делает для нас работает в магазине, присматривает за Розетт, учит меня всяким вещам...
 - Каким, например?

Ну, если уж она так ему не нравится, то я вряд ли расскажу, чему она меня учит. Я снова сунула руку в карман, где лежала его деревянная куколка, на ощупь похожая на косточку, завернутую в шерстяной лоскут.

— Ты просто совсем ее не знаешь, вот и все! — заявила я ему. — Ты должен дать ей возможность проявить себя. Она тебе понравится, я уверена.

На лице Ру появилось упрямое выражение. Когда он что-то для себя решит, его трудно переубедить. Это так несправедливо — двое моих лучших друзей...

- Она тебе непременно понравится! Правда-правда! Я точно знаю. Она так о нас заботится...
 - Если бы я в это поверил, меня бы уже здесь не было. Но пока что...
 - Значит, ты остаешься?

Забыв, что только что страшно на него злилась, я бросилась ему на шею.

- И ты придешь к нам на праздник?
- Ну...

Он вздохнул.

- Вот здорово! И тогда ты по-настоящему познакомишься с Зози. И с Розетт... Ой, Ру, я так рада, что ты остаешься!..
 - Да. Я тоже.

Но голос у него был совсем не радостный. Честно говоря, он звучал просто тревожно. И все же мой план сработал, черт побери! А это самое главное. Значит, мы с Розетт все-таки сумели переменить ветер...

— А как у тебя с наличными? — спросила я. — У меня тут... — Я

сунула руку в карман. — Шестнадцать евро и еще какая-то мелочь, если это сгодится. Я собиралась купить Розетт подарок на день рождения, но...

— Нет, — сказал он, по-моему, чересчур резко. Его и правда всегда было трудно уговорить взять деньги, так что, наверное, зря я вообще об этом заговорила. — У меня все отлично, Анук.

Честно говоря, на «отлично» он совсем не выглядел. И теперь я это прекрасно видела. А если Тьерри ему еще и не платит...

Я быстро сотворила на ладошке знак Кукурузного Початка и прижала ее к его руке. Это символ удачи, я о нем узнала от Зози; он приносит благополучие — деньги, еду и все такое. Не знаю, как именно он действует, но то, что он действует, это точно; Зози именно его использовала, чтобы у нас в магазине стало больше посетителей, чтобы люди чаще покупали мамины трюфели; и хотя я думаю, что Ру это не поможет, но все же есть надежда на какие-то положительные изменения в его жизни — может, он найдет другую работу, или выиграет деньги в лотерею, или поднимет оброненный кем-то на тротуаре толстый бумажник. И я представила себе, что этот знак так и сияет перед моим внутренним взором, и он вдруг словно действительно засветился у Ру на руке, похожий на мерцающую пыль. «Это непременно должно ему помочь!» — решила я. И это уж точно никакая не милостыня с моей стороны.

— A до Рождества ты к нам не зайдешь? — спросила я.

Он пожал плечами.

- Не знаю. Мне надо прежде... кое-что выяснить.
- Но на праздник ты точно придешь? Обещаешь?
- Обещаю.
- Поклянись. Скажи: честное слово и чтоб я сдох!
- Честное слово. И чтоб я сдох.

16 декабря, воскресенье

Ру сегодня на работу не вышел. Оказалось, что его не было ни в субботу, ни в воскресенье. А в пятницу он совсем рано ушел из квартиры Тьерри, затем выписался из той жалкой гостиницы, где проживал, и с тех пор нигде больше не появлялся.

Собственно, этого и следовало ожидать. Ведь, в конце концов, я сама попросила его уехать. Так почему у меня такое чувство, будто меня бросили? И почему я все продолжаю высматривать его на улицах?

Тьерри от ярости раскалился добела. В мире Тьерри просто так взять и уйти, бросив работу, не только стыдно, но и бесчестно; и мне совершенно ясно, что никаких извинений от Ру — если они, конечно, вообще последуют, — он не примет. А еще там какая-то темная история с чеком, который Ру то ли обналичил, то ли не обналичил...

В этот уик-энд я Тьерри почти не видела. Он сказал, что у него какието неприятности с квартирой, когда мимоходом забежал к нам вечером в субботу. И походя упомянул об отсутствии Ру — а расспрашивать я не решилась.

Но сегодня он рассказал мне все. Он пришел уже к вечеру, когда Зози закрывала магазин. Розетт, как всегда, играла на полу с фигурками паззла — собственно, картинку сложить она даже не пытается, ей куда больше нравится выкладывать на полу из этих мелких деталек сложные спиралевидные орнаменты. Я возилась с последней на сегодня партией вишневых трюфелей, когда в магазин влетел взбешенный Тьерри — весь красный и, казалось, готовый взорваться.

— Я знал, знал! Было в нем что-то такое! — заорал он с порога. — Ох уж эта шантрапа! Все на один манер. Ленивые, вороватые — странники, одним словом. — Он произнес это слово с омерзением, словно какое-то экзотическое проклятие. — Я знаю, тебе он вроде бы друг, но даже ты не могла бы закрыть глаза на подобное безобразие. Бросить работу и уйти, не

сказав мне ни слова! Спутать мне все карты! Да я его засужу! Или просто выбью из него денежки, из этого чертова ублюдка...

— Тьерри, прошу тебя, успокойся. — Я налила ему кофе. — Сядь и постарайся успокоиться.

Но когда дело касалось Ру, ни о каком спокойствии и речи быть не могло. Они, конечно, очень разные люди. Солидный Тьерри начисто лишен воображения; он всю свою жизнь прожил в Париже и прежде даже забавлял меня своим сугубо неодобрительным отношением к матерямодиночкам, «альтернативному» образу жизни и иностранной кухне. Впрочем, теперь мне это забавным вовсе не казалось.

- Кто он тебе, между прочим? Теперь Тьерри набросился на меня. Как это вы умудрились стать такими близкими друзьями?
 - Я отвернулась.
 - Мы с тобой уже говорили об этом.

Глаза Тьерри грозно сверкнули.

- Вы были любовниками? прогремел он. Да? Ты с ним спала, с этим ублюдком?
 - Тьерри, прошу тебя...
 - Скажи мне правду! Он тебя трахал? завопил Тьерри.
- У меня задрожали руки. Волна гнева, настолько сильного, что справиться с ним я уже не могла, охватила меня, и я тоже заорала:
 - А что, если и так?

Такие простые слова. И такие опасные.

Тьерри молча уставился на меня, лицо его вдруг посерело, и я поняла, что брошенное мне обвинение — это со стороны Тьерри, несмотря на всю его ярость, просто громкие слова, очередной драматический жест, абсолютно предсказуемый и абсолютно бессмысленный. Ему необходимо было найти выход для своей ревности, для своей бесконечной потребности все контролировать, для своей невысказанной растерянности, которая поселилась в его душе, когда наши дела в магазине пошли в гору...

Потом он снова заговорил — дрожащим голосом:

— Ты должна сказать мне правду, Янна. Я слишком долго все это терпел. Я ведь, черт возьми, даже не знаю толком, кто ты такая! Я ведь просто когда-то поверил тебе на слово и продолжал верить — и тебе, и твоим детям, — и скажи: ты хоть раз слышала от меня жалобы? Эта испорченная девчонка и умственно отсталый ребе...

Он вдруг умолк на полуслове.

Я холодно смотрела на него. Значит, он все-таки решился преступить заповедную черту.

Розетт, сидя на полу, смотрела на нас, оторвавшись от своих спиралей. Над головой вдруг блеснул свет. Пластмассовые формочки для печенья задребезжали на полках, словно мимо промчался курьерский поезд.

— Янна, прости. Ох, прости!

Тьерри пытался вернуть, отвоевать навсегда утраченную территорию, точно наш сосед-моряк, который все еще надеется вновь уйти в море и поймать за хвост ускользнувшую удачу...

Но все уже рухнуло. Карточный домик, так старательно мною возведенный и оберегаемый, развалился из-за одного-единственного слова И теперь я уже отчетливо видела то, чего раньше не замечала. Впервые я по-настоящему разглядела Тьерри. Мне и раньше бросалась в глаза его мелочность. Его злорадное презрение к «мелкой сошке». Его снобизм. Его невежество. Но теперь я видела все: и цвета его ауры, и его уязвимые места, и его неуверенность, которую он пытается скрыть за широкой улыбкой, и таящееся в плечах напряжение, и странную скованность движений, стоит ему увидеть Розетт.

Какие гнусные слова!

Я, разумеется, видела, что при Розетт он всегда чувствует себя не в своей тарелке, с избытком компенсируя это добродушной веселостью. Только веселость и добродушие эти показные, как у человека, который ласкает опасную собаку.

А теперь мне стало ясно, что дело не только в Розетт. Ему вообще здесь неуютно, потому что все это мы создали без его помощи. И каждая порция шоколада, каждая удачная распродажа товара, каждый покупатель, с которым мы приветливо здороваемся, называя его по имени, даже тот стул, на котором он сидит, — все это напоминает ему, что мы трое независимы, что у нас есть и своя собственная жизнь, никак с ним не связанная, что у нас есть прошлое, в котором Тьерри Ле Трессе вообще никакой роли не играл...

Но ведь у Тьерри тоже есть прошлое. Оно и сделало его таким, каков он теперь. И все его страхи коренятся именно там. И не только страхи, но и надежды, и тайны...

Опустив глаза, я изучала свою старую знакомую — гранитную плиту, на которой разделываю шоколадную массу. Она давно уже почернела от времени; она и досталась-то мне не особенно новой, покрытой множеством боевых шрамов, полученных в бесконечных кулинарных сражениях. В граните все еще поблескивают порой вкрапления кварца, и я люблю на них смотреть, пока остывает шоколадная глазурь, которую вскоре вновь нужно будет нагреть и охладить.

«Не желаю я знать никаких твоих тайн!» — безмолвно говорю я плите.

Но она-то знает, что это не так. Поблескивая вкраплениями слюды, она словно подмигивает мне, притягивает мой взгляд, удерживает его. И теперь я уже почти вижу их, образы, отраженные в камне, как в зеркале. Я продолжаю смотреть на поверхность гранитной плиты, и они постепенно обретают форму и смысл, промельки той жизни, того прошлого, которое и превратило Тьерри тогдашнего в Тьерри теперешнего.

Вот он в больнице. Лет на двадцать по крайней мере моложе. Он стоит снаружи, у закрытой двери, и в руках у него две подарочные упаковки сигар, перевязанных лентой — одна розовой, другая голубой. Он все предусмотрел.

Затем передо мной другая больница. Большая приемная, где на стенах изображены персонажи из мультфильмов. Рядом с Тьерри сидит женщина с ребенком на руках. Это мальчик лет шести. Он бездумно смотрит в потолок, его не интересует ни Винни-Пух, ни Тигра, ни Микки-Маус, ничто вокруг не вызывает ни малейшего блеска в его глазах.

А вот еще какое-то здание — не совсем больница, но что-то в этом роде. И юноша — нет, взрослый молодой человек — идет под руку с хорошенькой сиделкой. Ему лет двадцать пять. Он такой же крупный и неповоротливый, как его отец; у него чуть шаркающая походка, а голова кажется слишком тяжелой для тонкой шеи, и он идет понурившись, а с лица не сходит бессмысленная улыбка.

Теперь я наконец понимаю. Вот она, тайна, которую Тьерри пытался скрыть. Теперь ясно, откуда эта широкая и чересчур веселая улыбка — как у тех, кто торгует вразнос всякой религиозной макулатурой; ясно, почему он никогда ничего не рассказывает о сыне; да и его преувеличенный перфекционизм тоже, в общем, понятен, как и то, почему он порой так смотрит на Розетт — точнее, так старается вообще на нее не смотреть...

Я вздохнула.

- Тьерри, сказала я. Ничего страшного. И тебе вовсе не обязательно лгать мне.
 - Лгать тебе?
 - Насчет сына.

Он так и застыл в смятении; я даже без гранитной плиты легко могла себе представить, что творится у него в душе. Он побледнел, на лбу выступили капли пота, и гнев, только что сменившийся страхом, вновь мгновенно охватил его, точно принесенный каким-то злым ветром. Он встал, вдруг став грозным и неуклюжим, как медведь, смахнул со стола кофейную чашку и так стукнул по столешнице, что шоколадки в ярких

разноцветных обертках разлетелись во все стороны.

- У моего сына все нормально, сказал он твердо, но, пожалуй, чересчур громко для такой маленькой комнаты. Алан торгует недвижимостью. Он полностью самостоятелен и давно от нас откололся. Я редко с ним вижусь, но это вовсе не значит, что он меня не уважает... не значит, что я не горжусь им!.. Теперь он уже орал так, что Розетт зажала ручонками уши. А кто тебе сказал, что это не так? Неужели Ру? Неужели проклятый ублюдок пытался что-то разнюхать?
- Ру не имеет к этому ни малейшего отношения, сухо заметила я. Но если ты стыдишься собственного сына, разве ты сможешь когданибудь по-настоящему полюбить Розетт?
- Янна, прошу тебя!.. Дело совсем не в этом. Я вовсе его не стыжусь. Но он был моим сыном, а Сара больше не могла иметь детей, и мне просто хотелось, чтобы он...
 - Был идеальным. Я понимаю.

Он взял меня за руки.

— Я все смогу вытерпеть, Янна. Обещаю. Мы найдем самого лучшего специалиста в этой области. И у нее будет все, чего она пожелает. Няньки, игрушки...

«Снова подарки», — подумала я. Словно подарки способны изменить его истинное отношение к ней. Я покачала головой. Душу не переменишь. Можно лгать самому себе, притворяться, надеяться — но все равно в итоге останешься в той стихии, где был рожден.

Он, должно быть, прочел это по моему лицу и сразу помрачнел, осунулся, плечи обвисли.

— Но ведь все уже почти готово, я обо всем договорился, — промямлил он.

Не «люблю тебя», а «все уже почти готово».

Во рту у меня было горько, и тем не менее меня охватила странная радость. Словно какая-то отрава, застрявшая у меня в горле, вдруг сама выскочила оттуда...

Над дверью звякнули колокольчики, и я, не думая ни секунды, сложила вилкой пальцы, отгоняя беду. Да уж, от старых привычек так просто не избавиться. Я этим жестом не пользовалась уже несколько лет. И все же победить внутреннюю тревогу не сумела — мне казалось, что любая мелочь способна сейчас пробудить иной ветер, Ветер Перемен. А когда Тьерри ушел и я осталась одна, мне показалось, что я слышу в этом ветре чьи-то голоса, голоса Благочестивых, и чей-то далекий смех.

17 декабря, понедельник

Так значит, вот дело в чем: все кончено! Ура! Произошла какая-то ссора — видимо, из-за Ру. Ох, я едва дождалась конца уроков, чтобы броситься к нему и все ему рассказать. Вот только нигде так и не смогла его отыскать.

Я даже съездила в ту ночлежку на авеню Клиши, где, по словам Тьерри, до сих пор проживал Ру, но, когда я постучалась к нему в номер, дверь мне никто не открыл, а потом вылез какой-то старик с бутылкой в руке и наорал на меня за то, что я шумлю. На кладбище Ру тоже не было, и на улицу Святого Креста он не заходил, и я в итоге сдалась, но все же оставила ему в той мерзкой гостинице записку с пометкой «Срочно» — надеюсь, ему ее передадут. Если, конечно, он туда вернется. Потому что теперь и туда уже наверняка явилась полиция и всех задерживает.

Когда к нам пришли полицейские, я решила, что это за мной. Уже стемнело — было, наверное, около семи, — и мы с Розетт ужинали на кухне. Зози куда-то ушла, а мама надела свое красное платье, и мы наконец-то остались только втроем...

Вот тут они и явились, эти два офицера, и сперва я по глупости решила, что с Тьерри случилось что-то ужасное, причем по моей вине — из-за того, чем мы с Розетт занимались в пятницу вечером. Но оказалось, что и Тьерри тоже пришел с ними. Выглядел он прекрасно, вот только был еще громогласней и веселей, чем обычно, и чаще обычного повторял свое «salut-mon-pote»; но кое-что в цветах его ауры говорило мне, что он просто притворяется веселым, желая обмануть полицейских, которых, собственно, сам и привел, и от этого я опять страшно разнервничалась.

Оказалось, что полицейские ищут Ру. Они проторчали у нас в магазине не менее получаса, и, хотя мама отослала нас с Розетт наверх, я все равно исхитрилась подслушать почти все, о чем говорили внизу, хотя и не совсем поняла некоторые детали.

Речь шла, по-моему, о каком-то чеке. Тьерри говорил, что выписал его Ру — он хранит корешки чеков и всяких квитанций, — а Ру попытался этот чек подделать и перевести на свой счет гораздо большую сумму, чем была выписана.

Тысяча евро — так они сказали. Это, по словам Тьерри, называется мошенничеством, и за это можно отправиться в тюрьму, особенно если открыть счет на чужое имя, снять с него деньги, пока никто в банке ни в чем не разобрался, а потом исчезнуть без следа, не оставив даже адреса.

В общем, примерно так они говорили, но в отношении Ру это, помоему, просто глупо: ведь всем известно, что никакого счета в банке у него нет; да он никогда ни у кого ничего бы и не украл, даже у Тьерри. Однако он действительно исчез без следа. В той гостинице его не видели с пятницы, и на работе он тоже не появлялся. А это означает, что я, возможно, последний человек, который его видел. Это также означает, что он и сюда вернуться не сможет, потому что его тогда сразу арестуют. Какой все-таки дурак этот Тьерри! Ненавижу его! Вполне возможно, что он сам все это и подстроил, желая отомстить Ру!

Мама и Тьерри еще долго спорили, когда полицейские уже ушли. И мне отлично было слышно, как орал Тьерри. А мама все старалась его вразумить и говорила, что это наверняка какая-то ошибка, — но я чувствовала, что Тьерри от этого только сильнее заводится и все повторяет: «Не понимаю, как ты после этого можешь его защищать?» Он называл Ру преступником и дегенератом, что означает «бездельник» и «человек, которому нельзя доверять», и говорил: «Янна, опомнись, еще не поздно», — и наконец мама потеряла терпение и велела ему уйти; и он ушел, оставив после себя в нашем магазине часть своей ауры, похожую на мутноватое облачко с дурным запахом.

Когда я спустилась вниз, мама плакала. Она, правда, сказала, что вовсе и не плачет, но я-то видела! И аура ее совершенно померкла, потемнела, и лицо у нее стало совсем белым, если не считать двух красных пятнышек на скулах под глазами; она сказала, чтобы я не тревожилась, что все будет хорошо, но я понимала — она лжет. Я всегда знаю, когда она говорит неправду.

Просто смешно, когда взрослые твердят детям: «Все в порядке. Все хорошо. Я тебя ни в чем не виню; это была просто случайность». Пока Тьерри торчал внизу, я только и думала о том, как мы с Ру встречались у могилы Далиды и каким потрепанным и несчастным он мне показался. Я ведь тогда и знаком Кукурузного Початка его отметила, чтобы дать ему хоть немного благополучия и удачи...

И теперь мне хотелось бы знать, уж не я ли всему этому виной? Я легко могу себе представить, как Тьерри выписывает чек, а Ру потом говорит мне, что ему «сперва кое-что нужно уладить», и просто приписывает ноль к указанной сумме...

Нет, все это глупости! Ру — никакой не вор. Нет, он, конечно, может стащить несколько картофелин с края поля, или несколько яблок из чужого сада, или несколько початков кукурузы с делянки, а то и рыбы в чьем-то частном пруду наловит, но денег он никогда не крал. Нет, на него это совсем не похоже.

Но потом в голове у меня начинают копошиться новые мысли. А что, если это некая месть? Что, если он пытался возместить то, чего ему явно недодал Тьерри? Но еще хуже — если он сделал это для меня и Розетт?

Тысяча евро — целая куча денег для таких, как Ру. Возможно, этой суммы хватит даже на то, чтобы какое-нибудь судно купить. Купить плавучий дом, поселиться там, все уладить. Открыть счет в банке. Начать откладывать деньги для своей семьи...

И тут я вспомнила, что говорила мама: «Ру всегда поступает так, как хочет он сам, всегда... И он круглый год живет на реке, спит под открытым небом, а в доме чувствует себя неуютно, неловко. Мы не смогли бы так жить».

И я все поняла: это моя вина. Это я превратила Ру в преступника своими деревянными куколками, магическими пожеланиями и символами. А что, если его арестуют? Что, если его посадят в тюрьму?

Есть одна история, которую часто рассказывала мама, о трех эльфах, которых звали Пик Блю, Пик Ред и Колеграм. Пик Блю заботился о небесах, о звездах, о дожде, о солнце и птицах небесных. Пик Ред — о земле и обо всем, что растет на ней: злаках, деревьях и животных. А Колеграм, самый юный, должен был заботиться о человеческой душе. Но у него никак это не получалось — стоило ему попытаться исполнить чье-то заветное желание, как этот человек попадал в беду. Однажды он хотел помочь бедному старику и превратил осенние листья в золото, но старик так разволновался, увидев подобное богатство, и так туго набил свой заплечный мешок, что рухнул под его тяжестью и был раздавлен насмерть. Я не помню, чем эта история кончается, я просто очень сочувствую Колеграму, который так старался, но вечно попадал впросак. Может, и я такая же? Может, мне просто нельзя общаться с человеческими душами?

Ну и дела! А все ведь так хорошо шло! Но до Рождества еще шесть дней, а за шесть дней может многое произойти, да и ветер пока еще не полностью сменился. И все же, по-моему, слишком поздно. Нам этого уже

не остановить. Мы зашли слишком далеко и не можем просто повернуться и убежать. Наверное, придется мне еще разок попробовать — вдруг получится. Еще разок воззвать к Ветру Перемен. Может, в прошлый раз мы что-то сделали неправильно? Выбрали не тот цвет, не те свечи, не те символы? Но теперь уж мы с Розетт все сделаем как надо. Раз и навсегда.

18 декабря, вторник

Сегодня прямо с утра первым делом явился Тьерри и снова спрашивал о Ру. Он, похоже, думает, что эта гнусная затея с дискредитацией Ру способна изменить наши с ним отношения, способна восстановить мое доверие к нему.

Но все, разумеется, далеко не так просто. Я пыталась объяснить ему, что дело вовсе не в Ру. Но Тьерри ничем не прошибешь. Во-первых, у него в полиции есть друзья, а во-вторых, он, воспользовавшись собственным влиянием, уже вызвал к этому липовому делу о мошенничестве куда больший интерес, чем оно заслуживает. Однако Ру действительно исчез, как, впрочем, он это и всегда делал — ушел в гору, как тот крысолов из Гаммельна.

Уходя, Тьерри швырнул мне еще одну, последнюю, ядовитую информацию, которую, я думаю, получил от своего дружка из жандармерии...

— Между прочим, счет, с помощью которого этот тип обналичивал чеки, выписан на женское имя! — И Тьерри хитро и победоносно мне улыбнулся. — Похоже, твой дружок действует не в одиночку.

Сегодня я снова надела свое красное платье. Я понимаю, меня не привыкли в нем видеть каждый день, но гадкий разговор с Тьерри, исчезновение Ру и пасмурная погода — все небо по-прежнему затянуто тучами, и кажется, что вот-вот пойдет снег, — вызвали у меня страстное желание хотя бы прикоснуться к чему-то яркому.

И то ли красное платье помогло, то ли я каким-то немыслимым образом почуяла в этом ветре некий заветный след, но, несмотря на всю мою тревогу, несмотря ни на что — ни на гнусные сообщения Тьерри, ни на душевную боль при любой мысли о Ру, ни на мои бессонные ночи и страхи, — я обнаружила, что напеваю за работой.

Такое ощущение, что перевернута очередная страница моей жизни. И я впервые за несколько лет почувствовала себя свободной — от Тьерри и даже от Ру. Свободной жить, как я хочу, и быть тем, кем я хочу, — впрочем, я и сама не знаю, кем я хочу быть.

Зози на это утро взяла выходной. Я впервые за несколько недель осталась дома одна, если не считать Розетт, конечно, которая была полностью поглощена своей коробкой с пуговицами и альбомом для рисования. Я почти позабыла, что значит стоять за прилавком в переполненной кондитерской, разговаривать с покупателями, выяснять, что они любят больше всего...

Я была, пожалуй, даже несколько ошеломлена тем, что у нас теперь столько постоянных клиентов. Я, разумеется, знала, работая на кухне, сколько человек к нам приходит, кто что покупает, но как-то не отдавала себе отчета в том, что этих людей теперь так много. Зашла мадам Люзерон, хотя это вовсе и не ее день. Затем забежали Жан-Луи и Пополь — их влечет сюда возможность посидеть в тепле и набросать несколько портретов, а также явное пристрастие к моему кофейно-шоколадному слоеному торту. Затем Нико — он теперь сидит на диете, которая, впрочем, допускает поедание миндального печенья в огромных количествах, и Алиса: она принесла нам букет падуба и, как всегда, попросила коробочку своей любимой шоколадной помадки. Заходила даже мадам Пино, спрашивала, где Зози...

Правда, об этом спрашивала не только она. Этим интересовались все наши постоянные покупатели. А Лоран Пансон — он явился при полном параде, вычищенный и сияющий, и приветствовал меня изысканным поклоном — и вовсе сник, увидев за прилавком не Зози, а меня; и мне показалось, что его сбило с толку именно мое красное платье.

— Я слышал, у вас будет праздник, — сказал он.

Я улыбнулась.

— Да, маленькое торжество. В канун Рождества.

Он одарил меня своей улыбкой престарелого фавна, которой обычно пользуется в присутствии Зози. От нее мне известно, что Лоран одинок — ни семьи, ни детей; это особенно грустно в канун Рождества. Я не очень люблю этого человека, но все же невольно его пожалела, заметив, какой у него на сорочке обтрепанный, желтоватый от стирки воротничок и как он улыбается — точно голодный пес.

— И вы, конечно, тоже приходите, мы будем очень рады, — тут же сказала я. — Но если у вас иные планы...

Он слегка нахмурился, делая вид, что пытается припомнить, как

именно расписаны его «невероятно загруженные» предрождественские дни.

— Что ж, я, возможно, и зайду, если сумею, — сказал он. — Дел, конечно, полно, однако...

Я прикрылась рукой, чтобы он не заметил моей улыбки. Лоран — такой человек, которому необходимо чувствовать, что он, принимая ваше приглашение, делает вам огромное одолжение.

— Будем очень рады вас видеть, месье Пансон, — повторила я.

Он пожал плечами и великодушно согласился:

— Ну, если вы так настаиваете...

Я улыбнулась.

- Вот и чудесно.
- Осмелюсь заметить, вам это платье очень идет, мадам Шарбонно.
- Называйте меня просто Янна.

Он снова поклонился. И я почувствовала запах пота и масла для волос. Мелькнула мысль: неужели Зози каждый день вот так любезничает со всеми, пока я вожусь на кухне с шоколадом? Неужели именно поэтому у нас так много покупателей?

Какая-то дама в изумрудном пальто покупала подарки на Рождество. Ее любимые сласти — карамельные завитушки, и я без колебания так ей и сказала, прибавив, что ее мужу непременно понравятся мои абрикосовые сердечки, а дочка будет в восторге от шоколадок с перцем чили в золоченых обертках...

Что это со мной? Что вдруг так переменилось?

Я, похоже, охвачена новым ощущением беспечности, надежды, уверенности. Я как будто совсем уже и не я, а некто куда более близкий к Вианн Роше, к той женщине, которую некогда занесло в Ланскне на хвосте карнавального ветра...

Снаружи ветра почти не слышно, и колокольчики над дверью молчат, и небеса низкие, темные, полные невыпавшего снега. Неестественно теплая погода, стоявшая всю неделю, сменилась заморозками, и дыхание застывает в холодном воздухе пышными перьями, а прохожие, пересекающие площадь, напоминают расплывчатые серые колонны. На углу музыкант играет на саксофоне «Petite Fleur», и саксофон поет тягучим, почти человеческим голосом.

А я думаю: «Ему же, наверное, холодно».

Странная мысль для Янны Шарбонно. Для настоящих парижан подобные мысли непозволительны. Здесь, в этом городе, слишком много бедных людей, бездомных людей, старых людей, и все они в своих одежках

похожи на свертки из Армии спасения, разложенные у дверей магазинов и в глухих переулках. Всем им холодно; все они хотят есть. Настоящим парижанам нет до них дела. А я действительно хочу стать настоящей парижанкой...

Но музыка все играет, напоминая мне о других местах и временах. И сама я тогда была не я, а кто-то другой, и плавучие дома стояли на реке Танн так тесно, что по ним можно было перебраться с одного берега на другой. Тогда тоже звучала музыка — железные барабаны, скрипки, свистульки, флейты. Речной народ, по-моему, и жил за счет музыки; и хотя кое-кто из деревенских жителей называл их попрошайками, я ни разу не видела, чтобы они попрошайничали. Вот тогда у меня даже малейших сомнений не возникло бы...

«У тебя есть определенный дар, — говорила мне мать, — а дары для того и предназначены, чтобы их отдавать...»

Я готовлю горячий шоколад. Наливаю полную чашку и вместе с куском шоколадного торта несу ее саксофонисту — он удивительно молод, не старше восемнадцати. Нечто подобное Вианн Роше сделала бы не задумываясь...

- За счет заведения, угощаю я его.
- Ой, спасибо! Его лицо освещает улыбка. Вы, должно быть, из этой шоколадной лавки? Я о вас слышал. Вы ведь Зози, верно?

Я вдруг начинаю смеяться, что выглядит несколько диковато. У этого смеха тот же горьковато-сладкий привкус, как и у всего этого странного дня, но саксофонист, похоже, ничего не замечает.

- Что вам сыграть? спрашивает он меня. Я сыграю все, что хотите. За счет заведения... прибавляет он с улыбкой.
 - Я... Я замялась. Вы знаете «V'là l'bon vent»?
- Да. Конечно. Он берет в руки свой сакс и говорит: Только для вас, Зози.

И когда саксофон начинает петь, меня пробирает дрожь, но не только от холода, и я бреду назад, к «Шоколаду Роше», где Розетт по-прежнему тихо играет на полу среди тысяч рассыпанных пуговиц.

18 декабря, вторник

Остаток дня я провела на кухне, предоставив Зози возможность общаться с покупателями. Покупателей у нас теперь хоть отбавляй; их так много, что мне одной было бы просто не управиться, и это хорошо, что Зози по-прежнему охотно мне помогает; чем ближе Рождество, тем сильнее ощущение того, что у половины населения Парижа внезапно прямо-таки страсть возникла к шоколаду домашнего приготовления.

Запасы глазури, которых, как мне казалось, хватит до самого Нового года, уже через две недели совершенно иссякли, и теперь товар нам поставляют каждые десять дней, чтобы хоть как-то соответствовать возрастающему спросу. О таких доходах, как сейчас, я никогда и мечтать не осмеливалась, а Зози по поводу всех этих метаморфоз твердит одно: «Я же говорила, что перед Рождеством дела у нас пойдут в гору!», словно подобные чудеса каждый день случаются...

А я все не перестаю удивляться тому, как быстро все переменилось. Три месяца назад нас здесь, на Холме, считали чужаками, чуть ли не изгоями. Теперь же мы — такая же часть здешнего пейзажа, как кафе «У Эжена» или «Крошка зяблик»; и местные жители, которым даже в голову не придет зайти в магазин для туристов, заходят к нам раза два в неделю (а некоторые и вовсе почти каждый день), чтобы выпить кофе или горячего шоколада, съесть кусочек торта или пирожное.

Что же все-таки случилось? С чем связаны подобные перемены? С шоколадом, конечно. Я, например, точно знаю, что мои самодельные трюфели значительно лучше любых, сделанных на фабрике. Да и оформление покупателям тоже явно нравится больше; а поскольку Зози попрежнему мне помогает, у меня остается даже время, чтобы ненадолго присесть и поговорить с людьми.

Монмартр — это нечто вроде деревни внутри большого столичного города; и он остается глубоко, хотя и несколько двусмысленно,

ностальгическим со своими узкими улочками, старыми кафе и домиками в деревенском стиле, с побеленными стенами, фальшивыми ставнями на окнах и яркими геранями в терракотовых горшках. Обитателям Монмартра, точно выселенным на необитаемый остров, возвышающийся над суетливым и вечно меняющимся Парижем, порой кажется, что они живут в последней деревне на свете, — вот они и стремятся сохранить ее, точно некий мимолетный вздох времени, когда все казалось им проще и милее, когда двери всегда оставались незапертыми, когда любой недуг или несправедливость можно было исцелить с помощью плитки шоколада...

Но боюсь, это всего лишь иллюзия. Для большинства здешних жителей такого времени и не существовало вовсе. И они обитают в некоем полуфантастическом мире, где прошлое так глубоко спрятано под слоем их желаний и сожалений, которые они принимают за действительность, что они и сами уже почти верят в этот вымысел.

Посмотрите на Лорана, который так резко выступает против иммигрантов, а ведь его отец, польский еврей, бежал в Париж во время войны, сменил имя, женился на местной девушке и превратился в Гюстава Жана-Мари Пансона, став куда большим французом, чем настоящие французы, истинным гражданином Франции, надежным, как стены Сакре-Кёр.

Лоран, естественно, никогда об этом не рассказывает. Но Зози все знает — и, должно быть, от него самого. А взять мадам Пино с ее серебряным распятием, вечной неодобрительной усмешкой на поджатых губах и пластмассовыми святыми, выставленными в витрине ее магазина...

Да она в жизни никакой мадам не была! В молодости (по словам Лорана, которому такие вещи всегда хорошо известны) она служила танцовщицей в кабаре «Мулен Руж» и, между прочим, выступала на сцене в монашеском апостольнике, в туфлях на высоких каблуках и в черном атласном корсете, затянутом так туго, что больно было смотреть, — вряд ли можно было себе представить, что она станет торговать духовной литературой, хотя...

А наши красавцы Жан-Луи и Пополь, которые с таким знанием дела работают на площади Тертр, соблазняя дам и вытягивая из них денежки с помощью самых хулиганских комплиментов и весьма двусмысленных намеков? Их, по крайней мере с первого взгляда, вполне можно принять за настоящих художников. А ведь ни тот ни другой никогда в жизни не выставлялись ни в одной художественной галерее и не учились в художественной школе; к тому же они, при всей своей мужской привлекательности, втихую ведут себя и относятся друг к другу — хотя и

совершенно искренне — как самые настоящие геи и даже собираются вступить в законный брак — возможно, в Сан-Франциско, где подобные браки заключаются гораздо чаще и не подвергаются столь резкому осуждению.

Так утверждает Зози, которая, похоже, знает все и про всех. Анук тоже знает гораздо больше, чем рассказывает мне, и вот на ее счет я начинаю все сильнее тревожиться. Раньше она рассказывала мне все. Но с недавних пор стала какой-то скрытной, беспокойной; часами прячется у себя в комнате, в выходные большую часть времени проводит на кладбище с Жаном-Лу, а вечерами подолгу болтает с Зози.

Для девочки ее возраста, конечно, естественно желать несколько большей независимости. Но в Анук появилась некая настороженность, даже холодность в обращении со мной, которой она и сама, возможно, не замечает, — вот это-то меня и беспокоит. Такое ощущение, словно тот стержень, что прежде нас скреплял, вдруг сдвинулся, пошатнулся и некий безжалостный механизм теперь медленно разводит нас в разные стороны. Да, раньше Анук рассказывала мне все. Теперь же все, что она говорит, кажется мне странно сдержанным, выверенным; а ее улыбки слишком веселы и слишком неестественны, чтобы меня успокоить.

Неужели это из-за Жана-Лу Рембо? Не думайте, я, конечно, заметила, что теперь она о нем почти не упоминает; а стоит мне это сделать, смотрит настороженно, искоса. И потом, как тщательно она теперь одевается, отправляясь в школу! А ведь раньше едва проведет по волосам расческой — и все...

А может, это из-за Тьерри? Или она о Ру так тревожится?

Я пыталась прямо спросить, не случилось ли чего; может, что-нибудь в школе произошло, о чем я не знаю. Но она всегда отвечает «нет, мама» звонким голоском примерной девочки и рысцой бросается наверх делать уроки.

Но тем вечером я, все еще находясь в кухне, услышала смех Анук, доносившийся из комнаты Зози, и потихоньку подкралась к лестнице. Вскоре я услышала и голос Анук — он звучал, точно воспоминание о прошлом. Но я знала: если поднимусь к ним, открою дверь и спрошу, скажем, не хочет ли она выпить шоколаду, этот смех тут же смолкнет, глаза ее станут холодными, и та прежняя, давнишняя Анук, веселый голос которой я только что слышала, исчезнет, как существо из волшебной сказки...

Зози сегодня возилась со своим святочным домиком — в нем теперь открылась очередная дверца, и за ней видна рождественская елка, искусно

сделанная из сосновых веточек и установленная в вестибюле. В дверях домика стоит мать семейства и смотрит в сад, где полукругом собрался хор христославов (в виде сахарных мышек), которые с любопытством заглядывают в окна.

Кстати, мы сегодня тоже поставили елку. Елка совсем небольшая, мы купили ее в цветочном магазине на нашей улице, но пахнет просто восхитительно — хвоей и смолой, как в сказке о детях, заблудившихся в лесу; есть у нас и серебряные звезды, чтобы повесить на ветки, и белоснежные волшебные огни, чтобы она вся так и сияла. Анук любит сама украшать елку, и я сознательно ничего не делала до ее возвращения из школы, чтобы потом заняться этим вместе с нею.

— Интересно, что это у нашей Анук на уме в последнее время? — Я заставляю себя говорить беспечным, веселым тоном. — Вечно она куда-то спешит, куда-то убегает.

Зози улыбнулась.

- Так ведь Рождество на носу. А перед Рождеством дети всегда прямо-таки с ума сходят.
- Она тебе ничего такого не говорила? Не расстроилась она из-за нас с Тьерри?
- Нет, насколько я знаю, нисколько, сказала Зози. По-моему, она даже обрадовалась.
 - Значит, ничего такого она не думает?
- Да нет, что ты! У нее в голове только грядущий праздник, успокоила меня Зози.

Ох уж этот праздник! Я так и не знаю, чего, собственно, моя маленькая Анук от этого праздника хочет. С того самого дня, когда она впервые о нем упомянула, она вдруг стала проявлять какое-то странное упорство: строить всевозможные планы, предлагать различные варианты угощений и щедро приглашать на этот праздник каждого, кто к нам приходил, совершенно не учитывая наших реальных возможностей, связанных прежде всего с пространством и местами для сидения.

- А можно, мы пригласим мадам Люзерон?
- Конечно, Нану. Если ты считаешь, что она придет.
- A Нико?
- Хорошо.
- И Алису, конечно! И Жана-Луи с Пополем...
- Нану, у этих людей есть и свой дом... и своя семья... Почему ты думаешь, что они обязательно...
 - Они обязательно придут!

Такое ощущение, что она с каждым уже договорилась лично.

- Откуда ты знаешь?
- Знаю, и все.

Может, и знает, думаю я. Она, похоже, вообще много чего знает. И я еще кое-что замечаю в ней — некую тайну во взоре, намек на нечто такое, что мне пока недоступно.

Я осматриваю нашу chocolaterie. Обстановка очень теплая, почти интимная. На столиках горят свечи, витрина со святочным домиком светится мягким розовым светом. Пахнет апельсинами и гвоздикой от ароматического шарика, висящего над дверью, а еще — хвоей от нашей елки и подогретым вином, которое мы подаем вместе с горячим шоколадом, щедро сдобренным специями, и со свежими, только что из духовки, имбирными пряниками. Это, безусловно, притягивает людей — они заходят втроем, вчетвером, завсегдатаи и незнакомцы, местные и туристы. Постояв у витрины и учуяв соблазнительный аромат, они заходят внутрь, и вид у них обычно слегка ошарашенный — возможно, из-за смешения ароматов и красок или из-за изобилия замечательных лакомств, выставленных в витрине: там и сухое печенье с горьким шоколадом и апельсином, и mendiants du roi, и шоколад с перцем чили в плитках, и трюфели с персиками и коньяком, и ангел из белого шоколада, и засахаренные лепестки лаванды, — и все это словно шепчет:

Попробуй. Испытай меня на вкус.

И в центре всего этого Зози. Даже в самые напряженные периоды она смеется, улыбается, шутит, угощает всех шоколадом за счет заведения, болтает с Розетт — и вокруг словно делается светлее просто потому, что она здесь...

Я смотрю на это, и мне кажется, что я наблюдаю за самой собой — за той Вианн, какой я была когда-то в другой жизни.

Но кто же я теперь? Я притаилась за кухонной дверью и отчего-то глаз не могу отвести от Зози. Мелькает воспоминание о тех временах и о том человеке, что тоже стоял тогда в дверном проеме, с подозрением заглядывая внутрь. Я помню лицо Рейно, его голодные глаза, его затравленный, исполненный ненависти взгляд — взгляд человека, испытывающего почти отвращение от того, что он видит, но все же заставляющего себя смотреть.

Неужели и я стала такой же? Тоже стала одной из версий Черного Человека? Одной из версий Рейно, для которого удовольствия — это мука; которому не под силу выносить чужую радость; который сгибается до земли под тяжким бременем собственной зависти и вины?

Что за бред! С чего мне завидовать Зози?

Мало того: мне страшно. Но почему? Что со мной такое?

В половине пятого с затянутой туманом улицы врывается Анук: глаза горят и за ней по пятам следует некое светящееся облачко — по всей видимости, пресловутый Пантуфль. Она здоровается с Зози, радостно ее обнимает, и к ней присоединяется Розетт. Они втроем кружат по комнате, выкрикивая: «Бам-бам-бам!» Это некая игра, какой-то дикий танец, который кончается тем, что все трое падают, смеясь и задыхаясь, в кресла, на розовый искусственный мех.

И пока я подглядываю за ними из-за кухонной двери, в голову мне вдруг приходит неожиданная мысль. Здесь, пожалуй, слишком много призраков. Опасных, смеющихся, явившихся из прошлого, и возрождения этого прошлого допускать никак нельзя. И вот что странно: эти призраки выглядят на редкость живыми, словно это я, Вианн Роше, стала призраком, а троица, веселящаяся посреди магазина, — настоящие люди, некое магическое трио, тот круг, который разорвать невозможно...

Все это, конечно, чушь. Я-то знаю, что я настоящая. Вианн Роше — это просто имя, которое я когда-то носила; возможно, это даже и не настоящее мое имя. И у Вианн Роше не может быть иных целей, кроме моих собственных, без меня у нее нет и не может быть никакого будущего.

Но я отчего-то все продолжаю думать о ней, словно о любимом пальто или паре туфель, которые, повинуясь какому-то внезапному порыву, отдала в благотворительное учреждение, чтобы отныне их любил и носил кто-то другой...

И теперь мне уже интересно вот что...

Какую часть себя самой я успела отдать? И если я больше уже не Вианн Роше... то кто же ею стал?

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ БАШНЯ

19 декабря, среда

А, здравствуйте, мадам. Ваши любимые? Дайте подумать... Шоколадные трюфели, сделанные по моему особому рецепту, отмеченные знаком Госпожи Кровавой Луны и обвалянные в чем-то невыразимом, вызывающем искушение. Дюжину? Или, может, две? И уложим их в красивую коробку из черной шелковой бумаги с бантом ярчайшего красного цвета...

Я знала, что она вскоре придет. Таково уж воздействие моих особых трюфелей. Она пришла как раз перед закрытием; Анук была наверху и делала уроки, а Вианн снова возилась на кухне, готовясь к завтрашнему наплыву покупателей.

Я заметила, что прежде всего ее поразили запахи, царившие в магазине. Это весьма сложное смешение всевозможных ароматов: рождественской елки, стоящей в углу, апельсинов, гвоздики, молотого кофе, горячего молока, пачулей, корицы, чуть затхлый запах старого дома... и, разумеется, шоколада — возбуждающий, богатый, как Крёз, и темный, как смерть.

Она озирается, видит украшения на стенах, картины, колокольчики, кукольный домик в витрине, коврики на полу — все хромово-желтое, яркорозовое, алое, золотое, зеленое, и у нее чуть не вырывается: «Да это же похоже на притон курильщиков опиума!» Но она вовремя прикусывает язык и удивляется себе: «Что это я так расфантазировалась?» На самом деле она таких притонов никогда не видела — да и любителей опиума встречала разве что на страницах «Тысячи и одной ночи», — и все же ей кажется, что есть в этой обстановке нечто странное. Почти магическое.

За окнами желто-серое небо так и светится обещанием снегопада. Метеорологи уже несколько дней его предсказывают, но, к великому разочарованию Анук, по-прежнему слишком тепло, чтобы с небес

посыпался снег, а не этот бесконечный моросящий дождь, приносящий густые туманы.

— Паршивая погода, — говорит мадам.

Ну естественно, ей так кажется, потому что в облаках она видит не волшебство, а загрязнение окружающей среды и рождественские огоньки воспринимает не как звезды, а как обыкновенные электрические лампочки; она не знает ни покоя, ни радости, а рождественская толпа представляется ей бессмысленным скоплением людей, которые озабоченно и суетливо трутся друг о друга и, не испытывая никаких теплых чувств, в последнюю минуту покупают первый попавшийся подарок; и подарок этот будет распакован без удовольствия, в спешке, вызванной желанием поскорее перейти к застолью, которое тоже никому никакой радости не доставит, ибо за столом собрались люди, которые не виделись целый год и предпочли бы вообще никогда не встречаться...

Я вижу ее лицо в Дымящемся Зеркале. Лицо весьма жесткое — женщины, у которой волшебная сказка ее жизни так и не обрела счастливой концовки. Она потеряла родителей, мужа, ребенка, заработала свое нынешнее благополучие тяжким трудом, давным-давно выплакала все слезы и более не испытывает сострадания ни к себе самой, ни к кому бы то ни было другому. Она ненавидит Рождество, презирает Новый год...

Все это я вижу в Дымящемся Зеркале. А затем, приложив некоторое усилие, пытаюсь хотя бы мельком увидеть то, что скрыто от глаз Тескатлипоки. И вижу толстую даму, сидящую перед телевизором и отправляющую в рот пирожные с кремом, одно за другим, одно за другим, прямо из белой коробочки, в которой она принесла их из кондитерской, пока ее муж уже третий вечер подряд допоздна задерживается на работе; я вижу витрину антикварного магазина и куклу с фарфоровым личиком, накрытую стеклянным колпаком; вижу аптеку, возле которой она однажды остановилась, чтобы купить для своей крошки подгузники и молочную смесь; вижу лицо ее матери, широкое, грубое и ничуть не удивленное, когда она сообщает ей ужасную новость...

Но с тех пор уже столько воды утекло. Теперь это далекое прошлое — и все же то пустое местечко у нее в душе так и не заросло, так и продолжает молить, чтобы его чем-то заполнили...

— Да, дюжину трюфелей. Нет. Пусть будет двадцать, — говорит она.

Как будто трюфели могут что-то изменить. Но с другой стороны, сами эти трюфели кажутся ей чем-то иным. Как и эта женщина с длинными черными волосами, украшенными стразами, что стоит за прилавком в изумрудных туфельках на блестящих черных каблуках — такие туфельки

созданы для того, чтобы в них танцевать всю ночь, прыгать, летать, да что угодно, только не ходить по улицам и не стоять за прилавком, — да, она тоже иная, не такая, как все, но отчего-то кажется куда более живой и настоящей, чем все вокруг...

На стеклянном прилавке темнеет пятнышко шоколадной пудры, осыпавшейся с трюфелей. Ничего не стоит кончиком пальца начертать в этой пудре символ Ягуара — кошачьей ипостаси Черного Тескатлипоки. Мадам, точно завороженная, смотрит на этот знак, пока я неторопливо заворачиваю коробочку, вожусь с бумагой и лентами; похоже, ее просто заворожили царящие в chocolaterie краски и запахи.

И тут вдруг, точно по сигналу, влетает Анук — растрепанная, все еще смеющаяся над какой-то проделкой Розетт, — и мадам поднимает глаза, смотрит на нее, и застывшее лицо ее вдруг расслабляется, добреет.

Может, она что-то в ней узнала? Может, талант, что так бурно кипит в крови Вианн и Анук, оставил свой след и здесь, у самых истоков? Анук одаривает мадам лучезарной улыбкой. Та улыбается в ответ — сперва, правда, нерешительно, но постепенно, по мере того как объединяются в своем воздействии на нее Госпожа Кровавая Луна, Луна-Крольчиха и Самый Первый Ягуар, рыхлое, одутловатое лицо мадам становится почти красивым в своей страстной тоске.

- А это кто ж такая? спрашивает она у меня.
- А это моя маленькая Нану!

Больше ничего говорить и не требуется. Видит мадам или не видит что-то знакомое в этом ребенке, или просто сама Анук со своим личиком голландской куколки и византийскими кудрями взяла ее сердце в плен кто знает? Но глаза мадам вдруг ярко вспыхивают. Она мгновенно соглашается, когда я предлагаю ей остаться и выпить чашечку горячего шоколада (к которому, возможно, приложу и один из моих особых трюфелей). А потом, сидя за одним из столиков с отпечатками детских ладошек, просто глаз не сводит с Анук, и во взгляде ее горит настоящая страсть. Анук то уходит на кухню, то снова возвращается; радостно приветствует зашедшего на минутку Нико и приглашает его выпить чашку чая; вместе с Розетт забавляется ее бесчисленными пуговицами из большой коробки; потом убегает куда-то в глубь дома, опять появляется возле витрины, чтобы узнать, какие еще изменения произошли в святочном домике, и сама переставляет одну-две центральные фигурки; затем в очередной раз выглядывает на улицу, проверяя, не пошел ли снег — он пойдет, должен пойти хотя бы в сочельник, ведь она так любит снег, чуть ли не больше всего на свете...

Пора закрывать магазин. На самом-то деле его пора было закрыть уже минут двадцать назад; мадам, похоже, удается стряхнуть с себя пьянящий дурман, она встает и говорит:

— Какая у вас чудесная девочка! — Стряхивая крошки шоколадного торта с колен, она с завистью поглядывает на кухонную дверь, за которой снова исчезла Анук, уведя с собой и Розетт. — И как она замечательно играла с той малышкой! Точно родная сестра!

Это вызывает у меня улыбку, но я мадам не поправляю.

— А у вас дети есть? — спрашиваю я.

Она, похоже, колеблется, ответить или нет. Потом все же кивает и говорит:

- Дочка.
- Собираетесь к ней на Рождество?

Ах, какую боль может причинить невзначай заданный вопрос! Я вижу, как изменились цвета ее ауры: белоснежная сверкающая струя молнией перечеркивает все остальные тона.

Она качает головой, не доверяя словам. Даже теперь, через столько лет, полузабытое чувство поражает ее своей силой и внезапностью. Когда же наконец поблекнут эти переживания, как ей столько раз обещали? Пока что они так же болезненны и ярки, как и прежде, и перед ними меркнет все остальное — муж, любовник, мать, подруга; все отступает в сторону, становится незначительным, когда перед тобой разверзается та пропасть отчаяния, какую являет собой потеря ребенка...

- Я ее потеряла, тихо признается она.
- Ох, простите.

Я кладу руку ей на плечо. У меня короткие рукава, и на обнаженной руке мой браслет с амулетами, как всегда, отчетливо позванивает. Блеск серебряных фигурок привлекает внимание мадам...

Кошечка-амулет так почернела от времени, что теперь больше похожа на Ягуара, ипостась Черного Тескатлипоки, а не на ту дешевую блестящую побрякушку, какой была когда-то.

Мадам замечает кошечку и буквально каменеет, хотя в голове у нее сразу же замелькали мысли:

«Это же просто нелепо; таких совпадений не бывает; это самый обыкновенный дешевый браслет на счастье; он наверняка не имеет никакого отношения к давным-давно потерянному детскому браслетику с подвеской-кошечкой...

И все же... Господи! А что, если все-таки имеет? Ведь случаются же подобные истории — и не только в кино, но иногда и в жизни...»

— К-какой забавный б-браслетик.

Голос у нее так дрожит, она так заикается, что ей трудно говорить.

- Спасибо. У меня он сто лет.
- Правда?

Я киваю.

— Каждый из этих амулетов мне о чем-то напоминает, — продолжаю я. — Вот этот, например, о том, как умерла моя мама...

Я демонстрирую ей серебряный гробик. На самом деле я привезла его из Мехико — наверное, он мне достался после «взрыва» очередной карнавальной пиньяты; на крышечке гробика виднеется маленький черный крест.

- Ваша мать?..
- Ну, я называла ее мамой. Я ведь своих настоящих родителей никогда не знала Этот ключик мне подарили в день совершеннолетия... А эта кошечка мой самый старый и самый счастливый амулет. Он со мной, сколько я себя помню; по-моему, он появился еще до того, как меня удочерили.

Теперь СВОДИТ обездвиженная она не меня глаз, почти нахлынувшими воспоминаниями. Она понимает: ЭТО совершенно невозможно! И все же некая, не столь рациональная часть ее души настаивает: чудеса порой все же случаются, магия действительно существует. Это в ней говорит затаенный голос той, какой она была, когда ей едва исполнилось семнадцать и она без памяти влюбилась в тридцатидвухлетнего мужчину, который говорил, что любит ее, и она ему верила...

Ну а как же девочка? Неужели она никого не узнает в ней? Неужели при виде Анук у нее не щемит сердце и боль не шебуршится там, точно котенок, играющий с клубком ниток?..

Некоторые люди — например, я — прирожденные циники. Но единожды уверовавший навсегда останется верующим. И как я понимаю, мадам как раз из верующих; это я, собственно, поняла, как только увидела ее фарфоровых кукол в вестибюле отеля «Стендаль». Мадам — типичный стареющий романтик, таящий в душе горечь и разочарования, а значит, тем более уязвимый; ее пиньята раскроется, как цветок, стоит мне произнести одно лишь слово.

Слово? Нет, конечно же, не просто слово, а имя.

— Мне нужно закрывать магазин, мадам. — Я осторожно подталкиваю ее к двери. — Но если вам захочется еще разок к нам зайти... Видите ли, мы в сочельник устраиваем небольшой праздник. Так что если у

вас нет других планов, может, заглянете к нам на часок? Она смотрит на меня, и глаза у нее горят, как звезды. — О да, — шепчет она. — Спасибо. Я непременно приду.

19 декабря, среда

Сегодня утром Анук ушла в школу, не попрощавшись. Наверное, не следовало особенно этому удивляться — собственно, на этой неделе она каждый день слишком поздно спускается к завтраку и, бросив: «Всем привет!», хватает свой круассан и рысью выбегает на темную улицу.

Но ведь это же Анук, которая от избытка чувств вечно вылизывала мне лицо и прямо на улице кричала: «Я тебя люблю!»... А теперь она молчалива и так погружена в свои мысли, что я чувствую себя обездоленной и холодею от страха; и те сомнения, что не давали мне покоя с тех пор, как она родилась, только усиливаются.

Да, конечно, девочка взрослеет. Ее стали интересовать другие вещи — школьные друзья, домашние задания, учителя и, возможно, кто-то из мальчиков (Жан-Лу Рембо?); возможно, она пребывает в сладостном бреду первой влюбленности. Возможно, есть и что-то еще: какие-то секреты, которые можно лишь прошептать на ухо, какие-то невероятные великие планы — в общем, что-то такое, о чем она может рассказать своим друзьям, но не матери и страшно смутится, если мать все-таки узнает об этом...

Все это абсолютно нормально, уговариваю я себя. И все же мне почти невыносимо думать, что она практически исключила меня из своей жизни. Мы же не такие, как все, думаю я. Мы с Анук другие. И какие бы неудобства это ни сулило, я больше не могу игнорировать подобное положение дел...

Признав это, я обнаруживаю, что меняюсь — становлюсь раздражительной, по мелочам ко всем придираюсь. Ну откуда Анук, моей летней девочке, знать, что это раздражение связано не с гневом, а со страхом?

Неужели и моя мать испытывала те же чувства? Неужели и ее терзал страх утраты, который сильнее даже страха смерти? Неужели и она тщетно пыталась, как и все матери на свете, остановить безжалостный бег

времени? Следовала ли она за мной, как я следую за Анук, подбирая на дороге оставленные ею метки? Игрушки, в которые она перестала играть, надоевшие наряды, сказки на ночь, которые она больше не просит ей рассказывать, — все это она оставляет позади, устремляясь в будущее, с радостью расставаясь со своим детством и со мной....

Моя мать часто рассказывала мне такую историю. Одна женщина страстно мечтала о ребенке, но родить у нее никак не получалось, и от отчаяния она как-то зимой слепила себе дочку из снега. Она очень старалась, и девочка получилась прелестная. Несчастная женщина очень ее любила; она красиво одевала ее, пела ей песенки, и Снежная Королева сжалилась над ней и оживила снегурочку.

Женщина — мать снегурочки — была вне себя от радости и со слезами благодарила Снежную Королеву, клянясь, что дочка ее никогда и ни в чем не будет нуждаться и никогда, сколько бы она ни прожила на свете, не будет знать печали.

— Но будь осторожна, — предупредила женщину Снежная Королева. — Подобное тянется к подобному, одна перемена влечет за собой другую, и Земля вращается вечно, принося людям как добро, так и зло. Постарайся хорошенько прятать свою дочку от солнечных лучей, приложи все усилия, чтобы она как можно дольше оставалась тебе послушна. Ибо дитя, порожденное столь страстным желанием, никогда не бывает удовлетворено до конца — ему мало даже материнской любви.

Но женщина почти не слушала ее. Она, вернувшись с дочерью домой, стала любить ее и заботиться о ней именно так, как и обещала Снежной Королеве, и вскоре — невероятно быстро — девочка выросла и превратилась в красавицу с белоснежной кожей и черными, как ягоды терновника, волосами. Она была прекрасна, словно ясный зимний день.

А потом наступила весна, начал таять снег, и снегурочка вдруг загрустила. Она говорила матери, что ей хочется выйти из дома и поиграть с другими детьми. Мать, разумеется, сперва ей не разрешала, пытаясь успокоить дочку похвалами и подарками. Но девочку ничем было не унять. Она все время плакала, стала бледной, отказывалась от еды, и наконец мать не выдержала и сдалась.

- Только будь все время в тени, предупредила она дочку. И ни в коем случае не снимай шляпку и пальто.
 - Хорошо, сказала девочка и выскользнула из дома

Весь день она играла с другими детьми. Она впервые с ними познакомилась. Впервые играла в прятки, в салки и в такие игры, где нужно петь и хлопать в ладоши. Она очень много узнала за этот день и,

вернувшись домой, выглядела такой усталой и такой счастливой, какой мать никогда прежде ее не видела

— Можно мне завтра снова пойти погулять? — спросила она.

С тяжелым сердцем мать все же дала согласие, но потребовала, чтобы девочка ни в коем случае не снимала шляпку и пальто. И снова снегурочка весь день провела на улице. Она заключала с кем-то тайные союзы, кому-то давала торжественные обещания; она впервые в жизни до крови ободрала себе коленки, но домой опять вернулась с сияющими от восторга глазами и потребовала, чтобы завтра ее снова отпустили гулять.

Мать запротестовала — ей казалось, что девочка вернулась совершенно без сил, — но в итоге все же опять согласилась ее отпустить. И на третий день снегурочка открыла для себя пьянящую радость непослушания. Впервые за свою короткую жизнь она нарушила обещание, разбила окно, поцеловала мальчика и сняла с себя шляпу и пальто, будучи на солнце.

День клонился к вечеру, но девочка так и не вернулась домой. И мать пошла ее искать. И нашла — ее пальто и шляпку, но нигде не могла обнаружить ни единого следа своей снежной доченьки, и лишь в одном месте, где раньше не было ни пруда, ни озера, она увидела тихое озерцо с застывшей водой.

Честно говоря, я никогда эту историю особенно не любила. Из всех материных историй эта пугала меня больше всего, и пугала, собственно, не сама сказка, а то выражение, которое появлялось у матери на лице, то, как начинал дрожать ее голос, и то, как крепко, до боли, она прижимала меня к себе, слушая, как дико завывает ветер в зимней ночи.

Разумеется, мне тогда и в голову не приходило, что может так ее пугать. Теперь-то я куда лучше это понимаю. Говорят, самый большой страх в детстве — это страх быть брошенным родителями. Этому страху посвящено немало детских сказок: история Ганзеля и Гретель, история о заблудившихся в лесу детях, история несчастной Белоснежки, преследуемой злой королевой...

Но теперь-то, похоже, в лесу заблудилась я сама. Даже рядом с жарко натопленной кухонной плитой меня бьет озноб, так что приходится надевать свитер, связанный из толстенной шерсти. Теперь мне все время холодно; а вот Зози по-прежнему одевается как летом: на ней яркая набивная юбка, балетки, волосы на макушке собраны в хвост и заколоты желтой заколкой.

- Мне надо уйти примерно на час. Это ничего?
- Конечно, иди.

Как я могу ей отказать, если она до сих пор отказывается получать зарплату?

И снова я задаю себе тот же вопрос:

«А какова твоя цена, Зози?

Чего ты хочешь?»

А снаружи по-прежнему свирепствует декабрьский ветер. Только над Зози этот ветер не властен. Я вижу, как она выключает свет у входа в магазин, как, негромко напевая, закрывает ставнями витрину, где деревянные куколки в своем хорошеньком домике сидят за столом и празднуют чей-то день рождения; а возле домика, под уличным фонарем, хор шоколадных мышек, держа в лапках листки с текстами рождественских гимнов, беззвучно славит Рождество среди сугробов из сахарного снега.

20 декабря, четверг

Сегодня Тьерри снова заходил, но Зози взяла его на себя — уж не знаю, что там она ему сказала. Я ей стольким обязана — и это, кстати, меня больше всего и тревожит. Но я не забыла того, что увидела тогда, тайком заглянув в магазин; не забыла и того крайне неуютного ощущения, когда мне казалось, что я как бы наблюдаю за самой собой — точнее, за той Вианн Роше, какой была прежде, словно возродившейся в лице Зози де л'Альба, перенявшей все мои кулинарные методы, мою манеру поведения и тем самым словно подстрекавшей меня вызвать ее на поединок...

Я весь день исподтишка наблюдала за ней, как, впрочем, и вчера, и позавчера. Розетт играла себе тихонько; в теплом воздухе кухни плавали ароматы гвоздики, алтея, корицы и рома; руки мои были все перепачканы сахарной глазурью и порошком какао; на полках сияла медная посуда; на плите кипел, дребезжа, чайник. Все казалось таким знакомым, таким до нелепости уютным и умиротворенным, и все же какая-то часть моей души никак не могла успокоиться. Каждый раз, стоило звякнуть колокольчику над дверью, я выглядывала в магазин и проверяла.

Зашел Нико и с ним Алиса, оба выглядели до смешного счастливыми. Нико уверяет меня, что похудел, несмотря на свою приверженность к миндальному печенью с кокосовой стружкой. Обычный человек разницы может и не заметить (он по-прежнему столь же огромен и чрезвычайно доброжелателен), но Алиса говорит, что он действительно потерял уже пять килограммов и теперь застегивает свой ремень на три дырочки туже. Я слышала, как он говорил Зози:

— Вот что значит — влюбиться. Похоже, лишние калории просто сгорают! Слушай, какая у вас отличная елка! Совершенно потрясная! Хочешь такую, Алиса?

Голосок Алисы расслышать было куда труднее. Но она, по крайней мере, теперь говорит; а сегодня ее маленькое личико с острыми чертами

даже обрело кое-какие краски. Рядом с Нико она выглядит сущим ребенком, но ребенком счастливым, и больше, похоже, потерявшейся она себя не чувствует, хотя глаз с его лица попросту не сводит.

Глядя на них, я сразу вспомнила те две фигурки, сделанные из проволочного ершика для чистки курительных трубок, что стоят в нашем святочном домике перед елочкой, взявшись за руки.

Затем пришла мадам Люзерон; она теперь заходит к нам гораздо чаще, неторопливо пьет шоколад-мокко и играет с Розетт. Она тоже стала гораздо спокойнее, а сегодня даже надела под свое теплое черное пальто ярко-красную двойку. И, опустившись на колени, с наслаждением катала по полу вместе с Розетт деревянную собачку...

К их игре присоединились Жан-Луи и Пополь, а также Ришар и Матурен, которые, как всегда, зашли к нам по пути в парк, где играют в петанк. Заглянула мадам Пино — еще полгода назад она ни за что бы к нам не зашла; теперь Зози называет ее просто по имени — Эрмина, а сама мадам Пино тоном завсегдатая бросает: «Мне как обычно…»

В привычной суете день быстро катился к вечеру, и меня искренне тронуло то, что очень многие наши покупатели принесли с собой подарки для Розетт. Я совсем позабыла, что они наверняка не раз видели ее и раньше, когда в магазине хозяйничает Зози, а я торчу на кухне, занятая готовкой, но даже если это и так, все равно такого внимания я не ожидала; пришлось в очередной раз вспомнить о том, скольких друзей мы приобрели с тех пор, как — всего месяц назад — у нас стала работать Зози.

Среди подарков имелись: деревянная собачка от мадам Люзерон, расписная зеленая чашечка в виде яйца от Алисы, мягкая игрушка — кролик — от Нико, паззл от Ришара и Матурена, портрет обезьянки от Жана-Луи и Пополя. Даже мадам Пино из магазина на углу забежала еще раз, чтобы подарить Розетт желтый обруч для волос и заказать фиалковые помадки, к которым она питает несказанную слабость, граничащую с алчностью. Потом, как обычно, явился Лоран Пансон, тут же стащил несколько кусков сахара и сообщил мне с каким-то торжествующим унынием, что бизнес «у всех ни к черту», а на улице Трех Братьев он только что видел женщину-мусульманку в настоящей парандже до самой земли. Уходя, Лоран как бы случайно выронил на стол маленький сверток и велел Розетт его развернуть; там оказался розовый пластмассовый браслетик на счастье, который ему, по всей видимости, принесли вместе с рекламным номером журнала для тинейджеров; но Розетт просто влюбилась в этот браслетик и теперь отказывается его снимать, даже купаясь в ванне.

А перед самым закрытием вдруг опять явилась та странная женщина,

что приходила вчера; она купила еще одну коробку трюфелей и тоже оставила для Розетт подарок. Это меня особенно удивило — ведь она отнюдь не из числа наших завсегдатаев; по-моему, даже Зози не знает, как ее зовут. А когда мы распаковали ее подношение, то удивились еще сильнее. В свертке оказалась коробка, а в ней — кукла-младенец; не очень большая, но, безусловно, антикварная; у нее мягкое тряпичное туловище и фарфоровая голова; из отделанного мехом капора выглядывает симпатичное личико. Розетт, конечно, была в восторге, но я сочла, что нельзя принимать столь щедрый подарок от незнакомки, убрала куклу в коробку и снова все завернула, намереваясь непременно вернуть той женщине — если, конечно, она еще раз к нам зайдет.

— Да что ты беспокоишься, — сказала Зози. — Кукла наверняка принадлежала ее детям или племянникам. Ты вспомни, как мадам Люзерон притащила нам мебель из своего кукольного домика.

Я возразила:

- Но она просто одолжила нам эту мебель. Временно.
- Да брось, Янна, усмехнулась Зози. Не стоит так подозрительно относиться ко всему на свете. Надо предоставить людям возможность...

Ее перебила Розетт; тыча пальчиком в коробку, она требовательно изображала жестами слово «ребенок».

— Ну хорошо, — сдалась я. — Но только на сегодняшний вечер. Розетт издала свое, почти беззвучное, победоносное карканье. Зози улыбнулась:

— Видишь? Не так уж это и трудно.

И все-таки я чувствую себя не в своей тарелке. Бесплатный сыр ведь действительно бывает только в мышеловке; крайне редко что-то достается человеку просто так — за любой подарок, за любое проявление доброты обычно приходится расплачиваться сполна Уж этому-то жизнь меня научила. Именно поэтому я теперь стала куда осторожней. Именно поэтому я и повесила над дверью колокольчики — чтобы они вовремя предупредили меня о появлении Благочестивых, явившихся получить должок...

Сегодня вечером Анук вернулась из школы и, как обычно, ничем свое возвращение не обозначила — только туфли застучали по деревянной лестнице, когда она взлетала к себе. Я попробовала припомнить, когда в последний раз она здоровалась со мной, как прежде, — когда, разыскав меня на кухне, принималась обниматься и целоваться, неумолчно болтая обо всем на свете. Я все пытаюсь убедить себя, что стала чересчур чувствительной. Но ведь было время, когда она попросту не могла забыть

поцеловать меня — как не могла забыть, скажем, о своем Пантуфле...

Да, теперь я была бы рада даже Пантуфлю. Мельком увидеть ее серенького спутника, услышать от нее хоть одно, пусть самое незначительное, слово. Заметить хоть какой-то признак того, что моя летняя девочка, моя прежняя Анук еще не совсем исчезла. Но Пантуфля я давно уже не видела, да и Анук со мной почти не разговаривает — ни о Жане-Лу Рембо, ни о своих школьных друзьях, ни о Ру, ни о Тьерри, ни даже о предстоящем празднике. Я знаю, сколько сил она уже положила на подготовку к этому празднику: написала приглашения на кусочках картона и каждое украсила веточкой падуба и нарисованной обезьянкой, не забыв привести меню праздничного стола и список предполагаемых игр и забав.

Я вдруг поймала себя на том, что смотрю на нее через обеденный стол и думаю: «Какой внезапно взрослой стала моя дочь, какой пугающе прелестной: темные волосы, синие, как грозовая туча, глаза, живое, подвижное лицо и обещание в будущем высоких изящных скул».

Я все смотрю и смотрю на нее; любуюсь тем, как грациозно, чуть прикусив от старания губу, она склоняет головку над именинным тортом, покрытым желтой глазурью, как трогательно она ведет себя с Розетт, как умилительно выглядят крошечные ручки Розетт в ее уже почти взрослых руках. «Задуй свечи, Розетт, — говорит она. — Нет, не плюйся. Дуй. Вот так».

Я обнаружила вдруг, что особенно внимательно слежу за ней, когда она рядом с Зози...

Ах, Анук! Как быстр этот переход от света к тени, от существования в центре чьего-то мироздания к превращению в ничто, в некую несущественную деталь на самой границе, скрывающуюся в тени и мало кого интересующую...

Поздним вечером я вновь спускаюсь на кухню, чтобы сунуть в стиральную машину школьную одежду Анук. На мгновение я прижимаю ее вещи к лицу, словно в них могла задержаться какая-то ее часть, мною утраченная. От ее одежды исходит запах улицы, благовоний из комнаты Зози и сладковатый, солодовый запах пота, похожий на запах печенья. И я на миг чувствую себя женщиной, которая роется в одежде любовника, ища там свидетельства его неверности...

И в кармане ее джинсов я действительно нахожу кое-что. Эту вещь она явно забыла оттуда вынуть. Точно таких же куколок из деревянных крючков от платяных вешалок она мастерила для украшения витрины. Но внимательнее вглядевшись в эту куколку, я начинаю понимать, кого она обозначает; я замечаю символы, изображенные на ней фломастером, и три

рыжих волоска, привязанные к ее талии; а если прищуриться, тогда можно различить даже некое слабое сияние, разливающееся вокруг этой куколки. Это сияние настолько мне знакомо, что в ином случае я бы на него, наверное, и внимания не обратила...

Я подхожу в витрине: в святочном домике к завтрашнему дню уже подготовлена новая сценка. Теперь открыта дверь в столовую, и видно, что все собрались вокруг стола, ожидая, когда же разрежут шоколадный торт. На праздничной скатерти заняли свое место крошечные свечи, крошечные тарелочки и бокалы, и я, всматриваясь все более внимательно, узнаю почти всех присутствующих — Толстяка Нико, Зози, маленькую Алису в огромных ботинках, мадам Пино с ее вечным распятием, мадам Люзерон в черном траурном пальто, Розетт, себя, даже Лорана... и Тьерри; но Тьерри в дом не пригласили, и он стоит в саду под заснеженными деревьями.

И все фигурки излучают то же слабое золотистое сияние...

Такая мелочь, казалось бы...

Но она имеет огромное значение.

В самой игре, разумеется, никакого вреда нет, рассуждаю я про себя. С помощью игры дети постигают мир, делают его понятным и разумным, а всякие выдуманные ими истории, даже самые мрачные, — это всего лишь средства, с помощью которых они учатся жить и мириться с утратами, с жестокостью, со смертью...

Но в той сцене, в том домике воплощено нечто большее. Там стол, за которым сидят родные и друзья, свечи, елка, шоколадное полено — все это внутри дома. А снаружи сцена совсем иная. Глубокий снег в виде сахарной глазури покрывает землю и деревья; озеро с утками замерзло; исчезли сахарные мышки-христославы, певшие рождественские гимны, и длинные, смертельно опасные сосульки — сахарные, но острые, как стекло, — свисают с ветвей деревьев.

Тьерри стоит как раз под этими страшноватыми сосульками, а из соседнего леска за ним с угрозой следит сделанный из темного шоколада снеговик, огромный, как медведь.

Я вгляделась пристальней — нет сомнений, эта деревянная куколка удивительно похожа на Тьерри: его одежда, его волосы, его мобильный телефон, даже выражение лица похоже, подчеркнутое противоречивой морщинкой между бровями и точками, изображающими глаза.

Есть там и еще кое-что. На сахарном снегу концом детского пальчика изображен некий спиралевидный символ. Я такой уже видела раньше в комнате Анук — он был нарисован мелом на грифельной доске, и карандашом в ее блокноте, и сотни раз воспроизведен на полу с помощью

пуговиц и фигурок паззла. И это он теперь сияет там, на снегу, исполненный неоспоримого великолепия...

И я начинаю понимать. Эти знаки, нацарапанные под прилавком. Эти мешочки со снадобьями, повешенные над дверью. И необычайный приток покупателей; и множество друзей, появившихся у нас недавно; и все те перемены, что случились здесь за последние несколько недель. Все это значительно серьезнее, чем детская игра. Это гораздо больше похоже на тайную кампанию по захвату чужой территории, причем до сих пор я даже не подозревала о том, что эта территория — моя территория! — может стать предметом чьих-то притязаний.

Интересно, что за генерал руководит этой кампанией? Неужели мне еще нужно спрашивать?

21 декабря, пятница День зимнего солнцестояния

В последний день перед каникулами в школе всегда настоящее сумасшествие. На уроках уже никто ничего не делает, в лучшем случае ктото сдает «хвосты». Начинаются классные вечера, покупаются пирожные и рождественские открытки; даже те из учителей, что ни разу за весь год никому не улыбнулись, вставляют в уши дешевые рождественские сережки из дутого стекла и напяливают на голову колпак Санта-Клауса, а нас порой даже конфетами угощают.

«Шанталь и компания» по-прежнему держатся от меня на расстоянии. В школу они все вернулись где-то на прошлой неделе, но от их былой популярности не осталось и следа. Возможно, из-за этого стригущего лишая. У Сюзи волосы постепенно отрастают, но она все еще ходит в шапке. Шанталь выглядит, по-моему, вполне нормально, а вот у Даниэль, которая говорила про Розетт всякие гадости, вылезли почти все волосы, да и брови тоже. Вряд ли они догадываются, что это сделала я, но на всякий случай держатся от меня подальше, как овцы от ограды, но которой электрический ток пропущен. И я больше не слышу никаких «Анни водит!». И никаких дурацких шуток. И никаких насмешек над моими волосами или над нашей chocolaterie. И сами они туда больше не заходят. Матильда слышала, как Шанталь говорила Сюзи, что у нее, дескать, от меня «мурашки по коже». Мы с Жаном-Лу ржали как безумные. Надо же, «мурашки по коже»! Вот дура!

Но до Рождества всего три дня, а от Ру по-прежнему ни слуху ни духу. Я всю неделю его искала, но его так никто и не видел. Я сегодня даже снова к нему в гостиницу съездила, но и там он ни разу больше не появлялся, а улица Клиши — не то место, где можно просто так болтаться, особенно когда стемнеет; да и грязно там, на тротуаре того и гляди ступишь в лужу блевотины, а под стальными жалюзи у входов в магазины и кафе дрыхнут

пьянчуги.

Я так надеялась, что уж вчера-то он придет — ведь у Розетт был день рождения! — но он, конечно же, не пришел. Я очень по нему соскучилась! И мне почему-то кажется, что дела у него плохи. Похоже, что-то случилось. Неужели он соврал насчет того, что у него есть какое-то судно? Неужели он действительно подделал тот чек? Неужели он исчез навсегда? Тьерри говорит: «Вот и хорошо, пусть поскорее ноги уносит, коли понимает, что это в его же интересах». Зози считает, что он, вполне возможно, все еще здесь, просто прячется где-то поблизости. А мама вообще ничего не говорит.

Я рассказала обо всем Жану-Лу. И о Ру, и о Розетт, и об этой гнусной истории с чеком. Я призналась, что Ру был самым лучшим моим другом и теперь я очень боюсь, что он исчезнет навсегда, а Жан-Лу поцеловал меня и сказал, что это он — мой самый лучший друг...

Он просто поцеловал меня. Ничего такого. Но я и до сих пор вся дрожу, вся как на иголках, и у меня такое ощущение, будто в животе у меня ворочается треугольник или еще какая-то штуковина с острыми углами, и мне кажется, что, может, действительно...

Ну и дела!

Жан-Лу считает, что мне следует поговорить с мамой и вместе с ней попробовать во всем разобраться. Но мама теперь вечно занята, а иногда за обедом вдруг притихнет и так печально, с таким разочарованием на меня посмотрит, словно я что-то должна была сделать, но не сделала, и я просто не знаю, что сказать, чтобы это исправить...

Возможно, именно поэтому я сегодня и совершила тот промах. Я все думала о Ру, и о празднике, и о том, могу ли я по-прежнему верить его обещанию непременно прийти. Он ведь уже пропустил день рождения Розетт — что очень плохо! — но если он не придет и на Рождество, тогда у нас ничего не получится, весь наш план пойдет насмарку, словно Ру — это какой-то особый, неведомый ингредиент магического рецепта, без которого искомое получить просто невозможно. А если все пойдет неправильно, то повернуть назад будет уже нельзя, хотя вернуть все назад, все опять сделать таким, как прежде, совершенно необходимо, особенно сейчас...

Зози сегодня вечером куда-то нужно было уйти, а мама опять работала допоздна. У нее теперь так много заказов, что она едва с ними справляется; а потому на ужин я сварила целую кастрюлю спагетти и свою порцию унесла наверх, чтобы маме на кухне было посвободней.

В десять я легла спать, но уснуть никак не могла и тихонько спустилась на кухню, чтобы выпить молока. Зози еще не вернулась, а мама

готовила шоколадные трюфели. Все вокруг пропахло шоколадом — мамино платье, ее волосы, даже Розетт, игравшая на полу с кусочком теста и формочками для печенья.

Все это показалось мне таким уютным, таким безопасным, таким знакомым. Хотя следовало бы догадаться, что все это мне только кажется, что я совершаю ошибку. Мама выглядела усталой и какой-то подавленной; она с такой силой месила трюфельную массу, словно собиралась печь хлеб или что-то в этом роде; она едва взглянула на меня, когда я налила себе стакан молока.

— Пей скорее, Анук, — только и сказала она. — Я не хочу, чтобы ты ложилась слишком поздно.

Ну, Розетт-то всего четыре, а ей она разрешает не спать допоздна...

- Сейчас же каникулы, возразила я.
- Вот я и не хочу, чтобы ты заболела.

Розетт потянула меня за штанину пижамы: ей хотелось похвастаться своими формочками для печенья.

— Отличные формочки, Розетт. А теперь, может, печенье испечем? Розетт просияла и знаками показала мне: «Ага, испечем!»

Слава богу, что у меня хоть Розетт есть, думала я. Она всегда такая счастливая, всегда улыбающаяся. В отличие от некоторых. Когда я вырасту, мы будем жить вместе с Розетт; можно, например, жить в плавучем доме на реке, как Ру, есть сосиски прямо из банки, жечь костры на берегу, а может, и Жан-Лу мог бы поселиться где-нибудь поблизости...

Я разожгла духовку и вытащила противень. Печеньица у Розетт получались кривоватыми, но это не важно — испекутся и станут красивыми.

— Мы их будем совать в духовку два раза, как бисквиты, — пояснила я ей. — А потом их можно будет даже на елку повесить.

Розетт засмеялась и от восторга заухала, как сова; она все посматривала на печенья через стекло духовки и жестами подгоняла их: «Пекитесь быстрее!» Это было так смешно, что я расхохоталась, и мне ненадолго стало так хорошо, словно все тучи у меня над головой развеялись и улетели прочь. Но тут заговорила мама, и тучи сразу вернулись.

— Я тут одну твою вещь нашла, — сказала она, по-прежнему вымешивая трюфельную массу.

Интересно, подумала я, что это она такое нашла и где? У меня в комнате или, может, у меня в карманах? Иногда мне кажется, что она за мной шпионит. Я всегда могу сказать, рылся ли кто-то в моих вещах: то

книги лежат не так, как раньше, то бумаги переложены, то игрушки убраны. Не знаю, что она ищет, но тайника моего она пока не обнаружила. Он на самом дне гардероба; там, в коробке из-под обуви я прячу свой дневник, кое-какие рисунки и еще некоторые вещи, которые я никому не хочу показывать.

— Это ведь твое, верно? — И она вытащила из ящика кухонного стола деревянную куколку Ру, которую я забыла в кармане джинсов. — Это ты сделала?

Я кивнула.

— Зачем?

Я промолчала. А что я могла ей ответить? Вряд ли я сумела бы все объяснить, даже если б очень захотела Сделала — чтобы все вернулось на свои места, чтобы Ру снова был с нами, и не только Ру...

— Ты с ним встречалась? — спросила она.

Я не ответила. Она и так это знала.

- Почему же ты мне не сказала, Анук?
- А почему ты не сказала мне, что он отец Розетт?

Мама вдруг словно окаменела. И с трудом выговорила:

- Кто тебе это сказал?
- Никто.
- Зози?

Я помотала головой.

- Тогда кто?
- Я сама догадалась.

Она прислонила ложку к краю миски и села — точнее, очень медленно опустилась на кухонную табуретку. Она так долго сидела, не говоря ни слова, что по кухне разнесся запах подгорающего печенья. Розетт попрежнему играла с формочками для теста, выкладывая из них пирамиду. Формочки пластмассовые, их шесть штук, и все они разного цвета: пурпурная кошка, желтая звезда, красное сердечко, голубая луна, оранжевая обезьянка и зеленый бриллиант. Я в детстве тоже очень любила играть с ними и с удовольствием вырезала шоколадные печенья и имбирные пряники, украшая их потом желтой и белой сахарной глазурью из кондитерского рукава.

— Мам? — наконец не выдержала я. — Ты что?

Она молча подняла на меня глаза, темные-темные.

— Ты сказала ему об этом? — с трудом спросила она.

Я не ответила. Да и зачем? Она и так все прекрасно поняла — хотя бы по цветам моей ауры, точно так же, как и я — по ее цветам. Мне очень

хотелось сказать ей, что вовсе не обязательно было мне лгать, что я уже очень много всего знаю, что теперь и я ей могла бы помочь...

- Ну что ж, теперь, по крайней мере, ясно, почему он ушел.
- Ты думаешь, он ушел навсегда?

Мама только плечами пожала.

— Из-за этого он никогда бы не ушел! — пылко возразила я.

Она только устало улыбнулась и протянула мне ту деревянную куколку: на ней так и сиял символ Ветра Перемен.

- Но, мам, это же просто куколка! сказала я.
- Я считала, что ты мне доверяешь, Нану.

И я увидела, как изменилась ее аура: теперь в ней преобладали печальные серые и тревожные желтые цвета, такими тускло-желтыми бывают старые, завалявшиеся на чердаке газеты, которые давно пора выбросить. И я начала вдруг понимать, о чем мама думает, — во всяком случае, отдельные ее мысли я улавливала, словно перелистывая альбом с фотографиями. Вот мне лет шесть, и я сижу рядом с нею у прилавка с хромированным покрытием, и обе мы сияем, как медные сковороды, и между нами стоит высокий стакан с горячим шоколадом и сливками и две маленькие ложечки, а на стуле лежит открытая книга сказок с картинками. Вот какой-то мой детский рисунок — две кривоватые фигурки, видимо, мы с мамой, и обе мы улыбаемся во весь рот, и рты у нас, как большие куски крупных летних арбузов, а стоим мы под леденцовым чудо-деревцем. А вот я ловлю рыбу прямо с борта плавучего дома Ру. А вот бегу куда-то вместе с Пантуфлем — навстречу чему-то недосягаемому, недостижимому...

И вдруг — что такое? — нас словно накрыла какая-то тень.

Мне стало страшно, когда я увидела, как сильно она напугана. И сразу захотелось довериться ей, сказать, что все хорошо, что еще ничего не потеряно и мы с Зози как раз и пытаемся все вернуть на прежние места...

- Что значит «все вернуть»? вдруг спросила она.
- Ты только не волнуйся, мам. Я знаю, что делаю. На этот раз никаких Случайностей не будет.

Ее аура ярко вспыхнула, но лицо осталось спокойным. Она улыбнулась и сказала, как обычно разговаривает с Розетт, — очень медленно и очень спокойно:

— Послушай, Нану. Это очень важно. Мне нужно, чтобы ты мне все рассказала.

Я колебалась. Я же обещала Зози...

— Доверься мне, Анук. Мне необходимо все знать.

И я попыталась растолковать ей Систему Зози; а потом рассказала все,

что знаю, — о цветах ауры, об именах, об этих мексиканских символах, о Ветре Перемен, о наших уроках в комнате Зози, о том, как я помогла Матильде и Клоду, и о том, как мы помогали нашему магазину вырваться из нищеты, и о Ру, и о деревянных куколках, и о том, что, по словам Зози, никаких Случайностей не бывает, а есть две разные категории людей: обыкновенные люди и такие, как мы...

- Ты говорила, что это не настоящая магия, продолжала я, а Зози считает, что мы должны пользоваться тем, что нам даровано. И нельзя просто притворяться, что мы такие же, как все. И нельзя скрывать свой дар, нельзя прятаться....
 - Порой это единственно возможный способ выжить.
 - Нет, порой просто нужно дать сдачи.
 - Дать сдачи? переспросила она.

И тогда я рассказала ей, что сотворила в школе. А потом — как Зози советовала мне «оседлать ветер», как она учила меня, что ветер следует использовать, а не бояться его. И наконец я рассказала ей, как мы с Розетт вызвали Ветер Перемен, чтобы Ру вернулся к нам и мы стали единой семьей...

Она как-то странно вздрогнула, словно обожглась.

— А как же Тьерри? — спросила она.

Ну, ему пришлось уйти. И она, разумеется, это заметила.

— Ничего плохого ведь не случилось, правда?

Но, сказав это, я подумала...

А что, если все-таки случилось? Что, если Ру действительно подделал этот чек? Что, если это и было той Случайностью? Что, если именно это мама имеет в виду, говоря, что за все нужно платить, что любое, даже магическое, действие всегда имеет равное по силе противодействие — примерно то же самое рассказывал нам на уроке физики месье Жестен...

Мама отвернулась к кухонной плите и спросила:

— Я тут шоколад сварила. Хочешь?

Я покачала головой.

Она все-таки приготовила шоколад — с горячим молоком, мускатным орехом, ванилью и кардамоном. Было уже довольно поздно — почти одиннадцать, и Розетт чуть не уснула прямо на полу.

И на мгновение мне почудилось, что все хорошо. И я была так рада, что все прояснилось, потому что я ненавижу что-то скрывать от мамы, и я подумала, что, возможно, теперь, когда она знает правду, она больше не будет бояться, и снова сможет стать Вианн Роше, и сделает так, чтобы ничего плохого больше ни с кем не случалось...

Она повернулась ко мне, и я поняла, что совершила ошибку.

— Нану, отведи, пожалуйста, Розетт спать. А завтра мы во всем разберемся.

Я посмотрела на нее.

— И ты не сердишься? — удивленно спросила я.

Она покачала головой, но я поняла: нет, все-таки сердится. Лицо у нее было очень бледным и каким-то застывшим, и я видела, что в ее ауре преобладают сердитые красные и ярко-оранжевые тона, а серые и черные зигзаги означают, что душа ее охвачена паникой.

— Зози в этом совсем не виновата, — сказала я.

Но, судя по маминому лицу, она была с этим не согласна.

- Ты ведь не скажешь ей?
- Ложись-ка спать, Ну.

И я легла спать, но долго-долго лежала без сна, прислушиваясь к завываниям ветра, к стуку дождя по крыше, глядя на тучи, быстро бегущие по небу, и белые рождественские огни за окном, словно прижатые ветром к мокрому стеклу, так что невозможно было определить, настоящие звезды заглядывают ко мне или фальшивые.

21 декабря, пятница

Я давно уже не гадала и не заглядывала в магический кристалл. Так, случайный промельк, искра, подобная статическому разряду от руки незнакомца, — но специально я ничего не предпринимала. Я и так вижу, что каждый любит больше всего. И довольно с меня. Их тайны мне совсем не интересны.

Но сегодня все же необходимо попробовать снова раскинуть карты. Отчета Анук, хотя, может, и неполного, мне оказалось вполне достаточно, чтобы наконец понять. Мне еще удавалось сохранять относительное спокойствие, пока она не ушла к себе, делать вид, что я полностью владею собой. Но теперь-то я отлично слышу, как завывает декабрьский ветер, как стучатся в мою дверь Благочестивые...

Карты Таро ничего мне не дали. Они упорно показывают одно и то же, постоянно выпадают одни и те же карты, просто иногда в другом порядке, сколько бы я их ни мешала.

Шут. Влюбленные. Маг. Перемена.

Смерть. Повешенный. Башня.

Ладно, на этот раз попробуем воспользоваться шоколадом, так я не гадала уже очень давно. Но сегодня вечером мне особенно необходимо хоть чем-то занять руки, а готовить трюфели настолько просто, что я могу заниматься этим вслепую, на ощупь, ориентируясь лишь по запаху и звукам, которые сопровождают процесс размягчения глазури.

Это ведь тоже до некоторой степени магия, знаете ли. Хотя моя мать подобные занятия презирала — называла их тривиальными, пустой тратой времени; но это именно моя магия, и мои способы приготовления шоколада всегда давали лучший результат, чем ее. Разумеется, всякие магические действия имеют свои последствия, но, по-моему, мы и без того зашли слишком далеко, так что в данном случае нечего и думать о последствиях. Я была не права, когда пыталась лгать Анук, — и еще более не права, когда

пыталась лгать самой себе.

Я работаю очень медленно, глаза полузакрыты. Я чувствую запах горячей меди; вода кипит, издавая какой-то металлический запах вечности. Эти кастрюльки и сковородки всегда были со мной; я помню не только их форму, но и каждую зарубку, каждую щербинку на них, оставленную временем, а кое-где на темной патине виднеются более светлые пятна — в тех местах, где их краев чаще всего касаются мои пальцы.

Все предметы вокруг меня, похоже, приобрели некую четкую определенность. А душа моя совершенно свободна; и ветер совсем разгулялся; и луна — луна зимнего солнцестояния — почти полная, до полнолуния всего несколько дней, она плывет меж облаков, точно бакен по бурному морю.

Поверхность воды уже дрожит, но закипеть вода не должна. Я растираю в небольшой керамической миске плитку глазури. И почти сразу меня окутывает знакомый аромат — темный, богатый, густой аромат горького шоколада. При такой концентрации он тает медленно, в таком шоколаде очень низкое содержание жиров, так что придется добавить в смесь масло и сливки, чтобы получилась нужная для трюфелей консистенция. Теперь от шоколадной массы исходит запах прошлого: она пахнет горами и лесами Южной Америки, срубленными деревьямивеликанами, опилками и дымом лесных костров. Она пахнет благовониями и пачулями, черным золотом майя и красным золотом ацтеков, камнями, пылью и юной девушкой с цветами в волосах и чашей хмельной пульке в руках.

Этот запах необычайно возбуждает; подтаивая, шоколад становится блестящим, над медной сковородой поднимается пар, и аромат становится еще насыщенней, словно расцветает: теперь в нем чувствуются и корица, и ямайский душистый перец, и мускатный орех; чуть мрачноватые нотки в него добавляют анис и кофе, а более светлые — ваниль и имбирь. Теперь шоколад почти весь растаял. Над сковородой вьется едва заметный парок. Теперь это настоящий Theobroma, эликсир богов, в своем, так сказать, газообразном состоянии, и в этих испарениях я уже почти вижу...

Юную девушку, танцующую с луной. Кролика, следующего за ней по пятам. И какую-то женщину у нее за спиной; голова женщины скрывается в тени, и на мгновение мне кажется, что у нее одновременно три различных женских лика...

Но пар становится слишком густым. Температура шоколада не должна быть выше сорока шести градусов. Нагреешь слишком сильно, и он «сгорит», будет неровным, с потеками и прослойками. А при слишком

низкой температуре он «зацветет», весь покроется беловатыми пятнами, да и вкус практически утратит. У меня такой большой опыт, что мне совершенно не требуется термометр для сахара: я все определяю по запаху и по количеству пара. Опасная черта близка, так что лучше снимем медную сковороду с плиты, а керамическую плошку с шоколадом поместим в холодную воду, чтобы немного понизить температуру шоколадной массы.

Остывая, она испускает какой-то цветочный дух, похожий на запах фиалок и лавандовой papier poudré^[52]. Это запах бабушки — если бы у меня была бабушка — и старинных свадебных платьев, тщательно упакованных в коробку и хранимых на чердаке; а еще так пахнут сухие букеты под стеклом. Я теперь уже почти вижу стекло, точнее, круглый стеклянный колпак, и под ним — куклу с черными волосами и в красном пальто, отделанном мехом, и эта кукла странным образом похожа на когото очень хорошо мне знакомого...

Какая-то женщина с утомленным лицом и тоской во взоре просто глаз с куклы не сводит. И мне кажется, что и женщину эту я тоже раньше где-то видела. А у нее за спиной стоит вторая женщина, но голова ее скрыта стеклянным колпаком. По-моему, я и ее знаю, но не могу проверить, потому что лицо сквозь стеклянный колпак кажется искаженным, так что она может оказаться практически кем угодно...

Вернем плошку с шоколадом в нагретую почти до кипения воду. Теперь температуру массы нужно довести до тридцати одного градуса. Мне предоставляется последняя возможность разобраться в том, что я видела, и руки у меня дрожат от волнения, когда я заглядываю в глубины растопленной глазури. Теперь от нее пахнет моими детьми: Розетт с ее именинным пирогом и Анук, шестилетней, сидящей рядом со мной в магазине, без умолку болтающей, смеющейся, строящей планы — но какие?

Это праздник. Большой праздник шоколада — с шоколадными пасхальными яйцами, с шоколадными наседками, с Папой Римским, сделанным из белого шоколада...

Какие чудесные воспоминания! В тот год нам удалось запугать Черного Человека и одержать победу — и мы наконец-то прокатились верхом на ветре, хоть и недолго...

Но сейчас не время предаваться ностальгии. Разгоним рукой парок над темной поверхностью шоколада и попытаемся снова.

И теперь мы в «Шоколаде Роше». Стол накрыт, за ним собрались все наши друзья. Но это какой-то другой праздник — я вижу за столом Ру, улыбающегося, смеющегося, с венком из падуба на рыжих волосах, он

обнимает Розетт, пьет из бокала шампанское...

Нет, это, разумеется, всего лишь мечты, попытка выдать желаемое за действительность. Мы часто видим то, что хотим увидеть. Но я потрясена настолько, что чуть не плачу...

И снова я разгоняю пар над шоколадной массой.

Снова какой-то праздник, но совершенно иной. Грохот взрывающихся шутих, музыка, толпы людей в карнавальных костюмах, изображающих скелеты, — да это же День мертвых! Дети танцуют на улицах, повсюду горят бумажные фонарики с нарисованными на них страшными мордами демонов, все лакомятся сахарными черепами на палочках, и трехликая Santa Muerte, Святая Смерть, торжественно проходит по улицам, и три пары ее глаз смотрят одновременно в три разные стороны...

Но какое это имеет отношение ко мне? Мы с матерью никогда не забирались так далеко, хотя повидать Южную Америку она страстно мечтала. Мы с ней даже до Флориды и то не добрались...

Я машу рукой, разгоняя пар. И вижу ее. Девочку лет восьми или девяти с серыми мышиными волосенками, за руку с матерью пробирающуюся сквозь густую толпу. Я чувствую: они обе не такие, как все; об этом свидетельствуют их кожа, их волосы... Они озираются в какомто растерянном изумлении, они восхищены этими танцорами, этими демонами, этими ярко раскрашенными пиньятами на длинных тонких шестах с привязанными к ним шутихами...

И снова я провожу рукой над поверхностью шоколада. Крошечные струйки пара все еще поднимаются над ним, и теперь я чую запах пороха, опасный запах, запах дыма, огня и неукротимого буйства...

И снова вижу ту девочку — она играет с детьми в переулке на задах небольшого магазина с зашторенными окнами. В дверном проеме висит пиньята, загадочная, полосатая, как тигровая шкура, выкрашенная красным, желтым и черным. Все орут: «Стукни по ней как следует! Разбей ее!» — и осыпают несчастную пиньяту градом палок и камней. Но та маленькая девочка отчего-то держится поодаль. Ей кажется, что там, в магазине, есть что-то куда более привлекательное.

Кто же она такая? Я совсем не знаю ее. Но мне отчего-то хочется последовать за ней и тоже войти внутрь. В дверном проеме висит занавеска, сделанная из длинных тонких полосок разноцветного пластика. Девочка протягивает руку — тонкий серебряный браслет обвивает ее запястье — и оглядывается назад, туда, где дети все еще пытаются разбить тигровую пиньяту, и, наклонившись, быстро ныряет за занавеску, внутрь магазина.

— Разве тебе не нравится моя пиньята?

Этот голос раздается из угла магазина. И принадлежит какой-то старухе, бабушке или, скорее, прабабушке этой девочки — она такая старая, что ей можно дать лет сто, а то и тысячу. Она похожа на ведьму из книги сказок — сплошные морщины, но глаза и руки очень цепкие. В одной руке у нее чашка, из которой исходит странный аромат, пьянящий, возбуждающий, и этот аромат добирается до ноздрей девочки.

А вокруг на полках сплошные бутылки, кувшинчики, горшки и сухие тыквы-горлянки; с потолочных балок свисают сушеные корешки, от которых пахнет подвалом; и повсюду зажженные свечи, их пламя колышется, и тени на стенах танцуют и словно ухмыляются.

С верхней полки на нас смотрит череп.

Девочка сперва принимает его за сахарный, таких во время карнавала полно повсюду, но чуть погодя она уже не так в этом уверена. А на прилавке перед нею стоит какой-то предмет фута в три длиной и больше всего напоминающий гробик для младенца.

Сделан он, похоже, из папье-маше и весь выкрашен тусклой черной краской, если не считать красного знака на крышке, отчасти похожего на крест.

«Так это, наверное, тоже что-то вроде пиньяты?» — догадывается девочка.

А прабабка с улыбкой протягивает ей нож. Старинный и, по-моему, довольно тупой; выглядит он так, словно сделан из камня. Девочка с любопытством глядит на нож, потом на старуху, потом на ее странную пиньяту.

— Ну, открывай! — требовательно говорит ей прабабка. — Открывай же. Там все только для тебя одной.

Запах шоколада усиливается. Масса теперь почти достигла нужной температуры; тридцать один градус — это предел, выше уже нельзя. Пар снова густеет, видение расплывается, я быстро отставляю миску с шоколадом подальше от плиты и пытаюсь восстановить в памяти только что увиденное...

«Открывай».

От невиданной пиньяты тянет запахом вечности. Но изнутри что-то взывает к девочке, и это даже не голос, а чья-то безмолвная мольба или обещание...

«Там все только для тебя одной».

А что это — «все»?

Первый удар. Пиньята отвечает глухим эхом, точно запертая дверь

склепа, точно пустая бочка, точно нечто куда больших размеров, чем этот черный ящичек.

Второй удар. Появляется трещина, причем во всю длину пиньяты. Девочка улыбается: она уже разглядела в щелку, что внутри целая куча всяких сластей в блестящих обертках, разные безделушки, шоколадки...

Ты почти у цели. Ну, еще один удар...

И тут появляется мать девочки; отдернув в сторону пластиковую занавеску, она заглядывает внутрь, и глаза ее расширяются от ужаса. Она выкрикивает чье-то имя. Голос у нее пронзительный. Но девочка даже глаз на нее не поднимает, полностью поглощенная своим занятием; осталось сделать еще только один удар, и черная пиньята раскроет все свои тайны...

Мать снова окликает ее. Увы, слишком поздно. Девочка очень занята. Бабка жадно наклоняется вперед, словно пробуя на вкус то, что должно вот-вот появиться, — ей, похоже, представляется, что вкус этот такой же насыщенный и богатый, как вкус крови или шоколада.

Каменный нож с глухим звуком падает. Трещина расширяется.

И девочка думает: «Вот я и узнала, что у нее внутри».

Пар над глазурью больше не поднимается. Шоколад получится что надо — блестящий, приятно похрустывающий. И теперь я поняла, где видела ее раньше, ту маленькую девочку с ножом в руке...

Наверное, я знала ее всю жизнь. Мы с матерью много лет пытались убежать от нее, скитаясь по городам и весям, точно цыгане. А еще раньше она встречалась нам в волшебных сказках: в виде злой ведьмы из пряничного домика, или крысолова из города Гаммельна, или Снежной Королевы. Некоторое время мы считали, что она — это Черный Человек, но у Благочестивых слишком много разных обличий, а их христианская доброта и благочестие распространяются, как пожар; они наигрывают свою мелодию, без конца повторяя одно и то же, завораживая, обманом уводя нас из родного Гаммельна, заставляя нас вместе со всеми нашими бедами сломя голову мчаться вдогонку за теми соблазнительными красными туфельками...

И наконец я вижу ее лицо. Ее истинное лицо, скрытое под вечной маской чар и всевозможных ухищрений, переменчивое, как луна, и такое голодное — голодное! — когда она входит в дверь в своих туфлях на высоченных каблуках, останавливается на пороге и смотрит на меня, сияя улыбкой...

21 декабря, пятница

Она уже ждала меня, когда я вошла. Не могу сказать, что я была так уж удивлена. Я вот уже несколько дней ожидала с ее стороны какой-то реакции, и, по-моему, эта реакция даже немного запоздала.

Пришло время расставить все точки над Слишком уж долго я играла роль домашней кошечки — пора показать и звериный оскал; пора встретиться с противницей лицом к лицу, причем на ее собственной территории.

Я нашла ее на кухне — сидит, завернувшись в шаль, и перед ней чашка шоколада, который давным-давно остыл. Было уже за полночь; дождь все еще шел, и в воздухе чувствовался слабый запах гари.

- Привет, Вианн.
- Привет, Зози.

Она смотрит на меня.

И я понимаю: я опять своего добилась!

Если бы у меня хоть раз и возникли сожаления по поводу украденных жизней, то лишь потому, что я многое делала втайне и мои противники не могли понять и оценить поэзию собственной гибели.

Моя мать, особа не слишком одаренная, возможно, раза два и подошла к догадке почти вплотную, но вряд ли она когда-либо по-настоящему верила в подобную возможность. Несмотря на интерес к оккультизму, она не отличалась ни особым воображением, ни особой изобретательностью, предпочитая какие-то бессмысленные ритуалы вещам, куда более свойственным человеческой натуре.

Даже Франсуаза Лавери, которая, имея вполне пристойное происхождение и будучи человеком высокообразованным, должна была все же хоть под конец что-то понять, увидеть что-то хоть краешком глаза, даже

она оказалась неспособна уловить элегантность всего процесса, того, сколь тщательно была переделана и переоформлена ее жизнь...

Она всегда была недостаточно стойкой. Как и моя мать. Типичная серая мышка — естественная добыча для таких хищниц, как я. Она преподавала классическую историю и жила в квартирке рядом с площадью Сорбонны. Она чрезвычайно привязалась ко мне (как и многие другие, впрочем); мы подружились сразу, едва познакомившись (не совсем, разумеется, случайно) во время лекции в Католическом институте.

Тридцать лет, несколько полновата для своего возраста, склонна к депрессиям, друзей в Париже нет, к тому же недавно порвала со своим дружком и искала подходящую компаньонку, чтобы вместе снять квартиру где-нибудь в центре.

Вариант идеальный — я получила работу и под именем Мерседес Демуан стала ее защитницей и задушевной подругой. Я разделяла ее увлечение Сильвией Плат^[53]. Я вместе с ней подтрунивала над мужской глупостью и с большим интересом обсуждала ее весьма скучную диссертацию, посвященную роли женщин в дохристианском мистицизме. В конце концов, уж в мистицизме-то я разбираюсь лучше всего. И малопомалу я узнала все ее тайны и стала всячески подпитывать в ней меланхолические тенденции, а когда пришло время, просто отняла у нее жизнь.

Но это, разумеется, был отнюдь не поединок. Таких девиц, как она, в Париже полмиллиона: молочно-белые лица, мышиного цвета волосы, аккуратный почерк и полное неумение одеваться; разочарования свои они обычно скрывают под флером этакой академичности и здравомыслия. Можно даже сказать, что я оказала ей весьма большую услугу, а когда она была совершенно готова, я помогла ей безболезненно уйти, подсунув нужную дозу кое-чего.

После этого осталось лишь подвязать некоторые концы — предсмертная записка самоубийцы, опознание трупа, кремация и тому подобное. И я наконец обрела возможность выбросить Мерседес за ненадобностью в помойку, собрать то, что еще осталось от Франсуазы: банковские реквизиты, паспорт, свидетельство о рождении, а потом увезти ее в одно из тех путешествий, о которых она всегда мечтала, но так и не совершила, даже билетов ни разу не заказала. А тем временем кое-кто из соседей, возможно, и ломал голову над тем, как эта женщина сумела исчезнуть настолько быстро и бесследно, что после нее буквально ничего не осталось — ни семьи, ни документов, ни даже могилы.

Впрочем, через некоторое время ей предстояло вновь объявиться в

качестве преподавательницы английского языка в лицее Руссо. К этому времени, разумеется, о ней уже практически все позабыли, имя ее затерялось в груде разнообразных отчетов и документов. На самом деле людям ведь по большей части все равно. Жизнь с такой скоростью мчится вперед, что о мертвых проще поскорее позабыть.

Под конец я все же попробовала заставить ее кое-что понять. Болиголов — очень полезное средство, и найти его нетрудно — летом, конечно; и он делает жертву такой покорной, такой управляемой. Паралич наступает буквально в течение нескольких минут, и после этого все просто отлично, и полно времени для споров и обмена мнениями — или, точнее, взглядами, поскольку Франсуаза в данном случае говорить, видимо, оказалась неспособна.

Честно говоря, меня это немного разочаровало. Я уже предвкушала ее реакцию после того, как скажу ей; хотя, конечно, особого одобрения и не ожидала, но все же надеялась услышать что-то интересное от человека столь высокого интеллектуального уровня.

Но получила я, увы, не много: недоверчиво разинутый рот, застывший взгляд — она и в лучшие-то времена особой привлекательностью не отличалась. В общем, если бы я была человеком впечатлительным, ее лицо вполне могло бы еще долго являться мне во сне; а потом я услышала, как она давится, пытаясь превозмочь удушье, вызванное тем же зельем, что некогда погубило и Сократа [54].

Отличное средство, думала я. Но пожалуй, зря потраченное на бедняжку Франсуазу, в которой, к сожалению, жажда жизни открылась всего за несколько минут до смерти. И я опять была разочарована. В очередной раз это получилось у меня слишком легко. Франсуаза никак не могла быть мне соперницей. Серебряная мышка на моем браслете — вот и все, что от нее осталось. Мышка — естественная жертва для таких, как я.

А потому вернемся к Вианн Роше.

Теперь у меня есть достойный противник — настоящая ведьма, никак не меньше, и весьма могущественная, несмотря на все ее дурацкие угрызения совести и постоянное чувство вины. Возможно, это единственный достойный противник из всех, кто до сих пор встречался на моем пути. Вот она стоит и ждет меня, в глазах спокойное понимание, и я не сомневаюсь, что она — наконец-то! — видит меня насквозь, видит все цвета моей ауры, и эти первые мгновения глубоко интимного знакомства поистине прекрасны...

- Привет, Вианн.
- Привет, Зози.

Я присаживаюсь за стол напротив нее. Ей, похоже, холодно — кутается в свой бесформенный темный свитер; побелевшие губы поджаты, сдерживая невысказанные слова. Я улыбаюсь ей, и цвета ауры Вианн так и вспыхивают — как ни странно, я и теперь испытываю искреннюю привязанность к ней, хотя клинки уже обнажены.

А за окнами с воем проносится в небесной вышине ветер. Это ветерубийца, несущий снег. Те, кому пришлось ночевать на пороге у закрытых дверей, сегодня умрут. Собаки будут выть, двери — с грохотом захлопываться. А юные любовники, глядя друг другу в глаза, впервые безмолвно подвергнут сомнению данные ими клятвы. Вечность — это так долго; и сейчас, когда близится конец года, Смерть кажется вдруг очень близкой.

И разве не об этом свидетельствует все вокруг? Эти праздничные зимние огни — точно легкая попытка выразить Смерти свое презрение, точно вызов тьме. Назовите это Рождеством, если угодно, но мы-то с вами знаем, что этот праздник гораздо древнее. И вся эта елочная мишура, и пение рождественских гимнов, и радостные вести, и поздравления, и подарки — все это лишь для того, чтобы скрыть мрачную истину, спрятанную глубоко внутри каждого.

Это время самых тяжких утрат; время принесения в жертву невинных; время страха, тьмы, бесплодия и смерти. Ацтеки понимали, как, впрочем, и майя, что их боги стремились отнюдь не к спасению мира, а скорее к его разрушению и ненадолго умилостивить их можно было лишь с помощью кровавых жертвоприношений...

Мы сидим и молчим, точно старые подруги. Я перебираю амулеты на своем браслете, она уставилась в чашку с шоколадом. Наконец она поднимает глаза.

— Ну, рассказывай, Зози, чем ты тут занимаешься?

Не слишком оригинально — впрочем, это же только начало.

Я отвечаю с улыбкой:

- Видишь ли... я коллекционер.
- Значит, ты так это называешь?
- Надо же как-то это называть.
- И что же ты коллекционируешь?
- Невыплаченные долги. Невыполненные обещания.

Она вздрагивает при этих словах — как я и предполагала.

- И что я должна тебе?
- Давай разберемся, снова улыбаюсь я. Ты задолжала мне за ту

бесконечную работу, которую я для тебя сделала: за наведение чар, за различные магические трюки, за постоянно оказываемую тебе защиту, за превращение соломы в золото и отвращение всяких бед, за то, что я с помощью дудочки увела из Гаммельна всех крыс, — в общем, за то, что я вернула тебе твою жизнь... — Я видела, что она собралась протестовать, но не дала ей сказать ни слова. — И по-моему, мы с тобой договорились, что ты отплатишь мне тем же.

— Тем же? Я тебя не понимаю.

На самом деле она меня прекрасно поняла. Все это давным-давно известно, тем более ей. Она отлично знает: цена самого заветного твоего желания — это твоя душа. Жизнь за жизнь. И тогда мир пребывает в равновесии. А если растянешь резиновую ленту слишком сильно, то она в итоге лопнет и больно щелкнет тебя же по физиономии.

Можете назвать это законом кармы, или физики, или теорией хаоса, но без этого сместятся полюса планеты, закачается земля под ногами, птицы станут падать с небес, вода морская обратится в кровь, и не успеешь ты и глазом моргнуть, как наступит конец света.

Знаете, я имела полное право взять ее жизнь. Но сегодня мне захотелось быть великодушной. У Вианн Роше две жизни — мне же нужна только одна. Но жизни взаимозаменяемы; в этом мире личности, то есть совокупности неких свойств, можно передавать из рук в руки, точно игральные карты, их можно перетасовать и снова раздать игрокам — и так до бесконечности. А больше я ни о чем и не прошу. Дай мне руку, Вианн. Ведь ты кое-что задолжала мне. Ты сама так сказала.

— Ну и каково же твое настоящее имя? — спросила Вианн Роше. Мое настоящее имя?

Черт, это было так давно, что я почти его позабыла. Да и что в нем такого особенного? Носишь его, как пальто. Надоело — можно перелицевать, или сжечь, или забросить и украсть другое. Имя вообще значения не имеет. Значение имеют только долги. И я требую немедленно вернуть мне этот долг. Прямо здесь, прямо сейчас.

Остается лишь одно крошечное препятствие. Оно называется Франсуаза Лавери. Видимо, из-за того, что я где-то, должно быть, ошиблась в расчетах, что-то пропустила при подчистке данных, этот призрак не желает оставить меня в покое. Франсуаза каждую неделю появляется в газетах — к счастью, хоть не на первой полосе, но все же я с удовольствием обошлась бы и без такой публичности; а на этой неделе в моем спектакле предполагается игра без правил, а также просто обман. По всему городу на досках объявлений и на фонарных столбах расклеены постеры с лицом

Франсуазы. Разумеется, сейчас я совершенно на нее не похожа. Однако сопоставление фотографий, сделанных в банке, с имеющимися у полиции данными все же может подвести преследователей слишком близко ко мне, и тогда им достаточно будет какой-нибудь случайной догадки, и вся заваренная мною каша распадется на составляющие элементы, а от моих тщательно выверенных хитроумных планов не останется и следа.

Мне необходимо исчезнуть, причем очень скоро, и (вот тут-то и вступаешь в игру ты, Вианн) наилучший способ — это навсегда покинуть Париж.

В том-то и суть проблемы. Видишь ли, Вианн, мне здесь нравится. Я никогда и представить себе не могла, что могу получить столько удовольствия — и столько выгоды — от какой-то простенькой шоколадной лавчонки. Но мне нравится, какой она теперь стала, и я вижу ее потенциальные возможности, которых ты, кстати, никогда не видела.

Ты воспринимала эту chocolaterie как некое убежище. А я воспринимаю ее как «око бури» — то тихое место в самой сердцевине урагана, где совершенно безопасно, откуда мы могли бы управлять даже Хураканом, давая выход его разрушительным силам, формируя жизни, обладая всей полнотой власти, а это, собственно, и есть конечная цель нашей игры, если как следует задуматься; кроме того, это, разумеется, дает возможность делать деньги, что всегда неплохо в современном корыстном мире...

Когда я говорю «мы»...

То, разумеется, имею в виду себя.

- Но при чем здесь Анук? Голос ее звучал жестко. Зачем втягивать в это мою дочь?
 - Она мне нравится, ответила я.

Она презрительно на меня глянула.

- Нравится? Да ты ее просто использовала! Совратила. Заставила ее считать тебя своим другом...
 - По крайней мере, я всегда была с ней честна.
 - А я не была? Я же ее мать... вырвалось у нее.
- Ты сама выбираешь себе семью. Я улыбнулась. И смотри, как бы она не выбрала меня.

Вианн задумалась. С виду она казалась достаточно спокойной, но я видела, как бурлят цвета ее ауры, отражая охватившие душу отчаяние, смущение и... было там и еще какое-то чувство, а может, понимание чегото, и это мне не особенно нравилось...

Наконец она снова заговорила:

- Я могла бы попросить тебя немедленно съехать.
- Я усмехнулась.
- А ты попробуй! Или позови полицию, а еще лучше кого-нибудь из органов опеки. Не сомневаюсь, они с радостью предложат тебе любую поддержку. У них, возможно, сохранилась информация о тебе, полученная из Рена или это было в Ле-Лавёз?

Она резко оборвала меня:

— Чего ты добиваешься?

Я сказала ей ровно столько, сколько было необходимо. Времени у меня в обрез, но этого она знать никак не может. Как не может знать и о бедняжке Франсуазе, которой суждено вскоре вновь объявиться, но уже в ином обличье. С другой стороны, она понимает: теперь я — ее враг. Ах, какими ясными, холодными и настороженными были ее глаза; как презрительно (хотя, пожалуй, все же чуточку истерично) она усмехнулась, когда я предъявила ей свой ультиматум!

- Ты хочешь сказать, что уйти должна я? переспросила она.
- Ну посуди сама, разумно заметила я, разве Монмартр так уж велик, чтобы там хватило места двум ведьмам?

Она рассмеялась — точно осколки стекла рассыпались. А ветер снаружи все причитал, все пел свои мрачные песни.

- Если ты думаешь, что я собираюсь немедленно собрать чемодан и сбежать только потому, что ты кое-что разнюхала, у меня за спиной копаясь в моем прошлом, то придется тебя разочаровать: ты не первая предприняла подобную попытку. Например, тот священник...
 - Я знаю, быстро сказала я.
 - И что?

Ого, неплохо! Мне нравится этот откровенный вызов. Как раз на это я и надеялась. Тех, кто так похож на тебя, и завоевать легче. В свое время немало подобных личностей оказалось в моей власти. Но возможность поединка с другой ведьмой, причем на ее территории (мало того, у нее дома!), да еще когда она, получив от меня вызов, имеет право первой выбирать оружие, когда я реально могу отнять у нее жизнь, могу подвесить к своему браслету новый амулет рядом с тем черным гробиком и серебряными туфельками... Нет, это нечто особенное...

«Часто ли тебе выпадала такая возможность? — сказала я себе. — Ее нельзя упустить».

Ладно, я дам себе три дня и ни минутой больше. Три дня, чтобы одержать победу или проиграть. А потом — прощайте, спокойной вам ночи, а я улетаю отсюда к новым роскошным пастбищам, покрытым сочной

молодой травой. В конце концов, я же свободный дух. Лечу туда, куда несет меня ветер. А там — огромный мир, полный возможностей. Не сомневаюсь, что сумею найти занятие, достойное моих умений.

А пока...

- Послушай, Вианн. Даю тебе три дня. И сразу же после праздника, собрав вещички и взяв с собой, что сможешь, убирайся. Я не стану тебе препятствовать. Но если ты останешься я за последствия не отвечаю.
- Это с какой же стати мне собирать вещички? Да и что ты, собственно, можешь мне сделать? насмешливо спросила она.
- Я могу отобрать у тебя все постепенно, одно за другим. Твою жизнь, твоих друзей, твоих детей...

Она замерла. Ну да, конечно. Вот она, главная ее слабость. Дети... и особенно наша маленькая Анук, уже сейчас необычайно талантливая...

— Я никуда не поеду, — быстро сказала она.

Хорошо. Я так и знала, что ты это скажешь. Никто не имеет права просто так лезть в чужую жизнь. Даже серенькая мышка Франсуаза под конец пыталась сопротивляться, а уж от тебя я ожидаю значительно большего. Итак, у тебя есть три дня, чтобы укрепить свои позиции. Три дня, чтобы усмирить Хуракана Три дня, чтобы стать Вианн Роше.

Если, конечно, я не стану ею раньше тебя...

22 декабря, суббота

«Сразу же после праздника...» Что она хотела этим сказать? Конечно же, теперь ни о каком празднике и речи быть не может — когда над нами нависла столь странная угроза. Это было первое, о чем я подумала, когда Зози ушла спать, а я осталась сидеть в замерзающей кухне и обдумывать план защиты.

Инстинкт подсказывает мне, что надо немедленно вышвырнуть ее вон. Я знаю, что смогла бы это сделать; но стоит мне представить, какое впечатление это произведет на моих покупателей — не говоря уж об Анук, — и я понимаю: поступить так практически невозможно.

А что касается праздника... Я, конечно, отдаю себе отчет, что за последние две недели этот праздник приобрел для всех куда большее значение, чем думалось поначалу. Для Анук это празднование нашего семейного единства, выражение надежды (возможно, впрочем, все мы разделяем одну и ту же фантастическую надежду) на то, что Ру еще вернется к нам и тогда все чудесным образом станет как прежде...

Ну а для наших покупателей... нет, для наших друзей?

Очень многие из них в последние дни принимают в подготовке к празднику живейшее участие — приносят продукты, вино, украшения для святочного домика, даже елку нам подарил хозяин того цветочного магазина, где работает маленькая Алиса; шампанское доставила мадам Люзерон; бокалы и посуду притащил из своего ресторана Нико; Жан-Луи и Пополь принесли отличное мясо, за которое, как я подозреваю, расплатились лестными комплиментами и портретом жены мясника.

Даже Лоран принес «кое-что» (в основном, правда, кусочки украденного сахара-рафинада), и это так приятно — снова чувствовать себя членом некоего сообщества, его частью — частью чего-то большего, чем крохотный бивуачный костерок, который мы разжигаем только для себя. Я всегда считала Монмартр местом чужим и холодным, а его обитателей —

презрительными и самоуверенными снобами с их преувеличенной любовью к Vieux Paris^[55] и полным недоверием к чужакам. Но теперь-то я вижу, что эти булыжные мостовые скрывают живую душу. Уж этому-то, по крайней мере, Зози меня научила. Да, Зози, которая играет мою роль ничуть не хуже, чем когда-то ее играла я сама.

Есть одна история, которую мне рассказывала мать. Собственно, все подобные истории — о ней самой, но это я поняла слишком поздно, когда сомнения, терзавшие меня все те долгие месяцы, пока она шла навстречу смерти, стали настолько сильны, что я уже не могла их игнорировать и отправилась на поиски Сильвиан Кайю.

И обнаружила то, что полностью подтвердило слова матери, сказанные ею в предсмертном бреду. «Ты сама выбираешь себе семью», — так она всегда утверждала, и она действительно сама однажды выбрала меня — мне было полтора года, и я отчего-то предназначалась именно ей, словно посылка, которую случайно вручили не тому адресату и которую она с полным правом вернула себе.

«Она бы никогда так нежно тебя не любила, говорила она. Она была слишком беспечной. Она сама тебя отпустила».

Но чувство вины преследовало ее в любой стране, на любом континенте, и это чувство в итоге превратилось в страх. Вот в чем заключалась истинная слабость моей матери — в этом страхе, он заставлял ее всю жизнь спасаться бегством. Она боялась, что кто-то отнимет меня у нее. Боялась, что однажды я узнаю правду. Боялась того, что много лет назад совершила страшную ошибку, обманом лишив незнакомую женщину всей ее жизни, и теперь ей, конечно же, придется за это расплачиваться...

А вот и та история, которую она мне рассказывала.

У одной вдовы была дочка, которую она любила больше всего на свете. Они жили в маленьком домике на опушке леса, жили бедно, но были настолько счастливы вместе, насколько вообще могут быть счастливы два человека.

И так уж они были счастливы, что Королева Червей, жившая неподалеку, прослышала об этом и воспылала завистью. И вознамерилась отнять у девочки сердце, ибо хоть у нее самой имелась тысяча любовников и более ста тысяч рабов, но ей всегда хотелось большего, и она понимала: не знать ей покоя, пока где-то есть хоть одно сердечко, отданное не ей, а кому-то другому.

Королева Червей осторожненько подобралась к домику вдовы и, прячась в зарослях, увидела девочку, которая играла совсем одна. Дело в том, что домик этот стоял на отшибе, довольно далеко от деревни, так что

играть девочке было попросту не с кем.

И тогда Королева Червей — а она на самом деле была вовсе не королевой, а могущественной ведьмой — превратилась в маленькую черную кошечку и неторопливо, задрав хвост, вышла из-за деревьев.

Весь день девочка играла с кошкой; та весело прыгала, ловя бумажку на веревочке, залезала на дерево, но тут же и спускалась, стоило девочке ее позвать, ела у нее из рук — в общем, это была, безусловно, самая игривая и самая хорошенькая кошечка на свете; девочка таких никогда не видела...

Но сколько кошка ни мурлыкала и ни ластилась к девочке, сердце ее она украсть так и не сумела, и вечером девочка вернулась домой, где ее ждала мать, да и ужин уже стоял на столе. А Королева Червей, громким мяуканьем выражая в ночи свое неудовольствие, вырвала немало сердец у разных маленьких ночных существ, но никакого удовлетворения не получила, и ей еще сильней, чем прежде, захотелось отнять у девочки ее сердце...

И на следующий день эта ведьма превратилась в красивого юношу и прилегла под деревом на опушке, поджидая девочку, которая как раз искала там свою киску. А девочка эта молодых парней и не видела толком, разве что издали, на ярмарке. И новый знакомец показался ей просто красавцем — черные волосы, голубые глаза, розовые, как у девушки, щеки, но все же самый настоящий юноша; и она, позабыв о киске, целый день гуляла с ним по лесу; они беседовали, смеялись, играли, бегая друг за другом, точно лани весной.

А когда спустился вечер, юноша осмелился ее поцеловать. Но сердце девочки по-прежнему принадлежало только ее матери. В ту ночь Королева Червей устроила охоту на оленей; она ножом вырезала у каждого из них сердце и поедала его сырым... Но и это не принесло ей удовлетворения, и она еще сильней стала мечтать о дочке вдовы.

И утром третьего дня ведьма не стала менять свое обличье, а просто спряталась неподалеку от дома и стала внимательно наблюдать. Вскоре девочка вышла из дома и отправилась искать своего вчерашнего дружка, что, как вы понимаете, было занятием тщетным. И тогда Королева Червей полностью сосредоточилась на матери. Посмотрев, как вдова стирает в ручье белье, она поняла, что могла бы сделать это и лучше. Посмотрев, как мать наводит в домике порядок, она поняла, что и это могла бы сделать лучше ее. А когда спустилась ночь, она приняла обличье вдовы — теперь и у нее было такое же улыбчивое лицо, такие же нежные руки, — и когда девочка вошла в дом, навстречу ей поднялись сразу две матери...

Что, скажите на милость, могла тут поделать настоящая мать? Ведь

Королева Червей так хорошо изучила ее, так безупречно скопировала ее жесты и повадку, что поймать ее на чем-то было просто невозможно. И кроме того, все на свете эта ведьма делала лучше, быстрее, тщательнее, чем бедная вдова...

И тогда вдова поставила на стол еще один прибор — для гостьи.

- Ужин я приготовлю, сказала королева. Я знаю все ваши любимые кушанья.
- Мы обе его приготовим, возразила мать. А тогда уж моя дочь решит...
- Моя дочь, поправила ее ведьма. И по-моему, именно мне известен путь к ее сердцу.

Вдова, надо сказать, умела отлично готовить. Но никогда еще она так не старалась, так тщательно не готовила кушанья — ни на Пасху, ни на Святки. Однако ведьма владела магией, и чары ее были весьма могущественными. Разумеется, матери было известно, что ее дочь любит больше всего, но, увы, ведьма знала гораздо больше: ей были ведомы и те блюда, которые девочке еще только предстояло полюбить, и она без малейших усилий ставила их на стол одно за другим.

Начали они с зимнего супа, любовно сваренного вдовой в медном котелке, с мозговой косточкой, оставшейся от воскресного обеда...

Но ведьма предложила легкий бульон, сдобренный нежнейшим, сладчайшим луком шалот, приправленный имбирем и лимонным сорго, а к бульону подала крутоны, да такие хрустящие и крошечные, что они, казалось, сами таяли во рту...

Затем вдова подала второе. Сосиски с картофельным рагу и липким луковым мармеладом — сытное, вкусное блюдо, которое девочка всегда обожала...

Зато ведьма поставила на стол блюдо с куропатками, которых специально откармливали спелыми фигами, а потом начинили каштанами и foie gras^[56], зажарили и подали с coulis^[57] из гранатового сока...

Теперь настоящая мать была близка к отчаянию. Но все же подала десерт: пышный яблочный пирог, приготовленный по рецепту ее матери.

А ведьма испекла pièce montée^[58] — выдержанную в пастельных тонах сладкую мечту из миндаля, летних фруктов и всяких вкусностей вроде зефира с ароматом розы и крема с ароматом алтея. И к этому — бокал «Шато д'Икем»...

И тогда мать сказала:

— Ладно. Ты выиграла.

И при этих словах сердце ее треснуло и раскололось на две половинки — с таким звуком трещит попкорн на сковороде. А ведьма улыбнулась и раскрыла своей жертве объятия...

Но девочка и не подумала обнять ее. Упав на колени, она стала молить лежавшую на полу вдову:

— Матушка, не умирай! Я же знаю, что это ты!

И тут пронзительный вопль ярости вырвался у Королевы Червей: она поняла, что и теперь, в минуту ее торжества, сердце девочки по-прежнему принадлежит не ей, а родной матери. Ведьма кричала так громко и злобно, что сердце ее не выдержало и лопнуло, точно ярмарочный воздушный шарик, и в своем последнем приступе гнева Королева Червей вообще перестала быть какой бы то ни было королевой.

Что же касается конца этой сказки...

Ну, это зависело от настроения моей матери. Согласно одной версии, мать остается в живых и они с девочкой так и живут до скончания веков в своем домике на опушке леса. Когда же мою мать одолевали мрачные мысли, то под конец вдова все-таки умирала, а девочка оставалась наедине со своим горем. Есть и третья версия: обманщица умудряется предвидеть, что сердце настоящей матери разобьется от горя, и сама падает замертво, но «перед смертью» вынуждает девочку поклясться ей в вечной любви, а несчастная мать стоит рядом, не в силах сказать ни слова, отринутая и бессильная; потом ведьма оживает и начинает кормить...

Анук я эту сказку никогда не рассказывала. Она пугала меня и в детстве, да и сейчас, пожалуй, пугает. В сказках мы ищем и находим истину, и, хотя никто за пределами волшебной сказки не умирает от расколотого на две половинки сердца, Королева Червей все же вполне реальна, хоть и не всегда существует под этим именем.

Нам с Анук и раньше доводилось сталкиваться с нею лицом к лицу. Она — это тот ветер, что дует под конец одного года и перед началом следующего. Она — это звук пощечины. Она — это опухоль в груди твоей матери. Она — это отсутствующий взгляд твоей дочери. Она — это мяуканье кошки. Она — в исповедальне. И внутри той черной пиньяты. Но чаще всего она — это просто Смерть, жадная старая Миктекасиуатль собственной персоной, Санта Муэрте, Пожирательница Сердец, самая ужасная из всех Благочестивых...

И теперь пришло время вновь встретиться с нею лицом к лицу. Собрать все свое оружие — уж какое есть! — и сразиться за ту жизнь, которую мы сами себе создали. Но для этого мне необходимо снова стать Вианн Роше, если только я смогу ее отыскать. Той Вианн Роше, которая не

побоялась поединка с Черным Человеком во время праздника шоколада и одержала над ним победу. Той Вианн Роше, которой известны любимые лакомства каждого. Той, что торгует вразнос сладкими грезами, мелкими искушениями и наслаждениями, безделушками, безобидными трюками, дешевыми индульгенциями и повседневной магией...

Только бы мне удалось вовремя ее отыскать!

22 декабря, суббота

Ночью, должно быть, шел снег. Его выпало совсем немного, на земле тоненький слой, который мгновенно превращается в серое месиво. И всетаки начало положено. Совсем скоро снег опять пойдет — об этом можно догадаться по тому, какие темные, тяжелые тучи висят над Холмом, почти касаясь церковных шпилей. Ведь это только кажется, что облака легче воздуха, а на самом деле там столько воды, что всего одно облако, по словам Жана-Лу, может весить миллионы тонн, — все равно что огромный многоэтажный гараж вместе с машинами, который только и ждет, чтобы обрушиться нам на голову, не сегодня, так завтра, в виде крошечных снежных хлопьев.

На Холме Рождество идет полным ходом. На террасе кафе «У Эжена» сидит толстый Санта-Клаус, пьет кофе со сливками и пугает детишек. Артисты тоже задействованы, а возле церкви группа студентов колледжа исполняет рождественские гимны и всякие новогодние песенки. Мы договорились с Жаном-Лу утром встретиться на площади, а Розетт хотела (наверное, в тысячный раз) полюбоваться вертепом, так что я и ее взяла с собой — пусть немного прогуляется; все равно мама занята на кухне, а Зози отправилась за покупками.

Утром никто из них даже словом не обмолвился о том, что произошло вчера вечером, но выглядели обе неплохо, так что, наверное, Зози все уладила. Мама надела красное платье, самое свое любимое, и все говорила, говорила — о каких-то рецептах, еще о чем-то, и голос у нее звучал весело и спокойно...

Жан-Лу уже ждал на площади Тертр, когда мы с Розетт туда добрались. С Розетт вечно приходится возиться — засовывать ее в куртку-анорак, натягивать на нее сапоги, шапку, перчатки, — так что было уже почти одиннадцать часов. Жан-Лу, естественно, взял с собой камеру — большую, с какими-то особыми объективами — и фотографировал

прохожих, иностранных туристов, детей, толпившихся возле вертепа, толстого Санту, курившего сигару...

— Эй! Наконец-то! Вы-то мне и нужны!

Это Жан-Луи со своим этюдником пытается подцепить очередную молоденькую туристку. Представляете, он их по сумочкам выбирает — он разработал целую систему тарифов, основанную исключительно на том, стильная сумочка у женщины или нет, и всегда может отличить подделку.

— Подделки никогда не раскошеливаются, — говорит он. — Но стоит мне увидеть какую-нибудь симпатичную «Луи Вуитон», и победа за мной!

Жан-Лу долго смеялся, когда я ему это рассказала. Розетт тоже засмеялась, хотя вряд ли она что-то поняла. Просто ей очень нравится Жан-Лу и его камера. «Картинка», — показывает она на пальцах, стоит ей увидеть моего друга. Она имеет в виду цифровую камеру, разумеется. Она обожает позировать, а потом с удовольствием смотрит на снимок, который тут же появляется на крошечном экране.

Затем Жан-Лу предложил прогуляться до кладбища и посмотреть, много ли там осталось снега, выпавшего вчера ночью. Мы спустились по лестнице, идущей рядом с фуникулером, и пешком двинулись к улице Коленкур.

— Видишь кошек, Розетт? — спросила я, когда мы сверху, с металлического моста смотрели на кладбище.

Кошек наверняка кто-то кормит — их дюжины две сидело у того входа на кладбище, откуда нижняя аллея ведет к большой округлой клумбе, от которой, точно стрелки компаса, в разные стороны отходят прямые «улицы» с домами-надгробиями.

Мы спустились по лестнице на авеню Рашель. Там довольно темно, поскольку над головой нависает мост, да и низкие тяжелые тучи тоже света не прибавляют. Жан-Лу оказался прав: на кладбище действительно было гораздо больше снега — каждый памятник словно в белом берете, но снег и тут оказался мокрым, ноздреватым, наверняка тоже долго не продержится. Розетт обожает снег, она все время брала комочки, сжимала их в кулачке и тихо смеялась, когда они исчезали.

И тут я увидела, что кое-кто нас поджидает. Я даже не особенно этому удивилась. Он сидел совершенно неподвижно возле могилы Далиды и тоже казался статуей из серого камня — лишь белое облачко дыхания свидетельствовало о том, что это живой человек.

— Ру! — воскликнула я.

Он молча улыбнулся.

— А что ты-то здесь делаешь?

— Ну спасибо! Ты всегда так здороваешься? — Он с улыбкой повернулся к Розетт, что-то вытащил из кармана и сказал ей: — С днем рождения, Розетт.

Это был свисток, сделанный из цельного куска дерева и отполированный до атласного блеска. Розетт тут же сунула его в рот.

— Не так. Вот как надо.

Он показал ей, подув в прорезь. Свисток издал резкий пронзительный звук, куда громче, чем можно было ожидать, и личико Розетт осветила широкая счастливая улыбка.

- Ей нравится, сказал Ру. И посмотрел на Жана-Лу. А ты, должно быть, и есть тот фотограф?
- Где ты был все это время? перебила я его. Мы тебя искали, искали!..
- Я знаю, сказал он. Именно поэтому я и съехал из той гостиницы.

Он подхватил Розетт на руки и пощекотал ее. Она протянула ручку и потрогала его волосы.

— Ну хватит, Ру, давай поговорим серьезно! — нахмурилась я, — К нам полиция приходила. Они нас расспрашивали, говорили, что ты какойто чек подделал. А я сказала, что это ошибка, что ты бы никогда в жизни ничего такого не сделал...

Возможно, из-за сумеречного света или еще по какой-то причине, но я никак не могла прочесть по его лицу, как он отреагировал на мое сообщение. В декабре и днем-то почти темно, так что уличные фонари зажигают совсем рано, а тут еще эта грязь и пятна снега на каменных плитах — в общем, все было ужасно темным и мрачным, но, по-моему, я просто ничего не могла понять — ни по его лицу, ни по его ауре, которая едва светилась. И невозможно было сказать, испуган он, рассержен или просто удивлен.

- А что, Вианн тоже так думает?
- Не знаю.
- Ее вера в меня просто пугает, не так ли? Он печально покачал головой, но я-то видела, что он улыбается. Между прочим, я слышал, что свадьба отменена. И не могу сказать, что это меня огорчает.
- Тебе бы шпионом быть! сказала я. И как это ты умудрился все так быстро разузнать?

Он пожал плечами.

- Люди болтают. А я слушаю.
- Ну и где же ты теперь живешь? спросила я.

Да уж точно не в гостинице, сразу видно. Выглядел он еще хуже, чем во время нашей последней встречи: бледный, небритый и жутко усталый. И снова я натолкнулась на него здесь, на кладбище...

Я знаю, кое-кто действительно здесь ночует. А gardien делает вид, что ничего не замечает, пока от этих «постояльцев» ни шума, ни хлопот. Но мы, гуляя по кладбищу, находим порой то груду одеял, то старый чайник, то ржавую консервную банку с бензином, чтобы можно было ночью разжечь костер, то запас консервов, тщательно спрятанный в какой-нибудь часовенке или в давно забытом склепе. Жан-Лу говорит, что ночью за кладбищенской стеной можно увидеть сразу не меньше полудюжины крошечных костерков в разных местах...

- Ты ведь здесь ночуешь, верно? спросила я.
- Я ночую у себя на судне, возразил Ру.

И явно соврал — я сразу догадалась. Я не верила, что у него вообще есть какое-то судно. Если б оно у него было, он бы здесь не сидел и в той ночлежке на улице Клиши не останавливался. Но больше он ничего мне не сказал; забавлялся с Розетт, щекотал ее, всячески веселил, а Розетт пронзительно свистела в свой свисток и смеялась, как всегда почти беззвучно, широко, по-лягушачьи, открывая рот.

- И что же ты собираешься теперь делать? спросила я.
- Ну, во-первых, меня, кажется, пригласили на рождественский праздник? Или ты уже об этом забыла? Он скорчил Розетт рожу, та засмеялась и закрыла лицо ладошками.

Мне уже начинало казаться, что Ру и не думает воспринимать случившееся серьезно.

- Так ты придешь? с некоторым удивлением спросила я. Ты считаешь, это для тебя не опасно?
- Я ведь обещал, верно? сказал он. K тому же у меня для вас припасен один сюрприз.
 - Подарок?

Он улыбнулся.

— Подожди и увидишь.

Мне до смерти хотелось рассказать маме, что я видела Ру. Но я понимала: после вчерашнего разговора нужно быть осторожной. О некоторых вещах я ей в последнее время вообще боюсь рассказывать — вдруг она рассердится или не так поймет.

Зози, разумеется, совсем другое дело. С ней мы болтаем обо всем на свете. У нее в комнате я надеваю свои красные туфельки, а потом мы садимся к ней на кровать, укрыв ноги мохнатым пледом, и она

рассказывает мне всякие истории: о Кецалькоатле, о Христе, об Осирисе^[59], о Митре^[60], о Семи Попугаях — мама раньше тоже часто рассказывала мне такие истории, но теперь у нее на это времени не хватает. По-моему, она считает, что я уже слишком большая для сказок. И вечно твердит, что мне пора повзрослеть.

А Зози считает, что взрослеть вовсе не обязательно. Она, например, совсем не хочет взрослеть, и жить на одном месте тоже не хочет. Говорит, что на свете слишком много мест, где она еще не бывала. И от возможности их увидеть она ни за что не откажется.

— Даже ради меня? — спросила я сегодня вечером.

Она улыбнулась, но как-то печально, по-моему.

- Даже ради тебя, моя маленькая Нану.
- Но пока ты же никуда не уезжаешь?

Она пожала плечами.

- Это зависит не от меня.
- А от чего?
- Ну, во-первых, от твоей матери.

Я была озадачена.

— Как это?

Она вздохнула.

- Я не хотела тебе говорить… Дело в том, что мы с твоей мамой… серьезно поговорили. И решили точнее, это она решила, что, возможно, мне пора от вас съезжать.
 - Съезжать? переспросила я.
 - Ветер меняется, Нану.

Она сказала это совсем как мама, и я сразу вспомнила Ле-Лавёз, и тот ветер, и Благочестивых. Но не просто вспомнила, а подумала — об Эекатле, Ветре Перемен, и представила себе, как тут все будет, если Зози уедет от нас: ее комната пуста, на полу пыль, все снова стало обыкновенным — просто маленькая chocolaterie и ничего больше...

— Ты не можешь уехать от нас! — страстно воскликнула я. — Ты нам так нужна!

Она покачала головой.

— Была нужна. А теперь дела у вас идут хорошо, у вас полно друзей. Вот я и стала не нужна. Да мне и пора, в общем. Пора оседлать этот ветер, и пусть он несет меня, куда хочет.

Ужасная мысль пришла мне в голову.

— Это все из-за меня, да? — спросила я. — Из-за того, чем мы с тобой

занимаемся? Из-за наших уроков, и куколок, и всего такого? Она боится, что, если ты останешься, произойдет еще одна Случайность...

Зози пожала плечами.

— Не стану тебя обманывать. Но я никогда не думала, что она окажется такой ревнивой...

Ревнивой? Мама?

- Ну да, сказала Зози. Вспомни, ведь раньше и она была такой же, как мы. И могла делать, что хочет, идти, куда хочет. А теперь у нее много иных обязанностей. Она уже не может вести себя так, как ей хочется. И теперь стоит ей взглянуть на тебя, Нану... в общем, наверное, ты слишком сильно напоминаешь ей обо всем том, от чего ей пришлось отказаться.
 - Но это же несправедливо!

Зози улыбнулась.

- Никто и не говорит, что это справедливо, сказала она, Речь идет о том, чтобы держать себя в руках. Ты становишься взрослой. Овладеваешь нашим мастерством. И авторитет матери начинает значить для тебя гораздо меньше. Это ее тревожит, даже вызывает страх. Ей кажется, что это я отнимаю тебя у нее, что это я учу тебя тому, чему сама она научить тебя не может. Вот почему я должна уйти от вас, Нану. Пока не случилось нечто такое, о чем мы обе потом пожалеем.
 - А как же наш праздник? спросила я.
- Если хочешь, я останусь до праздника. Она обняла меня и крепко прижала к себе. Послушай, Нану. Я понимаю, как тебе тяжело. Но я хочу, чтобы у тебя было то, чего никогда не было у меня. Семья. Дом. Собственная комната. И если этому ветру нужна жертва, то пусть он возьмет меня. Мне нечего терять. И потом... Она слегка вздохнула. Я не хочу успокаиваться, не хочу жить на одном месте. Не хочу всю жизнь думать: интересно, а что же там, за соседним холмом? Я бы все равно ушла раньше или позже; а теперь время как раз подходящее, ничуть не хуже любого другого...

Она укрыла нас обеих пледом, и я крепко зажмурилась, стараясь не плакать. И все равно где-то в глубине горла торчал какой-то комок, словно я картофелину целиком проглотила.

— Но я же люблю тебя, Зози...

Я не могла видеть ее лицо (глаза у меня по-прежнему были закрыты), но слышала, как горестно и протяжно она вздохнула — воздух вырвался у нее из груди с такой силой, словно его поймали в ловушку и долго держали под семью замками, а может, и в подземелье.

— Я тоже люблю тебя, Нану, — сказала она.

Мы еще долго сидели, завернувшись в плед. Снова поднялся ветер, и я была даже рада, что на Холме почти нет деревьев, — у меня в душе бушевала такая буря, что мне бы ничего не стоило с треском повалить любое дерево, разнести его в щепы, лишь бы убедить Зози остаться, лишь бы этот ветер согласился взять вместо нее кого-то другого.

23 декабря, воскресенье

Ах какой спектакль! Я же говорила вам, что в другой жизни могла бы сделать отличную карьеру в кинобизнесе. Великолепно сыгранная мною роль безусловно убедила Анук — семена сомнений прорастают быстро, — и это будет весьма мне на руку в канун Рождества.

Вряд ли она расскажет Вианн о нашем разговоре. Моя маленькая Нану — девочка скрытная; она не станет так просто делиться своими мыслями. Тем более мать так ее разочаровала, несколько раз солгав ей, а в довершение всего еще и выгоняет из дома ее лучшую подругу...

Анук умеет и промолчать, и притвориться, когда нужно. Сегодня, правда, лицо у нее несколько осунулось, но вряд ли Вианн пожелала обратить на это внимание. Она слишком занята, готовясь к завтрашнему торжеству, чтобы удивляться, почему у дочери пропал к нему всякий интерес, или задать себе вопрос, где Анук болталась весь день, пока она пекла пирожные и варила глинтвейн.

У меня, разумеется, тоже есть кое-какие планы, которые нужно довести до конца. Только они имеют не столь кулинарную направленность. Магия Вианн — в теперешнем ее виде — на мой вкус, какая-то чересчур домашняя. Только не думай, Вианн, что я ничего не замечаю! Весь дом буквально пропитан волшебными соблазнами и мелкими чудесами, которые пахнут лепестками роз и миндальным печеньем. Да и сама Вианн — в своем красном платье, с красным шелковым цветком в волосах...

Ну и кого ты пытаешься провести, Вианн? Нечего и стараться, ведь я это делаю в сто раз лучше!

Я сегодня почти весь день бегала по делам. Нужно было кое-кого повидать, кое-что сделать. И сегодня же я выбросила в помойку все, что еще оставалось от тех жизней, которыми я пользовалась в последнее время, — я имею в виду Мерседес Демуан, Эмму Виндзор и даже Ноэль

Марселен. Должна признаться, что сделала это не без душевной боли. Но долой балласт — он только замедляет полет, и, кроме того, все это мне больше не понадобится.

Затем нужно было нанести нескольких светских визитов. Навестить мадам из кафе «Стендаль», которая делает такие успехи; Тьерри Ле Трессе, который все это время шпионил за chocolaterie из-за ближайшего угла, тщетно надеясь застать там Ру; и самого Ру, который съехал из своей ночлежки неподалеку от кладбища и перебрался прямо на кладбище, где домом ему служит одна маленькая часовенка.

Часовня, кстати сказать, вполне уютная. Такие склепы и часовни строили для богатых мертвецов в те времена, когда столь роскошные апартаменты живым беднякам даже не снились. В общем, с помощью регулярно поставляемой дезинформации, а также изрядных порций сочувствия, слухов и лести — не говоря уж о деньгах и моих особых лакомствах, которыми я постоянно его снабжала, — я добилась от Ру если не доверия и признательности, то по крайней мере присутствия на рождественском празднике в нашей chocolaterie.

Я отыскала Ру на задах кладбища, у стены, которая отделяет его от улицы Жана Леместра. Это довольно далеко от центрального входа, здесь полно заброшенных могил с треснувшими и совсем разбитыми надгробиями, которые словно прячутся среди куч компоста и мусора вместе с бродягами и отщепенцами, греющимися у костерка, разожженного в большой жестянке.

Сегодня я их там насчитала с полдюжины; все одеты в чересчур просторные пальто с чужого плеча и башмаки, такие же потрескавшиеся и загрубевшие, как их руки. По большей части это старики — молодые всетаки еще могут заработать деньжат хотя бы на Пигаль, где молодость всегда пользуется спросом. Один из бродяг кашлял так часто и мучительно, словно этот кашель зарождался у него где-то в глубине легких и с трудом прорубал себе выход наружу.

Представители этого тесного мужского кружка без любопытства посматривали на меня, пока я пробиралась к ним среди заброшенных могил. И Ру тоже встретил меня своим обычным равнодушным «опять ты».

- Рада доставить тебе удовольствие. Я сунула ему сверток с едой кофе, сахар, сыр, несколько сосисок из лавки мясника за углом и несколько тонких блинчиков из гречневой муки, чтобы заворачивать в них сосиски. Только с кошками на этот раз не делись.
 - Спасибо. Наконец-то он слабо улыбнулся. Как там Вианн?
 - Прекрасно. Но скучает по тебе.

Эта маленькая лесть всегда попадает в цель.

- А Господин Толстый Бумажник?
- Ходит кругами.

Мне удалось убедить Ру, что Тьерри обратился в полицию только для того, чтобы снова переманить Вианн на свою сторону. Я не вдавалась в подробности обвинения, но мне удалось заставить его поверить, будто дело прекращено за недостатком улик. И теперь, сказала я, единственная опасность заключается в том, что Тьерри — если Вианн вдруг слишком быстро переметнется на сторону Ру — в приступе гнева может запросто выгнать ее из дома и лишить chocolaterie, а потому ему, Ру, следует проявить терпение и немного подождать, полностью доверившись мне. Пусть пыль уляжется. А уж я постараюсь объяснить Тьерри, каково истинное положение вещей.

Между тем я старательно делаю вид, что поверила его рассказам о судне, якобы стоящем в Арсенальном порту. Существование этого судна (даже фиктивное) делает Ру собственником, человеком, достойным уважения, который отнюдь не считает благотворительностью те свертки с едой и небольшие суммы денег, которые я ему приношу, а как раз наоборот — оказывает нам одолжение, оставаясь поблизости и приглядывая за Вианн.

— Ты проверял, как там твое суденышко?

Он покачал головой.

— Может, позже схожу.

Еще одна ложь, которой я якобы верю. Можно подумать, он действительно каждый день ходит в Арсенал, чтобы проверить, как там его посудина! Разумеется, ничего подобного, и я отлично это понимаю. Но мне даже нравится смотреть, как он ерзает от смущения.

— Если Тьерри все же откажется вести себя разумно, — сказала я, — то приятно было бы сознавать, что Вианн и дети смогут какое-то время пожить с тобой в твоем плавучем доме. По крайней мере, пока не подыщут себе другое жилье — а это зимой всегда нелегко...

Он гневно свернул глазами.

— Мне вовсе не это нужно!

Я сладко ему улыбнулась и примирительно сказала:

— Разумеется! Просто приятно сознавать, что у Вианн есть выбор. Ну, ты готов к завтрашнему празднику? Может, тебе что-нибудь постирать нужно?

И снова он покачал головой, а я подумала: и как это он до сих пор справлялся? Хотя, конечно, за углом есть прачечная, а чуть дальше, на

улице Ганерон — общественные душевые. Туда он, скорее всего, и ходит. И наверняка счел мой вопрос на редкость глупым и неуместным.

И все-таки пока что он мне еще нужен — терпеть осталось уже недолго. Послезавтра он станет мне совершенно безразличен. И может проваливать, куда хочет.

— Зачем тебе все это, Зози?

Этот вопрос он задает постоянно, причем в последнее время его подозрительность все усиливается — после каждой моей очередной попытки чем-то его соблазнить. Видимо, некоторые мужчины действительно совершенно невосприимчивы к моим чарам. А все-таки немного обидно. Этот Ру стольким мне обязан — и ни слова благодарности!..

— Ты же знаешь зачем. — Я добавила в свои интонации нотку горечи. — Ру, я делаю это только ради Вианн и ее детей. Ради малышки Розетт, которая заслуживает того, чтобы у нее был настоящий отец. Ради Вианн, которая так и не сумела забыть тебя. Ну и, честно говоря, ради себя самой — ведь если уйдет Вианн, то и я тоже уйду, а я уже успела полюбить нашу chocolaterie и не понимаю, почему должна оттуда уходить...

Последний довод его, похоже, убедил. Я так и знала. Чрезвычайно подозрительный тип — ни за что не поверит тому, что пахнет альтруизмом. Ну что ж, пусть поверит хоть этому — ведь и он сам действует только из личных интересов, он и остался здесь только потому, что видит прямую выгоду для себя: возможно, некую долю в успешном бизнесе Вианн, особенно теперь, когда знает, что Розетт — его дочь...

В магазин я вернулась часа в три; уже темнело. Вианн, обслуживавшая кого-то из покупателей, пронзительно на меня глянула, но поздоровалась вполне любезно.

Я знаю, что у нее на уме. Она понимает: покупателям Зози нравится. И если сейчас она проявит свое враждебное ко мне отношение, то подвергнет угрозе собственную выгоду. Кроме того, она ломает голову над тем, не пыталась ли я вчера ночью спровоцировать ее первой пойти в наступление, хоть она и не успела как следует подготовиться. И тем самым слишком рано проявить свои возможности, лишиться резерва, а впоследствии — и прочной основы под ногами...

«Поединок состоится завтра», — думает она. Канапе и всякие лакомства, достаточно вкусные, чтобы и святого соблазнить, — именно это оружие она изберет, но до чего же наивно с ее стороны воображать, будто и я непременно отвечу ей тем же. Домашняя магия — это так скучно! Спросите любого ребенка и сами увидите, насколько всевозможные

книжные негодяи и мерзавцы, злые ведьмы и голодные волки для него интереснее простеньких ванильно-сладких принцев и принцесс.

Анук — тоже не исключение. Тут я готова пари держать. И все-таки нужно подождать и посмотреть. Вперед, Вианн! Прильни к своим кастрюлям. Убедись, на что способна твоя домашняя магия. А я пока поработаю над своим собственным рецептом. Ведь в соответствии с расхожей истиной путь к сердцу лежит через желудок.

Лично я, правда, предпочитаю более прямой путь.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ СВЯТКИ

24 декабря, понедельник Сочельник, 11 часов 30 минут

Наконец-то идет снег. Весь день крупные, пухлые, совершенно сказочные хлопья, кружась, падают с зимнего неба. «Снег все меняет», — говорит Зози, и правда, эта магия уже начинает действовать: другими стали магазины, дома и даже столбики на автостоянках, которые под снегом превратились в часовых, одетых в белые пушистые тулупы, но на фоне прямо-таки светящихся небес они все равно кажутся сероватыми; малопомалу Париж исчезает; исчезают клочки мусора, смятые пластиковые бутылки, целлофановые пакетики из-под лакомств, кучки собачьего дерьма и конфетные фантики — все укрывает свежий снег, все под ним словно обновляется, становится вновь пригодным к использованию.

В действительности это, конечно, не так. И все-таки это очень похоже на волшебство; кажется, будто сегодня любая вещь может измениться до неузнаваемости и все еще можно исправить, а не просто прикрыть сверху снегом, словно дешевое пирожное сахарной глазурью.

Сегодня открылась последняя дверца в нашем святочном домике. За ней — очередной вертеп: мать, отец и младенец в колыбели; ну, не совсем младенец, а маленькая улыбающаяся девочка, рядом с которой пристроилась желтенькая обезьянка Розетт в полном восторге — и я тоже; хотя мне все же немного жалко ту деревянную куколку, что изображает меня: она-то осталась за пределами праздничной гостиной, и те трое празднуют пока без нее...

Это глупо, я понимаю. Я не должна расстраиваться. «Ты сама выбираешь себе семью», — говорит мама; и не важно, что Ру — не настоящий мой отец или что Розетт — только наполовину мне сестра, а может, и не сестра вовсе...

Сегодня я возилась со своим карнавальным костюмом. Я буду Красной Шапочкой — для этого мне, в сущности, нужно не так уж много: сама

красная шапочка, точнее, красный плащ с капюшоном. Зози помогла мне его сшить — притащила с благотворительного базара кусок подходящей ткани, а из чулана извлекла старую швейную машинку мадам Пуссен. Получилось здорово — ведь мы все-таки все сделали сами! — особенно в сочетании с корзинкой, которую я украсила красными лентами. А Розетт будет обезьянкой, для чего к ее коричневому спортивному костюму достаточно всего лишь хвост пришить.

— А ты кем будешь на празднике, Зози? — спросила я уже в сотый раз, наверное.

Она загадочно улыбнулась.

— Подожди и сама увидишь; иначе весь сюрприз будет испорчен.

24 декабря, понедельник Сочельник, 15 часов 00 минут

Затишье перед бурей. Да, именно такое у меня сейчас ощущение, когда Розетт спокойно спит наверху, а снег за окнами втихую сглатывает все, точно какой-то обжора. Снег идет и идет, и под ним неумолимо исчезают звуки, запахи; он скрадывает даже последние лучи света в небесах...

Сейчас снег с удобством располагается на склонах Холма. Естественно, машин здесь почти нет, и нечему воспрепятствовать его продвижению по завоеванной территории. Шляпы и шарфы прохожих густо засыпаны снегом, а звон колоколов на Сен-Пьер-де-Монмартр звучит приглушенно, словно издали, и кажется, будто колокола зачарованы какимто злым волшебником.

Я за весь день с Зози почти не виделась. Я так занята подготовкой к сегодняшнему празднику, в том числе и карнавальными костюмами, так мечусь меж кухней и прилавком с покупателями, что у меня практически и не было возможности понаблюдать за поведением противника; впрочем, она явно старается не выходить из своей комнаты и ничем своего присутствия в доме не обнаруживает. Интересно, думаю я, когда она сделает свой следующий ход.

И я слышу в ушах голос своей матери-сказительницы; она говорит, что это произойдет во время праздничного ужина, как в той сказке про вдову и ее дочь; но меня нервирует то, что я до сих пор не заметила ни малейших приготовлений с ее стороны. Что-то я не заметила, чтобы она хоть один пирожок испекла! Неужели я ошиблась, что-то поняла неправильно? Неужели Зози просто блефует, пытаясь заставить меня прибегнуть к тому искусству, которое, как ей известно, незамедлительно заставит меня отсюда убраться? Неужели она не намерена вообще ничего предпринимать, пока я не начну невольно подманивать Благочестивых и они, ни о чем не подозревая, свалятся прямо мне на голову?

С того пятничного вечера между нами больше никаких конфликтов не возникало — хоть я и замечаю ее насмешливые взгляды и осторожные подмигивания, которых больше никто не видит. Она весела и хороша собой, как всегда; и по-прежнему цокает каблуками очередных экстравагантных туфель, — но мне она теперь кажется пародией на самое себя: слишком уж многое скрывается под этим бьющим в глаза очарованием, слишком откровенно забавляется она своей игрой, так что у других создается впечатление, что она безмерно пресыщена и невероятно утомлена, точно пожилая шлюха, которая смеха ради переоделась монахиней. Возможно, именно это больше всего меня и обижает — ее дешевая игра на потребу галерки. Впрочем, она и на кон ничего не ставит. Тогда как у меня на кону вся жизнь.

И я снова вытаскиваю карты.

Шут. Влюбленные. Маг. Перемена.

Повешенный. Башня...

Башня падает. Камни с ее вершины сыплются градом, и она, шатаясь, разваливается и исчезает во мраке. С парапета летят в бездонную пропасть крошечные фигурки, отчаянно жестикулируя и беспомощно вращаясь в воздухе. Одна из них в красном платье... А может, это маленький красный плащ с капюшоном?

Последнюю карту я даже и открывать не хочу. Я уже столько раз ее видела. Моя мать, вечная оптимистка, давала ей разные интерпретации — но для меня эта карта означает только одно.

Смерть. Она ухмыляется мне с картинки, сделанной под гравюру; завистливая, безрадостная, с пустыми глазами, голодная Смерть. Смерть ненасытная; Смерть неумолимая; Смерть — как долг, который мы обязаны вернуть богам. Снегопад за окнами еще усилился, и, несмотря на уже наступившие сумерки, земля как-то странно светится, словно поменявшись с небом местами. Это лишь весьма отдаленно напоминает тот прелестный, сказочно-книжный снежок, что окружает наш святочный домик в витрине, но Анук от снегопада в восторге; она то и дело находит повод, чтобы выглянуть на улицу и посмотреть на падающие с небес хлопья. Она сейчас там — в окно я вижу ее яркую фигурку на этом зловещем белом фоне. маленькой: Отсюда Анук кажется очень маленькой заблудившейся в лесу. Разумеется, все это глупости — ну какие тут леса! Кстати, я отчасти именно поэтому и выбрала это место. Однако снегопад все меняет, и магия опять обретает прежнюю силу. И голодные волки зимой пробираются даже сюда и начинают, крадучись, подниматься по улицам и переулкам Монмартрского холма...

24 декабря, Понедельник Сочельник, 16 часов 30 минут

Сегодня днем забежал Жан-Лу. Он еще утром позвонил и сказал, что принесет показать кое-какие фотографии, которые все никак не успевал проявить. Он ведь сам их проявляет — во всяком случае, черно-белые точно сам; у него дома сотни отпечатков, все тщательно рассортированы по папкам и снабжены подписями. Странно, но он был так возбужден, когда позвонил, и так задыхался, словно ему не терпелось показать мне нечто совершенно особенное.

Я уж решила, что ему все-таки удалось сфотографировать на кладбище те призрачные огни, о которых он вечно твердит...

Но те фотографии, что он принес, не имели к кладбищу никакого отношения. На них не было ни нашего Холма, ни вертепа на площади, ни рождественских огней, ни того Санты, что жевал сигару. На всех снимках была только Зози. Цветные фотографии Жан-Лу делал своей цифровой камерой у нас в chocolaterie, а несколько черно-белых — возле нашей витрины; было и еще несколько снимков: Зози в толпе прохожих идет через площадь к фуникулеру или стоит в очереди возле булочной на улице Трех Братьев.

- Что это? спросила я. Ты же знаешь, она не любит...
- Посмотри внимательно, Анни, сказал он.

Но мне вовсе не хотелось смотреть внимательно. Единственный раз, когда мы с Жаном-Лу поругались, произошел как раз из-за его дурацких фотографий. И у меня не было ни малейшего желания снова с ним ссориться. И зачем ему вообще понадобилось ее фотографировать? Должна же быть какая-то причина...

— Пожалуйста, — сказал Жан-Лу. — Ты просто посмотри. А потом, если тебе покажется, что ничего странного ты не увидела, я, честное слово, тут же выброшу все фотографии.

Ну я и посмотрела; между прочим, снимков там было штук тридцать — и в итоге мне стало очень и очень не по себе. Думать о том, что Жан-Лу шпионил за Зози — выслеживал ее, — уже было достаточно неприятно, но то, что он запечатлел на своих фотографиях, повергло меня в шок.

Узнать Зози на всех снимках было довольно легко. Знакомая юбка с колокольчиками на подоле, пижонские сапоги с трехдюймовой платформой. И волосы ее, и украшения, и плетеная сумка, с которой она всегда ходит за покупками.

Но лицо...

- Ты, наверное, что-то сделал с этими снимками! заявила я, отталкивая их.
- Ничего я с ними не делал, Анни, клянусь! И все остальные кадры на этой пленке получились отлично. Это все она. Все дело в ней, хотя я не знаю, как она это делает. Вот ты можешь это объяснить?

Вряд ли, думала я. Ну как я это объясню? Просто некоторые люди всегда хорошо получаются на фотографиях. Это называется фотогеничностью, и, видимо, Зози подобным свойством не обладает. Кто-то получается иногда хорошо, а иногда так себе, но я не знаю, есть ли для этого какое-то особое название. Впрочем, Зози и это тоже явно недоступно. Честно говоря, все эти фотографии были просто ужасными — таким чудовищем она на них выглядела: рот какой-то странной формы, взгляд вообще жуткий, а вокруг головы какое-то загадочное светящееся пятно, похожее на съехавший набок венец...

- Ну нефотогеничная она, и что тут такого? Не все же фотогеничны.
- Дело не только в этом, сказал Жан-Лу. Вот, посмотри.

И он вытащил свернутый газетный листок — вырезку из какой-то парижской газеты с весьма расплывчатой фотографией какой-то женщины, которую, как там было сказано, звали Франсуаза Лавери. И на этом снимке я увидела в точности то же лицо, что и на сделанных Жаном-Лу фотографиях Зози; те же жуткие крошечные глазки, тот же искаженный гримасой рот, тот же странный светящийся ореол вокруг головы...

— И что ты хочешь этим доказать? — не сдавалась я.

По-моему, это была самая обычная, не слишком четкая, сделанная, видимо, на ходу фотография; снимок явно сильно увеличен, а потому кажется зернистым, как и большая часть газетных снимков вообще. Женщина неопределенного возраста, с самой обычной стрижкой, из-под длинной челки виднеются маленькие очки. Нет, она совершенно не похожа на Зози. Если не считать того светящегося пятна и формы рта...

Я пожала плечами.

- Это мог быть кто угодно...
- Нет, это она, сказал Жан-Лу. Я понимаю, что такого быть не может, но это так!

Нет, это просто смешно! Да и содержание статьи никакой ясности не внесло. Там говорилось о какой-то учительнице из Парижа, которая примерно год назад бесследно исчезла. Ну и что? Ведь Зози-то никогда нигде не преподавала, верно? Или, может, Жан-Лу хочет сказать, что она — призрак?

В голосе Жана-Лу не было уверенности, когда он сказал, аккуратно складывая вырезку и засовывая ее в конверт с фотографиями:

- Иногда бывают материалы, посвященные подобным явлениям... Помоему, такие существа называются «ловцы душ» они как бы отнимают у человека его жизнь...
 - Да пусть называются как угодно!
- Ты, конечно, можешь надо мной смеяться, но я чувствую, что тут что-то не так. Мне просто не по себе становится, когда она где-то поблизости. Я сегодня вечером непременно камеру принесу и сделаю несколько снимков с близкого расстояния пусть будут хоть какие-то доказательства...
 - Ну тебя с твоими призраками!

Я вдруг разозлилась. Подумаешь, всего на год старше меня, а воображает себя невесть кем! Да если б он узнал хоть половину того, что мне теперь известно — об Эекатле, о Самом Первом Ягуаре, о Хуракане, — его бы, наверное, удар хватил с перепугу! А если он к тому же узнает о Пантуфле, или о том, как мы с Розетт вызвали Ветер Перемен, или о том, что случилось в Ле-Лавёз, так и вовсе, должно быть, с ума сойдет.

И тогда я кое-что сделала, хотя, возможно, делать это мне и не следовало. Но мне так не хотелось с ним ссориться, а я знала, что мы непременно опять поссоримся, если он немедленно не оставит эту тему. В общем, я украдкой, одним пальчиком, начертала в воздухе символ Обезьяны, великой трюкачки, и как бы кинула этим знаком в Жана-Лу — точно камешком.

Он нахмурился, приложил руку ко лбу...

- Что с тобой? спросила я.
- Не знаю. Странное такое ощущение... вроде как... пустота. Да ладно, о чем мы с тобой только что говорили?

Нет, он мне очень даже нравится. Правда-правда. И я ни в коем случае не хочу, чтобы с ним случилось что-то плохое. Но он, как выражается Зози, «самый обыкновенный человек», тогда как мы, по ее словам, «не такие, как

все». Обыкновенные люди следуют привычным правилам и законам. А такие, как мы, создают новые правила и законы. К сожалению, я о стольких вещах не могу рассказать Жану-Лу! Он этого попросту не поймет. А вот Зози я могу сказать все, что угодно. Она лучше всех меня понимает.

В общем, как только Жан-Лу ушел, я первым делом сожгла в камине и ту газетную вырезку, и те фотографии — он забыл взять их с собой — и долго смотрела, как хлопья сажи становятся белыми и, кружа, как снег, опускаются на решетку.

Ну вот, ничего и не осталось. Я сразу почувствовала себя лучше. Нет, мне и в голову не придет подозревать Зози, но, вспоминая то лицо на фотографиях, я все же испытывала страх — этот перекошенный рот, эти маленькие злобные глазки... Может, я где-то случайно видела эту женщину? В магазине, или на улице, или, может, в автобусе? И это имя — Франсуаза Лавери — мне почему-то кажется знакомым; уж не слышала ли я его где-то раньше? Впрочем, имя весьма распространенное. Но почему, как только я его вспоминаю, перед глазами у меня появляется образ...

...мыши?

24 декабря, понедельник Сочельник, 17 часов 20 минут

Ну что ж, этот мальчишка мне никогда не нравился. Он, правда, вполне сгодился в качестве инструмента, способного несколько отвлечь Анук от влияния матери и сделать более восприимчивой к моему влиянию, но теперь довольно. Теперь он перешел запретную черту — осмелился чернить меня, подрывать мой авторитет! Боюсь, ему придется уйти навсегда.

Я видела по цветам его ауры, что он собрался домой. Они наверху с Анук слушали музыку, или во что-то играли, или еще чем-то развлекались вдвоем — сейчас ведь каникулы, — а потом он вежливо попрощался со мной и снял с вешалки свою куртку.

Мысли некоторых людей прочесть легче легкого; а Жан-Лу при всем своем уме — всего лишь двенадцатилетний мальчишка. Есть что-то очень открытое, искреннее в его улыбке, я не раз видела нечто подобное, когда учительствовала в качестве Франсуазы Лавери. Так улыбаются мальчики, которые слишком много знают и думают, что это им запросто сойдет с рук. А кстати, что было в том бумажном конверте, который он оставил у Анук в комнате?

А что, если это, скажем... фотографии?

— Придешь сегодня на праздник?

Он кивнул.

— Конечно. Ваш магазин выглядит просто потрясающе!

Еще бы, уж Вианн сегодня постаралась! С потолка свисают серебряные звезды, целые созвездия, и повсюду множество свечей, только и ждущих, чтобы их зажгли. Внизу у нас нет большого обеденного стола, и она сдвинула вместе маленькие столики, накрыв их тремя простыми скатерками — зеленой, белой и красной. А над дверью повесила венок из

падуба и только что срезанных кедровых и сосновых веток, и они наполняют комнату лесным ароматом.

На полках и прилавках расставлены традиционные тринадцать хрустальных блюд с рождественскими десертами — они сверкают, словно сокровища пиратов, точно золотые украшения с темными топазами. Черная нуга для дьявола; белая нуга для ангелов; мандарины, виноград, фиги, миндаль, мед, финики, яблоки, груши, желе из айвы, всевозможные mendiants, точно самоцветами, украшенные виноградинами и ломтиками фруктов; и, разумеется, мучная лепешка fougasse, испеченная на оливковом масле и разрезанная, как колесо, на двенадцать частей...

Без шоколада; конечно, тоже не обошлось — на кухне еще остывает святочное шоколадное полено, а все остальное уже готово — шоколадки с нугой, celestines $^{[61]}$, шоколадные трюфели, сложенные в пирамиду, с которых сыплется порошок какао.

— Попробуй-ка трюфель, — предлагаю я Жану-Лу и протягиваю ему поднос. — Вот увидишь: это твои любимые конфеты.

Он, точно зачарованный, берет трюфель, от которого исходит богатый, чуть землистый аромат, точно от грибов-трюфелей, если их собирать в полнолуние. На самом деле грибы там действительно могут быть — в моих особых трюфелях немало всяких таинственных ингредиентов, — хотя на этот раз все дело в порошке какао: его состав весьма искусно изменен, чтобы можно было иметь дело как раз с такими вот настырными мальчишками. И потом, знак Хуракана, изящно нарисованный мною на прилавке в темном пятне какао, просто обязан дать нужный результат.

— Увидимся на празднике, — говорит на прощание Жан-Лу.

Ну, мой дорогой, это вряд ли. Нану, конечно, будет скучать без тебя, но, надеюсь, не слишком долго. Очень скоро Хуракан обрушится прямо на «Шоколад Роше», а когда такое случается...

Впрочем, кто знает? И потом, не стоит предвосхищать события, иначе можно испортить весь сюрприз.

24 декабря, понедельник

Сочельник, 18 часов 00 минут

Наконец-то двери нашей chocolaterie закрыты для покупателей! И теперь лишь благодаря объявлению на двери можно догадаться, что внутри что-то происходит.

«Рождественский праздник в 19.30 сегодня!» — вот что там написано поверх сложного орнамента из звезд и обезьян.

«Рекомендуется карнавальный костюм».

Между прочим, карнавального костюма Зози я так до сих пор и не видела. Думаю, это будет нечто потрясающее, хотя она мне так ничего и не сказала, даже не намекнула. Так что, всласть налюбовавшись снегопадом, я через час окончательно потеряла терпение и поднялась к ней посмотреть, чем она занята.

Но, войдя, я просто вскрикнула от неожиданности. Это была уже не комната Зози. Со стен все снято, из-за двери исчез китайский халат, абажур лишился своих украшений. Даже туфли с каминной полки она уже сняла. Вот тут-то до меня окончательно и дошло...

Но лишь в тот момент, когда я увидела, что они исчезли.

Ее потрясающие туфельки.

На кровати лежал чемодан, маленький, кожаный, который выглядел так, словно ему пришлось пережить немало путешествий. Зози как раз закрывала его, когда я вошла; она вскинула на меня глаза, и я поняла, что она сейчас скажет, хоть я ни о чем ее и не спросила.

— Девочка моя, — сказала она, — я собиралась сказать тебе. Правда собиралась. Но мне не хотелось портить тебе праздник...

Я просто поверить не могла.

- Так ты сегодня уезжаешь?
- Ну, я же должна когда-нибудь уехать, разумно заметила она. А после сегодняшнего вечера это уже не будет иметь никакого значения.

— Почему?

Она пожала плечами.

- Разве вы не вызывали Ветер Перемен? Разве вы не хотели стать семьей ты, Ру, Янна и Розетт?
 - Но это вовсе не значит, что ты должна от нас уходить!

Она швырнула в чемодан случайно забытую туфлю.

- Ты же знаешь, Нану, что так не бывает. Что за все следует платить. Иначе и быть не может.
 - Но ведь и ты тоже член моей семьи!

Она покачала головой.

- Нет, это невозможно. Янна этого не допустит. Она слишком сильно меня недолюбливает. И возможно, в этом отношении она права. Не все у нее получается так гладко, когда я поблизости.
 - Но это несправедливо! И куда ты пойдешь? Зози перестала собирать вещи, подняла голову и улыбнулась мне.
 - Куда понесет меня ветер, сказала она.

24 декабря, понедельник Сочельник, 19 часов 00 минут

Только что звонила мать Жана-Лу; она сказала, что ее сын внезапно заболел и, видимо, на праздник не придет. Анук, естественно, расстроилась; она слегка встревожена болезнью своего друга, но слишком возбуждена в предвкушении праздника, так что не смогла долго предаваться унынию.

В своей красной шапочке и плаще с капюшоном она еще сильней, чем всегда, напоминает елочный шарик, который от нетерпения так и качается на ветке. «Уже пришли? — без конца спрашивает она, хотя в приглашении сама написала «19.30», а церковный колокол только что прозвонил семь раз. — Ты никого не видишь?»

Вообще-то идет такой густой снег, что я с трудом различаю свет уличного фонаря на той стороне площади, но Анук то и дело прижимается лицом к стеклу, оставляя на нем туманные следы своего дыхания.

— Зози! — кричит она. — Ты уже готова?

Зози что-то невнятно отвечает; она вот уже два часа как вниз не спускалась.

- Можно мне подняться? кричит ей Анук.
- Пока нет. Я же сказала: это сюрприз.

Сегодня в Анук чувствуется некая обреченность, словно ее оживление лишь на одну четверть вызвано радостью, а на три четверти — неким исступлением, помрачением ума. То ей можно дать не больше девяти, то она вдруг кажется мне почти взрослой девушкой, волнующей и прелестной в своем красном плаще, с развевающимися волосами, похожими на грозовую тучу.

— Успокойся, — говорю я ей. — Ты так окончательно вымотаешься.

Анук бросается обнимать и целовать меня — бурно, как когда-то в детстве, — но, прежде чем я успеваю тоже обнять свою девочку, ее уже и

след простыл. Она беспокойно летает от одного блюда к другому, поправляет бокалы на столе, ветки падуба и побеги плюща, переставляет свечи, перекладывает салфетки, перевязанные алым шнурком, расправляет разноцветные накидки на спинках стульев, переносит в другое место купленную на благотворительной распродаже хрустальную чашу, полную красного, как гранат, зимнего пунша, в который я не пожалела специй, и теперь он пахнет мускатным орехом, корицей, лимонной цедрой и коньяком, а в его алых глубинах плавают дольки апельсина...

Розетт, как раз наоборот, ведет себя на редкость спокойно и тихо. Нарядившись в свой обезьяний костюм, она во все глаза следит за происходящим вокруг, но больше всего ее интересует святочный домик с вертепом, в котором центральное место теперь занимает она сама. Вокруг домика лежат сахарные сугробы, освещенные падающим из окошек неярким светом, а в дверях толпится целая стая обезьянок (Розетт уверена, что обезьяна — это рождественское животное), занявших место привычных бычков и ослов.

— Как ты думаешь, он придет?

Ну естественно, Анук имеет в виду Ру. Она уже столько раз задавала этот вопрос, что мне даже подумать страшно, как она будет разочарована, если он не придет. Но с другой стороны, с какой стати ему приходить к нам? С какой стати он вообще до сих пор остается в Париже? А может, его здесь уже и нет? Но Анук, похоже, твердо уверена, что он здесь — может, она с ним виделась? И мысль об этом внушает мне какое-то опасное легкомыслие, и я тоже словно погружаюсь в некий полубред, словно состояние Анук передалось и мне, как грипп; и мне уже кажется, что этот снег — тоже не случайное природное явление, а некое магическое событие, благодаря которому прошлое может исчезнуть без следа...

— Разве ты не хочешь, чтобы он пришел? — спрашивает Анук.

А я вспоминаю его лицо, его запах — смешанный запах пачулей и машинного масла, и его привычку особым образом склонять голову во время работы, и его татуировку — крысу, и его неторопливую улыбку. Я так давно мечтаю о нем. И так давно с ним сражаюсь — сражаюсь с его неуверенностью в себе, с его застенчивостью, с его презрением к условностям, с его упрямым отказом подчиняться правилам...

И вспоминаю все те годы, когда нам пришлось спасаться бегством — мы бежали из Ланскне в Ле-Лавёз, затем в Париж, на бульвар Шапель с его неоновой вывеской и мечетью, затем на площадь Фальшивомонетчиков, в эту chocolaterie, и каждый раз тщетно пытались прижиться, соответствовать, перемениться, стать такими, как все.

И странно — во время всех этих странствий, останавливаясь в дешевых гостиничных номерах и меблирашках разных городов и деревень, испытав за эти годы столько тоски и страха...

...я так и не сумела понять, от кого же я все-таки бегу? От Черного Человека? От Благочестивых? От своей матери? От себя самой?

— Я очень хочу, чтобы он пришел, Нану.

Какое облегчение — произнести это вслух! Наконец-то в этом признаться, несмотря на все разумные доводы. Ведь я пыталась, но так и не обрела в отношениях с Тьерри не то что любви, но даже относительного удовлетворения, так что придется признаться себе самой: некоторые вещи не поддаются рациональному объяснению, нельзя полюбить по выбору; и никуда порой не деться от того ветра, что подхватил тебя и несет, несет...

Разумеется, Ру никогда не верил, что я смогу осесть на одном месте. Он всегда говорил, что я себя обманываю, и ожидал, как всегда спокойный и самоуверенный, что однажды я все-таки признаю свое поражение. Да, я хочу, чтобы он пришел. Но все равно спасаться бегством не буду — ни за что, даже если Зози все тут перевернет вверх дном и обрушит руины этого дома мне на голову. На этот раз мы выстоим. Чего бы это ни стоило.

— Есть здесь кто-нибудь?

Звонят колокольчики у двери. На пороге возникает человек в курчавом парике, но это явно не Ру, слишком огромен.

- Осторожней, люди! В порт входит крупное судно с тяжелым грузом!
- Нико! кричит Анук и бросается великану на шею.

Вот это да! Отделанный позументом камзол, высокие сапоги до колен, драгоценности, способные посрамить любого короля. В руках у него целая охапка подарков; он роняет их под елку, и, по-моему, все небольшое помещение до краев заполняется его великанским добродушным смехом.

- И кто ты у нас? спрашивает Анук.
- Генрих Четвертый, разумеется! с достоинством отвечает Нико. Король французских кулинаров. Эге... Он на мгновение замирает и тянет носом. А чем это так замечательно пахнет? Нет, действительно замечательно! Чем тут будут угощать, Анни?
 - Ой, всего очень много!

Следом за Нико входит Алиса, одетая феей: на ней балетная пачка, за спиной дрожат и переливаются крылышки, хотя вообще-то таких огромных ботинок феи обычно не носят. Алиса очень оживленна, радостно смеется, и даже личико ее, несмотря на общую худобу, несколько утратило прежнюю ломкую остроту черт и сразу стало куда симпатичнее...

— А где же Госпожа Туфелька? — спрашивает Нико.

— Готовится к выходу, — говорит Анук и тащит его за руку к накрытому столу. — Ты пока выпей чего-нибудь, тут все есть... — Она опускает разливательную ложку в пунш. — Только не зацикливайся на миндальном печенье! У нас угощения хватит, чтобы целую армию накормить...

Появляется мадам Люзерон. Такой достойной даме, разумеется, не к лицу какой-то карнавальный костюм, но выглядит она в своей небесноголубой двойке вполне празднично. Мадам Люзерон тоже кладет принесенные подарки под елку и принимает бокал с пуншем от Анук и улыбку от Розетт, которая, как всегда, играет на полу со своей деревянной собачкой.

Снова дребезжат колокольчики: это Лоран Пансон в ослепительно сверкающих ботинках и со свежими порезами на физиономии, результатом слишком тщательного бритья. Затем приходят Ришар и Матурен, Жан-Луи и Пополь. Жан-Луи в невероятно ярком желтом жилете, я таких даже не видала никогда. Еще звонок — и на пороге возникает мадам Пино в наряде монахини; затем появляется та дама с беспокойным взглядом, которая подарила Розетт куклу (ее, наверное, пригласила Зози). У нас вдруг становится очень людно, начинается настоящая веселая пирушка. Гости смеются, выпивают, закусывают канапе и всевозможными лакомствами, а я одним глазком еще и за кухней присматриваю, пока Анук подменяет меня в роли хозяйки дома. Алиса грызет кусочек mendiant, Лоран прячет в карман горсть миндаля — на потом, а Нико громко зовет Зози, которая все еще не спускалась. Интересно, когда же все-таки она сделает свой следующий ход?...

«Тук-тук» стучат ее каблучки по лестнице.

— Извините за опоздание, — улыбаясь, говорит она, и на мгновение веселье стихает, воцаряется полная тишина, и она входит в комнату, так и сияющая свежестью, в красном платье, и теперь все замечают, что она подрезала себе волосы до плеч — в точности как у меня; заправила их за уши — как это делаю я; и челку сделала такую же длинную и прямую, и этот непокорный завиток на затылке, который ничем не уложишь...

Та мадам с беспокойными глазами бросается ее обнимать. Нет, всетаки нужно выяснить, как зовут эту женщину. Хотя пока что я просто глаз не могу отвести от Зози, а она выходит в центр комнаты под одобрительный смех и аплодисменты гостей, и Анук спрашивает:

— Ну и кто же ты все-таки?

И Зози отвечает — но не Анук, а мне, и только я замечаю у нее на устах эту всезнающую улыбку:

— Ну как, Янна? Разве не забавно получилось? Видишь, я пришла на праздник в виде... тебя!

24 декабря, понедельник Сочельник, 20 часов 30 минут

Ну что ж, как известно, некоторым людям угодить невозможно. Но разве игра не стоила свеч? Хотя бы ради того потрясения, что было написано у нее на лице, ради ее внезапной бледности, ради той печали, что промелькнула в ее глазах, ради того, как она невольно вздрогнула, увидев себя саму, спускающуюся по лестнице...

По-моему, мне все отлично удалось. Платье, волосы, украшения — все, кроме туфель, было воспроизведено просто идеально; да и я в ее обличье позволила себе лишь едва заметный намек на улыбку...

— Э, да вы словно близнецы или двойники какие-то! — с детским восторгом восклицает Толстяк Нико, угощаясь миндальным печеньем.

Лоран нервно дергается — похоже, его одолевают какие-то свои фантазии. Нет, конечно же, нас еще вполне можно различить — одежда, прическа и косметика способны очень многое изменить, но мгновенное и полное превращение случается только в волшебных сказках; и все же просто невероятно, как легко я вошла в эту роль.

Ирония ситуации не осталась незамеченной и для Анук; ее возбуждение достигло почти маниакальных пропорций, и она летает тудасюда, то и дело выбегая за дверь chocolaterie — говорит, что ей хочется еще разок полюбоваться снегом, но мы-то с ней знаем: она ждет Ру; и мне нетрудно догадаться, что внезапные радужные вспышки в ее ауре порождены не удовольствием, а невероятным напряжением, которое следовало бы как-то снять, иначе Анук рискует вспыхнуть, как бумажный фонарик, и сжечь себе душу дотла.

Но Ру пока нет. И теперь Вианн пора подавать ужин.

И она, чуть поколебавшись, приступает к этому. Еще довольно рано, и он вполне может прийти — ему оставлено место во главе стола, и, если

кто-нибудь спросит, она скажет, что это место, согласно старинной традиции, всегда оставляют для кого-то из умерших людей и эта традиция — отзвук небезызвестного Día de los Muertos, Дня мертвых, — вполне подходит для сегодняшнего карнавала.

Мы начинаем с лукового супа; от него исходит дивный аромат, чуть напоминающий благоухание осенних листьев; к супу подаются крутоны, тертый швейцарский сыр и сладкий перец. Она осторожно наблюдает за мной — похоже, ожидает, что я прямо из воздуха сотворю некое изысканное блюдо, способное все ее усилия свести на нет.

Но я с удовольствием ем, беседую с гостями, улыбаюсь и сыплю похвалами в адрес нашей замечательной кулинарки, а у нее в ушах стоит звон посуды, и голова немного кружится, и ей кажется, что она не в себе. Ну, пульке — напиток вообще загадочный, а «искренне ваша» Зози обильно сдобрила ею пунш, — разумеется, в честь столь веселого события. Пытаясь прийти в себя, она подливает всем еще пунша, и от него исходит такой сильных запах гвоздики, что кажется, будто кого-то хоронят заживо; да и вкус у пунша огненный, как у перца чили, а она еще удивляется, в чем дело, почему у меня это никак не проходит.

Вторая перемена — восхитительная foie gras на тоненьких ломтиках поджаренного хлеба с финиками и фигами. Именно хрусткость придает этому блюду особую прелесть; она сродни хрусткости правильно выдержанного шоколада; а сама foie gras так же лениво тает во рту и так же нежна, как трюфели с пралине. К этому блюду полагается бокал ледяного сотерна, который Анук с презрением отвергает, зато Розетт тянет с удовольствием из бокальчика размером не больше наперстка, улыбаясь своей редкой солнечной улыбкой и нетерпеливо показывая знаками, чтобы ей дали еще.

Третья перемена — лосось, целиком запеченный en papillote^[62]; его подают с беарнским соусом. Алиса жалуется, что в нее больше не влезет, но Нико кормит ее со своей тарелки; сует ей в рот, как птичке, малюсенькие кусочки и смеется над ее ничтожным аппетитом.

Затем появляется pièce de résistance^[63] — гусь, который так долго томился в горячей духовке, что весь жир из-под кожи вытопился, а сама кожица стала хрустящей и почти карамелизовалась; мясо получилось таким нежным, что соскальзывает с косточек, точно шелковый чулок с дамской ножки. Гусь обложен каштанами и жареными картофелинами с золотистой корочкой.

Из уст Нико вырывается то ли страстный стон, то ли безумный смех.

— По-моему, я умер и попал прямо в рай для обжор, — говорит он и с наслаждением атакует гусиную ножку. — Знаете, я такой вкуснотищи не пробовал с тех пор, как умерла моя мать. Поздравляю нашего замечательного шеф-повара! Ей-богу, Янна, если бы вся моя душа не была заполнена любовью к этому насекомому с палочками вместо рук и ног, что сидит рядом со мной, я бы точно на тебе женился!

От восторга он так взмахивает своей вилкой, что чуть не выкалывает глаз мадам Люзерон (которая, к счастью, успевает отвернуться).

Вианн улыбается. Должно быть, пунш все-таки подействовал: она раскраснелась от похвал.

— Спасибо вам всем, — говорит она, вставая. — Я так рада, что вы сегодня пришли к нам и я могу поблагодарить вас за ту помощь, которую вы нам оказали...

«Вот это да! — говорю я себе. — А что, собственно, они-то сделали?»

— ...став нашими постоянными покупателями. Спасибо вам за дружбу и поддержку, которые были так нам необходимы в этот трудный период!

Она снова улыбается, хотя, по-моему, теперь уже смутно догадывается, что в крови ее свободно бродят некие химические вещества, благодаря которым она и стала такой разговорчивой, такой неожиданно беспечной и неосторожной — почти как та, другая Вианн, значительно моложе нынешней, из иной, полузабытой жизни.

— Детство у меня было беспокойное, неустойчивое. Прежде всего потому, что я никогда по-настоящему не жила на одном месте. И повсюду чувствовала себя чужой, изгоем, аутсайдером. Меня не принимали нигде. Но теперь мне уже удалось прожить здесь целых четыре года, и всем этим я обязана вам и тем, кто относится ко мне так же, как вы.

Зевок, еще зевок. А она все говорит и говорит.

Я наливаю себе еще пунша и ловлю взгляд моей маленькой Анук. Она, пожалуй, выглядит несколько встревоженной; возможно, потому, что Жан-Лу так и не пришел. Он, должно быть, очень болен, бедный мальчик. Дома, видимо, сочли, что он просто съел что-то не то. А между прочим, при таком слабом сердце для него может стать смертельно опасным все, что угодно. Насморк, простуда, легкое колдовство и даже...

Может, Анук в чем-то винит себя?

Пожалуйста, Анук, брось думать об этом! С какой стати ты-то должна чувствовать ответственность за его недомогание? Ты и так мгновенно реагируешь на любую мелкую пакость. Но я-то способна читать по цветам твоей ауры, дорогая моя, и я видела, какими глазами ты смотрела на устроенный мною в святочном домике крошечный вертеп и на тех троих,

заключенных в магический кружок и залитых светом электрических звезд.

Говоря об этом, следует заметить, что одного из этой троицы пока не хватает. Опаздывает, как я и ожидала, но наверняка уже на подходе — быстро и осторожно пробирается по боковым улочкам на Холм, точно хитрая лиса к курятнику. Его место во главе стола по-прежнему свободно; тарелки, бокалы — все нетронуто.

Вианн думает, что, возможно, совершила глупость. Даже Анук уже начинает думать, что все ее старательно воплощенные в жизнь планы и магические заклинания ни к чему не приведут, что даже выпавший снег уже ничего не изменит и ничто больше ее здесь не держит.

Но время пока еще есть, а ужин между тем подходит к концу, гости переходят к красным винам, к p'tits cendrés^[64], запеченным в дубовой золе, к свежим сырам из непастеризованного молока, к старым, зрелым сырам и «Бюзе»^[65] многолетней выдержки, к паштету из айвы, грецким орехам, зеленому миндалю и меду.

И тут Вианн ставит на стол тринадцать рождественских десертов и святочное полено, толстое, как ручища силача, и заключенное в шоколадную броню дюймовой толщины; и все гости — даже Алиса! — до сих пор считавшие, что места у них в желудке совсем не осталось, все же находят возможным съесть ломтик (а то и два или три — в случае Нико). И хотя пунш уже прикончили, Вианн открывает бутылку шампанского, и мы пьем...

Aux absents...[66]

24 декабря, понедельник Сочельник, 22 часа 30 минут

Розетт уже начинает засыпать. Она весь вечер так хорошо себя вела, ела, правда, пальцами, но достаточно аккуратно, и не особенно плевалась и брызгалась, и все разговаривала (точнее, пела) с Алисой, которая за столом сидела с нею рядом.

Ей ужасно понравились волшебные крылышки Алисы, замечательно, потому что та принесла ей в подарок такие же. Крылышки, правда, пока что были спрятаны под елкой, но Розетт слишком мала, чтобы ждать до полуночи — ей действительно давно пора в постель, — вот мы и решили: пусть она прямо сейчас распакует свои подарки. И стоило ей добраться до волшебных крылышек, алых, серебристых, вызывающих как остальные ощущение прохлады, все подарки перестали интересовать; честно говоря, я надеюсь, что, может, Алиса и мне принесла пару таких же? Похоже, если судить по форме предназначенного мне свертка. В общем, Розетт у нас теперь — летающая обезьянка, и она от этого в полном восторге. Надев алые крылышки прямо поверх своего обезьяньего костюма с хвостом, она порхает по комнате и все посмеивается над Нико, выглядывая из-под стола и сжимая в руке шоколадное печенье.

Впрочем, сейчас действительно уже довольно поздно, и на меня наваливается усталость. Где же Ру? Почему он не пришел? Мне так обидно, что я больше ни о чем не могу думать — ни о еде, ни о подарках. В голове крутится только одна эта мысль — точно заводная игрушка, о которой забыли, и она продолжает бессмысленно носиться по полу. На мгновение я закрываю глаза и тут же ощущаю аромат кофе и горячего шоколада с пряностями, который пьет мама, и слышу звон тарелок, которые убирают со стола...

«Он придет, — думаю я. — Он должен прийти».

Половина одиннадцатого, а его все нет. Разве я что-то сделала не так?

Нет, все получилось как надо: и свечи, и сахар, и кружок, и кровь, и золото, и ладан, и снег...

Так почему же он до сих пор не пришел?

Мне не хочется плакать. Все-таки сочельник. Но все должно было быть совсем не так. Неужели это и есть расплата, о которой говорила Зози? Мы избавились от Тьерри — но какой ценой?

И тут я слышу звон колокольчиков у дверей и открываю глаза. Кто-то стоит на пороге. На секунду я вижу его совершенно отчетливо: весь в черном, по плечам рассыпались рыжие волосы...

Но, присмотревшись, я понимаю: это не Ру. На пороге стоит Жан-Лу, а рядом с ним какая-то рыжеволосая женщина, должно быть, его мать. Выражение лица у нее кислое и немного растерянное, но сам Жан-Лу вроде бы в порядке, хоть и несколько бледноват, пожалуй; с другой стороны, он всегда довольно бледный...

Я вылетаю из кресла.

- Ты все-таки пришел! Ура! Ты как себя чувствуешь? Хорошо?
- Лучше не бывает, говорит он с улыбкой. Я бы не простил себе, если бы пропустил ваш праздник. Ведь вы столько к нему готовились! Его мать пытается объяснить с улыбкой:
- Мне очень не хотелось быть у вас на пиру незваной гостьей, но Жан-Лу настоял...
 - Ой, мы вам так рады! успокаиваю я ее.

Мы с мамой бросаемся на кухню, чтобы принести оттуда пару табуреток, а Жан-Лу тем временем что-то вытаскивает из кармана. Похоже на подарок — вещица завернута в золотую бумажку, но уж больно мала, не больше шоколадной конфеты с пралине.

Он протягивает этот предмет Зози и говорит:

— А знаете, все-таки это не мои любимые.

Зози стоит ко мне спиной, и лица ее мне не видно, как и того, что в этом маленьком свертке. Но по-моему, Жан-Лу решил дать ей возможность как-то оправдаться, и я испытываю такое облегчение, что чуть не плачу. Значит, в итоге у нас что-то начинает получаться! И теперь нужно только, чтобы вернулся Ру, а Зози решила остаться...

И тут Зози оборачивается, и я вижу ее лицо, но в течение нескольких мгновений я даже узнать его не могу. Оно совсем не похоже на лицо Зози, и я решаю: наверное, просто тени так падают. В течение этих кратких мгновений она кажется ужасно сердитой... нет, даже не сердитой, а разъяренной: глаза как щелочки, зубы оскалены, и она так стиснула этот несчастный полуоткрытый пакетик, что шоколад просачивается у нее

между пальцами, как кровь...

Нет, наверное, все-таки действительно уже поздно и я слишком устала, вот мне и чудится невесть что. Ведь буквально через секунду Зози снова становится самой собой и весело улыбается, великолепная в своем красном платье и красных бархатных туфельках. И только я хочу спросить у Жана-Лу, что было в том пакетике, как опять раздается звон колокольчиков над дверью и на пороге появляется еще один гость — некто высокий в красном плаще Санты с капюшоном, отороченным белым мехом, и с огромной фальшивой бородой...

— Ру! — ору я и бросаюсь к нему.

Ру оттягивает свою искусственную бороду, и видно, что под ней он улыбается.

Розетт уже у его ног. Он подхватывает ее и подбрасывает в воздух.

— Обезьянка! — говорит он. — Мой любимый зверек. А еще лучше — крылатые обезьянки!

Я обнимаю его.

- Я уж думала, ты не придешь!
- А я вот взял и пришел.

Воцаряется тишина. Ру стоит посреди комнаты, Розетт прижимается к его плечу. Вокруг полно народу, но такое ощущение, что там нет ни души, и хотя Ру, похоже, не испытывает ни малейшего смущения, но все же так смотрит на маму, что мне кажется...

Тогда и я смотрю на нее в Дымящееся Зеркало. Она напускает на себя строгий вид, но аура ее так и пылает яркими цветами. Подойдя чуть ближе к нему, она говорит:

— Мы тут тебе и местечко оставили.

Он смотрит на нее.

— Ты уверена?

Она кивает.

А все вокруг смотрят только на него, и на мгновение у меня мелькает мысль: сейчас он что-нибудь такое скажет, потому что он ужасно не любит, когда люди на него пялятся. Вообще-то Ру и раньше чувствовал себя не в своей тарелке, когда вокруг собиралось слишком много людей...

Но тут мама делает еще шаг и нежно целует его в губы, а он бережно ставит Розетт на пол и заключает маму в объятия...

И мне не нужно никакого Дымящегося Зеркала, чтобы все понять. Такой поцелуй невозможно сбросить со счетов, как невозможно не заметить, до чего они подходят друг другу — точно фигурки паззла; и нельзя не видеть, как сияют ее глаза, когда она берет Ру за руку и с улыбкой

поворачивается к гостям...

«Ну давай, — мысленно прошу я маму. — Скажи им. Произнеси это вслух. Прямо сейчас...»

Несколько мгновений она смотрит на меня. И я понимаю: она услышала мою просьбу. Потом отводит глаза, смотрит по очереди на всех наших друзей, собравшихся кружком, на мать Жана-Лу, которая так и стоит, где стояла, и выглядит как выжатый лимон, и мне становится ясно: она опять колеблется. Все смотрят на нее — и я знаю, о чем она думает. У меня на этот счет нет ни малейших сомнений: она ждет, когда у них на лицах появится то выражение; мы столько раз его видели, оно словно говорит: «Ну естественно, вы же не здешние... вы здесь чужие... вы не такие, как мы...»

За столом все притихли. Все молча смотрят на маму. Гости разрумянились после вкусного угощения — все, кроме Жана-Лу и его матери, естественно, и его мать смотрит на нас так, словно мы — стая волков. Толстяк Нико держит за руку Алису в костюме феи с волшебными крылышками, мадам Люзерон в своей двойке и жемчугах нелепо смотрится среди людей в карнавальных костюмах, мадам Пино в костюме монахини и с распущенными волосами можно дать лет на двадцать меньше, рядом с ней Лоран, глаза которого странно блестят, Ришар, Матурен, Жан-Луи и Пополь судорожно закуривают, но ни у кого, ни у кого нет на лице того выражения...

А вот у мамы как раз выражение лица меняется. Смягчается, что ли. Словно от души у нее отлегла огромная тяжесть. И впервые с тех пор, как родилась Розетт, она действительно выглядит как Вианн Роше, та Вианн, которую ветром занесло в Ланскне, которой всегда было безразлично, что о ней говорят другие...

Зози слегка улыбается.

Жан-Лу хватает мать за руку и силой заставляет ее сесть.

У Лорана открытый рот напоминает букву «О».

Мадам Пино становится красной, как спелая клубника.

А мама говорит:

— Дорогие гости, я хочу кое-кого вам представить. Это Ру. Отец нашей Розетт.

24 декабря, понедельник Сочельник, 22 часа 40 минут

Я слышу, как над столом проносится общий вздох. При иных обстоятельствах это мог быть вздох неодобрения, но в данном случае, после такого угощения и вина, под воздействием праздничного настроения и непривычного снежного великолепия, это больше похоже на некое «а-а-ах!», которое обычно следует за взрывом особенно красивого фейерверка.

Ру смотрит настороженно, потом улыбается, принимает из рук мадам Люзерон бокал шампанского и поднимает его, предлагая выпить за всех присутствующих...

Едва разговоры за столом возобновились, мы с ним прошли на кухню, и следом тут же приползла Розетт в своем обезьяньем костюме. А я вдруг вспомнила, как она обрадовалась, когда Ру впервые у нас появился, словно сразу узнала его.

Ру наклонился и погладил ее по голове. Сходство между ними — как сладкий яд, как воспоминания о былом, как зря потраченные годы. Он ведь столько пропустил: не видел, как Розетт научилась держать головку, не видел ее первой улыбки, не видел, как она рисует животных, и того представления с ложкой, так рассердившего Тьерри, он тоже не видел. Но я по выражению его лица уже понимаю, что никогда он не обвинит Розетт в том, что она не такая, как все, и никогда не будет ее стесняться, и никогда не станет с кем-то сравнивать или просить ее стать другой...

— Почему ты никогда мне не говорила? — спросил он.

Я колебалась. Какую из правд мне сказать ему? Что я слишком сильно боялась, была слишком горда и слишком упряма, чтобы что-то менять в себе? Что я, подобно Тьерри, была влюблена в некую фантастическую мечту? Что когда я наконец сумела дотянуться до своей мечты, то это оказалось вовсе не золото, а всего лишь жалкие клочки соломы?

— Я хотела, чтобы мы поселились на одном месте. Я хотела, чтобы мы

были обычными людьми, как все.

— Обычными?

Я рассказала ему и все остальное: о том, как мы бежали из одного города в другой, о фальшивом обручальном кольце, о смене имен, в том, что с магией покончено, о Тьерри, о стремлении любой ценой стать членами некоего людского сообщества, даже ценой собственной души, или тени...

Ру некоторое время молчал, потом издал негромкий, какой-то сдавленный смешок и спросил:

— И все это ради какой-то шоколадной лавки?

Я покачала головой.

— Нет. Теперь уже нет.

Он всегда говорил мне, что я прилагаю слишком много усилий. Слишком большое всему придаю значение — но теперь-то я вижу, что никогда не придавала должного значения тому, что мне действительно важно и дорого. Эта chocolaterie, в конце концов, просто песок, строительный раствор, камень, стекло. Но души у нее нет; как нет и собственной жизни, кроме той, которую она отбирает у нас. А когда мы отдадим ей свою жизнь...

Ру взял Розетт на руки, и она не выкручивалась, как обычно, когда ее пытается взять кто-то чужой, а почти беззвучно заворковала, закаркала, заквакала, пытаясь выразить радость и удовольствие, и при этом все старалась что-то ему сказать с помощью обеих своих ручек.

- Что она сказала?
- Она говорит, что ты похож на обезьяну, смеясь, пояснила я. В устах Розетт это настоящий комплимент.

Он улыбнулся и обнял нас обеих. Какое-то время мы так и стояли, прижавшись друг к другу, и Розетт крепко обхватила его за шею, а из-за двери доносился негромкий смех, и весь воздух был пропитан ароматом шоколада...

И вдруг я слышу: в комнате воцаряется тишина, звенят колокольчики, дверь резко распахивается, и в дверном проеме возникает еще одна фигура в длинном красном плаще с капюшоном, но только гораздо крупнее, массивнее. И этот Санта-Клаус так хорошо мне знаком, несмотря на его фальшивую бороду, что даже на сигару у него в руке можно внимания не обращать...

И в полной тишине в дом входит Тьерри — хотя и несколько неверной походкой, что свидетельствует об изрядном количестве выпитого спиртного.

Он злобно смотрит на Ру и спрашивает:

- Кто она?
- Она? удивленно переспрашивает Ру.

Тьерри в три прыжка пересекает комнату, задевает елку, спотыкается о кучу подарков, расшвыривая их по всему полу. Потом подскакивает к Ру, сует ему свою фальшивую белую бороду прямо в лицо и орет:

- Сам знаешь твоя сообщница! Та, что помогла тебе обналичить мой чек. Та самая, за которой и банк, и полиция давно охотятся. Она, судя по всему, немало простаков за последний год в Париже обчистила...
- Никакой сообщницы у меня нет, говорит Ру. И чек твой я никогда не обналичивал...

И я вдруг замечаю по его лицу, что он начинает о чем-то догадываться, но, увы, слишком поздно.

Тьерри хватает его за плечо. Они стоят сейчас буквально нос к носу, точно отражения в кривом зеркале: Тьерри — взбешенный и красный, Ру — очень спокойный и очень бледный...

— В полиции-то о ней все известно, — говорит Тьерри. — Только им до сих пор не удавалось к ней так близко подобраться. Она, видите ли, без конца имена меняет. Работает обычно одна. Но на этот раз все же совершила ошибку — подцепила такого неудачника, как ты. Ну, говори: кто она? — Теперь он снова кричит, лицо у него багровое, как у настоящего Санта-Клауса. И он не сводит с Ру пьяных глаз, побелевших от бешенства. — Кто она, черт побери, такая, эта Вианн Роше?

24 декабря, понедельник Сочельник, 22 часа 55 минут Ну разве это не вопрос на миллион долларов?

Тьерри пьян, я это сразу замечаю. Он весь провонял пивом и сигарным дымом, и эти «ароматы» насквозь пропитали и костюм Санта-Клауса, и дурацкую бороду из ваты. Но в отличие от этого яркого наряда цвета его ауры на редкость мрачны, даже угрожающи, и, по-моему, сам он далеко не в форме.

Прямо перед ним ледяной статуей застыла Вианн, лицо у нее совершенно белое, рот полуоткрыт, глаза сверкают. Она лишь несогласно и беспомощно качает головой. Она понимает, что Ру ни за что ее не предаст, да и Анук тоже безмолвствует, дважды потрясенная — сперва той трогательной семейной сценкой, которую ей удалось подглядеть из-за кухонной двери, а затем наглым вторжением Тьерри, когда все наконец получилось так здорово...

- Вианн Роше? равнодушно переспрашивает Вианн.
- Вот именно, говорит Тьерри. Известная также как Франсуаза Лавери, Мерседес Демуан, Эмма Виндзор, и это всего лишь малая толика ее имен...

Я замечаю, что Анук у Вианн за спиной вздрагивает, словно от ужаса. Неужели одно из этих имен задело в ее душе некую струну? А впрочем, разве это сейчас так уж важно? Вряд ли. Честно говоря, я полагаю, что уже победила в этой игре...

Тьерри впивается в Вианн цепким взглядом.

— Между прочим, он называет тебя Вианн!

Разумеется, «он» — это Ру.

Она молча качает головой.

— Ты хочешь сказать, что никогда не слышала этого имени?

Она снова качает головой и...

Вот это да!..

Выражение ее лица меняется: она явно видит ловушку, видит, как ловко ее к ней подвели, понимает, что ее единственная надежда в том, чтобы в третий раз отказаться от себя самой...

А вот на мадам абсолютно никто не смотрит. Во время праздничного ужина она вела себя очень тихо, разговаривала главным образом с Анук. Сейчас же она смотрит на Тьерри с выражением чистого, ничем не замутненного ужаса. О, я, разумеется, ее подготовила. Аккуратными намеками, применением легких чар и старой доброй химии я заставила ее вплотную подойти к этому моменту истины, и теперь требуется назвать только одно-единственное имя, и пиньята с треском расколется, как каштан на огне...

Вианн Роше.

Что ж, вот и мой выход. Улыбаясь, я встаю. У меня еще хватает времени в последний раз, торжествуя, сделать глоток шампанского, прежде чем я прикую к себе все взоры — полные надежды, страха, ярости, поклонения — и потребую свое вознаграждение...

Я еще раз улыбаюсь и говорю:

— Вианн Роше? Это, разумеется, я.

24 декабря, понедельник Сочельник, 23 часа 00 минут

Она, должно быть, нашла мои документы — ну конечно! Те, что спрятаны в материной шкатулке. А после этого ей ничего не стоило и открыть счет на мое имя, и послать запрос на новый паспорт и на водительские права — сделать все, что требуется, чтобы стать Вианн Роше. Она даже и внешне теперь на меня похожа, и, опять же, используя Ру как наживку, легко может воспользоваться украденной ею личностью, чтобы в определенный момент мы с Ру оказались преступниками...

Ох, теперь-то я вижу, в какую западню угодила. Но, увы, слишком поздно, как и всегда в подобных историях, я начинаю понимать, чего она все-таки добивалась. Ей хочется подтолкнуть мою руку, обманом заставить меня раскрыться, и тогда меня унесет ветром, точно осенний листок, преследуемую целым отрядом новых фурий...

«Но что такое имя?» — спрашиваю я себя. Разве мне нельзя выбрать себе другое? Разве нельзя изменить его, как я столько раз делала прежде? Разве нельзя назвать слова Зози беспардонным враньем, блефом и заставить именно ее уйти отсюда? Тьерри изумленно смотрит на нее.

— Ты? — выдыхает он.

Она пожимает плечами.

— Удивлен?

Ошеломленные гости тоже не сводят с нее глаз.

— Ты украла эти деньги? Ты обналичила чеки?

Я вижу, как бледна Анук, стоящая с нею рядом.

Нико решительно заявляет:

— Этого не может быть!

Мадам Люзерон качает головой.

— Но Зози — наш друг, — возражает и маленькая Алиса, жутко краснея из-за необходимости сказать даже эти несколько слов. — Мы ей

стольким обязаны...

Вмешивается Жан-Луи.

— Я сразу отличу фальшивку, стоит мне ее увидеть, — говорит он. — А Зози — не фальшивка. Клянусь.

Но тут слово берет Жан-Лу:

— Это правда Ее фотография была в газете. Она действительно очень ловко меняет свою личину, но я догадался, что это именно она. Мои снимки...

Зози ядовито усмехается и говорит, глядя на него:

— Разумеется, это правда. Все это правда. Имен у меня столько, что я их все и сосчитать не могу. Я всю жизнь жила впроголодь. У меня никогда не было ни настоящего дома, ни семьи, ни своего дела — ничего из того, что есть здесь у Янны...

И она ослепительно, словно падающая звезда, улыбается мне, и я чувствую, что не могу сказать ни слова, даже шевельнуться не могу — она взяла меня своими чарами в плен, как и всех остальных. И чары эти столь сильны, что мне кажется, будто меня чем-то опоили: в голове точно целый улей гудит, по комнате мечутся разноцветные сполохи, и кажется, будто она вращается, как карусель...

Ру кладет руку мне на плечо, желая немного меня успокоить. Похоже, он единственный не испытывает того оцепенения, что охватило и меня, и всех остальных. Я с трудом различаю мадам Рембо — мать Жана-Лу, она глаз с меня не сводит, и на лице ее под обесцвеченными волосами — сплошное неодобрение. Ей явно хочется поскорее уйти отсюда — однако и она заворожена, заколдована голосом Зози...

А Зози, улыбаясь, продолжает свой рассказ:

— Вы можете, конечно, назвать меня авантюристкой. Всю жизнь я жила исключительно за счет собственных мозгов, обманывала, крала, выпрашивала, подделывала. Я никогда и не знала иных занятий. У меня не было ни друзей, ни места, где мне по-настоящему хотелось бы остаться...

Она делает паузу, и я прямо-таки физически чувствую ее чары, запах ладана, сверкающую пыль в воздухе, и мне становится понятно: она способна окончательно заговорить их, обвести вокруг своего изящного пальчика.

— Но здесь, — прочувствованно произносит она, — я обрела дом. И людей, которые меня любят, любят такой, какая я есть. Я думала, что здесь смогу переделать себя, но старые привычки так просто не изживешь. Извини, Тьерри. Я верну тебе все твои деньги.

И понемногу гости вновь обретают способность говорить, и голоса их

начинают звучать все громче, дрожа от смущения и огорчения, и та тихая мадам, имени которой я так и не знаю, вдруг поворачивается лицом к Тьерри; она очень бледна, словно только что поняла нечто такое, что не в силах вымолвить вслух, и глаза на ее бледном, грубоватом лице светятся, как агаты.

— Сколько она должна вам, месье? — говорит она. — У меня в этом деле свой интерес, так что я сама вам все и заплачу.

Тьерри недоверчиво на нее смотрит и спрашивает:

— А при чем здесь вы?

Мадам выпрямляется в полный рост, который не так уж и велик по сравнению с ростом Тьерри; рядом с ним она точно перепелка рядом с медведем.

- Я уверена, у вас есть все права жаловаться, говорит она, у нее гнусавый, типично парижский прононс— Но уверяю вас: у меня есть основания полагать, что мне до Вианн Роше, кто бы она ни была, куда больше дела, чем вам.
 - Это отчего же? спрашивает Тьерри.
 - Я ее мать, просто отвечает она.

24 декабря, понедельник Сочельник, 23 часа 5 минут

И после этих слов тишина, что окутывала ее, точно ледяной кокон, взрывается криками. Вианн, уже не бледная, раскрасневшаяся от выпитого пульке и пережитого волнения, делает шаг и останавливается перед мадам Кайю. Их со всех сторон окружают гости.

Над головами у них висит ветка омелы, и я чувствую дикую, безумную, неукротимую потребность подбежать к ней и поцеловать прямо в губы. Ну до чего же легко ею манипулировать! Впрочем, как и всеми этими людьми. И теперь я уже почти чувствую вкус близкой победы, ощущаю ее зов в своей крови, слышу ее победоносный гул, точно прибой на далеком морском берегу; и у моей победы — вкус шоколада...

Символ Ягуара дает немало возможностей. Настоящие невидимки бывают, разумеется, только в сказке, но человеческие зрение и разум, в отличие от камеры и фотопленки, обмануть можно, причем несколькими способами, это не так уж и трудно. А сейчас, пока внимание всех сосредоточено на мадам, следует потихоньку выйти из комнаты — не то чтобы совсем незаметно — и взять наверху свой, столь предусмотрительно собранный чемодан.

Я так и знала, что Анук последует за мной.

— Зачем ты это сказала? — спросила она. — Зачем назвалась Вианн Роше?

Я пожала плечами:

— А что мне терять? Я меняю имена, как перчатки, Анук. И никогда подолгу на одном месте не задерживаюсь. В том-то и разница между нами. Я бы никогда не смогла жить как она. Никогда не смогла бы стать респектабельной. И мне плевать, что они обо мне подумают. А вот матери твоей есть что терять. У нее есть Ру, и Розетт, и этот магазин, разумеется...

— А как же та женщина?

И тут я рассказала ей печальную историю — о ребенке, украденном с заднего сиденья автомобиля, о серебряном амулете в виде кошечки. Оказывается, Вианн никогда даже не упоминала об этом. И не могу сказать, что меня это удивило.

- Но если она знала, кто она такая, удивилась Анук, то разве не могла снова отыскать ee?
- Возможно, она просто боялась, сказала я. Или, может, чувствовала, что приемная мать ей гораздо ближе. Ты сама выбираешь себе семью, Нану. Разве не так она всегда говорит? И кроме того...

Я сознательно сделала паузу.

— Что?

Я улыбнулась.

— Мы не такие, как все. И мы должны держаться вместе, Нану. Мы должны сами выбирать себе семью. И потом, — коварно прибавила я, — если она может лгать тебе о том, что с ней в действительности случилось, то можешь ли ты быть уверена, что она действительно твоя мать, что тебя, как и ее, не выкрали у родителей?

Я дала ей немного поразмыслить над этим. Внизу мадам все еще продолжала говорить, голос ее становился то громче, то тише, как у прирожденной сказительницы. В этом отношении они с дочерью похожи; но я не могу задерживаться — не время. Итак, вот мой чемодан, пальто, документы. Как всегда, я путешествую налегке. Из кармана я достаю подарок, приготовленный для Анук: маленький сверток в красной бумаге.

- Я не хочу, чтобы ты уходила, Зози.
- Но у меня действительно нет выбора, Нану.

Подарок мой поблескивает в складках мягкой, шелковистой бумаги. Это браслет; тонкий серебряный браслет, новенький и совсем еще светлый. По контрасту единственный амулет, подвешенный к нему, почти черен от старости — это маленькая серебряная кошечка.

Она понимает, что это означает. Рыдание вырывается у нее из груди.

- Зози, нет, не надо...
- Мне очень жаль, Анук.

Я быстро прохожу через пустую кухню. На столах аккуратно составлены тарелки, бокалы и остатки пиршества. На плите исходит паром котелок горячего шоколада; этот парок над ним — словно единственный признак жизни.

«Попробуй. Испытай меня на вкус», — призывает он.

Это совсем слабые чары, повседневная магия, и Анук успешно

сопротивлялась этим чарам целых четыре года, но все же лучше подстраховаться. Я выключаю газ под котелком, проходя мимо плиты к задней двери, ведущей на улицу.

В одной руке у меня чемодан. Свободной же рукой я быстро изображаю в воздухе знак Миктекасиуатль, похожий на клубок светящейся паутины. Смерть и подарок. Исходный соблазн. Куда более действенный, чем шоколад.

Потом я оборачиваюсь и улыбаюсь Анук. Теперь на волю, и пусть тьма поглотит меня целиком. Ночной ветерок играет моим красным платьем. Мои алые туфельки — точно кровь на снегу.

— Нану, — говорю я, — у всех нас есть выбор. Янна или Вианн. Анни или Анук. Ветер Перемен или Хуракан. Не всегда легко быть такими, как мы. Если ты хочешь, чтобы было легко, тогда лучше останься здесь. Но если хочешь прокатиться на этом ветре верхом...

Несколько мгновений она, похоже, колеблется, но я уже понимаю, что победа за мной.

Я одержала победу в ту минуту, когда назвалась твоим именем, Вианн, и этим призвала Ветер Перемен. Видишь ли, я никогда не собиралась оставаться здесь. Я никогда не хотела заполучить твою chocolaterie. Мне никогда не было нужно ни кусочка той печальной жалкой жизни, которую ты сама себе создала.

Но Анук с ее талантами поистине бесценна. Такая юная и уже такая одаренная. И самое главное, ею так легко управлять. Мы могли бы уже завтра быть в Нью-Йорке, Нану, или в Лондоне, или в Москве, или в Венеции, или даже в добром старом Мехико. Столько завоеваний ждут впереди Вианн Роше и ее дочь Анук, и разве мы обе не будем поистине великолепны? Разве мы не покорим все эти вершины, налетев на них подобно декабрьскому ветру?

Анук смотрит на меня, как зачарованная. Все это для нее так важно, так значимо сейчас, и она никак не может понять, почему же раньше она ничего этого не замечала. Честный обмен: жизнь за жизнь.

И разве теперь я не твоя мать? Это ведь куда лучше, чем жизнь, и в два раза веселее. Зачем тебе Янна Шарбонно? Зачем тебе вообще кто-то еще?

- А как же Розетт? возражает она.
- У Розетт теперь есть семья.

Она опять задумывается. Да, у Розетт будет семья. Розетт выбирать не нужно. У Розетт есть Янна. У Розетт есть Ру...

И снова из груди ее вырывается рыдание.

— Пожалуйста...

— Довольно, Нану. Это же именно то, чего ты хочешь. Магия, приключения, жизнь на острие...

Она делает шаг, колеблется, спрашивает:

- Ты обещаешь, что никогда не будешь мне лгать?
- Никогда тебе не лгала и не собираюсь.

Снова молчание, и до меня добирается томный аромат шоколада, сваренного Вианн, словно говоря: «Попробуй, вкуси», — своим умирающим, исходящим паром голосом.

И это все, на что ты способна, Вианн?

Но Анук, похоже, все еще колеблется.

Она смотрит на мой браслет, словно перебирая взглядом мои серебряные амулеты: гробик, туфельки, кукурузный початок, колибри, змея, череп, обезьянка, мышка...

И хмурится, словно пытаясь припомнить нечто такое, что буквально вертится у нее на кончике языка. И глаза ее наполняются слезами, когда она переводит взгляд на медный котелок, остывающий на плите.

Попробуй. Испытай меня на вкус. Последний, печальный, исчезающий аромат — точно призрак детства, тающий в воздухе.

Попробуй. Испытай меня на вкус. Ободранная коленка; маленькая влажная ладошка, где шоколад прямо-таки въелся в линию жизни и линию сердца.

Попробуй. Испытай меня на вкус. Воспоминание о том, как обе они лежат на кровати, а между ними на одеяле книжка с картинками, и Анук громко хохочет над какой-то шуткой...

И снова я рисую в воздухе символ Миктекасиуатль, старой Госпожи Смерти, Пожирательницы Сердец, и этот символ вспыхивает, точно темный фейерверк у Анук на пути. Уже поздно, печальная история мадам Кайю наверняка подходит к концу, и очень скоро нас обеих хватятся.

У Анук явно голова кругом, она не сводит странно-мечтательного взгляда с плиты. Я заглядываю в Дымящееся Зеркало и вижу причину этого: некую маленькую серую фигурку, сидящую возле котелка, я с трудом различаю нечто вроде усов на мордочке, хвостик...

— Hy? — спрашиваю я. — Ты идешь или нет?

24 декабря, понедельник Сочельник, 23 часа 5 минут

— Мы с Жанной Роше были соседками, моя комната была чуть дальше по коридору. — В голосе мадам Кайю слышны типичные «льезоны» [67] парижанки, она точно острыми каблучками высекает слова и отдельные слоги. — Она была чуть старше меня, а на жизнь зарабатывала гаданием по картам Таро да еще тем, что помогала людям бросить курить. Я заходила к ней как-то, недели за две до того, как украли мою дочку. И она мне сказала: ты подумываешь о том, что хорошо бы ее кто-нибудь удочерил. Я назвала ее лгуньей. Но на самом деле это была чистая правда.

Мадам помолчала, потом с тем же отсутствующим взглядом продолжила:

— Это была крошечная квартирка в Нёйи-Плезанс. Полчаса до центра Парижа. У меня имелся старый «2CV»^[68], я работала официанткой в двух местных кафе, да временами нам кое-что подкидывал отец Сильвиан, который, как я к тому времени поняла, никогда и не собирался оставлять свою жену. Мне был двадцать один год, и жизнь моя была кончена. На ребенка уходило почти все, что я могла заработать. Я просто не знала, что мне делать. И ведь не то чтобы я ее не любила...

Перед моим внутренним взором мимолетно возникает та кошечкаамулет. Есть в ней нечто трогательное, в этой серебряной побрякушке с красной ленточкой. Неужели Зози и ее украла? Возможно, да. Возможно, именно так она и обманула мадам Кайю, грубоватое лицо которой сейчас так смягчилось из-за воспоминаний о трагической утрате.

— А через две недели она исчезла. Я оставила ее буквально на две минуты... Жанна Роше, должно быть, следила за мной, выжидая подходящего момента. Когда же мне пришло в голову, что искать нужно именно ее, оказалось, что ее и след простыл: она собрала свои вещи и съехала. И никаких доказательств у меня не было. Но мне всегда хотелось

знать... — Она повернулась ко мне, лицо ее так и светилось. — А потом я познакомилась с вашей подругой Зози, с ее дочкой, и я поняла, поняла...

Я смотрела на эту незнакомую женщину, стоявшую передо мной. Самая обыкновенная женщина лет пятидесяти, но можно дать и больше; с тяжелыми бедрами и нарисованными бровями. Мимо такой женщины я тысячу раз могла бы пройти на улице и даже не задуматься о том, что между нами может существовать хоть какое-то родство, однако сейчас она стояла передо мной, и на лице ее была написана такая невероятная надежда, что я сразу поняла: вот она, ловушка. Но я прекрасно понимала также, что мое имя — это еще не моя душа.

Ну не могла я, просто не могла позволить ей поверить, что...

— Прошу вас, мадам... — Я улыбнулась ей. — Кто-то сыграл с вами злую шутку. Зози — не ваша дочь. Что бы она ни утверждала, она не ваша дочь. А что касается Вианн Роше...

Я не договорила. Лицо Ру было совершенно бесстрастным, но рука его нашла мою руку и крепко ее сжала. И Тьерри тоже глаз с меня не сводил. И в этот момент я поняла, что выбора у меня нет. Я знаю: человек, который не отбрасывает тени, — это и не человек вовсе, а женщина, которая отказывается от собственного имени...

— Я помню красного плюшевого слоника, — сказала я. — И одеяльце с цветочками. По-моему, оно было розовое. И медвежонка с глазами-пуговицами. И маленькую серебряную кошечку-амулет, перевязанную красной ленточкой...

Теперь мадам смотрела на меня во все глаза, и глаза эти под нарисованными бровями так и горели.

— Эти игрушки странствовали вместе со мною много лет, — продолжала я. — Слоник со временем выцвел и стал бледно-розовым. Я протерла его буквально до дыр, но выбросить не позволяла. Это были единственные мои игрушки, других у меня никогда не было, и я носила их в своем рюкзачке, усадив их туда так, чтобы головы торчали наружу и они могли бы дышать свежим воздухом...

Я снова помолчала. В тишине было слышно хриплое, мучительное дыхание мадам Кайю.

— Она учила меня читать по ладони, — продолжала я. — И гадать по картам Таро, и по чаинкам, и по рунам. У меня до сих пор хранится ее колода карт — там, наверху, в шкатулке. Я не очень-то часто ими пользуюсь, и это, разумеется, не слишком веское доказательство, но это все, что у меня от нее осталось...

Она неотрывно смотрела на меня, губы ее приоткрылись, уголки рта

опустились в какой-то странной гримасе, суть которой определить было бы трудно.

- Она говорила, что ты бы все равно не стала любить меня так, как она. И так заботиться обо мне. Она говорила, что ты бы просто не знала, что со мной делать. Но она сохранила тот амулет, она хранила его вместе с картами Таро и кое-какими газетными вырезками, по-моему, перед смертью она хотела все мне рассказать, но я тогда просто не смогла бы во все это поверить да я просто и не хотела тогда верить в это.
- Я часто пела тебе одну песенку, сказала она вдруг. Колыбельную. Ты ее помнишь?

Некоторое время я молчала. Мне же было всего полтора года! Как я могу помнить такие вещи?

И вдруг эта песенка отчетливо зазвучала у меня в ушах. Это была та самая колыбельная, которую мы всегда пели, чтобы отвратить от себя Ветер Перемен; та самая колыбельная, которая смягчала даже сердца Благочестивых...

V'là l'bon vent, v'là l'joli vent, V'là l'bon vent, ma mie m'appelle, V'là l'bon vent, v'là l'joli vent, V'là l'bon vent, ma mie m'attend...

Я умолкла. А она вдруг раскрыла рот и завыла; это был страшный вопль, вопль отчаяния, но, как ни странно, исполненный надежды; он прорезал тишину, точно хлопанье крыльев какой-то обезумевшей птицы.

— Да, это она! Она!..

Ее голос беспомощно задрожал, и она рванулась ко мне, раскинув руки в стороны, словно тонущее дитя.

Я поймала ее — иначе она бы просто упала, — и почувствовала ее запах: запах засохших фиалок, одежды, которую слишком давно не надевали, пропахшей шариками от моли, запах зубной пасты, пудры и пыли. Это было настолько не похоже на слабый аромат сандалового дерева, всегда исходивший от моей матери, что единственное, что мне удалось в эту минуту, — это удержать подступившие к глазам слезы...

— Виан, — повторяла она. — Моя Виан.

А я обнимала ее, как обнимала и свою мать за несколько недель, за

несколько дней до ее смерти, и шептала тихие слова ободрения, которых она не слышала, но которые все же немного ее успокаивали. Наконец она разрыдалась — теми протяжными бессильными рыданиями, какие вырываются из груди человека, который видел больше, чем могут вынести глаза, и перечувствовал больше, чем может выдержать сердце...

Я терпеливо ждала, пока ее рыдания немного утихнут. Через несколько минут рвущие душу стоны стихли в ее груди, сменившись какими-то тихими толчками, и ее лицо, превратившееся в руины из-за потока слез, обернулось к обступившим нас гостям. Довольно долго все стояли не шевелясь, даже не переглядываясь. Некоторые вещи воспринять почти невозможно; и эта женщина в своем неприкрытом горе заставила моих гостей смущенно шарахнуться в сторону, как это делают дети, завидев на дороге умирающего свирепого зверя.

Никто не предложил ей даже носового платка.

Никто не посмотрел ей в глаза.

Никто не промолвил ни слова.

А затем вдруг, к моему сильнейшему удивлению, поднялась мадам Люзерон и сказала своим чистым и холодным, как стекло, голосом:

- Моя дорогая бедняжка, я понимаю, что вы сейчас чувствуете.
- Понимаете?

Глаз мадам Кайю почти не было видно из-за струящихся слез.

— Видите ли, я потеряла сына. — Она положила руку на плечо мадам Кайю и подвела ее к ближайшему креслу. — Вы испытали настоящий шок. Выпейте шампанского. Мой покойный муж всегда говорил, что шампанское — это лекарство от многих недугов.

Мадам Кайю неуверенно улыбнулась.

- Вы очень добры, мадам...
- Меня зовут Элоиза. А вас?
- Мишель.

Значит, вот каково имя моей матери. Мишель.

«Ну что ж, по крайней мере, я по-прежнему могу остаться Виан», — подумала я, и меня вдруг охватил такой сильный озноб, что я буквально рухнула в кресло.

— Что с тобой? — встревожился Нико. — Ты в порядке?

Я кивнула, пытаясь улыбнуться.

— У тебя такой вид, словно и тебе бы не помешало какое-нибудь лекарственное средство, — сказал он и протянул мне бокал с коньяком.

Он так искренне тревожился обо мне и так нелепо выглядел в своем парике Генриха IV и шелковом камзоле, что я вдруг заплакала — я

понимаю, это было совсем уж ни к чему, — и на какое-то время совсем позабыла о той сцене, которую Мишель прервала рассказом о своих злоключениях.

Но Тьерри об этом не забыл. Он, может, и был пьян, но все же не настолько, чтобы позабыть, зачем пришел сюда. Он пришел, чтобы застать здесь Ру. И возможно, Вианн Роше. И он ее действительно нашел, хотя она и оказалась совсем не такой, какой он ее себе представлял. И все же она была здесь, она была заодно с его врагом...

— Значит, ты и есть Вианн Роше.

Голос его звучал ровно. А глаза казались булавочными головками, утонувшими в красном тесте.

Я кивнула.

— Я была ею. Но не я обналичивала эти чеки...

Он не дал мне договорить.

— Мне на это наплевать. Куда важнее то, что ты лгала мне. Лгала. Мне.

Он сердито тряхнул головой, но в этом его жесте было что-то жалкое, словно он никак не мог поверить, что жизнь в очередной раз не сумела подстроиться под его точные идеальные стандарты.

- Я так хотел на тебе жениться. Теперь в его голосе явственно чувствовалась жалость к самому себе. Я бы дал тебе дом, тебе и твоим детям. Детям другого человека. Хотя одна из этих детей... нет, вы только посмотрите на нее! И он метнул взгляд в сторону Розетт, одетой в костюм обезьянки, и рот его сложился в уже знакомую мне букву «О». Она же практически животное! Ползает на четвереньках. Даже говорить не умеет. Но я бы все равно о ней позаботился... я бы нашел лучших в Европе врачей, которые занимаются подобными недугами. И все ради тебя, Янна. Потому что я любил тебя.
 - Любил? переспросил Ру.

И все обернулись к нему.

Он стоял, опираясь о дверной косяк, на пороге кухни, руки в карманах, глаза горят. Он расстегнул молнию на своем костюме Санта-Клауса и под ним был весь в черном, и эти цвета так сильно напомнили мне того крысолова, нарисованного на одной из карт Таро, что у меня вдруг перехватило дыхание. И теперь он говорил — яростно, отрывисто; это Руто, который ненавидит толпы народа, избегает по возможности всяческих сцен и никогда, никогда не произносит речей...

— Ты ее любил? — повторил он. — Ты же совсем ее не знаешь. Ее любимое лакомство — mendiants, ее любимый цвет — красный. Ее

любимый аромат — мимоза. Она умеет плавать, как рыба. Ненавидит черные туфли. Обожает море. У нее шрам на левом бедре с тех пор, как она упала с польского товарного поезда. Ей не нравится, что у нее такие курчавые волосы, хотя они просто великолепны. Она любит «Битлз» и не любит «Роллинг стоунз». Она всегда крала в ресторанах меню, потому что никогда не могла себе позволить поесть там. Она — лучшая мать из всех, кого я знал в жизни... — Он помолчал. — И твоя благотворительность ей вовсе не нужна. Что же касается Розетт... — он подхватил девочку на руки и прижал к себе так, что ее личико почти касалось его лица, — то ничего такого у нее нет. Она идеальный ребенок.

На какое-то время Тьерри, по-моему, даже растерялся. Затем до него стал доходить смысл сказанного. Лицо его потемнело, он переводил глаза с Ру на Розетт, с Розетт на Ру. Истина была бесспорна: черты лица у Розетт, возможно, не такие резкие, а волосы более светлого, рыжеватого оттенка, но у нее глаза Ру, его ироничный рот, и в эти мгновения, глядя на них, ошибиться было бы просто невозможно...

Тьерри развернулся в своих сверкающих туфлях, но это элегантное движение оказалось несколько подпорченным тем, что он бедром задел край стола. В результате бокал с шампанским полетел на пол и разбился вдребезги, осколки его, точно фальшивые бриллианты, так и зазвенели по плиткам пола. Но когда мадам Кайю попыталась их собрать...

— Эй, вот повезло! — воскликнул Нико. — A я мог бы поклясться, что слышал, как он разбился...

Мадам как-то странно на меня посмотрела.

— Просто повезло, наверное, — повторила я следом за Нико.

Ну да, как и с тем синим хрустальным блюдом из Мурано, которое я тогда уронила. Только теперь я уже больше ничего не боялась. Я просто смотрела на Розетт, сидевшую на руках у отца, и испытывала — нет, не страх, не испуг, не тревогу, а всепоглощающую гордость...

— Можешь пока что радоваться, если можешь. — Тьерри стоял уже возле двери, огромный в своем красном карнавальном костюме. — Но предупреждаю тебя заранее, за три месяца, как это обусловлено нашим договором: я твою лавочку закрываю. — Он смотрел на меня с добродушной улыбкой, в которой сквозила откровенная злоба. — Неужели ты думала, что останешься тут после всего, что произошло? Я — хозяин этого заведения, если ты на минуточку об этом забыла, и у меня свои планы, в которые ты не входишь. А пока что развлекайся своими шоколадками. К Пасхе от вашего магазина и следа не останется.

В общем-то, мне уже приходилось не раз слушать нечто подобное.

Когда дверь за Тьерри с грохотом захлопнулась, я испытала не страх, а, напротив, новый, удивитально сильный прилив гордости. Самое худшее уже случилось, и мы выжили. Ветер Перемен опять одержал победу, но на этот раз у меня не возникло ощущения, что я безнадежно проиграла. Наоборот, я была невероятно счастлива, я была готова сразиться хоть с самими фуриями...

И вдруг в голову мне пришла ужасная мысль. Я резко встала и обшарила комнату глазами. Разговоры среди гостей уже возобновились, постепенно набирая и скорость, и громкость. Мадам Люзерон разливала шампанское. Нико принялся болтать с Мишель. Пополь флиртовал с мадам Пино. Из того, что долетало до моих ушей, я сделала вывод: все считают, что Тьерри был просто пьян, все его угрозы — пустая болтовня и через неделю все это будет забыто, потому что chocolaterie уже стала частью Монмартра и никак не может исчезнуть, как не может исчезнуть, скажем, «Крошка зяблик»...

Но кого-то в комнате не хватало. Куда-то пропала Зози. И нигде не было видно Анук.

24 декабря, понедельник Сочельник, 23 часа 15 минут

Пантуфля я уже давно не видела так близко. И уже почти позабыла, каково это, когда он рядом — смотрит на меня своими черными, как смородина, глазами, или сидит, весь такой тепленький, у меня на коленях, или устраивается прямо на подушке на тот случай, если ночью мне вдруг приснится Черный Человек и я испугаюсь. Но Зози уже стоит в дверях, и нам нужно успеть оседлать этот Ветер Перемен...

Я про себя окликаю Пантуфля. Я просто не могу уйти без него. Но он ко мне не идет, а сидит себе на плите, недовольно подергивая усами. Смешно, но я так и не могу припомнить, когда это мне удавалось так близко его увидеть, разглядеть каждую шерстинку, каждый усик. А еще от медного котелка на плите исходит какой-то странный аромат...

«Да это же просто шоколад», — говорю я себе.

Но почему-то пахнет он не совсем обычно. Это запах того шоколада, который я пила в детстве, — с большим количеством сливок, с шоколадной стружкой, корицей и с такой длинненькой ложечкой, чтобы его помешивать...

— Hy? — говорит Зози. — Ты идешь или нет?

И снова я окликаю Пантуфля. И снова он словно не слышит меня. И я, конечно же, хочу пойти с ней, увидеть те места, о которых она мне рассказывала, поскакать верхом на ветре, стать великолепной — но возле медной кастрюльки сидит Пантуфль, и я почему-то просто не могу отвернуться от него и уйти.

Я знаю, что Пантуфль — друг всего лишь воображаемый, а Зози самая настоящая, живая, но я чувствую, что должна непременно вспомнить что-то еще, какую-то историю, которую часто рассказывала мне мама, — ах да, о мальчике, который променял свою тень на...

— Ну идем же, Анук!

Ее голос звучит резко. Теперь я чувствую, какой холодный ветер залетает в кухню, вижу снег — и на ступеньках крыльца, и на ее туфельках. А внутри магазина вдруг поднимается какой-то шум, я отчетливо чувствую запах шоколада, слышу, как мама зовет меня...

Но Зози уже схватила меня за руку и тащит за порог. Я чувствую, как ноги скользят по снегу, как ночной холод пробирается мне под плащ...

«Пантуфль!» — зову я в последний раз.

И он наконец подбегает ко мне — на фоне снега он кажется серой тенью. И на мгновение я вижу лицо Зози — не в Дымящемся Зеркале, а как бы сквозь тень Пантуфля: это совсем чужое лицо, не ее, все какое-то вогнутое, перекрученное, словно старые металлические стружки, и очень старое, такое старое, как у самой древней прапрапрабабки; и вместо красного, как у мамы, платья на ней юбка из человеческих сердец, а ее башмаки — точно кровь на тающем снегу...

Я дико вскрикиваю и пытаюсь вырваться.

Она вцепляется в меня, сотворив знак Ягуара, и я слышу ее голос; она уверяет меня, что все у нас будет отлично, что не нужно бояться, что она выбрала меня, что она хочет, чтобы я была с ней, что я ей нужна, что никто другой не сможет понять...

Я знаю: мне ее не остановить. Мне придется пойти с нею. Я зашла слишком далеко, и моя магия ничто в сравнении с ее умениями, но запах шоколада по-прежнему очень силен, он похож на запах леса после дождя, и я вдруг обретаю способность видеть еще что-то своим внутренним зрением, передо мной открывается некая, пока не ясная мне картина. Я вижу маленькую девочку, всего на несколько лет младше меня. Она стоит в каком-то магазине, а напротив нее небольшой ящик, по форме напоминающий тот серебряный гробик-амулет, что висит у Зози на браслете...

— Анук!

Я различаю голос мамы. Но увидеть ее не могу. Она сейчас так далеко от меня! А Зози все тащит меня куда-то во тьму, и ноги мои сами несут меня по снегу следом за нею. И я вижу, что та девочка как раз собирается открыть ящичек, а там внутри что-то ужасное, и если бы я только знала, как это сделать, то, наверное, остановила бы ее, но я...

Мы останавливаемся напротив нашей шоколадной лавки, на углу площади Фальшивомонетчиков, перед нами простирается улица, вымощенная булыжником. Прямо над нами горит уличный фонарь, и наши тени протягиваются по снегу далеко-далеко и спускаются даже на первые ступеньки лестницы, ведущей с Холма. Краем глаза я вижу маму, она стоит

на крыльце и осматривает площадь. Кажется, что до нее сотня миль, и все же я понимаю, что это не может быть так далеко. И еще там Ру, и Розетт, и Жан-Лу, и Нико, и их лица тоже отчего-то кажутся далекими-далекими, словно я смотрю на них с другой стороны подзорной трубы...

Дверь открывается. Мама сбегает с крыльца.

Я слышу, как издалека доносится голос Нико: «Да что же это, черт побери, такое?»

За спинами мамы и Нико слышится шелест голосов, но его заглушает треск статического электричества.

Поднимается ветер. Это Хуракан. С ним маме, конечно же, бороться не под силу. Но я вижу, что она тем не менее намерена противостоять ему. Она выглядит очень спокойной. Она почти улыбается. И вот что мне интересно знать: как это мне или кому-то еще в голову могло прийти, что моя мама хоть чуточку похожа на Зози?..

Зози улыбается маме какой-то людоедской улыбкой и говорит:

- Ну что, собралась с духом? Слишком поздно, Вианн. В этой игре выиграла я.
- Ничего ты не выиграла, говорит мама. Такие, как ты, никогда не выигрывают. Ты можешь, конечно, думать, что победила, но твоя победа всегда оказывается ничем, пустышкой.
- Откуда тебе знать? рычит Зози. Девочка пошла за мной по собственному желанию.

Но мама не обращает на нее внимания.

— Анук, иди сюда, — говорит она мне.

Но я словно пришпилена к этому месту, залитому замерзшим светом фонаря. Я хочу подойти к ней, но что-то мешает мне, какой-то шепчущий голос, точно ледяной рыболовный крючок, впивается мне в сердце и тянет меня в другую сторону.

Слишком поздно. Ты уже сделала свой выбор. Хуракан никуда не уйдет...

— Пожалуйста, Зози! Я хочу домой...

Домой? Куда это — домой? Убийцы дома не имеют, Нану. Убийцы скачут верхом на Хуракане...

— Но я же не убийца...

Вот как? Не убийца?

Она смеется — точно мелом по сухой школьной доске проводит.

— Отпусти меня! — пронзительно вскрикиваю я.

Она опять смеется. Глаза у нее — как угли, рот — как клубок колючей проволоки, и мне странно даже подумать, как это я могла считать ее

великолепной. От нее разит дохлыми крабами и бензином. Руки у нее, точно пучки голых костей, волосы — как подгнившие водоросли. А в голосе слышится ночь, в нем слышится вой того ветра, и теперь я понимаю, до чего же она голодна, до чего ей хочется проглотить меня целиком...

И тут я слышу голос мамы. Он звучит очень спокойно. Но аура ее — точно северное сияние, она горит ярче, чем Елисейские Поля перед Рождеством, и она выбрасывает по направлению к Зози руку со скрещенными пальцами — это тот самый маленький смешной жест, который мне так хорошо знаком...

Кыш, кыш, пошла прочь!

Зози жалостливо усмехается. Связка сердец у нее на талии подпрыгивает и кружится, точно юбка шамана.

Кыш, кыш, пошла прочь! Мама опять скрещивает пальцы, и на этот раз я замечаю маленькую искру, что вылетает из ее скрещенных пальцев и устремляется через площадь к Зози, точно взлетевший над костром уголек.

И снова Зози улыбается и говорит:

— Неужели это самое большее, на что ты способна? Домашняя магия! Фокусы, которым можно научить и ребенка! Ах, как бессмысленно ты тратишь свой дар, Вианн! А ведь ты могла бы скакать верхом на урагане с нами вместе. Однако некоторые люди слишком стары, чтобы меняться. Некоторые люди просто боятся стать свободными...

И она делает шаг по направлению к маме и вдруг снова меняет свое обличье. Это, конечно же, просто чары, но теперь она вновь прекрасна, и я ничего не могу с собой поделать: стою и с восхищением смотрю на нее. Исчезла та связка окровавленных сердец, сейчас на Зози вообще почти ничего нет, кроме коротенькой юбочки из нефритовых бус и множества разнообразных золотых украшений. Кожа у нее цвета мокко со сливками, а рот — точно расколотый гранат, и она улыбается маме и говорит:

— Почему бы и тебе не отправиться вместе с нами, Вианн? Еще не поздно. Втроем мы были бы неодолимы. Мы были бы сильнее всех Благочестивых на свете. Сильнее Хуракана. Мы были бы великолепны, Вианн. Неотразимы. Мы бы торговали соблазнами и сладкими снами, и не только здесь, но и повсюду. Мы прославились бы на весь мир благодаря твоему шоколаду. У нас во всех концах света были бы свои предприятия. И все обожали бы тебя, Вианн, ты бы переменила жизнь миллионам...

Мама спотыкается. *Кыш, кыш, пошла прочь!* Но душу свою в это заклинание она вложить уже не может, и крохотная искорка гаснет, не долетев и до середины площади. Она делает еще шаг, теперь она всего в дюжине шагов от 3ози, но аура ее погасла, она идет, словно во сне...

А мне хочется крикнуть ей, что все это обман, что магия 3ози — это все равно что дешевое пасхальное яйцо: одна блестящая обертка — развернешь, а там пусто. И тут я вспоминаю, что показывал мне Пантуфль: ту маленькую девочку, магазин, черный ящичек и старую-престарую прапрабабку, что сидит в этом магазине и улыбается, точно переодетый волк из сказки...

И я вдруг снова обретаю голос и кричу изо всех сил, даже не совсем понимая, что означают эти слова, но твердо зная, что слова эти волшебные, могущественные, с их помощью можно даже духов вызвать или остановить этот зимний ветер...

— Зози! — кричу я.

Она смотрит на меня. И я говорю:

— Что же было в той черной пиньяте?

24 декабря, понедельник Сочельник, 23 часа 25 минут

Это разрушило ее чары. Она остановилась. Долго смотрела на меня. Потом подошла ближе, ступая по снегу, и наклонилась ко мне совсем близко. И на меня снова пахнуло той гнусной вонью, как от кучи дохлых крабов, но я даже глазом не моргнула.

— Ты смеешь спрашивать меня об этом? — прорычала она.

И теперь я уже едва осмеливаюсь смотреть на нее. Она снова переменила обличье: стала просто ужасающей, она теперь злобная великанша, и рот у нее — точно пещера, полная поросших мохом зубов. Серебряный браслет на запястье больше похож на связку человеческих черепов, а эта ее страшная юбка из сердец так и сочится кровью — на белом снегу словно полотнище красное расстелили. Вид у нее действительно был пугающий, и одновременно чувствовалось, что она сама чего-то боится. А мама у нее за спиной наблюдала за нами с какой-то забавной улыбкой на устах, словно знала обо всем этом гораздо больше меня...

Мама незаметно кивнула мне. И я снова произнесла те магические слова:

— Зози, что было в той черной пиньяте?

Зози в ответ как-то хрипло каркнула.

— Я думала, что мы с тобой друзья, Нану, — помолчав, сказала она нормальным голосом и вдруг опять стала прежней Зози, той давнишней Зози в леденцовых туфельках, алой юбке, с той же розовой прядью в волосах и с дешевыми разноцветными бусами на шее.

Она казалась такой настоящей, такой реальной, такой знакомой, что у меня защемило сердце. Мне больно было видеть ее такой печальной. И рука ее у меня на плече дрожала, и глаза ее были полны слез, когда она прошептала:

— Пожалуйста, Нану, о, пожалуйста, не заставляй меня говорить об этом...

Мама стояла шагах в шести от нас. У нее за спиной на площади виднелись Жан-Лу, Ру, Нико, мадам Люзерон, Алиса — и у всех цвета ауры сверкали, точно салют на 14 июля^[69], золотыми, зелеными, серебряными и красными огнями...

Я вдруг уловила в воздухе сильный запах шоколада; он как бы вытекал из распахнутой кухонной двери, и я сразу вспомнила тот медный котелок на плите, и тот парок, что вился над ним, умоляюще протягивая ко мне свои призрачные длинные пальцы, и тот голос, который я слышала почти наяву, голос моей матери, повторявший: попробуй, вкуси...

И я вспомнила, сколько раз она предлагала мне горячего шоколада, а я отказывалась. Нет, не потому, что я его не люблю, а потому, что я на нее сердилась — ведь она так сильно изменилась; а еще потому, что я обвиняла ее в том, что с нами произошло; и потому, что мне хотелось к ней вернуться, заставить ее понять: я не такая, как все...

И никакой особой вины Зози тут нет, думала я. Зози — это просто зеркало, которое показывает нам то, что мы сами хотим увидеть. Показывает нам наши надежды, то, что мы ненавидим, наши тщеславные мечты. Но если вглядеться по-настоящему, то ведь любое зеркало — это просто кусок стекла...

И я в третий раз очень ясно и отчетливо произнесла:

— Так что же было в той черной пиньяте?

24 декабря, понедельник Сочельник, 23 часа 30 минут

И теперь я все это вижу так ясно, словно передо мной разложены карты Таро. Ту темную лавчонку, и черепа на полках, и маленькую девочку, и ее прапрапрабабку, что стоит рядом с нею, и на древнем лице этой старухи написана всепоглощающая алчность.

Я знаю, что и Анук тоже это видит. Даже Зози видит это теперь, и ее лицо продолжает меняться: оно становится то старым, то молодым, она превращается то в Зози, то в Королеву Червей, и рот ее кривится, выражая то презрение, то нерешительность, то неприкрытый страх. И теперь ей всего девять лет, это маленькая девочка в карнавальном костюме, с серебряным браслетом на запястье.

— Ты хочешь знать, что там было внутри? Ты действительно хочешь знать это? — спрашивает она.

24 декабря, понедельник Сочельник, 23 часа 30 минут Значит, ты действительно хочешь это знать, Анук? Рассказать тебе, что я там увидела?

Ты спрашиваешь, что я ожидала увидеть? Сладости, наверное, или леденцы на палочках, шоколадные черепа, ожерелья из сахарных зубов — всю ту дребедень, которой обычно торгуют в День мертвых. Все это чаще всего и высыпается из расколотой пиньяты, точно темное конфетти...

иное? связанное Или, может, Что-то C ОККУЛЬТНЫМИ откровениями, некий божественное намек на присутствие, потусторонний мир, возможно, некое свидетельство того, что мертвые попрежнему среди нас — сидят с нами вместе за праздничным столом, беспокойные усопшие, хранители самой важной тайны на свете, которая однажды будет поведана и всем нам...

Разве все мы не хотим узнать ее? Поверить, что Христос воскрес из мертвых, что ангелы нас охраняют, что есть рыбу в пятницу — это священный обычай, а в иные дни — смертный грех, что отчего-то важно, если с небес падает мертвый воробей или разрушается башня, а может, и две, если исчезает с лица земли целая раса, уничтоженная во имя того или иного прихотливого божества или богини, которых с трудом можно отличить от целого сонма «истинных богов»? Ха! До чего же они все-таки глупы, эти смертные! Но самое смешное, что все мы глупы, глупы даже сами боги, ибо, несмотря на то что во имя этих богов уничтожены миллионы людей, несмотря на бесконечные молитвы, бесчисленные жертвы, непрекращающиеся войны и сомнительные откровения, — кто сейчас по-настоящему помнит старых богов: Тлалока, Коатликуэ [70], Кецалькоатля и даже старую жадную Миктекасиуатль? Их храмы превратились в «наследие предков», их жертвенные камни повалены, их

пирамиды заросли лесом — все кануло в вечность, как кровь в песок.

И разве нам есть дело, Анук, если через какие-то сто лет Сакре-Кёр превратится в мечеть, или в синагогу, или еще во что-нибудь подобное? Ведь к тому времени все мы станем песком, за исключением того единственного, который был всегда; того единственного, который строит пирамиды, возводит храмы, приносит жертвы, сочиняет изысканную музыку, отрицает логику, восхваляет смиренных и кротких, встречает души и ведет их в рай, диктует, что нам носить, карает неверных, рисует фрески в Сикстинской капелле, вынуждает молодых мужчин умирать за правое дело, с помощью пульта дистанционного управления заставляет играть оркестры, обещает так много, дает так мало, никого не боится и никогда не умирает, потому что страх смерти гораздо, гораздо сильнее чести, доброты, веры или любви...

Итак, вернемся к твоему вопросу. Что ты спросила? Повтори.

Ах да, насчет той черной пиньяты.

Ты думаешь, я нашла ответ у нее внутри?

Извини, дорогая. Подумай хорошенько.

Ты хочешь знать, что я увидела, Анук?

Ничего. В том-то все и дело. Большую жирную застежку-молнию.

Никаких ответов, ничего определенного, никакой выплаты долгов, никакой истины. Просто воздух, один-единственный хлопок зловонного воздуха вырвался из той черной пиньяты, точно утренний выдох человека, проспавшего тысячу лет.

— Самое худшее, Анук, — это ничто. Ни смысла, ни послания, ни демонов, ни богов. Мы умираем — и там ничего. Совсем ничего.

Она смотрит на меня своими потемневшими глазами.

- Ты ошибаешься, говорит Анук. Там что-то есть.
- Что? И ты действительно считаешь, что тебя здесь что-то ждет? Подумай хорошенько. Твоя шоколадная лавка? Тьерри вышвырнет вас на улицу к Пасхе. Как и всякий самодовольный человек, он мстителен. Через четыре месяца вы окажетесь там же, с чего и начали, все трое, без гроша в кармане и снова на дороге. Ты думаешь, с тобой останется Вианн? Не останется, ты и сама это понимаешь. У нее не хватает мужества даже самой собой стать, не говоря уж о том, чтобы быть тебе достойной матерью. Думаешь, Ру будет с тобой? Можешь на это не рассчитывать. Он из них самый большой лжец. Попроси-ка Ру показать вам его судно. Попроси его показать это драгоценное судно...

Но я теряю ее, теперь я отчетливо понимаю это. Она смотрит на меня, и в глазах ее нет страха. Зато там есть нечто такое, что я даже определить

не в силах...

Жалость? Нет. Она бы не осмелилась.

- Тебе, должно быть, очень одиноко, Зози.
- Одиноко? зарычала я.
- Одиноко быть такой, как ты.

Я издала безмолвный вопль гнева. Это охотничий клич Ягуара, Черного Тескатлипоки в самом жутком его обличье. Но эта девочка и глазом не моргнула. Наоборот, улыбнулась и взяла меня за руку.

— Вон сколько сердец ты уже собрала, — сказала она, — а своего собственного сердца у тебя как не было, так и нет. Я тебе для этого понадобилась? Чтобы больше не быть такой одинокой?

Я смотрела на нее с негодованием, утратив дар речи. Разве крысолов крал детей во имя любви? Разве Большой Злой Волк соблазнял Красную Шапочку из нелепого желания обрести друга? Я — Пожирательница Сердец, глупая ты девчонка! Я — Страх Смерти, я — Злая Ведьма, я — самая мрачная из всех волшебных сказок, и не смей меня жалеть!..

Я оттолкнула ее. Никуда она со мной не пойдет. Она снова потянулась к моей руке, и я вдруг — не спрашивайте почему — почувствовала страх...

Можете назвать это предчувствием, если угодно. Можете назвать это нервным срывом, который был вызван сильнейшим возбуждением, выпитым шампанским и чрезмерным количеством пульке. Но я вдруг вся покрылась холодным потом; дыхание остановилось в моей груди. Пульке — напиток непредсказуемый; некоторым он дает повышенную бдительность, посылает видения, которые могут быть весьма четкими, но могут, впрочем, и до бреда довести, могут заставить совершать всякие необдуманные поступки, например значительно больше, чем это допустимо, приоткрыть свою душу, что весьма небезопасно для таких, как я.

Теперь я понимала, в чем дело, понимала, что в стремлении забрать себе это дитя я где-то совершила промах, показала свое истинное лицо, и внезапно осознанная мною интимность подобных отношений тревожила меня теперь, терзала, точно голодный пес, но так и не находила выражения в словах.

— Да отцепись ты!

Анук молча улыбнулась.

И тут меня охватила настоящая паника, я изо всех сил оттолкнула ее, она поскользнулась и упала навзничь на снег. Но даже и в эту минуту я чувствовала на себе ее взгляд, исполненный жалости...

Бывают времена, когда даже лучшие из нас вынуждены все разом

оборвать и бежать. Ничего, будут и другие, говорю я себе; будут новые города, новые соперники, новые поединки и новые подарки. Но сегодня мне никого не удастся включить в свою коллекцию.

Себя бы не потерять.

И я бегу, почти вслепую, сквозь этот снег, оскальзываясь на булыжной мостовой. Я больше ни о чем не думаю, я просто спешу как можно скорее убраться отсюда и отдаюсь на власть того ветра, что дует с Холма, поднимаясь над Парижем, точно завиток черного дыма, и направляясь — кто знает куда...

24 декабря, понедельник Сочельник, 23 часа 35 минут

Я приготовила целый котелок горячего шоколада. Я всегда так делаю в стрессовых ситуациях; а та небольшая сцена, что разыгралась перед нашим магазином, потрясла далеко не меня одну. Должно быть, во всем виноват свет, сказал Нико, этот странный свет, который возникает, когда выпадет первый снег, а может, мы просто слишком много выпили или переели...

Пусть себе верит, во что хочет. И остальные тоже. А я отвела дрожащую Анук в тепло и налила в ее любимую кружку горячего шоколада.

— Осторожней, Нану, — предупредила я. — Он горячий.

Прошло уже четыре года с тех пор, как она в последний раз пила мой горячий шоколад. Но на этот раз она выпила его без малейших возражений. Завернутая в одеяло, она уже почти засыпала, а потому и не смогла сразу рассказать нам, что видела в те несколько минут, которые провела там, на площади, под снегом, как не смогла и объяснить внезапного исчезновения Зози. И не сказала мне, почему под конец их беседы с Зози мне казалось, что голоса их доносятся откуда-то издалека.

А Нико кое-что нашел на улице.

— Эй, люди! Она потеряла туфельку. — Он потопал ногами, отряхивая с ботинок снег, и поставил эту туфельку между нами на стол. — О! Шоколад! Отлично!

Он налил себе щедрую порцию.

Между тем Анук взяла туфельку в руки. Одна-единственная туфелька из претенциозного красного бархата, с наборным каблуком, с открытым носком, вся прошитая всевозможными чарами и заклятиями — самая подходящая обувь для авантюристки в бегах...

«Попробуй, примерь меня», — словно говорит она. *Попробуй. Примерь*.

На мгновение брови Анук сдвигаются. Потом она бросает туфельку на пол.

— Разве ты не знаешь, что это очень плохая примета — ставить туфли на стол?

Я прикрываю лицо рукой, чтобы скрыть улыбку.

— Уже почти полночь, — говорю я ей. — Ты как, готова посмотреть свои подарки?

К моему удивлению, Ру качает головой.

- Я чуть не забыл. Уже так поздно. Но если мы поторопимся, то как раз успеем.
 - Куда успеем?
 - Это сюрприз, говорит Ру.
 - Это лучше, чем подарки? осведомляется Анук.

Ру усмехается:

— Тебе придется сперва посмотреть, а потом решать.

24 декабря, понедельник Сочельник. Полночь

До Арсенального порта от площади Бастилии десять минут пешком. Мы сели на один из последних поездов метро, прибывший буквально за десять минут до полуночи. Небо к этому времени почти полностью расчистилось, и мне даже видны звездные кусочки, а облака по краям светятся оранжевым и золотистым. В воздухе чувствуется слабый запах дыма, а в призрачном мерцании только что выпавшего снега бледные шпили Нотр-Дам едва виднеются, хотя до них не так уж и далеко.

— Что мы тут делаем? — спросила я.

Ру улыбнулся и приложил палец к губам. Он нес Розетт, которая выглядела вполне бодрой и смотрела по сторонам широко раскрытыми от любопытства глазами с возбужденным интересом ребенка, которому на самом деле давно пора спать и он наслаждается каждой минутой этого запретного времени. Анук тоже, казалось, вполне стряхнула с себя сон, хотя какое-то напряжение все еще таилось в ее чертах, и это заставляло меня думать, что случившееся на площади Фальшивомонетчиков — что бы это ни было — бесследно для нее не прошло. Большая часть наших гостей осталась на Монмартре, но Мишель пошла с нами, хотя вид у нее такой, словно она боится, что кто-нибудь непременно скажет ей, что она не имеет на это никакого права. Она то и дело касается моей руки — словно случайно, или гладит Розетт по голове, а потом сразу смотрит на свои руки, как будто ожидая увидеть там какую-то метку или пятно, которые доказали бы ей, что все это происходит в действительности.

— Ты не хочешь понести Розетт?

Мишель молча качает головой. Я почти ни слова не слышала от нее с тех пор, как сказала, кто я такая. Тридцать лет тоски и страстного желания придали ее лицу вид вещи, которую слишком часто складывали и мяли; улыбка этому лицу, похоже, не знакома, и теперь она словно примеряет ее,

как примеряла бы новое платье, которое, как она почти уверена, ей совершенно не подойдет.

— Тебя всегда пытаются подготовить к утрате, — говорит она. — Но никому и в голову не приходит, что человека нужно готовить и к чему-то совершенно противоположному.

Я киваю.

— Я понимаю. Ничего, мы справимся.

Она улыбается, и на этот раз улыбка у нее получается гораздо лучше, чем прежде, даже глаза на мгновение загораются.

— Я думаю, да, справимся, — говорит она и берет меня за руку. — У меня уже такое семейное ощущение...

Как раз в эту минуту и прозвучали первые залпы фейерверка. Россыпь огней, похожих на хризантемы, вспыхнула над рекой. Второй букет расцвел чуть дальше, затем еще один, и еще, изящными зелеными и золотистыми дугами и арабесками исчеркав небо над Сеной.

— Полночь. Счастливого Рождества! — сказал Ру.

Огни фейерверка расцветали в небе почти бесшумно, приглушенные расстоянием и снегом. Фейерверк продолжался еще минут десять — яркая паутина светящихся следов ракет, хвостатых комет, ярких букетов, ослепительных вспышек синего и серебряного, алого и розового огня; огни словно звали и манили друг друга — от Нотр-Дам до площади Согласия.

Мишель смотрела на фейерверк, и лицо ее было спокойно, освещенное не только вспышками праздничных огней. Розетт жестикулировала с бешеной скоростью, захлебываясь от восторга; Анук смотрела на фейерверк с неким мрачноватым наслаждением.

- Вот это самый лучший подарок! воскликнула она под конец.
- Есть и еще один, сказал Ру. Пойдемте-ка со мной.

Мы спустились по бульвару Бастилии к Арсенальному порту, где стоят на якоре суда всех размеров — стоят в полной безопасности, надежно укрытые от бурной и быстрой Сены с ее вздорным характером.

— Она сказала, что никакого судна у тебя нет.

Впервые после случившегося напротив «Шоколада Роше» Анук упомянула Зози.

Ру усмехнулся.

— А ты сама посмотри.

И он указал ей в сторону моста Морлан.

Анук даже на цыпочки привстала, широко раскрыв глаза.

- И которое из них твое? жадно спросила она.
- Неужели не можешь догадаться? не поверил Ру.

У пирсов Арсенального порта стоят и куда более импозантные суда Порт принимает яхты до двадцати пяти метров в длину, а это суденышко было чуть ли не в два раза меньше. Даже отсюда мне было видно, какое оно старое, построенное скорее для комфортного плавания, чем для скоростного. И форма у него весьма старомодная, не такая обтекаемая, как у его соседей, и корпус сделан из настоящего дерева, а не из современного фибростекла

И все же плавучий дом Ру сразу выделялся среди всех остальных. Даже с такого расстояния видно, что есть что-то особенное и в его форме, и в ярко раскрашенном корпусе, и в цветочных горшках на корме, и в стеклянной крыше, сквозь которую можно смотреть на звезды...

- Вон то твое? спрашивает Анук.
- Тебе нравится? Есть и еще кое-что. Подождите немного.

И Ру бегом спускается по лестнице к причалу и взбегает на пришвартованное у моста судно.

На мгновение он пропадает из виду. Затем где-то на мачте вдруг вспыхивает огонек. Это он зажег свечу. Огонек движется, и вскоре все судно оживает — свечи одна за другой зажигаются на палубе, на крыше, на поручнях, на каждом выступе от носа до кормы. Десятки — а может, и сотни — свечей сияют в вазах, в цветочных горшках, на блюдцах, в жестянках из-под консервов, и в итоге весь плавучий дом Ру начинает светиться, как именинный торт, и теперь нам уже хорошо видно то, чего мы раньше в темноте не заметили: навес, окно, вывеску на крыше...

Ру энергично машет нам, зовет подойти поближе. Анук не бежит, а держит меня за руку, и я чувствую, что она вся дрожит. И меня ничуть не удивляет, когда я замечаю, что за нами по пятам следуют Пантуфль и кто-то еще, длиннохвостый и прыгучий, без конца передразнивающий Пантуфля, но ни на шаг от него не отстающий.

— Нравится вам? — спрашивает Ру.

Пока что с нас довольно и свечей; это настоящее маленькое чудо, отраженное в спокойной воде тысячью крошечных светящихся точек. Глаза Розетт полны этими огоньками, а Анук, не выпуская моей руки, смотрит на них и протяжно, устало вздыхает.

— Как красиво! — говорит Мишель.

И это действительно прекрасно. Но мало того...

— Это ведь chocolaterie, верно?

Ну конечно! Я вижу, что это так и есть. И эта вывеска над дверью (пока пустая), и эта маленькая витрина, в которой отражаются ночные

огни, свидетельствуют о том, что здесь предполагали устроить. Я даже и представить себе не могу, сколько времени понадобилось Ру, чтобы создать это маленькое чудо, — сколько времени, и труда, и любви может потребовать осуществление такой затеи...

Он смотрит на меня — руки в карманах, в глазах легкое беспокойство.

— Я купил сущую развалину, — говорит он. — Осушил, привел в порядок. Все это время только над ней и трудился. И еще почти четыре года долги выплачивал. Но я всегда думал, что, может быть, когда-нибудь...

Мои губы не дают ему закончить эту фразу. От него пахнет краской и пороховым дымом. И повсюду вокруг нас горят свечи, и Париж так и светится под снегом, и последние «неофициальные» залпы фейерверка замирают вдали где-то за площадью Бастилии, и...

— Эй, вы, двое! Подвиньтесь-ка! — говорит Анук.

И у нас обоих настолько перехватывает дыхание, что мы не в силах ей ответить.

Сейчас под мостом Морлан тихо; мы лежим, глядя, как догорают свечи. Мишель спит на одной койке, Розетт и Анук — на второй, укрытые красным плащом Анук. А Пантуфль и Бам стоят на страже и отгоняют от них дурные сны.

Над нами, в нашей собственной спальне, стеклянная крыша, и сквозь нее видно небо, широкое, апокалиптическое, усыпанное звездами. Вдали слышится шум транспорта на площади Бастилии, но его вполне можно принять за шум морского прибоя.

Я знаю, это всего лишь дешевая магия. Жанна Роше ее бы не одобрила. Но это наша магия, моя и его, и на губах у него вкус шоколада и шампанского, и мы наконец выскальзываем из одежды и сплетаемся телами под одеялом из звезд.

А над водой звучит музыка, и я почти узнаю эту мелодию.

V'là l'bon vent, v'là l'joli vent...

И не слышно даже дыхания ветерка.

ЭПИЛОГ

25 декабря, вторник Рождество

Еще один день, еще один подарок. Еще один город раскрывает мне свои объятия. Ну что ж, Париж для меня несколько утратил новизну, а Нью-Йорк в это время года я просто обожаю. Жаль, конечно, что Анук нет со мной. Ладно, запишем эту неудачу в копилку собственного опыта.

Что же до ее матери — ну, ей-то шанс был предоставлен. У меня, впрочем, останется, наверное, некий неприятный осадок. Особенно постарается Тьерри со своими обвинениями в воровстве, но я не думаю, что его шансы на успех так уж высоки. Кража личностей в наши дни — дело в высшей степени обычное. И он, как мне представляется, скоро в этом убедится, особенно когда заглянет в отчет о состоянии своих банковских вкладов. Что же касается Франсуазы Лавери, то слишком многие могут поклясться, что в то время Вианн Роше находилась у себя на Монмартре.

Между тем мне пора на новые пастбища. В Нью-Йорке огромное количество корреспонденции, знаете ли; и разумеется, значительная ее часть остается невостребованной. Имена, адреса, кредитные карты — не говоря уж о банковских данных, последних суммах, снятых со счета, пропусках в гимнастические залы, разнообразных резюме, — короче, все те мелочи, которые и составляют вашу жизнь, только и ждут, чтобы с них собрал урожай кто-нибудь достаточно предприимчивый...

Кто я теперь? Кем я могу стать? Я могу стать любым человеком, с которым вы встретитесь на улице. Я могу стоять за вами в очереди к кассе супермаркета. Я могу оказаться вашей лучшей подругой. Я могу быть кем угодно. Я могу стать даже вами...

Не забывайте, я свободный дух...

И лечу, куда понесет меня ветер.

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Хочу еще раз от всего сердца поблагодарить всех, кто помогал этой книге на ее долгом пути — от первых шагов до умения ходить на каблуках. Огромное спасибо Серафине Кларк, Дженнифер Луитлен, Бри Буркман и Питеру Робинсону, а также моему замечательному издателю Франческе Ливерсидж, художнице Клэр Уорд зa ee прекрасную потрясающему рекламному агенту Луизе Пейдж-Ланд и всем моим друзьям из «Трансуорлд», Лондон. Я также очень благодарна Лауре Гранди Дженнифер Брель, Лизе Галлахер и многим другим Милана, сотрудникам «Харпер/Коллинз», Нью-Йорк. Спасибо моему пресс-агенту Анне; Марку Ричардсу — за руководство моим веб-сайтом; Кевину — за руководство всем на свете; а также Анушке за чудные тортильи и за «Убить Билла»; Джулз, ее злой тетке, и Кристоферу, «нашему человеку в Лондоне». Особая благодарность Мартину Майерсу, суперрепортеру, который спас мое душевное здоровье в минувшее Рождество, и всем прочим верным и библиотекарям репортерам, продавцам книг, читателям, благодаря которым мои книги все еще стоят на полке.

notes

Примечания

День мертвых (исп.).- Здесь и далее примечания переводчика.

Лови день (лат.).

Красный Крест (фр.).

Закрыто в связи с похоронами (фр.).

Холм, пригорок (фр.).

Блинная (фр.).

Название «Крошка зяблик» («Le P'tit Pinson», букв.: «маленький зяблик») образовано от фамилии владельца бара Лорана Пансона, о котором речь пойдет далее.

Площадь Фальшивомонетчиков (фр.).

Кондитерская (фр.).

Хлеб мертвого (исп.).

Миктекасиуатль — в мифологии индейцев Центральной Америки жена бога смерти и подземного мира Миктлантекутли.

Вот снова дует добрый ветер, веселый ветер... (фр.)

Блошином рынке (фр.).

Вот снова дует добрый ветер, веселый ветер, Мой милый друг меня зовет... (фр.)

Блинный пирог по-королевски (фр.).

Квартале (фр.).

Дежурное блюдо (фр.).

Коврижку (фр.).

Тескатлипока («дымящееся зеркало») — в мифологии индейцев Центральной Америки божество, вобравшее в себя черты многих древнейших богов, в том числе бога грозы и ветра Хуракана. Он выступает в качестве бога ночи, покровителя разбойников и колдунов, олицетворяет зиму, север и ночное небо. Его двойник — ягуар. Тескатлипока считается как благодетельным, так и зловредным божеством: он и творец мира, и его разрушитель; он судья, видящий все в ночи, и мститель за все злое, вездесущий и беспощадный. Исходно он был, видимо, хтоническим богом подземных сил и вулканов. Изображается с черным лицом (в качестве бога ночи), на которое иногда наносятся желтые поперечные полоски или пятна (как на шкуре ягуара). Его символ — зеркало с завитком дыма, в котором он может видеть все на свете. Иная его ипостась — красный Тескатлипока, слившийся с ним в процессе синкретизации с Шипе-Тотек, ацтекским божеством весенней растительности и посевов.

Элгар Эдуард(1857-1934) — английский композитор, деятель движения за возрождение традиций английской народной и старинной профессиональной музыки.

Моро Жанна (р. в 1928) — знаменитая французская актриса, снималась в фильмах Антониони, Трюффо, Маля, Бунюэля и др. Далее упоминается фильм Трюффо «Жюль и Джим» (1962 г.).

Спасибо, удачного дня (фр.).

Свиной окорок с жареной картошкой (фр.).

Приятель (фр.).

Свинина с картофелем и кислой тушеной капустой (фр.).

Вот снова дует добрый ветер, веселый ветер, / Мой милый друг меня зовет./ Вот снова дует добрый ветер, веселый ветер, / И милый снова меня ждет (фр.).

Белот — карточная игра.

Бонд-стрит — одна из главных торговых улиц Лондона.

Аватара — в древнеиндийской мифологии нисхождение божества на землю, его воплощение в смертное существо ради «спасения мира». Например, Будда есть аватара Вишну, одного из высших богов индуизма.

Девочка, юная девица (фр).

Бифштекс с жареной картошкой (фр.).

Шочипилли (Кочипилли) — «Повелитель цветов», бог музыки и красоты, брат-близнец Шочикецаль, богини любви и цветов. Несмотря на свой добрый нрав и положительные обязанности, Шочипилли всегда изображается с черепом в руках. Впоследствии Шочипилли и Шочикецаль стали ассоциироваться с центральными богами пантеона — богом-творцом Кецалькоатлем и богом неба и солнца Уицилопочтли.

Мурано— пригород Венеции, славящийся своими изделиями из стекла и хрусталя.

Крик кошки (фр.).

Синтеотль («бог кукурузы» или «толстый бог») — ацтекское божество, сын Тласольтеотль и муж Шочикецаль, почитался всеми народами Центральной Америки. Его мать, богиня Тласольтеотль, — одно из древнейших божеств, богиня земли и плодородия, владычица ночи; известна под многочисленными иными именами, в том числе под именем Госпожа Кровавая Луна. В годы засухи Тласольтеотль приносили в жертву мужчину — привязывали к столбу и метали в него дротики; его капающая кровь символизировала дождь.

Хуракан («одноногий») одно из главных божеств индейцев Центральной Америки, творец и повелитель мира, владыка грозы, ветра и ураганов, отчасти сливается с образом Тескатлипоки.

Пустой, ребяческий (фр.).

«Небесный миндаль», название шоколадной лавки в Ланскне (фр.).

Игра в шары, особенно популярная на юге Франции.

Булочная (фр.).

Вот дерьмо, дождь вдет! (фр.)

«Черноногий» (фр.) — презрительная кличка, которую французы дали выходцам из Северной Африки, в основном из Алжира.

Букв.: «медовых месяцев» (фр.).

Здесь: шоколадница, хозяйка шоколадной лавки (фр.).

Roux (фр.) — рыжий.

Эекатль — бог ветра, ипостась Кецалькоатля, одного из трех главных божеств индейцев Центральной Америки, творца мира, создателя человека и культуры, владыки стихий.

Пуф с виниловым покрытием, набитый мелкими «бобами», пластиковыми шариками, который принимает форму сидящего человека.

Персонаж книги Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

Тлалок («заставляющий расти») - в мифологии ацтеков бог дождя и грома, а также всех съедобных растений.

Сторож (фр.).

Далида — знаменитая французская певица, родившаяся в Алжире; пик ее популярности приходится на 60-е годы прошлого века.

Пудровой бумаги (фр.).

Сильвия Плат (1932-1963) — американская поэтесса, трагическая лирика которой проникнута идеями неприятия ценностей потребительского общества.

На самом деле Сократ принял яд цикуты.

Старому Парижу (фр.).

Гусиной печенкой (фр.).

Подливкой (фр.).

Фигурный торт (фр.).

Осирис — в египетской мифологии бог производительных сил природы и загробного мира.

Митра — древнеиранский и древнеиндийский мифологический персонаж, связанный с идеей договора, а также выступающий как бог солнца.

Шоколадки с мягкой начинкой (фр.).

В промасленной бумаге (фр.).

Главное блюдо (фр.).

Малым кроншнепом (фр.).

Полусладкое вино с бархатистым вкусом.

За отсутствующих...

Liaison (фр.) — фонетическое соединение слов и слогов за счет выпадения гласных.

«2CV», «deux cheveaux» (фр.) — букв, «две лошади», расхожее название старого «ситроена».

День взятия Бастилии, национальный праздник Франции.

Коатликуэ («она в платье из змей») — в мифологии ацтеков богиня земли и смерти, мать бога солнца Уицилопочтли.